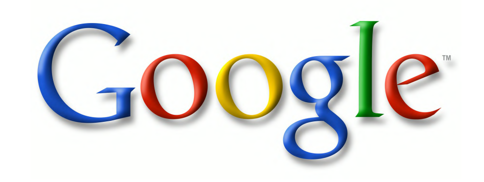

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ДРЕВНОСТИ

ТРУДЫ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Изданные подъ редакціею

М. В. Довнаръ-Запольскаго,

дѣйствительнаго члена Общ. и секретаря Археографической Коммиссіи.

ТОМЪ ВТОРОЙ

Выпускъ второй.

МОСКВА

ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

Остоженка, Савеловскій пер., соб. д.

1902

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
П. И. Ивановъ. Поземельные союзы и передѣлы въ XVII в. у свободныхъ и владѣльческихъ крестьянъ	193 — 278
Ю. В. Татищевъ. Къ исторіи управленія В. Н. Татищевымъ Оренбургской экспедиціей (1737—1739 г.г.)	279 — 294
А. Сапуновъ. Архивъ Полоцкой духовной консисторіи	295 — 312
Онъ же. Архивы въ г.г. Могилевѣ губ. и Минскѣ	313 — 320
Л. Д. Воронцова. Рукописи Серпуховского Высоцкаго монастыря	321 — 348
Дм. И. Довгялло. О состояніи архива бывшей Лепельской думы и Сиротскаго суда съ начала ихъ существованія до 1859 года (включительно)	349 — 354
Онъ же. Архивъ Лепельской уѣздной полиціи	355 — 358
Онъ же. Отчетъ за 1900 годъ	359 — 366

ЗАМѢТКИ, ИЗВѢСТІЯ и МАТЕРІАЛЫ.

	Стран.
Денисовскій архивъ, принадлежащій Н. А. Егорову (въ Таганрогѣ) **А. М. Савелова**	367 — 373
Опись Сійскаго монастыря 1598 года и лѣтописныя замѣтки. **П. И. Иванова**	373 — 384

Протоколы Археографической Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Протоколы засѣданій (22—41)	385 — 408

Печатано по опредѣленію ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Поземельные союзы и передѣлы на сѣверѣ Россіи въ XVII в. у свободныхъ и владѣльческихъ крестьянъ.

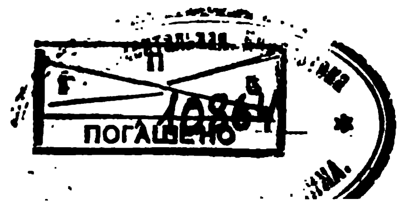
I.

Положеніе вопроса въ литературѣ. Постановка вопроса.

Чѣмъ была современная община въ прежнее время? Изъ какихъ организацій она развилась или какія формы поземельныхъ отношеній ей предшествовали? Создалась-ли она путемъ естественнаго необходимаго роста этихъ организацій изъ самихъ себя, или, утративши непосредственную генетическую связь съ ними, создалась подъ вліяніемъ какихъ нибудь внѣшнихъ постороннихъ процессовъ? Вотъ вопросы, которые ставитъ каждый интересующійся судьбами русскаго крестьянства. Съ того времени, какъ общину считали самобытнымъ проявленіемъ русскаго народнаго духа и видѣли въ ней надежду политическаго и экономическаго преуспѣянія Россіи, до того времени, какъ она превратилась въ глазахъ однихъ въ необходимую форму владѣнія и общественныхъ отношеній на опредѣленной ступени экономическаго развитія каждаго народа, и въ глазахъ другихъ въ продуктъ государственно-финансоваго творчества, и въ силу этого утратила для многихъ прежнее обаяніе, осуждена была ими на разложеніе, какъ всякая временная преходящая организація; вопросъ объ исторіи и происхожденіи ея не сходилъ со сцены и не считался и не считается до сихъ поръ закрытымъ и вполнѣ разрѣшеннымъ. Изслѣдованія лучшихъ современныхъ знатоковъ русской исторіи доказали, въ какой степени непримиримы посылки и предположенія современной науки по этому вопросу [1]). Узелъ его лежитъ въ исторіи сѣверныхъ крестьянъ, которые, по общему предположенію, подверглись въ меньшей степени, чѣмъ крестьяне средней и южной Россіи вліянію внѣшнихъ постороннихъ факторовъ; поэтому формы ихъ жизни отличались наибольшею устойчивостью и малоподвижностью. Поэтому и дошедшіе до насъ факты о нихъ позволяютъ съ большею, чѣмъ матеріалъ, дошедшій изъ другихъ мѣстъ, вѣроятностью заключить о первоначальныхъ поземельныхъ отношеніяхъ. Имѣя въ виду литературныя рѣшенія вопроса, мы, какъ замѣчено выше, можемъ сказать, что эти надежды пока еще далеко не оправдались: мало того, что не разрѣшенъ вопросъ о первоначальныхъ формахъ землевладѣнія и землепользованія и не установлена окончательно генетическая связь между старыми поземельными отношеніями и современною господствующею формою ихъ, но даже нельзя считать закрытымъ предварительнаго вопроса: какія формы землевладѣнія были у крестьянъ въ XVI—XVII в., т. е. въ то время, отъ котораго мы имѣемъ наибольшее количество матеріала. Въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ литературныя и общественныя симпатіи раздѣляются между двумя теоріями: волостною и задружною. Первая видитъ въ сѣверной волости не только XVII в., но и настоящаго времени, остатокъ первоначальной поземельной общины, въ основѣ которой лежала родовая кровная связь, уступившая со временемъ мѣсто договорнымъ отношеніямъ. Волости были союзами поселеній, связанныхъ общимъ владѣніемъ землею; одними изъ такихъ земель и угодій: лугами, пастбищами, лѣсами, мѣстами охоты, залежами руды, волоками, перевозами, озерами, рѣками — волостные крестьяне пользовались сообща, каждый въ размѣрахъ своихъ нуждъ и потребностей. Другія — поля и усадьбы — находились въ отдѣльномъ пользованіи. По отношенію къ послѣднимъ роль общины заключалась въ наиболѣе равномѣрномъ распредѣленіи ихъ по дворамъ пропорціонально силамъ каждаго изъ нихъ. Въ отличіе отъ Бѣляева, эта теорія признаетъ, что всѣ ограниченія отдѣльнаго пользованія явились не сами собою вмѣстѣ съ общиною, а со временемъ подъ давленіемъ такихъ условій, какъ: увеличеніе населенія и уменьшеніе свободной земли; прежде, когда земли было много, а людей мало, каждый пользовался ею гдѣ хотѣлъ и какъ хотѣлъ; община — волость имѣла право на всѣ находящіяся въ ея границахъ земли и угодья, могла даже лишить крестьянина его участка, но это была скорѣе потенціональная, чѣмъ дѣйствительная, власть.

Общины представляли нѣсколько разновидностей: въ однѣхъ земля дѣйствительно принадлежала цѣлой во-

[1]) Ср. *Милюковъ*. „Спорные вопросы“ 25 и „Очерки по исторіи Русской культуры“ 187—189. Съ Лаппо-Данилевскимъ: „Организація прямого обложенія“, 76—89.

лости, въ другихъ—группѣ поселковъ, изъ которыхъ одно село было главнымъ, остальныя тянули къ нему; наконецъ, нѣсколько деревень безъ центральнаго села могли составить общину. Далѣе: внутри волостной общины могли быть союзы нѣсколькихъ поселковъ, соединенныхъ между собою общиннымъ пользованіемъ какою либо частью угодья, въ которомъ не участвовали остальныя селенія. Наконецъ, двѣ волостныя общины иногда стояли въ федеративной связи другъ съ другомъ.—Указанная волостная организація до XVII в. выжила только на сѣверѣ. Въ средней Россіи вотчина и помѣстье раздробили ее на деревни, не имѣвшія между собою никакой имущественной связи; къ этой деревнѣ перешли отъ волости всѣ общинные порядки [2]).

Я бы хотѣлъ остановить вниманіе читателя на приведенной схемѣ общинъ: при нашихъ послѣдующихъ наблюденіяхъ, мы убѣдимся, что она можетъ быть принята, правда, съ очень существенными оговорками; но здѣсь важны не детали вопроса а общая мысль во первыхъ о разновидностяхъ и группировкахъ союзовъ и во вторыхъ о видоизмѣненіяхъ ихъ подъ вліяніемъ вотчинника. Что касается до объема правъ общины, то благодаря прочно устанавливающемуся въ литературѣ взгляду на крестьянъ XVI—XVII в., какъ на владѣльцевъ свободно и неограниченно распоряжавшихся своею землею, свойственныя приведенной теоріи категорическія заявленія о неограниченной власти міра надъ земельнымъ имуществомъ своихъ членовъ замѣняются болѣе умѣренными. По мнѣнію Владимірскаго Буданова, на сѣверѣ въ XIV—XV в. поземельныя общины существовали повсюду. Но въ теченіи московскаго періода права общины дѣлаются все уже и уже; тѣмъ не менѣе и въ XVII в. волость не теряетъ права собственности на земли; только отношеніе къ этимъ землямъ двоякое: въ непосредственномъ пользованіи и распоряженіи находятся лишь земли некультурныя и запущенныя и очень рѣдко обработанныя. Послѣднія въ этомъ случаѣ волость иногда періодически передѣляетъ, распредѣляетъ между членами, въ большинствѣ же случаевъ отдаетъ ихъ въ наслѣдственное пользованіе частнымъ лицамъ, которые и имѣютъ права распоряженія участками.

Открытіе такъ называемаго судебника царя Ѳедора Ивановича 1589 г. позволило автору присоединить къ своей волостной теоріи данныя теоріи задружной: „по мѣрѣ разрушенія высшихъ общинъ (волостей), постепенно на первый планъ выступаютъ меньшія,—бывшія составными частями волости, а именно: села или деревни родовыя общины—дворы (печища) и товарищества“. Это, какъ мы увидимъ, уже не первая попытка примиренія двухъ теорій: волостной и задружной; она отличается отъ другихъ лишь тѣмъ, что теорія товариществъ и печищъ строится ею на основаніи опубликованнаго мате-

[2]) *Соколовскій*: „Очерки исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“ 80—87, 130—161.

ріала [3]). Такимъ образомъ по разбираемой теоріи знач
тельная часть обработанныхъ земель подлежитъ пра
распоряженія не волости, а отдѣльныхъ владѣльцевъ
не можетъ быть отобрана отъ нихъ.—Другіе изслѣдоі
тели дѣлаютъ еще болѣе рѣшительный шагъ въ сторо
взглядовъ Чичерина, не только отказываясь совершен
отъ признанія за волостью какихъ бы то нибыло пра
на культурные участки отдѣльныхъ хозяевъ но да
(чего не дѣлаетъ и Чичеринъ) признавая ихъ собстве
никами этихъ участковъ [4]). Въ отличіе отъ предшеств
ющей теоріи, эта видитъ двухъ субъектовъ владѣнія
собственности на два различные рода земель: во влад
ніи или собственности волости оставалось только то, ч
не освоено отдѣльными крестьянами; всѣмъ этимъ і
лость распоряжается непосредственно сама; она набл
даетъ, чтобы никто посторонній не осваивалъ ихъ бе
ея вѣдома и согласія, и такимъ образомъ контролируе
устройство заимокъ. Культурныя земли находятся
собственности отдѣльныхъ крестьянъ.

Такое измѣненіе взгляда на объемъ власти общи
отчасти обусловлено почти совершеннымъ отсутствіе
матеріала, безспорно доказывающаго наличность у і
лости такихъ правъ, которыхъ бы нельзя было об
яснить изъ тяглыхъ отношеній. Существованіе перед
ловъ подвергнуто сомнѣнію вслѣдствіе того, что в
имѣвшіяся въ рукахъ данныя о нихъ относились къ во
чинной средней Россіи; а наличность неограниченна
права распоряженія у сѣверныхъ крестьянъ препятств
вала принять положенія, выработанныя на основаі
этихъ документовъ. На эту сторону волостной теоріи
была главнымъ образомъ направлена критика ея оп
нентовъ, выдвинувшихъ на мѣсто хозяйственной общин
общину тяглую, какъ союзъ, связывающій отдѣльны
совершенно независимыхъ другъ отъ друга хозяевъ,
тягло, какъ начало, цементирующее ихъ.

Значительно выяснивши степень доказательности до
довъ и аргументацій общинниковъ, задружная тео
сама тѣмъ не менѣе далеко не вполнѣ разъяснила хара
теръ имущественныхъ отношеній между волостью и к
стьяниномъ. Ея положительная заслуга заключается
прекрасномъ анализѣ дворовыхъ и деревенскихъ отно
ній; выводы же изъ нихъ къ первоначальной элементар
клѣточкѣ поземельныхъ организацій, точно также, ка
построеніе общей системы поземельныхъ отношеній
сѣверѣ XVI—XVII в. нуждаются въ значительной п
вѣркѣ. На первомъ мѣстѣ изъ представителей задружн
теоріи надо, конечно, поставить лучшаго знатока исто
сѣвернаго землевладѣнія г-жу А. Ефименко. Заявле
автора, что у нея въ рукахъ „были сотни актовъ, і
торые не только свидѣтельствуютъ о существованіи
ревни, какъ обособленной поземельной единицы, по дак
очень детальное представленіе объ ея организаціи, и

[3]) *Владимірскій-Будановъ*. „Обзоръ исторіи Русскаго пра
изд. 3, 1900 г. 546 и слѣд., 144.

[4]) *Сергѣевичъ*. Юридическія древности I т. 215—222.

одного акта, который бы указывалъ на существованіе болѣе обширной поземельной единицы—волости", позволяетъ, такъ сказать, объективно опредѣлить объемъ вопросовъ, которые должны быть документально рѣшены авторомъ, это — организація деревни. Что касается до другихъ союзовъ, то во первыхъ, отсутствіе документовъ въ рукахъ автора не говоритъ еще и за отсутствіе организацій большихъ, чѣмъ деревня и во вторыхъ теорія союзовъ, представленная имъ, благодаря сознаваемому имъ самимъ недостатку памятниковъ должна считаться не менѣе гипотетичною, чѣмъ построеніе волостной теоріи. Тѣмъ не менѣе авторъ не удержался въ границахъ, указанныхъ ему памятниками. Сдѣлавши предположеніе, что его источниками (къ несчастію, такъ и оставшимися неизвѣстными) исчерпывается весь матеріалъ, какой только могла дать исторія сѣвернаго землевладѣнія, онъ строитъ теорію происхожденія всѣхъ поземельныхъ организацій сначала для сѣвера, а впослѣдствіи распространяетъ свои выводы и на остальную Россію,—отрицаетъ существованіе большихъ, чѣмъ деревня, поземельныхъ союзовъ, наконецъ, указываетъ дальнѣйшую судьбу найденной имъ (на сѣверѣ) долевой деревенской организаціи. Исходный моментъ поземельной организаціи—сложная семья,—задруга, печище—дворъ, состоящій изъ родственниковъ нѣсколькихъ поколѣній, сообща владѣющихъ землею и ведущихъ хозяйство. Этому двору принадлежитъ все, что онъ успѣвалъ трудомъ отвоевать у природы. Печище путемъ раздѣла разросталось въ деревню или поселокъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ дворовъ. Но и послѣ раздѣла члены деревни не утрачивали ни сознанія своей связи между собою, ни даже хозяйственнаго единства. Каждый изъ нихъ при раздѣлѣ получалъ изъ обще-семейнаго имущества долю, на какую имѣлъ право, смотря по своей близости къ главѣ семьи; эти доли и послѣ раздѣла въ понятіи ихъ обладателей не составляли самостоятельнаго цѣлаго: онѣ только части общаго единаго прежняго печища теперешней деревни. Мало того: „дѣлежъ не разбивалъ этого цѣлаго безповоротно: каждый, кто находилъ, что его участокъ не соотвѣтствуетъ его праву, его идеальный долѣ, могъ требовать уравненія, передѣла". Владѣлецъ доли имѣлъ всѣ права распоряженія, и, отчуждая свою долю, переносилъ на пріобрѣтателя всѣ права, какія самъ имѣлъ; такимъ образомъ посторонній, вошедшій путемъ сдѣлки въ среду деревенскихъ жильцовъ, дѣлался естественнымъ замѣстителемъ стараго члена печища; и, какъ и послѣдній, могъ требовать передѣла. Если въ родственную схему вложить посторонніе элементы... получается въ этомъ обычаѣ (передѣловъ), прототипъ общиннаго передѣла". Происхожденіе деревни изъ двора и долевое дѣленіе земель создавало еще одно крупное, по мнѣнію автора, явленіе: каждый дольщикъ получалъ землю всѣхъ качествъ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только имѣлъ ее дворъ—печище. Отсюда въ деревнѣ пашни были разбиты на смѣны (въ соотвѣтствіи съ двухъ или трехъ-польнымъ хозяйствамъ), а смѣны на поля или коны, причемъ каждый

дворъ имѣлъ участокъ непремѣнно въ каждомъ кону каждой смѣны, въ каждой пожнѣ, въ каждомъ переложкѣ, закрайкѣ. Это землевладѣніе, не будучи общиннымъ, не было и подворно участковымъ. Это особый типъ поземельной организаціи, названной авторомъ долевымъ. Въ немъ находились элементы и общиннаго и подворно-участковаго владѣнія; первые — въ участіи дольщиковъ во всѣхъ земляхъ деревни, въ обязательномъ сѣвооборотѣ и въ существованіи передѣловъ; вторые—въ неограниченномъ правѣ распоряженія принадлежавшемъ каждому дольщику. Тѣ или другіе изъ нихъ въ будущемъ получать перевѣсъ, смотря по тому, въ какія отношенія къ землѣ станетъ крестьянинъ; тамъ, гдѣ онъ останется собственникомъ, долевая организація перейдетъ въ подворно-участковую; напротивъ, если собственность на землю перейдетъ къ государству, помѣщику или крупному вотчиннику, а крестьянинъ сдѣлается только временнымъ владѣльцемъ, долевое владѣніе перейдетъ въ общинное. Впрочемъ, на сѣверѣ послѣдняго произойти не могло, такъ какъ, по мнѣнію автора, здѣсь отношеніе вотчинныхъ крестьянъ къ своимъ землямъ было точно такимъ же, какъ отношенія свободныхъ.

Въ XVII в. уже ясны признаки превращенія, перваго рода: во второй половинѣ столѣтія существованія передѣловъ не замѣтно, земля деревенская распредѣляется далеко не равномѣрно: не всѣ владѣльцы имѣютъ участіе во всѣхъ земляхъ; нѣкоторые лоскуты земли попадаютъ во владѣніе одного, двухъ дворовъ, и изъ участія въ нихъ исключены остальные; прежде существовало юридическое неравенство между дольщиками; заключавшееся въ томъ, что лица неравнаго родства получали неравныя доли (земля дѣлилась не поголовно, а поколѣнно, каждое колѣно получало одинаковую долю, напр.: два брата, какъ представители двухъ колѣнъ, получали поровну; если одинъ изъ нихъ умеръ, оставивши двухъ сыновей, то имущество все-таки по прежнему дѣлилось на 2, а не на 3 доли: 1 доля шла дядѣ, 1—2-мъ племянникамъ; такъ что каждый изъ нихъ имѣлъ въ 2 раза меньше, чѣмъ дядя); теперь возникаетъ значительное экономическое неравенство.

Самое существенное изъ условій, вліявшее на разложеніе деревни — увеличеніе населенія; прежде деревни заключали 1—2 двора, а въ XVII в. въ нихъ уже отъ 4—15 дворовъ. Никакихъ союзовъ, имѣвшихъ порядки общиннаго поземельнаго владѣнія, внѣ деревни не существуетъ. Никакихъ поземельныхъ связей между деревнями нѣтъ; встрѣчаются иногда общія земли, принадлежавшія 2—3 деревнямъ, но онѣ ни мало не измѣняютъ общей картины. Имущественныя отношенія, въ общемъ, исчерпываются отношеніями деревень къ землѣ и угодьямъ, притянутымъ къ нимъ трудовымъ захватомъ. Остальная земля „дикая вольная Божья" — „государева — de jure, ничья de facto". Не отрицая за волостью органическаго происхожденія, авторъ однако признаетъ ее организаціею, въ которой главнымъ связующимъ членовъ элементомъ служили податныя обязанности и отчасти

нравственныя потребности обитателей. Волость такимъ образомъ являлась юридическимъ лицомъ, но не была хозяйственнымъ союзомъ, проникнутымъ имущественными отношеніями. Эти отношенія, правда, случайно появлялись и въ ней, но только приживались къ остальнымъ и вытекали всецѣло изъ тягла, такъ: волость могла брать у казны на оброкъ свободныя земли, могла даже имѣть свои земли, которыми и распоряжалась, продавая ихъ своимъ членамъ или отдавая на оброкъ. Волость, какъ имущественно-управомоченный субъектъ является подъ вліяніемъ государственныхъ финансовыхъ мотивовъ только въ XVIII—XIX в.; передѣлы въ Архангельской губ. появляются въ XIX в[5].), въ Вологодской въ XVIII в.[6]). Такимъ образомъ основная мысль теоріи: единственный хозяйственный союзъ, единственный представитель коллективнаго владѣнія XVII в.—деревня; волость—тяглый союзъ, который только случайно входитъ въ имущественныя отношенія. Такое предположеніе однако не вытекаетъ необходимо изъ посылокъ задружной теоріи. Съ одной стороны, нѣкоторые изъ ея представителей пытались генетически вывести волость изъ задруги: разрастаясь, задруга образовывала союзы поселковъ, связанные духовными, торговыми и административными интересами. Въ XVII в. эти союзы уже до нѣкоторой степени проникнулись имущественными отношеніями: волость устраиваетъ новоселовъ, начинаетъ вступаться даже въ наслѣдованіе своихъ членовъ, отбираетъ въ свою пользу небольшіе участки культурной земли и вслѣдствіе ихъ хозяйственной цѣнности допускаетъ на нихъ только общее нераздѣльное пользованіе. Въ XVIII в. за волостями имѣются уже обширныя пространства культурной земли. Далѣе: какъ по взгляду волостной теоріи, волость искони существовала вездѣ, а впослѣдствіи подъ вліяніемъ вотчинника въ Средней Россіи разбилась на деревни, оставшись въ цѣлости лишь на сѣверѣ; такъ по взгляду разбираемаго нами сейчасъ автора, она успѣла доразвиться только на сѣверѣ, а въ Средней Россіи разбилась на деревню[7]). Такъ или иначе, но и здѣсь волость является органическимъ продуктомъ, развившимся изъ хозяйственныхъ союзовъ. Съ другой стороны, волостная теорія пытается установить связь между волостью и задругою, принимая первую за элементарную клѣточку послѣдующихъ поземельныхъ организацій. Волость—вервь, первоначально сообща владѣвшая землею, раздробилась на печища, послѣднія внутри себя представляли общины, внѣ связывались другъ съ другомъ владѣніемъ пастбищами и лѣсами, по прежнему оставшимися въ коллективномъ владѣніи верви. Частная собственность впервые

[5]) *А. Ефименко.* „Изслѣдованія народной жизни", вып. I. „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ"; 208—221, 294 и слѣд.

[6]) *В. В.* Начало предѣловъ на сѣверѣ (въ Русской Мысли, за 1898 г. IX—X кн.).

[7]) *Блуменфельдтъ.* „О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи", т. IV, раздѣлы III и IV.

появилась въ печищахъ[8]).—Исходнымъ моментомъ развитія поземельныхъ организацій, мы видѣли, признается или значительный территоріальный союзъ—волость, верьвь первоначальная община или—сложная семья. Если даже, слѣдуя А. Ефименка, признать, что на сѣверѣ родовыя организаціи не могли имѣть мѣста, вслѣдствіе того, что онѣ уже разложились въ мѣстахъ, откуда шла колонизація, для насъ вопросъ только ставится на другую почву, но не разрѣшается: каковъ былъ порядокъ колонизаціи: шли-ли переселенцы отдѣльными семьями—задругами, какъ это предполагаетъ указанный авторъ, и каждая задруга отдѣльно отъ другихъ занимала землю, осваивала ее и образовывала печище; или, какъ можно не безъ основанія предположить, шли цѣлыя дружины, военныя артели и занимали землю; всегда готовыя къ оборонѣ, осаживались онѣ на нее такими же группами, какими пришли, и образовывали такимъ путемъ сразу не отдѣльныя печища, а тѣ небольшія группы деревень, какія мы встрѣчаемъ на сѣверѣ въ XVI—XVII в. Эти военныя артели превращались въ трудовыя и разбивались на печища—дворы, имѣвшія хозяйственныя связи между собою. За такое предположеніе говоритъ, во-первыхъ; порядокъ разселенія въ XVI—XVII в., когда деревни особняки въ одинъ дворъ встрѣчались довольно рѣдко, и вѣроятно, образовывались въ то время, когда край былъ уже замиренъ; въ большинствѣ же случаевъ онѣ жались другъ къ другу, образовывали скопленія поселковъ, группы, разбросанныя тамъ и сямъ по теченіямъ рѣкъ и рѣчекъ. Во-2-хъ нашу мысль подтверждаетъ, повидимому, и порядокъ заимокъ въ XVII в.; бывали, конечно, и нерѣдко можетъ быть, случаи устройства обособленныхъ починковъ, но рядомъ съ ними „починаютъ" строить дворы и пахать землю цѣлыя артели, образуя сразу или деревню въ нѣсколько печищъ—дворовъ, или даже группу деревень. Примѣры перваго можно найти въ Устюжскихъ писцовыхъ книгахъ: „деревня (такая-то) въ ней пашню расчищаютъ ново", „въ ней дворы крестьяне ставятъ ново". Въ каждомъ изъ такихъ случаевъ строятся или уже построены 2—3 двора[9]). Примѣръ второго рода, починковъ представляетъ артель крестьянъ Лузской Перемцы (Сельвычегодскаго уѣзда): въ 1623 году, она пахала наѣздомъ, землю на рѣкѣ Леткѣ, на Вятскомъ волоку и платила оброкъ; въ 1647 году, мы находимъ ее уже поселившеюся на наѣзжихъ пашняхъ и образовавшею рядъ починковъ въ 1, 2, 3 двора каждый[10]). Наконецъ, иногда деревня образовывалась изъ соединенія нѣсколькихъ сосѣднихъ поселковъ. Отсюда произошли такія значительные деревни, какъ въ Мезенскомъ уѣздѣ дворовъ въ 20, 30, 40[11]). Но то и другое изъ приведенныхъ предположеній, мнѣ думается, нуждается въ значительныхъ документаль-

[8]) *П. Ефименко.* Ж. М. Н. Пр. IX—XI.

[9]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи. Устюжскія писцовыя книги № 506: 209, 258, 259.

[10]) Ibid. Сольвычегодскія писцовыя книги, № 452: 837.

[11]) См. ниже, въ главѣ о междудеревенскихъ отношеніяхъ.

ныхъ подтвержденіяхъ. Поэтому мы оставляемъ пока этотъ вопросъ въ сторонѣ, оставляя за собою право возвратиться къ нему впослѣдствіе. Сейчасъ мы имѣемъ въ виду изслѣдовать уже установившіяся въ XVII в. поземельныя организаціи.—Кромѣ объема вопроса, слѣдуетъ точно опредѣлить ту территоріальную область, которой касаются наши наблюденія. Изслѣдователи сѣвернаго землевладѣнія, сосредоточивши все вниманіе на свободныхъ крестьянахъ, или игнорировали существованіе на сѣверѣ крѣпостного права, или не придавали ему никакого значенія. Поэтому общая почти всѣмъ имъ посылка о вліяніи вотчинника на общинную и деревенскую организацію, такъ и осталась непримѣненной къ изучаемымъ нами окраинамъ. Получается такое впечатлѣніе, будто крупная сѣверная вотчина совершенно не затронула правовыхъ отношеній крестьянъ, что, впрочемъ, и высказалъ одинъ изъ изслѣдователей, признавши, что владѣніе землею сѣверныхъ вотчинныхъ крестьянъ ничѣмъ не отличается отъ владѣнія свободныхъ. Между тѣмъ вопросъ о внѣшнихъ вліяніяхъ на формы крестьянскаго землевладѣнія наиболѣе удобно рѣшить путемъ наблюденія такихъ мѣстъ, въ которыхъ имѣется наименьшее количество отличныхъ факторовъ; такъ что сравнительно легко выяснить вліяніе каждаго изъ нихъ отдѣльно. Естественныя условія, состояніе земледѣльческой культуры и условія спроса на землю въ нѣкоторыхъ различныхъ районахъ сѣвера были приблизительно одинаковыми; отличіе—наиболѣе уловимое по крайней мѣрѣ—сводилось къ различнымъ условіямъ общественнаго существованія, именно: одни крестьяне были свободными, другіе—владѣльческими. Окраина - потому только, что она окраина,—не могла скрасить несвободнаго состоянія. Въ предѣлахъ нынѣшней Архангельской губерніи и Устюжскаго, Тотемскаго и Сольвычегодскаго уѣздовъ Вологодской губ. въ общихъ чертахъ распредѣленіе крупнаго и мелкаго землевладѣнія приблизительно было слѣдующее: на сѣверо-западѣ и сѣверѣ монастырскія вотчины лежали сплошными площадями особенно во второй половинѣ XVII в., когда былъ устроенъ Крестный монастырь и за него были переведены свободные крестьяне. По направленію къ востоку количество земель духовныхъ вотчинниковъ убываетъ: по теченію рѣки Двины онѣ находятся въ черезполосномъ владѣніи съ крестьянскими. Еще восточнѣе: по Пинегѣ, Мезени и далѣе онѣ совершенно почти изчезаютъ: въ Кеврольскомъ (нынѣшнемъ Пинежскомъ) и Мезенскомъ уѣздахъ единственный почти землевладѣлецъ-крестьянинъ; и среди массы крестьянскихъ земель совершенно тонутъ микроскопически незначительныя земли приходскихъ церквей, монастырей и пустыней. Къ югу: въ Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ рядомъ съ духовными вотчинами попадаются не менѣе крупныя вотчины богатыхъ посадскихъ, крестьянъ и Строгоновыхъ. Всѣ онѣ находятся и въ черезполосномъ владѣніи съ крестьянскими землями.

Для нашихъ наблюденій надъ бытомъ свободныхъ крестьянъ мы взяли уѣздъ, совершенно лишенный крупныхъ

вотчинниковъ — Кеврольскій (нынѣшній Пинежскій). Но въ немъ мы могли наблюдать крестьянское землевладѣніе сравнительно позднѣйшаго типа. Не имѣя подъ руками рѣшительно никакихъ матеріаловъ по исторіи того же уѣзда болѣе ранняго времени, мы обращаемся къ другимъ сѣвернымъ уѣздамъ—современному Шенкурскому и Сольвычегодскому, гдѣ еще въ XVII в. имѣли мѣсто организаціи болѣе рудиментарныя, чѣмъ въ Кевролѣ. Такая замѣна представленій во времени представленіями въ пространствѣ не говоря уже о томъ, что вполнѣ примѣнима къ исторической работѣ, оказалась очень удобной для нашихъ ближайшихъ цѣлей. Объяснимся. При наблюденіи землевладѣнія Пинежскаго уѣзда, мы могли замѣтить, что такъ называемая горная пашня находится въ подворно-участковомъ владѣніи. По писцовымъ книгамъ указанъ размѣръ каждой подворной пашни. Несмотря на очень значительную нерѣдко разницу въ размѣрахъ дворовыхъ запашекъ каждой отдѣльной деревни, можно однако замѣтить слѣды равенства пашенъ въ этихъ деревняхъ, именно: въ маленькихъ деревняхъ нерѣдко всѣ дворовыя земли равны, въ большихъ—эти пашни соединяются въ группы, такихъ группъ нѣсколько въ деревнѣ, пашни каждой группы равны между собою, и не равны дворовымъ пашнямъ другихъ группъ. Сольвычегодскій уѣздъ далъ намъ разъясненіе этого явленія: здѣсь мы встрѣчаемъ вмѣсто равныхъ полевыхъ земель въ маленькихъ деревняхъ и группъ съ равными полями въ большихъ,—въ первыхъ—общія полевыя земли у всей деревни, въ вторыхъ—общія полевыя земли у тѣхъ группъ, на которыя распадается большая деревня. Наконецъ, матеріалы по Шенкурскому уѣзду дали намъ полную картину тѣхъ поземельныхъ отношеній, какія существовали въ деревняхъ, земли которыхъ находились въ общемъ владѣніи и въ отдѣльномъ пользованіи ихъ жильцовъ, т.-е. въ деревняхъ подобныхъ небольшимъ Сольвычегодскимъ. Спускаясь такимъ образомъ отъ высшихъ организацій къ низшимъ, мы должны были дойти до той формы владѣнія, которую г. Ефименко назвала долевою, и до ея материнской формы—двора.

Предполагая возможнымъ развитіе долевой организаціи изъ товарищескаго союза, состоявшаго изъ нѣсколькихъ дворовъ, а не непремѣнно изъ одного двора, въ который могутъ входить наряду съ родственниками и товарищи, мы не впадемъ въ противорѣчіе съ собою, если вслѣдъ за г. Ефименко представимъ сначала простѣйшій процессъ развитія, т.-е. преобразованіе дворовой организаціи въ долевую. Эта послѣдняя организація, имѣла мѣсто въ то время, когда система земледѣлія была наиболѣе экстенсивна; это видно изъ слѣдующаго: въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, гдѣ еще наряду съ распахиваемой пашнею, есть перелогъ, сохраняются слѣды и долевой организаціи въ видѣ указанныхъ уже небольшихъ деревень и группъ въ болѣе значительныхъ деревняхъ съ общимъ владѣніемъ; напротивъ, въ Кевролѣ, гдѣ перелогъ почти совершенно исчезаетъ, пашня находится уже въ подворно-участковомъ владѣніи. Не говоря о параллелизмѣ двухъ этихъ

явленій—системы земледѣлія и организаціи поземельныхъ отношеній,—мы должны имѣть въ виду то, что системы земледѣлія измѣняются не одновременно по отношенію ко всѣмъ землямъ: къ горной землѣ примѣняется не только трехполье и паръ, но и усиленное удобреніе, и въ то же время луговая и паскотинная земля подлежатъ гораздо болѣе экстенсивной культурѣ—залежно-паровой; но точно также далеко неодновременно измѣняются и формы отношеній по различнаго рода землямъ: тогда какъ горная земля переходитъ въ подворно-участковое владѣніе, паскотинная сплошь и рядомъ остается въ складническомъ — и это въ одной деревнѣ. Но параллельно съ этимъ совершается и другой процессъ, именно: складническая организація приспособляется не только къ тѣмъ землямъ, которыя обработываются болѣе или менѣе экстенсивно, но и къ тѣмъ, запасъ которыхъ болѣе или менѣе значителенъ. Разъ налицо есть экстенсивная система и въ то же время запасъ земли, къ которой она примѣняется, не настолько великъ, чтобы каждая отдѣльная деревня могла, наряду съ другими, свободно пользоваться ею, отношенія къ такой землѣ измѣняются: складничества, или отдѣльныя деревни объединяются въ одинъ сложный мірской союзъ. Это явленіе особенно замѣтно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ долевая организація преобразовалась въ подворно-участковую, т.-е. въ Кеврольскомъ уѣздѣ; здѣсь такимъ образомъ наряду съ подворно-участковымъ владѣніемъ горною полевою землею, мы встрѣчаемъ долевое-складническое — нѣкоторыми угодьями, запасъ которыхъ болѣе или менѣе достаточенъ, и мірское—тѣми угодьями и землями, запасъ которыхъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ спросу на нихъ.

На этомъ мы оканчиваемъ наши наблюденія свободныхъ крестьянскихъ организацій. Переходимъ къ несвободнымъ. Для наблюденія ихъ беремъ уѣздъ, почти сплошь занятый вотчинами Крестнаго монастыря — Онѣжскій. Здѣсь во-первыхъ мы наблюдаемъ дальнѣйшее развитіе мірского-волостного владѣнія, развитіе, которому на свободныхъ земляхъ мѣшали такъ сказать индивидуалистическія тенденціи: подворно-участковое владѣніе начинало переходить съ горныхъ земель на другія земли и угодья. Во-вторыхъ, складническая—долевая—организація деревни, съузившаяся въ свободныхъ земляхъ (Кеврола) до того, что охватывала лишь нѣкоторыя принадлежности пашни (поскотины, лѣсныя росчисти), въ монастырскихъ вотчинахъ снова оживаетъ; но уже въ измѣненномъ видѣ: среди свободныхъ крестьянъ складническая деревня представляетъ изъ себя замкнутое цѣлое, имѣющее въ своемъ распоряженіи всѣ нужныя ей земли и угодья, на владѣльческихъ—она составляетъ неразрывную часть волости и въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ находится въ очень значительной зависимости отъ нея.

II.

Дворъ. Деревня: ея внѣшній видъ, усадебныя мѣста и сервитуты.

Дворовыя отношенія послужили предметомъ изслѣдованія г. Ефименко, поэтому я остановлюсь на нихъ лишь настолько, насколько это необходимо для пониманія значенія двора въ складническихъ и мірскихъ имущественныхъ отношеніяхъ. Въ трехъ волостяхъ Кевролъскаго уѣзда: Кевролѣ, Чаколѣ и Марьиной Горѣ въ среднемъ на дворъ первой четверти XVII в. приходилось 1,7—1,8 взрослыхъ мужчинъ; въ 80-хъ годахъ того же столѣтія, вѣроятно, подъ вліяніемъ введенія дворовой подати цифра эта поднялась до 2—2,3; все мужское населеніе крестьянскаго двора (также въ среднемъ) выражалось въ 3,2—4,1. Эта цифра почти совпадаетъ съ среднею населенностью двора въ Двинскомъ, Кеврольскомъ, Мезенскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ въ 1717 г., именно: въ первыхъ трехъ 18885 человѣкъ мужчинъ приходилось на 5593 двора, слѣдовательно, на дворъ по 3,3, въ послѣднемъ—10638 ч. на 2966 дворовъ, т.-е. на дворъ 3,5. Женское населеніе двора въ этомъ же году: въ Двинскомъ, Кевролъскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ—20554, на дворъ по 3,7, въ Сольвычегодскомъ—10731—на дворъ - 3,7 [12]). Такимъ образомъ общее количество мужского и женскаго населенія — 7—7,2 человѣка на дворъ. Судя по совпаденію количества мужского населенія двора въ XVII и началѣ XVIII в., можно думать, что и все населеніе его за эти два періода была одна и та же, т.-е. 7—7,2. За этими средними скрываются наряду съ незначительными индивидуальными семьями, состоящими или изъ одного мужчины—главы семьи, или изъ отца и дѣтей, сложныя семьи, состоящія изъ братьевъ, братьевъ съ ихъ дѣтьми и съ племянниками, изрѣдка изъ двоюродниковъ, изъ лицъ трехъ поколѣній: дѣда, сыновей и внуковъ, наконецъ, въ одномъ дворѣ нерѣдко жили, владѣли и пользовались нераздѣльно всѣмъ имуществомъ не только родственники, но и свойственники и посторонніе. Установленіе свойства соединяется съ установленіемъ полнаго двороваго коллективнаго владѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда, выдавая замужъ дочь, отецъ принимаетъ въ свой домъ зятя, дѣлаетъ его участникомъ во владѣніи всей своей недвижимостью и движимостью, „припускаетъ къ деревнѣ и къ животамъ“; отсюда и акты о пріемѣ назывались припускными и вживными памятями. Если зять вносилъ въ семейное имущество и свое имущество, составлялся складной животъ; отсюда и сдѣлки получали названіе складныхъ, и образовавшееся товарищество свойственниковъ—складствомъ [13]). Такое же складство, ото-

[12]) Эти, какъ и слѣдующія, наблюденія сдѣланы по писцовымъ книгамъ Кевролъскаго уѣзда 1623 и 1686 г. (Моск. Архивъ Мин. Юст. № 185, 186) и по ландратскимъ названныхъ уѣздовъ за 1717 г. ibid.).

[13]) Древности. Труды Археограф. коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества, т. I., 3 вып. стр. 417; Р. Ист. Библ. XIV т., 244—1620 г.

жествлявшееся во всѣхъ подобныхъ случаяхъ съ полнымъ имущественнымъ коллективизмомъ, слагалось и безъ всякой примѣси отношеній по свойству и родству, просто путемъ договора постороннихъ между собою: „да по другому пути (сдѣлкѣ) заложилъ ***по складной*** грамотѣ, что язъ ***складывался*** съ Ѳедорою Ортемоваго дочерью ***вмѣстѣ жити***; и язъ по той складной заложилъ да и по поемной и по дѣловой записи, что мнѣ отъ Ѳедоры съ дѣтьми съ дѣлу досталось“[14]). Въ Кевурольскомъ уѣздѣ, отношеніе между двумя родами семей въ XVII в. идетъ въ пользу индивидуальныхъ.—Подъ дворомъ, какъ субъектомъ владѣнія, преимущественно понимался въ XVII в. не одинъ только наличный составъ живущихъ въ немъ семейныхъ и товарищей, а рядъ преемственно связанныхъ поколѣній. Право сдѣлать, такое заключеніе даетъ намъ писцовыя книги: писецъ считаетъ основаніемъ владѣнія землею не тотъ актъ, по которому земля перешла къ данному составу семьи: наслѣдованіе, завѣщаніе и пр., а тотъ, путемъ котораго она пріобрѣтена первымъ владѣльцемъ ея, лицомъ предшествующаго поколѣнія. Цѣлостность имущественныхъ отношеній, признаніе двора, а не лица субъектомъ владѣнія землею означали только то, что въ большинствѣ имущественныхъ отношеній хозяйственная жизнь отдѣльныхъ лицъ складывалась на почвѣ союзныхъ имущественныхъ отношеній. Это не значитъ, что она вполнѣ поглощалась послѣдними; напротивъ, центральною фигурою многихъ сдѣлокъ является именно индивидъ. Но чтобы быть имущественно управомоченнымъ, ему необходимо быть членомъ какого-нибудь союза — собственника или владѣльца — и прежде всего перваго элементарнаго хозяйственнаго союза—двора; вся имущественная жизнь его (если не считать собинъ) есть дальнѣйшее развитіе того положенія, какое онъ занимаетъ въ послѣднемъ. Не всѣмъ лицамъ можно приписать имущественную правоспособность въ одинаковой степени, въ частности по отношенію къ недвижимости, къ землѣ, а только тѣмъ, которымъ даетъ ее семейное право, именно: прежде всего—мужчинамъ, во вторыхъ: тѣмъ изъ женщинъ, которыя являлись единственными представительницами входящихъ во дворъ родственныхъ колѣнъ, иначе говоря: дочерямъ при отсутствіи сыновей, въ третьихъ: матери — вдовѣ при несовершеннолѣтнихъ дѣтяхъ. Таково было общее правило; существовали исключенія въ пользу или во вредъ женщинѣ, такъ: иногда сестра при братьяхъ предъявляла претензіи на семейное имущество и съ другой стороны при живыхъ дочеряхъ на случай смерти сына, наслѣдадатель назначалъ субститутомъ своего брата.—Далѣе: не всѣ правоспособные члены двора имѣли равныя права: размѣръ доли каждаго въ общесемейномъ имуществѣ зависѣлъ отъ его положенія въ семьѣ: сыновья имѣли права не равныя доли, внуки, сколько бы ихъ ни было, получали при раздѣлѣ столько долей, сколько слѣдовало ихъ отцу; такимъ

[14]) Древности, т. 1, в. 3, стр. 416; Рус. Ист, Библ. XIV т., CIX—1612 г.

образомъ: если во дворѣ былъ 1 дядя и 2 племянника—дѣти его брата,—то размѣръ доли дяди равнялся суммѣ долей его племянниковъ.—Наконецъ, не на всѣ имущества членъ двора имѣлъ одинаковый объемъ правъ: по отношенію ко всей массѣ общесемейнаго имущества онъ лишь участникъ въ пользованіи и распоряженіи; за то, по отношенію къ той долѣ его, какая ему слѣдуетъ сообразно съ его положеніемъ во дворѣ, онъ—полный распорядитель, т. е. можетъ ее продать, заложить, подарить, пожертвовать, завѣщать [15]); у другихъ членовъ остается лишь право выкупа. Но рядомъ съ этимъ обособленность доли ясно выступаетъ только въ моментъ сдѣлки или выдѣла и раздѣла; до этого времени членъ двора не всегда имѣетъ соотвѣтствующій своей долѣ конкретный выдѣленный участокъ; онъ ведетъ хозяйство, пользуется плодами его вмѣстѣ съ остальными членами.

Эти отношенія нимало не измѣнялись отъ того, какихъ имуществъ они касались, собственныхъ ли земель и угодій двора, или тѣхъ, которыми дворъ только пользовался, т. е. складническихъ и мірскихъ. Черезъ дворъ, крестьянинъ выступалъ распорядителемъ своей доли, которая составлялась и изъ дворовыхъ и изъ деревенскихъ и мірскихъ угодій—и земель, точнѣе: изъ правъ во всѣхъ этихъ имуществахъ, такъ: онъ участвовалъ въ совладѣніи деревни, группы деревень, волости, союза волостей. Какъ по отношенію и его долѣ это участіе выражалось въ правѣ распоряженія его, такъ, по отношенію къ цѣлымъ дворовымъ, складническимъ и мірскимъ имуществамъ въ томъ, что его голосъ не пропадалъ даромъ, не только на семейномъ совѣтѣ, но и на мірской сходкѣ, какого бы союза органомъ она ни была. Значеніе этого голоса лишь ослаблялись по мѣрѣ перехода отъ мелкихъ группъ къ крупнымъ, такъ какъ на семейномъ совѣтѣ онъ участвовалъ непосредственно [16]), на мірской сходкѣ только тогда, когда являлся дворовладѣльцемъ [17]), въ противномъ случаѣ черезъ посредство послѣдняго, на совѣтѣ представителей нѣсколькихъ волостей — черезъ посыльныхъ отъ нихъ [18]).

— Жилыя и хозяйственныя крестьянскія постройки состояли изъ дворовыхъ и „вонныхъ“, или „науличныхъ“; первыми были: изба, клѣть съ подклѣтемъ, сарай; иногда онѣ окружались заборомъ — заплотомъ; вторыми: баня, овинъ, житница, и смотря по состоятельности, мельница, поварня; наконецъ, къ воннымъ постройкамъ причислялась иногда часовня; всѣ эти постройки находились за заплотомъ [19]), „на улицѣ“. При раздѣлѣ семьи, по общему

[15]) Напр: „и заимщикъ заложилъ и подписалъ владѣнія своего на выкупѣ горной земли и луговой, что отъ братьи съ дѣлу *достанется*...; а прежъ сего тѣтъ мой участокъ въ закладѣ на Лампожнѣ у Моисея Онаньина“. Мезенскія крѣпостныя книги № 43, стр. 20. idem: № 43: 66, № 44—234.

[16]) Рус. Ист. Библ. XII т. XIX.

[17]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи. Дѣла Пинижскаго уѣзднаго суда „Паскотины дѣльтал“ 1624.

[18]) Рус. Ист. Библ. XIV т. LXV, CLXVI.

[19]) Дѣла Устюжскаго уѣзднаго суда № 12735, купчая 153 г., дѣла Пинежскаго у. суда № 33, купчая 178 г.

правилу дѣлились только дворовыя постройки; значитъ семьи жили отдѣльно каждая въ своей избѣ; „вонныя“ оставались не раздѣльными и отдѣльныя хозяйства владѣли ими по паямъ; повидимому, было въ обычаѣ имѣть нѣкоторые хоромы, напр., амбары, общими и съ посторонними людьми. Совмѣстность владѣнія ими переживаетъ даже совладѣніе пашнею: послѣднее уже распалось, а бани, амбары, овины продолжали находится въ общемъ владѣніи [20]). Хоромы или доли въ нихъ отчуждались вмѣстѣ съ землями и также какъ въ послѣднихъ, въ нихъ могли отчуждаться доли, матеріально невыдѣленныя: одинъ крестьянинъ продаетъ „во дворѣ половину избы и хоромъ всякихъ половина, а хоромы не въ дѣлу“ [21]). Но хоромы нерѣдко отчуждались и отдѣльно отъ земли; очевидно, спросъ былъ не только на земли, но и на постройки, напр.: одинъ крестьянинъ продаетъ за $12^1/_2$ алтынъ $^3/_4$ двора и съ подворною землею и со всѣми хоромы, что во дворѣ безъ вывѣта... да и съ улицу съ выѣздною [22]).

Наконецъ, практиковалась продажа построекъ на сносъ: „продали амбаръ свой, что стоитъ на огородцѣ..., изъ того амбара продали свое повытье верхнюю жиру по середнему мосту и половина середняго моста и половина кровли, что на томъ амбарѣ и съ нутряной подѣлкой: съ двери и съ замкомъ. А исподняя жира того амбара Ивана Ооминыхъ... И тотъ амбаръ ему Денису (покупателю) снести кудѣ изволитъ“ [23]).

Малонаселенность старой сѣверной деревни сдѣлалась въ настоящее время общеизвѣстнымъ фактомъ. Въ Кеврольскомъ уѣздѣ въ началѣ и въ концѣ XVII в. (въ 1623 и 1686 г., которые можно считать нормальнымъ временемъ, такъ въ это время не было ни неурожаевъ ни необходимыхъ ихъ послѣдствій: усиленныхъ уходовъ и повышенной смертности населенія) большая часть деревень состояла изъ 2—4 дворовъ, а нерѣдко вся деревня имѣла 1 дворъ; на поселенія въ 5—17 дворовъ приходилось въ 1623 г. 24,4%, а въ 1686—29% всего уѣзднаго населенія. Такъ что къ концу XVII в. населенія деревни увеличилось. Въ другихъ уѣздахъ, напр., Мезенскомъ населенность деревни иногда доходила до 20, 30, 40 дворовъ [24]).

Большая или меньшая плотность населенія зависѣла въ значительной степени отъ мѣстныхъ топографическихъ условій. Болѣе или менѣе значительное пространство удобное для заселенія позволяло деревнѣ сдѣлаться многодворной, и жильцамъ ея имѣть достаточно усадебныхъ мѣстъ. О такихъ деревняхъ писецъ замѣчаетъ: деревня... „дворы стоятъ въ розни“. Усадебныя мѣста уменьшались, сосѣдніе дворы тѣсно примыкали другъ къ другу и ростъ

[20]) Сольвычегодскія П. К. № 501: 182, 227, 229, 230, 242; № 506: 1219, 1225.

[21]) См. прим. 5, купчая 183 г. (Уст. у. с.).

[22]) См. прим. 5, купчая № 44, 7100 года (Пинежск. у. с.).

[23]) Дѣла Пинеж. у. с. № 33, купчая № 37, 191 года.

[24]) Населенія 1623 и 1686 г. по писцовымъ книгамъ Кевролы и Мезена. Архивъ Мин. Юстиціи—№№ 185 и 186.

деревни задерживался, если площадь удобная для поселенія была незначительна. Надо при этомъ прибавить, что при общей экстензивности тогдашняго хозяйства, для удобной и помѣстительной усадьбы требовалось гораздо больше мѣста, чѣмъ въ настоящее время; такъ: сосѣди жалуются на тѣсноту, если между дворами остается 5 саженъ свободнаго пространства [25]). Но уже въ XVII в. приходилось уживаться съ еще болѣе тѣсной постройкою. Одна запись 1631 г. такимъ образомъ описываетъ два сосѣднихъ деревенскихъ двора Пятаго, Нечаева и Пятаго Самылова: „сарай Пятаго Самылова дошелъ до межевыя заплоты (тына) вплоть; а Пятаго Нечаева сарай надошелъ на дворъ Пятаго Самылова,—а крытъ соломою, а желобовъ нѣтъ; а избной желобъ Пятаго Нечаева надошелъ на дворъ и на избу Пятаго Самылова; а Пятаго Самылова клѣтной желобъ дошелъ до межевыя заплоты вплоть и стоитъ бокомъ къ Пятаго Нечаева клѣти; а Пятаго Нечаева клѣть стоитъ бокомъ же Пятаго Самылова къ клѣти; а драницы надошли на клѣть Пятаго Самылова, а желобовъ нѣтъ“ [26]). Усложненіе условій поселенія въ деревнѣ вызвало въ XVI в. регулированіе устройства деревенскихъ дворовъ и уже въ это столѣтіе замѣтны попытки развитія обычныхъ нормъ, касающихся этого вопроса. Въ статьѣ 159 проэктированнаго судебника Өедора Ивановича 1589 г. читаемъ: новоселъ можетъ взять подъ дворъ любую землю за исключеніемъ хмѣльника и сада; по ст. 160 деревенскій жилецъ, желающій перенести свои хоромы на новое мѣсто, можетъ ставить ихъ, куда ему угодно. Эти постановленія идутъ въ пользу отдѣльныхъ двороладѣльцовъ и ограничиваютъ цѣлую деревню. Складническая земля, о которой здѣсь идетъ рѣчь, была общею собственностью деревни, а участки складчиковъ находились только въ пользованіи ихъ; каждый участокъ при передѣлѣ переходилъ отъ одного владѣльца другому. Понятно, что разрѣшенія строить дворы на любомъ мѣстѣ участка приводило къ стѣсненію оборота складнической земли между складниками: земля, занятая дворомъ, при передѣлѣ только вымѣрялась, такъ какъ она входила въ общую сумму складническаго надѣла, но ею не мѣнялись; слѣдовательно, она оставалась въ постоянномъ пользованіи. Такимъ образомъ земля любого назначеніе могла быть выведена изъ передѣла путемъ постройки на ней двора. Эти ограниченія складническихъ порядковъ, несомнѣнно, вызваны были нуждою въ усадебныхъ мѣстахъ, которыя надо было замѣнять землями другихъ назначеній. Такая замѣна уже прямо предусматривается ст. 162 указаннаго судебника, въ концѣ которой замѣчено: „новый приговоръ“: складнику разрѣшается, конечно, вслѣдствіе тѣсноты, ставить свои хоромы на подворную землю своего сосѣда, если послѣдній не застраиваетъ ее ничѣмъ; за уступку подворной земли хозяинъ ея вознаграждается

[25]) Архивъ Троицкой церкви, Кургоминской волости, Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи, явки 1630—31 года.

[26]) Ibid.

изъ другихъ земель: „ему земля взяти противо того въ любомъ мѣстѣ“. Это постановленіе прекрасно иллюстрируется одною записью 1630 года, изъ которой видно и примѣненіе 162 ст.: одинъ крестьянинъ Шелкудиновской деревни являлъ на своего сосѣда: „ставится онъ Филатъ дворомъ внова на мое дворовое мѣсто“. При досмотрѣ этотъ Филатъ сознался: „хоромы де свои ставилъ и клѣть и хлѣвъ Емельяновы (истца) земли занялъ въ длину подъ тѣ хоромы 4 сажени по смѣтѣ, поперегъ сажени $1^1/_2$“, но вмѣстѣ съ этимъ онъ заявилъ: „противъ де тое земли, землю ему, Емельяну, отдаю въ полѣ, а затѣмъ де иду съ нимъ, Емельяномъ, землю вервити во всей деревнѣ“ [27]). Опять таки приведенное постановленіе идетъ въ пользу отдѣльныхъ лицъ: оно освѣщаетъ неравенство полевыхъ складническихъ надѣловъ: складническіе участки должны быть равными только въ цѣломъ, земли же, имѣющей опредѣленное назначеніе, въ силу уже этого постановленія, у однихъ могло быть больше, у другихъ меньше, такъ: въ приведенномъ случаѣ складникъ, занявшій часть подворной сосѣдской земли, лишался части полевой. Такимъ образомъ недостатокъ усадебной земли до нѣкоторой степени видоизмѣнялъ складническіе порядки, нарушая равенство между сосѣдями.— На владѣльческихъ земляхъ, гдѣ деревенское складничество возродилось, сдѣлавшись частью міра, еще въ XVIII в. продолжаетъ практиковаться складническій передѣлъ и при немъ вымѣриваться усадебная земля, которая входитъ въ слагаемыя суммы складническаго надѣла. Среди владѣльческихъ крестьянъ опредѣленіе пользованія усадебною землею направлялись уже не въ пользу отдѣльныхъ лицъ, напротивъ, они значительно стѣсняли свободу ихъ, давая подъ каждый дворъ площадь, разъ навсегда опредѣленныхъ размѣровъ. Этотъ размѣръ долженъ былъ соотвѣтствовать долѣ мірскихъ податей, платимой каждымъ складникомъ. Не менѣе интересно то, что при размежеваніяхъ, иногда къ старымъ усадебнымъ мѣстамъ отводились новыя, въ размѣрахъ соотвѣтствующихъ праву каждаго. Такимъ образомъ, каждый крестьянинъ, долженъ былъ имѣть по 2 дворовыхъ мѣста: одно занятое, другое запасное. Въ складническомъ постановленіи крестьянъ Якимовской деревни 1696 года о размежеваніи, читаемъ: „а дворныхъ мѣстъ имать и вымѣривать по два мѣста: по старому дворному мѣсту, а по другому по новому дворному же мѣсту, кто гдѣ станетъ вновь, врядъ по тяглу и по данному алтыну вымѣрить“ [28]). Такимъ рѣшеніемъ ограничивался личный произволъ въ выборѣ мѣста подъ постройку хоромъ; ясное дѣло, что, по крайней мѣрѣ, деревенскій жилецъ не могъ строиться на любомъ мѣстѣ и занимать подъ усадьбу земли другихъ назначеній; онъ могъ ставить хоромы только тамъ и на площади только такихъ размѣровъ, какъ ему отводилъ межевой актъ.

[27]) Ibid.

[28]) **Архивъ Архангельскаго епархіальнаго древнехранилища: документы Крестнаго Онежскаго монастыря.**

Тѣснота усадебныхъ мѣстъ вызвала и другое правовое явленіе, именно: различныя сосѣдскія ограниченія. Цитированная уже нами запись 1631 года была составлена сотскимъ и добрыми людьми по слѣдующему поводу: крестьянинъ Пятый Нечаевъ являлъ на своего сосѣда Пятаго Самылова „въ таковѣ дѣлѣ“: „что тотъ Пятый съ избныхъ желобовъ и съ сарайныхъ драницъ, попустилъ на мой дворъ воду и на моемъ дворѣ съ его сарая водою, заплоты и хоромы мои огнили; и по ся мѣсто воду съ сарая на мой дворъ пущаетъ насильствомъ и дворъ мой и избу гноитъ“ [29]). Такимъ образомъ, сосѣдъ не можетъ устраивать своихъ крышъ и водосточныхъ трубъ— желобовъ такъ, чтобы вода съ его крышъ текла на постройки его сосѣда. Въ другомъ случаѣ, одинъ крестьянинъ началъ ставить избу противъ клѣти своего сосѣда „угломъ противъ воротные верея пятные, а промежъ Емельяновымъ (истца) дворомъ и Филатовою (отвѣтчика) избою мѣста 5 сажень; а что проѣздъ отъ Емельянова двора къ рѣкѣ—улица,—и та улица избою заставлена“. Емельянъ являетъ „на складника своего на Филата“ въ таковѣ дѣлѣ: тотъ Филатъ... ставилъ новую избу противъ моего двора и свѣтъ у моей избы и ворота заставилъ“... „и мнѣ отъ его насильства изъ двора проѣзжать некудѣ“ [30]). Такимъ образомъ, по смыслу этой жалобы, сосѣди не могли ставить свои постройки въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы ими загораживались свѣтъ и дорога изъ двора.

III.

Складническая деревня и складническіе передѣлы.

Представленный нами порядокъ дворовыхъ отношеній въ то же время былъ порядкомъ деревенскихъ отношеній, если деревня состояла изъ одного двора. Въ деревняхъ большихъ размѣровъ эти отношенія измѣнялись; чѣмъ деревня была рудиментарнѣе, тѣмъ организація ея больше приближалась къ дворовой. Наиболѣе древняя изъ всѣхъ, какія только доступны нашимъ наблюденіямъ, складническая, или сябренная деревня ближе другихъ стоитъ къ двору и по количеству населенія и по организаціи ея поземельныхъ отношеній. Прогрессъ ея, сравнительно съ дворомъ заключается въ томъ, что доли членовъ союза, намѣченныя въ дворовыхъ родственныхъ и товарищескихъ союзахъ ихъ правами, здѣсь дѣлаются болѣе конкретными, не обособляясь однако до такой степени, чтобы превратить прежнее общее имущество въ аггрегатъ ничѣмъ не связанныхъ между собою, независимыхъ другъ отъ друга участковъ. Напротивъ, общее имущество продолжаетъ считаться и теперь общимъ достояніемъ товарищей-складниковъ, или сябровъ. Оно дѣлится идеально на доли и число послѣднихъ зависитъ отъ числа равноправныхъ лицъ, входившихъ въ товари-

[29]) См. прим. 13.

[30]) Ibid.

щество, которое создало деревню, или въ семейный союзъ, благодаря раздѣлу котораго произошло превращеніе однодворной деревни въ поселокъ съ нѣсколькими хозяйствами. Каждый товарищъ имѣлъ право на такую долю. Размѣръ послѣдней, давался положеніемъ складника въ товариществѣ или въ семьѣ. Чѣмъ опредѣлялось послѣднее, мы знаемъ; первое зависѣло отъ размѣра взноса въ товарищескій капиталъ, напр.: два крестьянина сообща купили деревню „и ту землю язъ Василей да язъ Оверкій, купили по тѣмъ купчимъ пополамъ и деньги дали пополамъ, мы тое деревни и съ дворами и со всякими угодьи и подѣлили межъ себя пополамъ“ [31]).

Право распоряженія долями не ограничивалось ни властью, ни товарищами и родственниками; правительство, правда, въ 50—60 годахъ XVII в. издавало указы, запрещающіе продавать земли бѣломѣстцамъ, но ими во первыхъ не ограничивался поземельный оборотъ между самими крестьянами, а во вторыхъ не остановлена была и продажа земель иныхъ чиновъ людямъ: посадскимъ, духовенству [32]). Что касается до ограниченій со стороны родственниковъ, то къ изучаемому нами времени вышли изъ обычая даже тѣ извѣщенія ихъ продавцомъ, какія практиковались еще въ XIV—XV в.; единственное болѣе или менѣе дѣйствительно исполнявшееся ограниченіе,— чтобы продавецъ не выводилъ земли изъ тягла, до нѣкоторой степени ослаблялось тѣмъ, что наиболѣе богатые и сильные люди умѣли достигать обособленія въ тягломъ отношеніи отъ тяглой волости, отписываться, какъ тогда говорили, въ особую статью. Благодаря этой свободѣ поземельнаго оборота въ складство постоянно вводились новые посторонніе люди; благодаря ей обновлялся составъ складниковъ. Вмѣстѣ съ этимъ, происходили и нѣкоторыя измѣненія: новые товарищи основывали свое право на долю уже не на положеніи въ товариществѣ, а на крѣпости, путемъ которой пріобрѣталась эта доля; эта же крѣпость указывала и размѣръ доли. Уже въ XVI в. складники передѣляютъ свои земли по вытно, по купчимъ [33]). Далѣе: новыя лица не стояли между собою въ какой-нибудь договорной связи: они покупали долю у складника и не входили при покупкѣ въ договоръ съ остальными товарищами; съ долей уже переносились на нихъ всѣ активы и пассивы ихъ предшественниковъ. Такимъ путемъ союзъ, строго говоря, преобразовывался изъ товарищескаго въ сосѣдскій; но такъ какъ права и обязанности приживались къ самой долѣ, то сосѣди по долямъ продолжали стоять между собою въ складническихъ отношеніяхъ.

Складническое землевладѣніе отличается отъ дворового, какъ мы видѣли, большей конкретностью: идеальная доля,

[31]) Дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда: дѣльная по купчей № 43. 1619 года.

[32]) Архивъ Коскошинской церкви Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи: „Списокъ съ наказа слово въ слово“ 1669 г.

[33]) Судебникъ царя Ѳеодора Ивановича 1589 г. М. 1900 г. 159 стр.

принадлежавшая каждому товарищу въ общихъ имуществахъ, не оставалась конкретно ничѣмъ не представленной; она конкретизировалась въ отдѣльномъ пользованіи опредѣленнымъ жеребьемъ, размѣръ котораго соотвѣтствовалъ долѣ; какъ выражаются памятники: „я де тѣмъ владѣю по своей долѣ“ [31]). Въ существѣ дѣла „владѣніе по долѣ“ не заключало въ себѣ ничего идеальнаго, это было настоящее физическое держаніе земли, которою складникъ пользовался исключительно на себя.

Но складническое владѣніе отличалось и отъ подворноучастковаго: складникъ имѣлъ право не на тотъ именно участокъ, который держалъ въ данное время, а, какъ мы видѣли, на долю въ общихъ имуществахъ, и конкретный участокъ, матеріализовавшій это право, былъ выдѣляемъ изъ общихъ имуществъ путемъ раздѣла и передѣла: какъ идеально деревня дѣлилась на доли, такъ матеріально всѣ ея земли и угодья дѣлились на жеребьи, число которыхъ и размѣры соотвѣтствовали числу и размѣрамъ долей. Каждый жеребій состоялъ изъ участковъ въ земляхъ и угодьяхъ всѣхъ качествъ и назначеній: усадебныхъ, полевыхъ, сѣнокосныхъ и пр.

Полевыя земли, смотря по примѣняемому въ деревнѣ сѣвообороту, дѣлились на 2 и на 3 поля (озимь, яровое, паръ), каждое поле въ свою очередь дѣлилось на полосы, а эти послѣднія распредѣлялись между складниками, смотря по ихъ долямъ. Хотя они работали на нихъ только на себя, но подчинялись установившимся въ деревнѣ обычаямъ, такъ: изъ одной явки 1631 г. видно, что у нихъ былъ общепринятый, обязательный сѣвооборотъ и полевыя работы производились одновременно: въ 1629 г. въ „замостномъ“ полѣ у всѣхъ складниковъ сѣялась рожь, а въ 1630 г. послѣ ея уборки осенью всѣ—каждый свою полосу орали подъ яровое („подъ зебель“) къ слѣдующей веснѣ. Другое поле, „что по верхнюю сторону дворовъ“, очевидно, лѣтомъ 1630 г. было подъ паромъ и поэтому этимъ же лѣтомъ его „раздѣлили и разжеребьевали“, а осенью „по новому дѣлу“ засѣяли рожью. Такъ что смѣны слѣдовали въ такомъ порядкѣ: озимое, яровое и паръ [35]) (рожь, ячмень, паръ).

Каждымъ даннымъ жеребьемъ складникъ пользовался только отъ передѣла до передѣла. Въ опредѣленные сроки вся земля отбиралась отъ ихъ пользователей, дѣлилась вновь на полосы, числомъ и размѣрами соотвѣтствовавшія числу и размѣрамъ долей—„дѣлилась и вервилась“ и распредѣлялась—„жеребьевалась по долямъ“ между складниками [36]).

Такъ какъ складническая организація захватываетъ всѣ земли, „притянутыя“ къ деревнѣ „трудовымъ захватомъ“, то и передѣлъ простирается на всѣ эти земли; какъ выражается проэктъ судебника 1589 г.: „деревню въ поляхъ, на волокахъ и во всякихъ земляхъ и угодья дѣлити, земля, и пожни, и угодья, и путики“... Эта

[34]) См. прим. 13, явка 1631 г., 2 августа.

[35]) Ibid.,—явка 1631 г., 5 мая.

[36]) Ibid., см. ниже, прим. 25.

цѣлостность владѣнія и примѣняемость передѣловъ ко всѣмъ землямъ отличаетъ характеризуемую нами сейчасъ форму владѣнія отъ тѣхъ формъ, которыя сложились на свободныхъ земляхъ послѣ ея разложенія. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существовала она,—а разложилась она, какъ мы увидимъ, не вездѣ единовременно — складническіе передѣлы всѣхъ земель практикуются еще въ 30-хъ годахъ XVII в. [37]). У владѣльческихъ крестьянъ они встрѣчаются даже въ XVIII в.; но возродившееся здѣсь въ старыхъ формахъ складство, существенно отличалось отъ своего первоначальнаго типа: какъ самая складническая деревня со всѣми своими землями сдѣлалась только частью волости, и волостныхъ земель, такъ и складническіе передѣлы превратились, такъ сказать, въ продолженіе волостныхъ передѣловъ [38]).

Одновременный передѣлъ всѣхъ складническихъ земель и угодій не былъ явленіемъ постояннымъ даже при господствѣ складнической организаціи: земли каждаго назначенія могли передѣляться въ различное время, напр.: по цитированной только что явкѣ складники рѣшили произвести передѣлъ только полей и сѣнокосовъ, не касаясь, слѣдовательно, угодій [39]). Далѣе: такъ какъ складничество носило договорный характеръ и передѣлъ не былъ въ полномъ смыслѣ принудительнымъ актомъ, а назначался „по полюбовному межъ собою договору и условкѣ“ [40]), то для правомѣрности общаго передѣла требовалось общее согласіе, и заявленіе одного изъ складниковъ о нежеланіи дѣлить и ровнить приводило къ или тому, что передѣлъ не производился, или къ тому, что онъ захватывалъ лишь земли согласившихся хозяевъ. Первое мы можемъ наблюдать по челобитной крестьянина Крестнаго монастыря, опротестовавшаго рѣшенія товарищей предъ монастырскими властями, вслѣдствіе неправильностей, допущенныхъ при постановленіи о передѣлѣ, и заявившаго, что вслѣдствіе ихъ онъ въ запись о передѣлѣ не писался [41]). Второе— по цитированной явкѣ 1631 года: одинъ изъ складниковъ на требованіе снова передѣлить землю заявилъ, что онъ вервить и жеребывать земли не идетъ, такъ какъ у него „въ томъ послѣ земли сіяна“; тогда согласилась „земли вервити на уколоть и на жеребій“ идти „во всю деревню“, только часть складниковъ [42]). Слѣдовательно, возможны частичные передѣлы—переверстки; возможны они не только между отдѣльными хозяевами, но и по отношенію къ отдѣльнымъ полямъ, какъ по той же цитированной явкѣ вновь передѣлять землю нѣкоторые сосѣди рѣшили въ одномъ замостномъ полѣ; поле-же, „что по верхную сторону дворовъ“, разъ передѣленное, оставалось безъ вторичнаго передѣла [43]). Поэтому, слова: „вервити на уколоть и на жеребей идемъ во всю деревню“ вовсе не значитъ: передѣливать и равнять земли во всей деревнѣ, а лишь во всемъ опредѣленномъ полѣ. Поле въ смыслѣ деревни употребляется иногда и въ настоящее время.

Иногда однако передѣлъ и ровня дѣлались обязательными, имѣнно: въ томъ случаѣ, когда требовалось возстановить правильное отношеніе между участками. Обиженный обращался къ суду и передѣлъ и ровня производились уже при содѣйствіи послѣдняго [44]).

Передѣлъ производился болѣе или менѣе періодически; этотъ фактъ можно установить по слѣдующимъ словамъ цитированной нами явки: „въ прошломъ 138 лѣтѣ тое деревни на горѣ, что по верхную сторону дворовъ, то поле раздѣлили и разжеребьевали, и *по новому дѣлу* въ томъ полѣ осенесь и рожь у насъ сіяна къ сему году; а что въ нижномъ замостномъ полѣ въ прошломъ въ 138 лѣтѣ рожь была сіяна, и въ томъ полѣ складники осенесь *по старому дѣлу* подъ зебель всѣ орали... И то поле... сія весны всѣ складники раздѣлили и разжеребьевали же по прежнему излюбу“ [45]). Здѣсь имѣется въ виду полевая земля; сѣнокосы и угодья подлежали очередному погодному пользованію: „а тѣ пожни и угодья въ сябрахъ [46]) съ Филимономъ Өедоровымъ да съ Емельяномъ Конковымъ переходятъ по годамъ и по земному тяглу“ [47]).

Крестьяне назначали передѣлъ на такое время, когда полевыя земли не засѣяны, а съ поженъ убрано сѣно. Слѣдовательно, если сѣнокосная и полевая страда производились въ различное время, то и передѣлъ ихъ назначался не одновременно, такъ: по записи Боровскихъ крестьянъ 1662 г. пашенная земля передѣлялась осенью, а сѣнокосная 20 іюля [48]). Но и время передѣла одинхъ

[37]) Ibid. явка 1631 года 139 года мая въ 5 день бьетъ челомъ и являетъ.... въ таковѣ дѣлѣ: въ прошломъ, господине въ 138 г. уложили и излюбили складники всея Кононовскія деревни въ Кононовской деревнѣ горную землю и луговую, орамую и пожни вервити и жеребьевати по долямъ“.

[38]) Архивъ Архангельскаго Епархіальнаго Древнехранилища: Документы Крестнаго Онежскаго монастыря: челобитная 1706 года, II, 124—126.

[39]) См. прим. 25.

[40]) Архивъ Архангельскаго Епархіальнаго древнехранилища: документы Крестнаго Онежскаго монастыря: ровневая запись крестьянъ Боровской деревни 1696 г.

[41]) Ibid. челобитная 1710 г.

[42]) См. прим. 25.

[43]) Ibid.

[44]) М. А. М. Ю. дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда № 33, челобитная о ровнѣ 1692 г.

[45]) См. прим. 24.

[46]) Замѣчу здѣсь, что слово „сябры“, равнозначущее слову складники, товарищи, встрѣчается не только въ памятникахъ первой половины XVII в. (Р. И. Б. XIV т. 337—338), но и въ памятникахъ конца вѣка, такъ: въ одной пинежской (кевральской) челобитной о ровнѣ земли 1692 года читаемъ: „велите, государи, ему Устину съ сябры“...

[47]) Р. И. Б. XIV т.: 337, 338; другой примѣръ начала XVIII вѣка: „а въ той пожнѣ я Ларіонъ заложилъ свою четверть, а три доли Каюковыхъ да Яковлевыхъ, а косимъ мы погодно“. Мезенскія крѣпостныя книги № 42, 154 с. Или еще явка 1630 г. 4 іюля: „они Өедоръ съ складники въ томъ истокѣ ловили рыбу въ прошломъ году, а мы нынче ловимъ сея весны на своей долѣ“ см. прим. 7.

[48]) Запись крестьянъ Боровской волости 1662 года (Архивъ Арханг. Епарх. Древнехранилища. Документы Крестнаго Онежскаго монастыря).

полей не всегда могло совпадать, такъ: по цитированной явкѣ 1631 г. паровое поле передѣлено лѣтомъ 1630 года до посѣва на немъ ржи, а яровое—весною 1631 г. до посѣва ячменя. Допускалось, чтобы полосы, унавоженныя [49]) и взоранныя [50]) одними складниками, при передѣлѣ доставались другимъ; но „что у кого сѣяно въ землѣ, какова хлѣба: ржи, и жита и овса, всякому свой хлѣбъ и снимать на себя"...; „а земля кому достанется съ дѣлу, тому и владѣть впредь".

Отъ передѣла отличается ровня. Поводомъ къ ней служило недовѣріе къ правильности распредѣленія земли: каждый изъ крестьянъ, разъ онъ думалъ, что его участокъ не соотвѣтствуетъ его долѣ, его праву, или какъ говоритъ одинъ актъ: „его полосы *по его долѣ* малы и земля сполна нѣтъ" [51]), могъ требовать уравненія, возстановленія земли въ тѣхъ размѣрахъ, какія соотвѣтствуютъ его долѣ [52]). Весь процессъ уравненія заключался въ томъ, что измѣрялись участки складниковъ, размѣръ каждаго сравнивался съ тѣмъ, что онъ долженъ имѣть; и сообразно съ найденнымъ результатомъ однимъ, у кого земли было „по его долѣ мало, не сполна", прибавлялось изъ земель тѣхъ складниковъ, у которыхъ оказались лишки. Изъ этого видна разница ровни съ передѣломъ: послѣдній давалъ новые участки, первая только возстановляла нарушенное правильное отношеніе между ними. Такъ что въ переводѣ на современныя представленія, ровня была крестьянскимъ межеваніемъ, какъ и межеваніе она соединена съ ревизіею и редукціею. Отличіе ровни отъ передѣла дается и цитированнымъ уже нами актомъ: крестьянинъ, жалуясь на неправильность передѣла, предлагаетъ своимъ складникамъ или поровнить землю (идти на уколоть), или передѣлить („жеребьевать по долямъ") ее вновь: „Третьякъ на той полосѣ соцкому и тѣмъ людямъ, кои съ соцкимъ были, являлъ на складниковъ, что де мои полосы въ томъ полѣ всѣ меньше, и моихъ де полосъ во всемъ полѣ уколочено; и соцкой въ томъ и веревку задалъ на уколоть или и жеребьевать де иду съ записью. И Прокопій да Семенъ сказали: мы де идемъ вервити во всю деревню *на уколоть* или *и жеребьевать* тое земли идемъ же". Тотъ же Третьячко Исаковъ 8 мая являетъ на своихъ складниковъ: „билъ челомъ я Третьячко соцкому Богдану на того Прокопья Тимоѳеева и явку подалъ въ земномъ лишкѣ въ замостномъ полѣ Кононовскія деревни и въ досмотрѣ, что мои полосы на моей долѣ въ томъ полѣ малы и земли сполна нѣтъ; и соцкому на складниковъ своихъ Кононовскія деревни въ томъ полѣ веревку задалъ въ дѣлу изъ лишка, вервити и жеребьевати съ ними хотѣлъ; и они Прокопей и Семенъ соцкому въ записи рѣчи свои сказали, что мы съ нимъ съ Третьячкомъ землю *вервити на уколоть и на жеребій* идемъ во всю деревню" [53]).

[49]) Судебникъ 1589 года, 159 ст., „а съ полосъ карму не везти".

[50]) См. прим. 25.

[51]) См. прим. 7, явка 1631 г. 8 мая; въ явкѣ 5-го мая: „являлъ на складниковъ, что де мои полосы въ томъ полѣ всѣ меньше, и моихъ де полосъ во всемъ полѣ уколочено".

[52]) Ibid.

Интересно происхожденіе самого термина: „мы де идемъ вервити во всю деревню на уколоть". „Уколоть произошло отъ слова: „колъ"; колья служили межевыми знаками складническихъ полосъ. Перестановка межей обозначалась словами: „межное переколотье"; колье перенесенное на новую межу—„межное переколотое колье" [54]). При обозначеніи межей втыкалось колье; поэтому и самый процессъ ровни, т. е. отрѣзокъ и прирѣзокъ назывался оттыканіемъ, или отколачиваніемъ „отколачивать земли съ межи" [55]), „въ лишкѣ землею не владѣть, а у кого лишекъ будетъ, то оттыкать" [56]). Наконецъ, эти термины могли означать и неправомѣрный актъ захвата чужого участка: „въ томъ полѣ у моихъ Третьячковыхъ полосъ межное колье переставливаетъ и къ своимъ полосамъ землю мою отколачиваетъ насильствомъ", „я де колья не переколачивалъ и межъ не переставливалъ" [57]).

Такимъ образомъ полосы складниковъ въ каждомъ полѣ отдѣлялись другъ отъ друга не постоянными дерновыми межами, а легко переносимыми межными кольями, которые всетаки назывались межами [58]); поэтому земли складниковъ, по выраженію сольвычегодскихъ памятниковъ, была „за межами"; но такъ какъ эти межи окружали не окончательно выдѣленные участки, а жеребьи, находящіеся лишь во временномъ пользованіи, то къ слову „за межами" прибавлялось: „а не въ дѣлу" [59]). Выраженію: „земля за межами, а не въ дѣлу", было идентично другое: „земля со складниками за межами, а не росписана", или: „межи той земли не росписаны" [60]); „не росписаны", такъ какъ межа и земля, ими окруженная, описывались, „расписывались" только при окончательномъ раздѣлѣ; поэтому про окончательный раздѣлъ такой земли говорили: „раздѣля тое земли и дѣловыя межъ ими расписать" [61]). Такимъ образомъ въ сдѣлкахъ и другихъ актахъ земли и ихъ межи описываются

[53]) „А землями намъ полосами равнитись межъ собою равно, чтобы ни у кого лишка земли ни въ которой четверти, или въ полосѣ не было". Акты, относящіеся до юридич. быта Россіи № 107. 1601 г.

[54]) Ibid.

[55]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи: дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда, челобитная о ровнѣ 1692 г.

[56]) Ibid. Дѣла Устюжскаго уѣзднаго суда. № 1273, вязка 1, купчая 1682 г.

[57]) См. прим. 31.

[58]) См. прим. 40 (въ текстѣ).

[59]) Моск. Архивъ Министер. Юстиціи. Дѣла Устюжскаго уѣзднаго суда № 1273, вязка 1, купчія: 1650, 1658, 1676, 1696, 1699, 1700.

[60]) Ibid.

[61]) Ibid. воеводская память земскому судейкѣ 1631 г. Товарищи, раздѣлившіе окончательно купленную сообща деревню, подъ условіемъ: „и впредь намъ межъ собою дѣла нѣтъ", говоритъ: „росписали есми промежъ себя земныя раздѣльныя записи". Дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда, дѣльная по купчей 1614 г. № 43.

только въ томъ случаѣ, если онѣ находятся въ подворномъ участковомъ владѣніи, въ противномъ случаѣ описаніе ихъ не дѣлается. Подтвержденіе этому мы найдемъ ниже.

Вполнѣ понятно, конечно, регулированіе сѣвооборота и всей хозяйственной дѣятельности складниковъ. Его требовала складническая организація: земля не находилась въ постоянномъ пользованіи одного крестьянина, а переходила отъ одного къ другому, и отступленіе одного изъ товарищей отъ принятыхъ обычаевъ уже нарушало интересы не его одного, а и другихъ, даже другихъ больше, чѣмъ его, такъ какъ плохо воздѣланная полоса отъ него переходила къ другому. Въ то же время хорошая обработка земли одними сосѣдями, требовала обработки такого-же качества и со стороны другихъ, иначе у первыхъ утрачивался всякій стимулъ къ добросовѣстному веденію хозяйства. Понятно, также, что чѣмъ большаго труда требовала земли, тѣмъ болѣе строго должны быть регулируемы полевыя работы: въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ случаевъ удобренія требуетъ не только пашня, но и сѣнокосъ.

Отступленія отъ принятыхъ хозяйственныхъ обычаевъ замѣчались въ XVII—XVIII в. Оба памятника, имѣющіе дѣло съ складническими передѣлами, составлены именно вслѣдствіе ихъ: въ одномъ 1631 г. складникъ жалуется, что одинъ изъ его товарищей не оралъ своей полосы „подъ зебель", когда всѣ орали; и поэтому, когда яровое поле поступило въ передѣлъ, неоранныя полосы достались ему, челобитчику [62]). Въ другомъ 1706 г. челобитчикъ согласился на передѣлъ однѣхъ старыхъ земель, находившихся у него и его сосѣдей въ одинаковомъ культурномъ состояніи, и отказался отъ передѣла новыхъ на томъ основаніи, что у его сосѣдей эти земли запущены: „орамыя земли не въ вышашкѣ, поросли дерномъ, а которыя земли иораны, а тѣ также свалены дерномъ и навозъ на нихъ не воженъ и не парены; напротивъ, у него—челобитчика—„свои земли упаханы, и навозъ на нихъ воженъ и парены и держъ издавна выведенъ". Точно также онъ согласился передѣлить только тѣ сѣнокосы, которые „гладиной одинаки", а остальные остались внѣ передѣла по той же причинѣ, что и пашни. Въ заключеніи челобитчикъ предлагаетъ: прежде чѣмъ передѣлять, уравнять культурное качество земли, земли „непаханныя выпахать" и „сѣнные покосы негладкіе выгладить" [63]). Изъ этихъ текстовъ видно, что отступленіе отъ принятыхъ обычаевъ не только дѣлало несправедливымъ передѣлъ, но заставляло крестьянъ уклоняться отъ него. Подчиненіе общимъ правиламъ хозяйственной дѣятельности стояло такимъ образомъ въ неразрывной связи съ практикою передѣловъ, слѣдовательно, и съ складнической организаціею, такъ какъ достаточно полосамъ въ поляхъ остаться на всегда во владѣніи однихъ и тѣхъ же дворовъ, чтобы форма владѣнія преобразовалась изъ

[62]) См. прим. 24.
[63]) См. прим. 26.

складнической въ подворно-участковую. Отступленія отъ этихъ правилъ влекли къ постепенному разложенію организаціи. И понятно, чѣмъ требованія отъ обработки становились выше, тѣмъ скорѣе отставали отъ нихъ малообезпеченные или слабосильные, или наконецъ, хозяева, не имѣющіе возможности сами быть на пашнѣ, или ихъ половники. Здѣсь, повидимому, складничество до нѣкоторой степени могло выручить примѣненія товарищами принужденія къ лицамъ, не подчинявшимся общимъ порядкамъ. Но насколько намъ извѣстно, именно этой-то принудительной власти складничество и не имѣло; оно могло создать договорную принудительную норму, но вынудить ея примѣненіе не имѣло силъ. Изъ обоихъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что протестъ противъ недобросовѣстнаго отношенія къ полевымъ работамъ идетъ не со стороны всего товарищества, а со стороны лицъ, непостредственно заинтересованныхъ, т. е. обиженныхъ; и обращаются они не къ своимъ товарищамъ, а къ посторонней власти: въ одномъ случаѣ къ волостному сотскому и всѣмъ крестьянамъ, въ другомъ къ монастырскому начальству.

Въ производствѣ складники участвуютъ либо только какъ стороны, либо какъ свидѣтели [64]). Такое отношеніе складниковъ къ дѣлу, имѣющему для нихъ насущную важность, какъ мы убѣдимся, вполнѣ вяжется со всѣми другими складническими отношеніями.—Складничество—простое земельное товарищество, а не союзъ, приспособленный къ охранѣ своихъ интересовъ. Никакое общее дѣйствіе eo ipso не дается этимъ товариществомъ.

Характеръ этихъ отношеній довольно опредѣленно рисуетъ Псковская судная грамота: въ случаѣ судебнаго дѣла, затрагивающаго интересы всѣхъ сябровъ, каждый не выступаетъ eo ipso за всѣхъ. Всѣ сябры являются на судъ вмѣстѣ, но каждый отвѣчаетъ только за свою землю и за угодье; крестъ цѣлуетъ одинъ изъ нихъ за одинъ участокъ и рѣшеніе постановляется по отношенію къ одному этому участку. Такъ что по отношенію ко всѣмъ другимъ оно не можетъ имѣть значеніе rei judicatae. — Чтобы сдѣлать эти обособленные интересы всѣхъ общими, чтобы создать общую защиту, необходимъ договоръ, который облекается въ форму такъ называемой одиношной записи.

Но и въ такомъ случаѣ общая защита простирается лишь на общія нераздѣльныя имущества; отдѣльные же участки оставляются на страхъ каждаго хозяина. Приведемъ въ примѣръ одну такую одиношную запись 1608 года.

Четыре складника составили ее по слѣдующему поводу: „слыхъ насъ доходитъ, сказываютъ, на ту нашу вопчую землю привезли государеву грамоту Живоначальныя Троицы съ Глядены старци". Замѣчательно, что такую же „одиношную запись" написали промежъ себя старцы и вкладчики Гляденскаго монастыря. Но между ними есть существенная разница, вытекающая изъ раз-

[64]) См. прим. 25 и 26.

личія хозяйственныхъ отношеній: монастырь—организованное цѣлое, хозяйственная единица; здѣсь нѣтъ собинъ, все имущество общее; складники — совладѣльцы только въ нѣкоторыхъ имуществахъ; остальное—собственность каждаго изъ нихъ; поэтому: тогда какъ старцы и вкладчики стоятъ „за одинъ человѣкъ, за землю, и за воды и за всякое угодье и другъ за друга"; складники постановляютъ: „намъ Пантелею, да Ивану, да Леонтію, да Тимоѳею за ту нашу вотчую землю, *опроче тѣхъ полянокъ, на которыхъ рожъ сѣяна*, противъ старцовъ стояти всѣмъ въ отвѣтѣ вмѣстѣ, другъ друга отъ тѣхъ старцевъ въ убыткахъ не выдати"... „А будетъ за *полянки, что рожь сѣяна у Тимоѳея* да у Ивана, и *Тимоѳею да Ивану самимъ стояти за свои полянки;* и что убытковъ имъ учинится съ тѣхъ полянокъ отъ тѣхъ старцевъ, и намъ Тимоѳею да Ивану на Пантелеѣ да на Леонтіѣ тѣхъ убытковъ не пытати". Для веденія судебнаго дѣла складники уговариваются назначить и отправить въ Москву представителя изъ своей среды. Расходы общіе, ложатся на каждаго „повытно", смотря по количеству земли, находящейся за нимъ. Представитель выдаетъ память въ полученіи денегъ и обязуется представить отчетъ въ ихъ расходованіи: „въ той издержкѣ отчетъ дати намъ въ правду и сказывати по государеву цареву и великаго князя Василія Ивановича вся Руси крестному цѣлованію въ правду" [65]).—Расширте территоріальные предѣлы группы, возмите вмѣсто четырехъ складниковъ цѣлый міръ, вмѣсто ихъ совѣта мірскую сходку, и передъ вами та организованная волостная и уѣздная самозащита, которая такъ рельефно выражалась въ мірскихъ постановленіяхъ и челобитныхъ, въ выборахъ посыльныхъ отъ міра въ Москву или другія города и въ сборѣ денегъ на такія посылки.

Представляетъ значительный интересъ сравненіе формы складническихъ актовъ съ формою актовъ другого союза, въ составъ котораго входятъ не обособленные пользователи, а лица, не имѣющія никакого имущества, кромѣ того, который имѣетъ весь союзъ, какъ цѣлое, какъ юридическое лицо—я говорю о монастырѣ. Для сравненія возьмемъ тѣ же двѣ одиношныхъ записи, имѣвшія цѣлью опредѣленіе связей между членами одного союза въ виду веденія общаго дѣла—въ частности общей защиты имущества. Одна составлена складниками [66]), другая—монастырскою братіею и вкладчиками [67]). Складническая одиношная называется записью, монастырская—приговоромъ; складническая,—какъ всякій договоръ совершена при свидѣтеляхъ-послухахъ, которые и приложили свои руки къ крѣпости; въ монастырской—свидѣтелей нѣтъ; складническая—составлена въ такомъ количествѣ экземпляровъ, чтобы каждый товарищъ получилъ по одному: „а написали есмя промежъ себя по одиночиной на человѣка слово въ слово"; монастырская —

[65]) Рус. Ист. Библ. XIV т. 832—834. Другія подробности о складническомъ владѣніи принадлежностями пашни см. ниже.
[66]) Р. И. Б. XIV т. VIII. 1.
[67]) Ibid. VIII, 2.—1018 г.

составлена въ одномъ экземплярѣ и положена на храненіе въ монастырскую казну: „а матица единишная отдана въ казну казначею старцу Герасиму". Мнѣ кажется, самое важное различіе—послѣднее: получая въ руки экземпляръ договора, лицо дѣлалось управомоченнымъ на искъ по отношенію ко всѣмъ, кто состоялъ въ договорѣ и записанъ въ договорный актъ; въ такія именно отношенія становились товарищи по каждому отдѣльному дѣлу, послужившему предметомъ сдѣлки; до сдѣлки и принятыхъ на себя обязательствъ, реализовавшихся въ крѣпости, товарищи ни управомочены, ни обязаны. Каждая новая цѣль, каждый новый интересъ, чтобы сдѣлаться общимъ для всѣхъ товарищей, долженъ прежде всего сдѣлаться предметомъ договора между ними. Договоръ матеріализуется въ актѣ сдѣлки, — а управомоченность и обязательство—въ экземплярѣ его, имѣющемся въ рукахъ каждаго. — Монастырская братія и вкладчики не получаютъ на руки отдѣльныхъ экземпляровъ приговора, такъ какъ онъ не управомочиваетъ каждаго отдѣльно по отношенію ко всѣмъ другимъ и всѣхъ по отношенію къ каждому; онъ только обязываетъ всѣхъ и каждаго по отношенію къ цѣлому,—такъ какъ приговоръ защищаетъ интересы не каждаго отдѣльнаго старца или вкладчика, а интересы всего монастыря; только монастырь, какъ цѣлое, имѣетъ право требованія по этому приговору. Каждый новый конкретный интересъ не создаетъ новаго договора между членами союза, а лишь рѣшенія всего союза, не создаетъ солидарности, а уже существующей даетъ нужное, въ интересахъ цѣлаго направленія.

IV.

Разложеніе складнической деревни и формы владѣнія образовавшіяся на ея почвѣ: деревня-федерація складническихъ союзовъ; подворно-участковое владѣніе горною полевою землею; формы владѣнія принадлежностями пашни.

Складническая форма деревенскаго владѣнія, или владѣнія „за межами, а не въ дѣлу" наблюдается въ XVII в. въ раіонѣ нынѣшняго Шенкурскаго и въ нѣкосорыхъ деревняхъ Сольвычегодскаго уѣзда.—Разложеніе ея вызвало къ жизни новую своеобразную форму деревенскихъ поземельныхъ отношеній. Прежде чѣмъ перейти къ описанію ея, отмѣтимъ нѣкоторыя наиболѣе важныя измѣненія, происшедшія въ деревенской жизни, и вызвавшія разложеніе охарактеризованной выше формы владѣнія. Складническая деревня, какъ мы видѣли, была замкнутымъ цѣлымъ, имѣвшимъ въ своемъ владѣніи всѣ нужныя ей угодья и земли. Эта цѣлостность деревни постепенно разрушается прежде всего благодаря увеличенію поземельнаго оборота, о размѣрахъ котораго въ XVII в. мы можемъ судить по Сольвычегодскимъ писцовымъ книгамъ; большинство крестьянъ владѣетъ по крѣпостямъ XVII в., а не по старинѣ, даже тамъ, гдѣ

писцомъ зарегистрирована старина владѣнія, подъ нею нерѣдко скрывается крѣпость [68]). Оборотъ земель между крестьянами не запрещался правительствомъ. Поддерживался же онъ тою же нуждою, какая констатируется крестьянами въ оправданіе отъ обвиненій въ совершеніе незаконныхъ сдѣлокъ съ лицами иныхъ чиновъ, въ частности съ духовенствомъ: „продавали де они и закладывали тяглыя земли и промыслы въ монастыри и къ церквамъ для своей скудости" [69]).

Совершая между собою сдѣлки на земли, крестьяне не стѣснялись тѣмъ, кто былъ продавцомъ или покупателемъ; поэтому деревенскіе участки нерѣдко попадали въ руки жильцовъ иныхъ деревень, даже волостей и уѣздовъ. Эти послѣдніе, если жили въ недалекой деревнѣ, и не имѣли достаточно средствъ, наѣзжали на купленныя земли только для полевыхъ работъ; отсюда и самыя пашни назывались наѣзжими. Эти наѣзжія пашни находились въ межахъ деревенскихъ жеребьевъ и пользованіе ими подчинялось тѣмъ же условіямъ, что и пользованія другими складническими землями [70]). Посторонній жилецъ такимъ образомъ, не живя въ деревнѣ, входилъ въ среду деревенскихъ складниковъ. Уже судебникъ 1589 г. признаетъ нѣкоторую ненормальность такого порядка, позволяя владѣть наѣзжими пашнями въ складствѣ лишь въ теченіи 3-хъ лѣтъ [71]).

Болѣе состоятельные крестьяне сажали на свои наѣзжія пашни половниковъ; самая пашня превращалась въ дворовую. Количество такихъ половническихъ дворовъ въ XVII в. въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ напр., въ Сольвычегодскомъ довольно значительно; даже тамъ, гдѣ у рядовыхъ крестьянъ ихъ не было въ началѣ столѣтія, они появляются въ концѣ [72]).

Къ указаннымъ хозяйственно-юридическимъ явленіямъ нельзя не присоединить еще одного чисто-хозяйственнаго, несомнѣнно содѣйствовавшаго и установленію статьи судебника 1589 г. и разложенію деревенскаго складства: мы уже видѣли, что необходимымъ условіемъ правильности передѣловъ, значитъ, и существованія самого склад-

[68]) Древности. Труды Археограф. коммиссіи Москов. Археол. Общ. I т., 3 в. 424.

[69]) Архивъ Коскошинской церкви Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи: списокъ съ наказа, даннаго подьячему, отправленному въ Холмогорскій уѣздъ для объявленія указа о запрещеніи крестьянамъ всѣхъ уѣздовъ „гдѣ наши тяглыя волости и всякія угодья"—продавать земли свои бѣломѣстцамъ всякихъ чиновъ.

[70]) Древности, I, 3 в., 433, 436.

[71]) Ст. 161. Въ теченіи этого срока каждый складникъ успѣвалъ вполнѣ использовать свои полосы во всѣхъ трехъ поляхъ, т. е. провести каждое поле черезъ озимь, ярь и паръ; и вѣроятно вслѣдъ за этимъ складники приступали къ передѣлу. Эта догадка, что передѣлы пашни производились черезъ 3 года, подтверждается тѣмъ, что сѣнокосы, пользованіе которыми не измѣнялось, а изъ года въ годъ было одно и тоже, передѣлялись ежегодно. Можетъ быть, трехпольный сѣвооборотъ и трехлѣтній срокъ передѣловъ и вызвалъ трехлѣтній срокъ владѣнія наѣзжею пашнею.

[72]) Древности I, 3 в. 436.

ства было равенство культурнаго состоянія передѣляемыхъ участковъ, видѣли также, что это требованіе не всегда соблюдалось даже жильцами деревни; еще менѣе можно было ожидать соблюденія его отъ владѣльцовъ наѣзжихъ пашенъ, бывшихъ въ деревнѣ только во время полевыхъ работъ, и отъ половниковъ, относившихся къ чужой землѣ, конечно, хуже, чѣмъ къ своей; недаромъ во всѣхъ половническихъ порядныхъ такъ обстоятельно трактуется вопросъ о поддержаніи хозяйственной цѣнности занимаемаго половникомъ участка. Къ тому же, участокъ, обрабатываемый половникомъ, вслѣдствіе уже срочности и небольшой продолжительности половническаго найма, могъ пустовать, какъ только половникъ уходилъ, а новый еще не найденъ. Такимъ образомъ земля посторонняго владѣльца могла сама собою выходить изъ складническа оборота, т. е. не передѣляться вслѣдствіе ея дурной обработки; а по судебнику 1589 г. и совершенно выдѣлиться изъ складническихъ земель [73]). Съ другой стороны, хозяева, хорошо обработывавшіе свои участки, или выводили ихъ изъ передѣла, отказываясь писаться въ записи или отказывались передѣлять худо-обработанные участки своихъ сосѣдей. Результатъ такихъ явленій сказался въ томъ, что складническая организація стала охватывать либо только нѣкоторыя небольшія деревни двора 2—3 [74]), либо—въ болѣе или менѣе значительныхъ деревняхъ—отдѣльные группы дворовъ, живо помнившихъ свое общее происхожденіе или составлявшихъ товарищества въ дѣлахъ общаго владѣнія землею [75]). Наконецъ, нѣкоторые дворы совершенно обособлялись, не принадлежа ни къ какимъ складническимъ группамъ. Такимъ образомъ цѣльная складническая деревня преобразовывалась въ федерацію группъ дворовъ: у каждой группы была своя, общая для входящихъ въ нее дворовъ пашня. Но преобразованіе коснулось только полевой, такъ называемой горной земли, что касается до ея принадлежностей, какъ-то: сѣнокосовъ и угодій — лѣсныхъ, рѣчныхъ,—то онѣ остались въ общемъ владѣніи всѣхъ деревенскихъ складническихъ группъ, почему мы и называемъ характеризуемую деревню федераціею группъ дворовъ. Вѣроятною причиною того, что принадлежности остались въ общемъ владѣніи, было слѣдующее: онѣ, какъ мы увидимъ ниже, находились въ менѣе, чѣмъ полевая земля, интензивной культурѣ; поэтому по отношенію къ нимъ не требовался настолько же интензивный и постоянный трудъ, какъ по отношенію къ послѣдней; и передѣлъ ихъ не затруднялся даже если ихъ временный владѣлецъ относился къ нимъ небрежно.

Вмѣстѣ съ указанными измѣненіями произошли нѣкоторыя измѣненія въ межеопредѣленіе: прежнія нераспи-

[73]) См. прим. 4.

[74]) Сольвычегодскія п. к. № 505: 1125, 1135; № 506: 1235.

[75]) Ibid. № 505: 1180: дер. на Приклонѣ — 9 дворовъ, изъ которыхъ составилось 3 группы въ каждой по 2 двора съ общими пашнями, огородами, конопляниками, овинами, огуменниками, и 3 двора имѣютъ каждый свои отдѣльныя земли, 1136, 1169, 1173, 1189.

[illegible] межи [illegible] деревнями. Деревня [illegible] межи той четверти Куралова [illegible] или и съ сосѣдними деревнями по старымъ межамъ, и съ половиною Кириллова съ отцу, а съ четвертью по отцу [76].

Такой типъ деревни [illegible] въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ. Въ Кевролискомъ и Мезенскомъ онѣ уже [illegible], какъ рѣдкое исключеніе. Мнѣ удалось наблюдать его только въ одной многодворной деревнѣ [illegible] по общему правилу у каждаго двора своя отдѣльная пашня и только у трехъ дворовъ, принадлежавшихъ тремъ братьямъ: Павлику, Стеньѣ и Прибыткѣ Патрикѣевымъ, общая полевая земля 17 ¼ десятины [77]. Вообще въ этихъ уѣздахъ, какъ и въ населенныхъ слободахъ Устюжскаго уѣзда наблюдается дальнѣйшее разложеніе деревенскаго складства: въ складническомъ владѣніи остались однѣ принадлежности пашни, самая же пашня превратилась въ подворно-участковое владѣніе отдѣльнаго двора. Наряду съ этимъ происходитъ интересное измѣненіе значенія термина „деревня": прежде деревнею называлась земли и угодья, притянутыя трудовымъ захватомъ въ одному союзу, и самый этотъ союзъ; теперь этимъ словомъ называется не только поселокъ, но и каждое отдѣльное хозяйство, въ скольки бы поселкахъ не были его земли: „четверо насъ дѣлились: и язъ Тимофей по тое дѣлной свою четверть всю на Труфановѣ горѣ деревню и дворъ свой" [78] (продалъ). „Другой крестьянинъ продалъ деревню свою и дворъ"... „въ деревнѣ горныя земли и луговыя и орамыя и не орамыя, и съ новины и съ причисти въ Кондратовской деревнѣ, и въ Мокшинской и въ Оксовской деревнѣ, и въ островѣ" [79]... Обломкомъ формъ, констатированныхъ нами въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, служитъ отношеніе размѣровъ дворовыхъ запашекъ: каждая деревня — болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ состоитъ изъ группъ дворовъ, при чемъ въ каждой группѣ обособленныя дворовыя пашни либо равны, либо кратны другъ другу, и не равны и не кратны пашнямъ дворовъ другихъ группъ. Въ небольшихъ деревняхъ въ 2—3 двора наблюдается и равенство и неравенство запашекъ [80].

Неравенство земельной обезпеченности сильно-замѣтное уже въ началѣ XVII в., значительно увеличилось къ концу его: въ 1623 г. по тремъ волостямъ Кевролискаго уѣзда Кевролѣ, Чакольѣ и Марьиной Горѣ отношеніе между минимальною и максимальною пашнею было 1 : 48 безъ наѣзжихъ пашенъ, съ наѣзжими: 1 : 63. Въ 1686 г. разница выросла до сравнительно громадныхъ размѣровъ: 1 : 246 безъ наѣзжихъ пашенъ, и 1 : 368 съ наѣзжими [illegible]. Въ каждой [illegible] деревнѣ [illegible] между [illegible] и [illegible] участками въ 1623 г. [illegible] 1 : 1. 1 и 1 : 19. въ 1686 [illegible] 1 : 1. 1 и 1 : 29. 1 : 32. 1 : 44. 1 : 40 [81]) [illegible].

[illegible] межи между [illegible] [82] [illegible]. [illegible] Кевролискаго и Мезенскаго уѣздовъ крайне рѣдко купчія [illegible] такъ характеризуютъ межи [illegible] *горная земля* за деревенскими межами". [illegible] описанія горной земли и ея межей, и далѣе: „а потому тѣхъ луговыхъ земель въ сей купчей не писано, а когда бываетъ ровня земли мірская и тогда межи перемѣняются, дѣлъ бываетъ" [83]...

По временамъ раздѣленіе идетъ гораздо дальше этого, такъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, напр., Марьегорской волости полевые участки одной и той же деревни отдѣляются другъ отъ друга даже не деревнями, а граничными межами [84]; это уже высшая степень обособленности владѣнія, не позволяющая предполагать какихъ нибудь сервитутовъ, лежащихъ на однихъ участкахъ въ пользу другихъ и тѣмъ болѣе какихъ нибудь сосѣдскихъ ограниченій сельско-хозяйственной дѣятельности.

Объ неизмѣненіи передѣла горной полевой земли говоритъ и указанное выше сопоставленіе межей луговой земли, подлежавшей передѣлу, поэтому неописанной и не имѣвшей описанныхъ межей, съ межами горной полевой, описываемой въ купчихъ: слѣдовательно, мѣстонахожденіе этой земли и ея межи постоянны. Къ такому же заключенію приводитъ сравненіе приведенной купчей 1669 года, по которой при передѣлѣ луговой земли ея „*межи перемѣняются*" съ челобитной о ровнѣ 1692 года: въ ней челобитчикъ проситъ „горную землю сровнить... и владѣть ею „*по старымъ межамъ* по именнымъ крѣпостямъ, а луговую землю, сровня, раздѣлить": въ первомъ случаѣ только сровнить, т. е. возстановить старыя межи, во второмъ не только сровнить, но и „раздѣлить", т. е. передѣлить; и значитъ, перемѣнить межи [85]).

Хозяйственнымъ фактомъ, уясняющимъ причину дальнѣйшаго разложенія складнической организаціи именно въ Кевролискомъ уѣздѣ, служатъ два идущихъ рука объ руку явленія: съ одной стороны, здѣсь болѣе чѣмъ въ другихъ уѣздахъ развиваются особенно къ концу

[76]) Дѣла Устюжскаго уѣзднаго суда № 1273, вязка 1, купчая 1690 года.

[77]) Кевролискія п. к. № 185: 103.

[78]) Дѣла Пинежскаго у. суда № 33, купчая № 26. 1696 г.

[79]) Ibid. купчая 1670 г.; тоже: купчая 1669 г., гдѣ подъ деревней разумѣются земли, находившіяся въ Оксовскомъ, Кондратовскомъ, Мокшинскомъ починкахъ.

[80]) Древности т. 1, 3 п. 432.

[81]) Ibid. 431, 435—436.

[82]) Опредѣленіе термина горная земля см. ниже; теперь достаточно сказать, что этимъ именемъ называлась земля, находившаяся въ постоянномъ хозяйственномъ оборотѣ (разумѣется если случай — вродѣ неурожаевъ не заставлялъ ее бросать) и обложенная податями.

[83]) Дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда № 33, купчая 1669.

[84]) Кевролискія писцовыя книги № 186: 215—216.

[85]) Прим. 83, дѣла Пинеж. у. с., челоб. о ровнѣ 1592 года. Раздѣльные акты товарищей заканчиваются словами: „и впредь намъ межъ собою въ тѣхъ земляхъ дѣла нѣтъ"; при складнической организаціи такой окончательный раздѣлъ не могъ имѣть мѣста. (Дѣла Пинеж. у. с., дѣльная № 43. 1614 года).

столѣтія наѣзжія пашни, такъ что ими занимается каждый лоскутъ земли, на которомъ не находится двора, поэтому совершенно пустыхъ т. е. нераспахиваемыхъ деревень, хотя бы и безъ дворовъ, здѣсь почти совершенно нѣтъ [86]); съ другой стороны, здѣсь, судя по микроскопически-незначительному размѣру перелога, къ землѣ примѣняется наиболѣе интензивный трудъ[87]).

Мы уже сказали выше, что въ интересующихъ насъ уѣздахъ, только принадлежности пашни находились въ XVII в. въ коллективномъ, складническомъ владѣніи; но формы владѣнія ими комбинируются такъ разнообразно, что онѣ не укладываются въ рамки одного деревенскаго складства, именно: то дробленія деревни на группы, какое мы наблюдали въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ по отношенію къ горнымъ полевымъ землямъ, здѣсь наблюдается по отношенію къ ихъ принадлежностямъ, рядомъ съ совпаденіемъ складства по принадлежностямъ съ цѣлою деревнею, и съ подворнымъ владѣніемъ, различными угодьями[88]). Мы видѣли, что деревня потеряла свою цѣлостность и замкнутость: ея пашня пріобрѣтается жильцами иныхъ деревень. Эти послѣдніе, обособляя свои поля, въ то же время, сохраняли единство принадлежностей пашни, т. е. оставались въ складствѣ съ деревенскими жильцами[89]). Такъ разрывалась связь жительства и владѣнія. Но этого мало: иногда деревня состояла изъ однѣхъ наѣзжихъ пашенъ; владѣльцы ихъ жили въ различныхъ деревняхъ, и оставаясь между собою въ складствѣ по принадлежностямъ своихъ деревенскихъ наѣзжихъ пашенъ, образовывали товарищества, въ которыхъ сосѣдство жительства не входило даже въ видѣ привходящаго элемента [90]). Такими явленіями особенно богаты Кеврольскій и Мезенскій уѣзды.

Договорное начало, отрываясь отъ традиціонной почвы общаго происхожденія, создавало внутри деревни своеобразные складническіе союзы, въ которые входила только

---

[86]) Древности I, 3 в. 433.

[87]) Ibid. 423.

[88]) Напр. дер. Плоскинская (Кеврольскаго уѣзда, Кеврольскаго стана) 5 дворовъ — у трехъ изъ нихъ по 2 десятины пашни и въ общемъ владѣніи 30 тетеревныхъ слопцовъ (т. е. угодій для ловли лѣсной птицы, такъ какъ до сихъ поръ на сѣверѣ Архангельской губ. тетеревями — называется всякая лѣсная птица въ отличіи отъ болотной), у одного двора 4 десятины земли и путикъ 20 слопцовъ, у одного 5 десятинъ и путикъ 30 слопцовъ (Кеврольскія писц. кн. № 186: 113, 120). Въ дер. Першинской 3 двора и 2 наѣзжихъ пашни; два двора владѣютъ сообща 70 слопцами, третій дворъ „вобче“ съ 1 хозяиномъ наѣзжей пашни владѣетъ путикомъ. Въ общемъ владѣніи обѣихъ группъ 100 слопцовъ (Ibid. 85).

[89]) См. прим. 88. Въ дер. Нефедовской у дво436владѣльца Кондратья Зуева и владѣльца наѣзжей пашни Кыркалова въ совмѣстномъ владѣніи 50 слопцовъ да рыбная ловля. (Ibid. 64, 89, 124, 155).

[90]) Напр. „дер. Ивановская—дворовъ въ ней нѣтъ, жильцы были, да померли“ пашутъ наѣздомъ изъ дер. Першинской 2 брата Яковлевы—3 десятины да изъ дер. Селивановской Вас. Борисовъ Мелентьевъ — 4, 5 десятины. Эти крестьяне совмѣстно владѣютъ 50 слопцами и рыбными промыслами въ озерахъ (Ibid. 76).

часть деревенскихъ жильцовъ; тогда какъ остальные, хотя бы и родственники первыхъ, устранялись отъ совладѣнія: въ Никитской дер. Кеврольскаго стана[91]) тремъ дворамъ (изъ 6) „особно дано въ угодье безоброчно 1 десятина сѣнной покосъ—25 копенъ; а Стенькѣ Нижмозерцову, Ларкѣ Жилину, вдовѣ Щепотиной (3 двора) до тѣхъ поженъ дѣла нѣтъ, потому что тѣ пожни даны имъ въ угодье изъ порозжихъ, а не изъ тяглыхъ земель“ [92]). Вся деревня произошла изъ земель семьи Щепоткиныхъ, поэтому всѣ старыя тяглыя земли, если онѣ не подѣлены по дворамъ, находятся въ совладѣніи всѣхъ наличныхъ жильцовъ, какъ имущественныхъ правопреемниковъ Щепоткина; но земли, данныя въ угодье безоброчно, не входятъ въ аггрегатъ старыхъ тяглыхъ земель, а даны изъ земель пустыхъ, слѣдовательно, эти земли новыя; и поэтому на нихъ не простирается отношенія, касающихся старыхъ земель „одного печища и дѣлу“. Подобную же группировку представляетъ деревня Малая Жердь Мезенскаго уѣзда: „у всѣхъ крестьянъ (7 дворовъ), опричь В. да Т. Михайловыхъ (2 двора) Горная земля пустошь да наволочекъ пустой на льготѣ“ [93]). Чрезвычайно интересный образецъ складническихъ группировокъ даетъ деревня Боярскій Островъ въ Алексѣевскомъ станѣ Холмогорскаго уѣзда: въ ней 10 дворовъ, изъ которыхъ 4 не имѣютъ никакихъ оброчныхъ угодій; остальные 6 комбинируются такъ, что составляютъ 14 оброчныхъ союзовъ и 2 отдѣльныхъ оброчника; самыя многолюдныя изъ оброчныхъ артелей состоятъ изъ 4 дворовъ; остальныя изъ 2—3. Каждый крестьянинъ такимъ образомъ одновременно состоитъ членомъ нѣсколькихъ союзовъ; одинъ, напр., девяти, одинъ—семи, два—шести, одинъ—пяти, два—двухъ [94]).

V.

Междудеревенскія поземельныя отношенія. Группировка деревень; сосѣдство и сосѣдскія отношенія между деревнями, соединенія деревень. Межеваніе.

Изъ всей площади земли обыкновенно заселялись только узкія полосы по берегамъ рѣкъ, такъ: въ Пинежскомъ уѣздѣ поселки разбросаны по теченію рѣки Пинеги и ея притоковъ. Сравнительная незначительность удобной для поселенія земли значительно сокращала возможность разселенія отдѣльными обособленными деревнями. Отчего послѣднія соединялись въ небольшія группы отъ 2 до 26—30 деревень каждая, называвшіяся по писцовой и крестьянской терминологіи волостями и волостками. Послѣднее названіе, примѣняемое писцами, ясно указываетъ на противоположеніе этихъ группъ—мѣстнаго происхожденія—другимъ болѣе значительнымъ, имѣвшимъ указное,

---

[91]) Кеврольскаго уѣзда.

[92]) Ibid. 96.

[93]) Ibid. № 185. 370.

[94]) Архангельскія писцовыя книги, № 9. 365.

московское происхожденіе—тяглымъ волостямъ; терминологія аналогичная той, какая примѣняется въ фискальныхъ отношеніяхъ для обозначенія мѣстныхъ и указныхъ московскихъ окладныхъ единицъ—сошекъ и сохъ.

Каждая группа деревень носила свое названіе часто по мѣсту поселенія: на Ваймушѣ, на Неймушѣ, на Труфановѣ Горѣ и пр. Если и бывало, что какой нибудь поселокъ, оторвавшись отъ другихъ, выстраивался въ сторонѣ, то скорѣе какъ исключеніе, чѣмъ какъ общее правило; и вѣроятно, это были болѣе новыя поселенія, возникавшія въ то время, когда наиболѣе удобная для сообщенія и хозяйства полоса земли была уже занята, и населеніе перешло къ эксплоатированію менѣе удобныхъ въ этомъ отношеніи земель. Такіе поселки, несмотря на нѣкоторую удаленность, входили въ какую нибудь волостку [95]). Къ XVII в. въ Кеврольскомъ уѣздѣ группировка населенія по деревнямъ и волосткамъ установилась и опредѣлилась, такъ какъ новыя поселенія, уже не возникаютъ. Измѣненія происходили лишь на почвѣ ея: крестьяне переходили иногда изъ одной деревни въ другую, уходили въ другіе уѣзды, нерѣдко возвращались обратно и вмѣстѣ съ новоселами или дополняли контингенты жильцовъ старыхъ деревень или селились на земляхъ, запустѣвшихъ было во время уходовъ населенія. При чемъ можно было наблюдать интересныя явленія: населеніе, отливавшее отъ однихъ деревень приливало въ другія, не запуская, а продавая свои пашни. Можно далѣе сказать, что общій видъ разселенія и населенныхъ мѣстъ не измѣнялся и въ позднѣйшее время, напр.: до сихъ поръ деревни по р. Сѣверной Двинѣ стоятъ не особняками, а цѣлыми группами въ очень недалекомъ разстояніи другъ отъ друга; тогда какъ группы, какъ и прежде, отдѣлены лѣсами и пустырями.

Правительство въ цѣляхъ административныхъ пользовалось этой естественной разгруппировкою населенія; но такъ какъ волостки по большей части были незначительныхъ размѣровъ и поэтому неудобны для того, чтобы сдѣлаться административными единицами, то онѣ, за рѣдкимъ исключеніемъ, соединялись и такимъ путемъ составлялась тяглая волость: въ Кеврольскомъ уѣздѣ станъ того же имени состоялъ изъ 13 волостокъ, изъ которыхъ въ 6 входило отъ 2 до 9 деревень, въ 7 отъ 10 до 26 въ каждую. Чакольская волость того же уѣзда также состояла изъ 13 волостокъ, въ каждой отъ 2 до 7 деревень. Незначительное количество деревень каждой волостки въ послѣдней волости выкупалось до нѣкоторой степени сравнительной населенностью каждой деревни. Мы увидимъ, что это происходило вслѣдствіе соединенія въ одинъ поселокъ нѣсколькихъ маленькихъ деревень.

Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что крестьяне сопоставляя интересующія насъ группы съ тяглыми волостями, называли послѣднія станами даже въ тѣхъ случаяхъ, когда по писцовой терминологіи онѣ извѣстны подъ названіемъ волостей [96]).

Деревни каждой волостки плотно жались другъ къ другу: въ Карповой Горѣ, напр., на 455 саженяхъ по берегу рѣки, „по горѣ" расположились 4 деревни: Охтинская—съ 1 дворомъ, Онисимовская—съ 2, Власьевская—съ 3, Тупиковская—съ 7; по рѣкѣ Немнюгѣ три деревни: Аникіевская—въ 5 дворовъ, Ивановская—въ 5 и Павловская—въ 2 размѣстились по берегу на 394 с. [97]).

Понятно, что при такихъ условіяхъ разселенія не могло быть рѣчи о совершенной независимости, обособленности деревень другъ отъ друга. Напротивъ, онѣ находились въ постоянномъ хозяйственномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ (мы, конечно, имѣемъ въ виду деревни каждой волостки). Нашу мысль иллюстрируетъ одна явка 1631 г.: „въ прошлыхъ годахъ между деревнями Березницкой и Борисовской была проѣздная улица *) къ ручью и къ Ѳедосіеву двору. Та.... земля уличная была *общая* Березницкой и Борисовской деревни". Очевидно, вслѣдствіе недостатка земли крестьяне Борисовской деревни „ту улицу зароляли (ролье) и учали ту землю уличную пахать насильствомъ". Превративши проѣзжую общую улицу въ поле, крестьяне Борисовской деревни сами закрыли себѣ проѣздъ къ лѣсу и на паству; тогда они по словамъ челобитчика: „учали ѣздить и скотъ къ лѣсу и на паству

[95]) Волостки Кеврольскаго стана: 1) Карпова Гора—5 деревень—Кевр. п. к. № 186: 95; 2) Церкова Гора—6 дер —ibid. 154 с.; 3) Кушкапола—6 дер., ibid. 181 с.; 4) Ваймуша—7 дер.—ibid. 112 с.; 5) Неймуша—9 д.—ibid. 34; 6) Киглохта — 9 д., ibid. 50 с.; 7) Лохта—10 д.—ibid. 139 с.; 8) Шетова Гора—12 дер.—ibid. 68 с.: 9) Чухчинема—13 дер.—ibid. 147 с.; 10) Кевроля—13 дер.—ibid. 125 с.; 11) Еркино—15 дер.—ibid. 175 с.; 12) Шардонема—20 дер.—ibid. 161 с.; 13) Покшеньга—26 д.—ibid. 71 с. Волостки Чакольской волости: 1) Тура — 2 дер.—269 с.; 2) Юбра—2 дер. 300 с.; 3) Водова Гора 3 д.—295 с.; 4) Плесо—3 дер.—308 с.; 5) Шеймогора—4 дер.—275 с.; 6) Вострогора 4 дер.—281 с.; 7) Матвера Гора—4 дер. — 298 с.; 8) Заозерье—4 дер.—304 с.; 9) Березникъ — 5 дер.—248 с.; 10) Пиринема—6 дер.—267 с.; 11) Чакола—6 дер. — 285 с.; 12) Вѣегора—6 дер.—292 с.; 13) Шетогора—7 дер. — 260 с. Въ Чаколѣ, гдѣ волостки въ общемъ меньше, чѣмъ въ Кевролѣ, деревни населеннѣе кеврольскихъ.

[96]) Моск. Архивъ Мин, Юстиціи; дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда „поскотины дѣльныя" 1624 г.: труфаногорскіе крестьяне называютъ Перемскую волость, въ составъ которой входитъ Труфанова Гора, Перемскимъ станомъ, а Труфанову Гору — волостью: „а будетъ въ Перемскомъ во всемъ стану нойдетъ мірская веревка". Труфанова Гора въ 1623 г. была такою же волостью, какъ и вышеуказанные (пр. 95), состояла изъ 6 деревень съ 15 дворами, Кевр. Писц. кн. № 185: 296.

[97]) Кевр. п. кн. № 186: 41—45, 92—96; въ Чаколѣ на Березникѣ на протяженіи 654 саженъ вытянулось 4 деревни съ 19 дворами; къ этой же волосткѣ принадлежитъ дер. Курга, находящаяся въ сторонѣ отъ остальныхъ ibid.: 238 — 246; 19 шардонежскихъ деревень съ 46 дворами крестьянскими и 3-мя бобыльскими выстроены по берегу на 2167 саж., т. е. $2^1/_5$ верстахъ. Ibid. № 186: 170. Приблизительно приходится на 35 саженъ 1 дворъ, и на 113, 114, 134, 163 сажени—1 деревня. Разумѣется, это очень грубый расчетъ, такъ какъ въ основаніе взяты линейныя, а не квадратныя мѣры.

*) Улицею называется мѣсто, оставленное для прохода и проѣзда между дворами и полями. Въ послѣднемъ случаѣ улица идетъ между огородами, устроенными около полей. Въ явкѣ идетъ рѣчь о такой полевой улицѣ.

гонять нашею улицею, что отъ ихъ дворовъ къ горѣ промежъ нашу Березенскую деревню и Роппинскую деревню" [98]). Въ приведенномъ текстѣ мы имѣемъ дѣло съ общею землею, находившеюся между двумя деревнями, и отведенною подъ улицу. Другіе тексты укажутъ намъ на существованіе сервитутовъ, какіе могли имѣть крестьяне на земли сосѣднихъ деревень, напр.: крестьянинъ деревни Вахневской имѣетъ право прохода, проѣзда и прогона скота черезъ горную поскотину жильцовъ сосѣдней деревни: „а дорога Ѳ. Шашкову отъ его относнаго двора къ озеру и на пашню самому выѣздъ и скоту проходъ черезъ поскотину деревни Мартыновскія Андрея Чупрова да Ивана Киселева горную" [99]).

Наконецъ, близкое сосѣдство полей различныхъ деревень вызывало и законодательное регулированіе сосѣдскихъ отношеній и сервитутовъ,—такъ: изъ проектированнаго судебника 1589 года мы видимъ: между селами и деревнями городится межный огородъ, „гдѣ межа пройдетъ". Этотъ огородъ сохраняется только до Семена дня, т. е. до тѣхъ поръ пока не кончены полевыя работы; до этого времени наказуема и потрава; „а послѣ Семена дни протравы нѣтъ" [100]), значитъ, послѣ окончанія полевыхъ работъ жильцы сосѣднихъ деревень имѣли право пускать свой скотъ на чужія поля, т. е. имѣли мѣсто тѣже сервитуты, что и въ деревнѣ.

Близость полей, постоянныя хозяйственныя соприкосновенія могли повести при увеличеніи населенія и къ полному соединенію нѣсколькихъ деревень. Отсюда, вѣроятно, и создалось большинство значительныхъ поселковъ дворовъ въ 15, 20, 30, 40; отсюда-же вѣроятно, нѣкоторыя волостки превратились въ небольшія группы деревень—деревни въ 2—3. Соединеніе это было довольно сложнымъ актомъ; оно не ограничивалось, какъ при припискѣ въ пашню, простымъ присоединеніемъ земель, а простиралось и на усадебныя мѣста; крестьяне переносили дворы въ одно мѣсто, по всей вѣроятности для того, чтобы оставить больше мѣста для запашекъ. Писецъ говоритъ про этотъ родъ соединеній: „деревни крестьяне снесли въ одно мѣсто", или: „тѣхъ деревень дворы крестьяне снесли въ одно мѣсто и пашню пашутъ съ одного", „спустили пашню съ одного". Здѣсь, несомнѣнно, наблюдается нѣкоторая доля ограниченія обособленнаго владѣнія цѣлымъ союзомъ. Отношенія устанавливались, очевидно, договорнымъ путемъ; тѣмъ не менѣе ими сильно ограничивалась самостоятельность отдѣльныхъ владѣльцевъ, обязывавшихся отказаться отъ старыхъ усадебныхъ мѣстъ, и вѣроятно, новыхъ взять въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ установить договоръ, обязывавшихся, далѣе, подчиниться тѣмъ ограниченіямъ пользованія пашнею, которыя связывались съ понятіемъ: „спустить пашню съ одного", „пахать пашню съ одного". Нельзя однако думать, чтобы эта власть шла до уравненія полей отдѣльныхъ хозяевъ.

[98]) См. прим. 25 явка 1631 г., іюня 28.

[99]) Устюжскія писцовыя книги: № 507: 750.

[100]) Ст. 168.

Мнѣ удалось найти 4 такихъ деревни въ Мезенскомъ уѣздѣ въ 1623 г., про которыя сказано, что ихъ крестьяне „пашутъ пашню съ одного". Всѣ онѣ сравнительно съ другими очень населенныя: въ 15, 23, 31, 43 двора. Дворовыя поля въ нихъ далеко не равны: въ одной разница между самою большою и самою меньшею запашкою: 14: 1, въ другой—5: 1, въ третьей—16: 1; первая и третья имѣютъ по 9 величинъ пашни, вторая — 7; только 23 дворная деревня даетъ всего три близкихъ другъ къ другу величины: $^{3}/_{4}$ десятины, $1^{1}/_{2}$ д., $2^{1}/_{4}$ д. [101]). Вѣроятное значеніе словъ: „пахать пашню съ одного" заключается въ установленіи общихъ нормъ, опредѣляющихъ земледѣльческія работы, общее пользованіе прежде отдѣльными угодьями и землями и установленія общихъ сервитутовъ.

Современная сѣверная деревня сплошь и рядомъ явилась результатомъ такого процесса, продолжавшагося въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, напр.: прежняя Труфаногорская волостка, состоявшая въ 1623 году изъ 6 деревень съ 15 дворами, къ настоящему времени превратилась въ одну деревенскую общину [102]). Стоитъ присмотрѣться къ любому болѣе или менѣе значительному сѣверному поселку, чтобы замѣтить, что онъ произошелъ изъ цѣлаго ряда деревень, сгруппированныхъ въ одно мѣсто; слѣдъ старой самостоятельности сохранился лишь въ названіяхъ, прилагаемыхъ къ околоткамъ и частямъ деревни.

Для приказнаго писца прежняго времени тѣсное сосѣдство поселковъ служило иногда поводомъ заносить ихъ въ писцовыя и переписныя книги подъ однимъ именемъ.

Обратимся къ междудеревенскому межеопредѣленію.—Мы видѣли въ деревнѣ двоякаго рода межеваніе: a) межи „нерасписанныя", имѣвшія мѣсто при складническомъ владѣніи; онѣ отдѣляли другъ отъ друга полосы складниковъ; b) межи расписанныя, дерновыя, отдѣлявшія участки, находившіеся въ подворно-участковомъ владѣніи.

Одновременно съ этими двумя родами межей существовали гранные знаки, отличавшіеся отъ дерновыхъ своею общеизвѣстностью и объективностью: тогда какъ послѣдніе описываются по именамъ сосѣдей [103]), первые по своимъ внѣшнимъ признакамъ [104]).—Особенность межеванія изу-

[101]) Писцовыя книги по Кевролѣ и Мезени за 1623 г. № 185: 354, 357, 361, 444.

[102]) Ibid.: № 185, стр. 299, ср. Сельская Поземельная Община Архангельской губерніи, III вып., с. 79 (изданіе Архангельскаго статистическаго комитета подъ ред. Г. Минейко 1886 г.).

[103]) М. А. М. Ю: Дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда: купчія 1669 и 1599 г. „а горная земля въ Оксовѣ два поля съ одну сторону Пашко Львовъ, а съ другую Борисъ Васильевъ"; когда сосѣдей не было, указывались предметы, граничащіе съ пашнею: „смежно одно поле Борисъ Васильевъ, а съ другую — улица, а другое поле съ немъ же Борисомъ, а съ другую огородъ". Р. И. Б. XIV т. 38.

[104]) Кевр. п. к. № 186, напр. 170: „На горѣ", или „подъ горою" на самомъ берегу рѣки ставится столбъ, „на немъ

чаемаго нами времени заключается въ томъ, что объективныя межевыя грани раздѣляютъ однѣ только культурныя земли территоріальныхъ союзовъ. И только зарождается, повидимому, размежеваніе черныхъ лѣсовъ, боровъ и болотъ; но эти незанятыя, порожнія мѣста не вводились въ однѣ межи съ культурными по той простой причинѣ, что субъекты хозяйственной дѣятельности тѣхъ и другихъ не совпадали. Возвратимся однако къ размежеванію культурныхъ земель. Здѣсь мы можемъ констатировать два типа размежеванія, изъ которыхъ каждый имѣлъ мѣсто въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ хозяйственно-юридическихъ условій: a) если всѣ земли необходимыя для даннаго союза—поля, сѣнокосы, выгоны—находились въ исключительномъ владѣніи и пользованіи его жителей, тянули только къ этому союзу, точнѣе: тянули къ аггрегату полевыхъ земель этого союза, напр.: деревни, онѣ обводились одними гранными знаками, съ полевою горною землею, но только тогда, когда находились въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею [105]), и напротивъ онѣ имѣли отдѣльныя межи, если находились въ различныхъ мѣстахъ [106]), иными словами: межеваніе здѣсь варіировалось въ зависимости отъ топографическихъ условій; b) другое дѣло, если всѣ перечисленныя земли находились во владѣніи и пользованіи жителей различныхъ союзовъ, такъ: на горную и усадебную землю простиралась хозяйственная дѣятельность жителей одного только союза, напр.: деревни, или даже группы деревень, на луговую—жителей нѣсколькихъ союзовъ, въ составъ которыхъ входилъ и первый. Въ такомъ случаѣ луговая земля имѣла отдѣльныя межи отъ полевой и усадебной уже не вслѣдствіе топографическихъ условій, а вслѣдствіе различія субъектовъ хозяйственной дѣятельности на ту и другую.—Первый типъ межеванія имѣлъ мѣсто въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, гдѣ деревня сохранила свою цѣльность [107]). Второй—въ Кевролѣ, гдѣ различнаго рода земли имѣли различныхъ субъектовъ хозяйственной дѣятельности [108]).

Объективныя гранныя межи, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, обозначали не единство субъекта владѣнія, а единство субъекта хозяйственной дѣятельности: даже Сольвычегодская деревня была не всегда нераздѣльнымъ цѣлымъ, очень часто въ нее входило нѣсколько самостоятельныхъ владѣльцовъ, между тѣмъ ея земли обводились одними гранными знаками. Еще менѣе въ Кевролѣ межевая единица была субъектомъ владѣнія, такъ какъ въ нее входили не только усадьбы и полевыя земли отдѣльныхъ деревень [109]), но нерѣдко группъ деревень [110]) и даже цѣлыхъ волостокъ [111]): „между тѣмъ, мы знаемъ, пашня тамъ находилась въ подворно-участковомъ владѣніи; и признакомъ его служили дерновыя, а не гранныя межи. Понятно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда гранная межа окружала земли цѣлаго ряда деревень, отдѣльныя деревни отдѣлялись другъ отъ друга дерновыми межами [112]), что вполнѣ естественно при томъ тѣсномъ сосѣдствѣ ихъ полей, какое мы констатировали выше.

Это сосѣдство налагало на поземельные участки тѣ или другія повинности, въ которыхъ нуждалось сосѣднее хозяйство. Устройство гранныхъ знаковъ выдѣляло хозяйство совершенно, освобождало его отъ сервитутовъ въ пользу сосѣдей, поэтому оно могло имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ не существовало никакихъ сосѣдскихъ нуждъ, т. е. по преимуществу въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончались поля и культурные земли, прекращалась хозяйственная дѣятельность лицъ, населяющихъ одну опредѣленную площадь земли. Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что въ предѣлахъ, обведенныхъ гранными знаками, находились поземельные участки, связанныя между собою повинностями по отношенію другъ къ другу, но это отнюдь не участки, связанные между собою единствомъ субъекта владѣнія; противъ этого говорятъ и слѣдующія явленія.

Въ однѣхъ межахъ находятся нерѣдко совершенно самостоятельныя деревни, и въ различныхъ—деревни и наѣзжія пашни ихъ жильцовъ. Иногда послѣднія въ однѣхъ межахъ съ такими деревнями, съ которыми у нихъ нѣтъ никакой связи. Наконецъ, иногда межевую единицу составляетъ одна наѣзжая пашня безъ дворовъ [113]).

VI.

Образованіе мірскою владѣнія и сложныхъ союзовъ; экономическія причины, вызвавшія мірское владѣніе. Горная полевая земля, правовое положеніе ея и отношеніе къ землямъ другихъ назначеній и къ угодьямъ. Оброчныя земли. Хозяйство на принадлежностяхъ пашни и союзы, сложившіеся на почвѣ владѣнія и пользованія ими.

Наблюдая междудеревенскія отношенія, мы замѣтили, что самая топографія нѣкоторыхъ деревень принуждала ихъ входить въ тѣсныя сосѣдскія отношенія между со-

грань“ и противъ грани яма“. Это при началѣ межевой линіи; такіе же столбы ставились и копались ямы при каждомъ поворотѣ межевой линіи. Нерѣдко столбы замѣнялись елью, сосною, кустомъ, пнемъ; иногда даже ими служила какая-нибудь постройка. Межевыя линіи между поворотами никакими особыми знаками не обозначались; случайно ими могли служить рѣка, ручей, кусты, лѣсъ, дорога.

[105]) Сольвычегодскія п. к. № 501; 599: „межа той деревни пашенной землѣ и сѣннымъ покосамъ и поскотинѣ“.

[106]) Ibid. 686, 774: „межа той деревни... да межа-жъ пашенной землѣ и сѣннымъ покосамъ... да межа вытнаго сѣва“.

[107]) См. прим. 33, 34.

[108]) Кеврольскія писц. книги № 186: 68, 94, 105, 106, 110, 119, 139, 159...

[109]) Ibid. № 186: 42, 43, 57, 66, 66, 71, 88, 90...

[110]) Ibid. № 186: 126—132, 135—138, 151—153.

[111]) Ibid. № 186: 139—146.

[112]) Проектъ судебника 1589 г. указываетъ, что деревни отдѣлялись либо гранными знаками, либо дерновыми межами: „а кто *зоретъ межу* или *грань ссѣчетъ* межъ селы и деревни“... (172).

[113]) Кевр. п. к. № 186: 135—138, 151—153.

бою, а по временамъ приводила и къ полному соединенію. Но при всемъ этомъ, форма поземельныхъ отношеній между ними и въ нихъ измѣнялась крайне мало: могли установиться сервитуты; если соединялись складническія деревни, весьма вѣроятно образовывалась изъ нѣсколькихъ складническихъ деревень одна. Новой формы, новаго типа поземельныхъ отношеній отсюда еще не получалось.

Сейчасъ мы перейдемъ къ новымъ образованіямъ, развивавшимся параллельно разложенію складнической деревни и успѣхамъ подворно-участковаго владѣнія. Покончивши, такъ сказать, съ полевою землею, послѣдняя форма владѣнія постепенно завоевываетъ себѣ мѣсто и въ принадлежностяхъ пашни. Но здѣсь она встрѣчается съ другимъ теченіемъ: съ одной стороны, съ группировкою крестьянъ въ свободныя артели для общаго пріобрѣтенія и владѣнія сѣнокосами, рѣчными и лѣсными угодьями и пр., съ другой—съ соединеніемъ деревенскихъ складничествъ по (оставшимся еще въ ихъ рукахъ) принадлежностямъ пашни—лугамъ, рѣкамъ и пр. въ сложные союзы, иными словами: съ переходомъ складническаго землевладѣнія въ мірское. Одновременность и паралелизмъ указанныхъ явленій—полнаго превращенія складнической деревни по отношенію къ горной пашнѣ въ подворно-участковую и образованія свободныхъ артелей и мірскихъ союзовъ—доказывается тѣмъ, что наибольшее развитіе двухъ послѣднихъ формъ наблюдается именно въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ наибольшіе успѣхи сдѣлало подворно-участковое владѣніе. Еще въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ всѣ земли и угодья и всѣ поземельныя отношенія замыкаются въ деревнѣ, хотя и здѣсь замѣтно обобществленіе нѣсколькими деревнями пашенныхъ лѣсовъ, выгоновъ, рыболовныхъ и промысловыхъ угодій. Но общимъ явленіемъ мірское землевладѣніе сдѣлалось въ Кеврольскомъ уѣздѣ, гдѣ отчетливо и ясно сложилась форма подворнаго владѣнія полевою горною землею [114]). Признаками, отличающими новыя организаціи—свободныя артели и міры—отъ старыхъ складствъ служатъ: во первыхъ то, что складничество прежняго типа, хотя бы оно простиралось на однѣ принадлежности полевыхъ земель (сѣнокосы, лѣсъ, рѣки и пр.), имѣло антецедентомъ общее владѣніе всѣми имуществами, обусловленное или общимъ происхожденіемъ или совмѣстнымъ пріобрѣтеніемъ товарищами деревни; такъ или иначе, но здѣсь горныя земли были, какъ тогда говорилось, „одного печища и дѣлу". Во вторыхъ, складническая деревня была замкнутымъ цѣлымъ, въ ней сосредоточивалось все хозяйство ея жильцовъ; она владѣла, какъ полевою землею, такъ и всѣми ея принадлежностями: лугами, выгонами и пр.

Въ новыхъ союзахъ единство происхожденія горной полевой земли не играетъ никакой роли. Союзъ образуется изъ владѣльцевъ, не только имѣющихъ свои обособленные участки земли, но и принадлежащихъ къ различнымъ деревнямъ. Вслѣдствіе этого мѣсто прежняго единства субъекта владѣнія (II) занимаетъ дифференцированіе его: горная полевая земля принадлежитъ двору, а ея принадлежности: луга, рѣки, выгоны различнымъ союзамъ, въ которые входитъ дворъ. Какіе же это были союзы?

Отчасти нѣкоторыя земли и угодья остались во владѣніи деревенскихъ складствъ. Это были тѣ изъ нихъ, запасъ которыхъ былъ еще очень значителенъ и эксплоатація которыхъ была сравнительно экстензивна. Такимъ образомъ деревенское складничество значительно сузилось въ своемъ объемѣ, сдѣлавшись субъектомъ владѣнія только немногихъ угодій; паскотины, иногда лѣсныхъ угодій, иногда небольшихъ рѣчекъ и озеръ, не имѣвшихъ хозяйственной цѣнности для всѣхъ крестьянъ.

Остальныя принадлежности пашни: луга, большія и въ хозяйственномъ отношеніи важныя для крестьянъ рѣки, иногда паскотины и выгоны и пр.—перешли во владѣніе значительныхъ союзовъ, сложившихся изъ складствъ.

Эти союзы могли быть весьма неодинаковы по степени сложности: однѣ непосредственно состояли изъ простыхъ складствъ; въ составъ другихъ входили уже сложныя складническія группы. Къ первымъ, напр., относятся нѣкоторыя волостки, какъ: Труфанова Гора, состоявшая изъ 4 складническихъ союзовъ [115]), или союзъ крестьянъ, по владѣнію Яковлькурскимъ островомъ, состоящій изъ 2-хъ сябренныхъ союзовъ [116]). Ко вторымъ относятся союзы волостокъ, тяглыя волости и союзы волостей, напр.: 6 низовскихъ двинскихъ волостей, сообща владѣвшихъ морскими пожнями [117]). Совладѣніе сложныхъ группъ мы будемъ называть мірскимъ, какъ оно иногда и называется въ памятникахъ: „а кто учнетъ изъ тѣхъ нашихъ мірскихъ угодій: сѣнныхъ покосовъ, и изъ рыбныхъ ловель или изъ скотинной паствы"... [118]).

Какимъ путемъ создавались эти соединенія и какъ они относились къ готовымъ уже территоріальнымъ союзамъ? Въ юридическомъ обиходѣ нашихъ крестьянъ не было повсемѣстно такого готоваго союза, который бы могъ взять на себя обобществленіе земель и угодій, тѣмъ болѣе, что и сознаніе необходимости такого обобществленія развивалось постепенно, исходя, такъ сказать, изъ конкретной нужды въ томъ или другомъ угодьѣ. Поэтому и рѣшеніе этого вопроса со стороны крестьянъ было чисто эмпирическое. Каждое угодье стягивало къ себѣ группы дворовъ и поселковъ. Первоначально, вѣроятно, послѣдніе пользовались ими совершенно свободно: каждое деревенское складство или даже каждый дворъ промышляли и работали, гдѣ хотѣли и захватывали сколько могли. Но можно думать, что въ то же время

[114]) Древности, I, 36: 430.

[115]) Кеврольскія писц. кн. № 185: 282—285, дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда № 33 „паскотины дѣльная" 1624 г.

[116]) Рус. Ист. Библ. XIV т., 66 с.

[117]) Ibid.: 122 с.

[118]) Ibid.: 407 с.

для посторонних доступъ къ угодью былъ закрытъ. Союзы и дворы терпѣли другъ друга какъ промышлявшихъ и работавшихъ издавна; но были въ состояніи и, можетъ быть, по своему въ правѣ исключить новыхъ постороннихъ лицъ. Въ этой власти кроются элементы будущихъ урегулированныхъ положительныхъ отношеній между членами союза. Когда начинаетъ ощущаться тѣснота, когда свобода освоенія приводитъ къ взаимнымъ столкновеніямъ и спорамъ—это во первыхъ, во вторыхъ: когда пользованіе угодьемъ, необходимымъ для сгруппировавшейся около него группы союзовъ, обусловлено уплатою аренды въ государственную казну, слишкомъ высокой, чтобы ее могъ вносить одинъ дворъ или одна деревня, наконецъ, когда, хотя бы и при наличности такого состоятельнаго двора, угодье необходимо для цѣлой группы поселковъ[119], во всѣхъ этихъ случаяхъ заинтересованные союзы вступаютъ между собою въ договоръ и имъ опредѣляютъ свои дальнѣйшія отношенія по такимъ угодьямъ.

Ускорить этотъ процессъ объединенія союзовъ могла и техническая сторона обложенія того времени, напр.: когда сосѣдніе владѣльцы, эксплоатировавшіе угодье свободно, облагались сваломъ[120]. Въ такомъ случаѣ промышленники должны были развертывать между собою общую сумму оброка, можетъ быть, опредѣлять размѣръ пользованія каждаго въ зависимости отъ размѣра платимаго имъ оброка и наконецъ, наблюдать, чтобы никто не пользовался въ размѣрахъ большихъ, чѣмъ тѣ, на какіе даетъ ему право, т. е. платимая имъ доля общаго оброка.—Такимъ образомъ основа соединенія въ сложные союзы лежала въ хозяйственныхъ группировкахъ населенія. Эти группы (не въ смыслѣ только географическаго разселенія около угодій, а въ смыслѣ хозяйственнаго пользованія ими) могли совпадать съ готовыми уже территоріальными союзами, хотя бы имѣвшими совершенно другія цѣли, съ волосткою, которая, вѣроятно, была во время Новгородской власти административной единицею, какъ сошка—окладною, но подъ Москвою она утратила и свои первоначальныя функціи и организацію, преобразовавшись въ хозяйственный луговой союзъ[121]), или съ тяглою волостью, принимавшею на себя въ очень нерѣдкихъ случаяхъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ роль лугового союза[122]), а въ Кевропьскомъ рѣчного[123]); наконецъ, даже приходъ иногда получалъ хозяйственныя функціи, владѣя лѣсными и рѣчными угодьями, назначенными не для нуждъ церкви, т. е. не для публичныхъ цѣлей, а для нуждъ отдѣльныхъ крестьянъ[124]). Если хозяйственныя группы не совпадали ни съ какими готовыми территоріальными союзами, онѣ образовывали совершенно новыя, самостоятельныя хозяйственныя организаціи. Онѣ въ такомъ случаѣ имѣли свое особое отъ другихъ союзовъ хозяйственное управленіе: свой міръ и сходъ, своего особаго земскаго дьячка, роль котораго исполнялъ церковный дьячекъ[125]). Имущества, принадлежавшія союзамъ, были всегда почти какого нибудь одного рода: луга, рѣки, и пр., такъ что мы имѣемъ: луговые, рѣчные и пр. союзы.

Процессъ образованія новыхъ мірскихъ хозяйственныхъ союзовъ и перехода земель и угодій отъ отдѣльныхъ дворовъ и деревень къ старымъ совершается на нашихъ глазахъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ: Обачевскій приходъ Сольвычегодскаго уѣзда до 80-хъ годовъ XVII в. не имѣлъ никакихъ общихъ крестьянскихъ угодій; въ 80 хъ годахъ крестьяне его „вобче" держали на оброкѣ рыбныя ловли и путики на Усть-Соли рѣчкѣ, бывшія до этого времени на оброкѣ за деревнею Борисовой[126]). Шесть Труфаногорскихъ деревень взяли на оброкъ въ 1623 г. лугъ, бывшій раньше за крестьяниномъ Зиновейкомъ Остафьевымъ[127]).

Этотъ процессъ совершается далеко не мирно: мірское владѣніе вступаетъ въ борьбу съ подворно-участковымъ. Слѣды этой борьбы остаются въ мірскихъ актахъ, такъ: одна мірская запись устанавливаетъ общую защиту общаго угодья противъ всѣхъ, кто будетъ принимать мѣры къ захвату его[128]), другая запрещаетъ владѣльцамъ пригораживать участки мірской земли къ собственнымъ землямъ[129]).

Успѣхи мірского владѣнія отмѣчаются переходами луговъ, рѣкъ, цѣлыхъ дачъ для всевозможныхъ промысловъ въ руки міра изъ рукъ отдѣльныхъ владѣльцевъ и деревень[130]). Данныя о нихъ гораздо болѣе многочисленны, чѣмъ данныя о завоеваніяхъ, сдѣланныхъ подворно-участковымъ владѣніемъ на счетъ мірского: эти послѣднія не многочисленны и кажется преимущественно

---

119) Подробнѣе см. ниже.

120) Повидимому, примѣръ подобнаго образованія представляетъ союзъ рыболововъ по р. Ровдугѣ Сольвычегодскаго уѣзда: „рѣка Ровдуга съ устья до вершины отдана на оброкъ къ деревнямъ всякихъ чиновъ владѣльцамъ, которыя деревни въ живущемъ подъ тою рѣкою" - Сольвычегодскія писц. кн. № 501: 569.

121) Кевропьскія п. к. № 185: 22, 24, 26, 43, 161, 172, 174, 175, 296, 297; № 186: 49, 60, 94, 113, 120, 122, 247, 262, 267, 269, 281, 292, 295

122) Холмогорскія п. к. № 9.

123) Кевропьскія п. к. № 185: 73, 99, 175, 213, 246, 277; № 186: 195, 197, 200, 307.

124) Сольвычегодскія п. к. № 505: 1206 с.

125) Рус. Ист. Бок. 122. Точно также волостки для хозяйственнаго управленія имѣли свои органы, какъ это видно изъ Труфаногорской паскотной дѣльной 1624—см. прим. 115.

126) См. прим. 124.

127) См. прим. 115, другіе примѣры: Другой лугъ, находившійся во владѣніи этого же крестьянина З. Остафьева, перешелъ во владѣніе всѣхъ крестьянъ деревень Чикинской, Киверницкой, Кононовской. Тяглый лугъ, принадлежавшій двумъ деревнямъ Марьегорской волости, послѣ запустѣнія этихъ деревень, по челобитью волостного десятскаго и всѣхъ крестьянъ, въ 80-хъ годахъ отданъ „къ Марьегорской ко всей волости къ ихъ деревнямъ на прибыльную пашню въ тягло. Кевропьскія п. к. № 185: 174. 412, 416; № 186: 199.

128) Рус. Ист. Биб. XIV т. 407 с., 1651 г.

129) М. А. М. Ю. Мезенскія крѣпостныя книги № 44: 98.

130) Кевропьск. п. к. № 185: 174, 412, 416; № 186: 199., см. прим. 124, 127.

говорятъ объ огораживаніи мірскихъ земель частными лицами и о захватѣ оброчныхъ угодій, что впрочемъ можно вывести изъ содержанія оборонительныхъ мірскихъ постановленій. Но подворно-участковое владѣніе имѣло за собою очень важное преимущество: оно примѣнялось къ главному основному имущественному фонду—горнымъ полевымъ землямъ, и отсюда воздѣйствовало на мірское, очень своеобразно измѣняя его. Объ этомъ ниже.

Какія же хозяйственныя явленія вызвали мірское владѣніе и почему оно не сдѣлалось формою отношеній по всѣмъ землямъ и угодьямъ?

Было-бы грубою ошибкою предполагать, что земли и угодья различныхъ назначеній находились въ одинаковомъ количествѣ въ рукахъ крестьянъ—это во первыхъ. Во вторыхъ также ошибочно думать, что къ землямъ различныхъ качествъ и назначеній примѣнялись одинаковые сельско-хозяйственные пріемы. Различіе въ томъ и другомъ отношеніи между различными землями можетъ до нѣкоторой степени вскрыть различіе юридическихъ отношеній по нимъ.

Горныя земли. Горною полевою землею называлась земля, обложенная податями, тяглая земля, находившаяся въ болѣе постоянномъ, земледѣльческомъ оборотѣ, чѣмъ земли другого рода—луговые, паскотинныя.

Другое отличіе отъ луговыхъ земель—топографическое: горныя земли находятся на возвышенныхъ мѣстахъ. Въ настоящее время такая же земля называется горной или горбылистой: въ Пинежскомъ уѣздѣ это „пахотная земля, находящаяся на возвышенныхъ мѣстахъ и считающаяся лучшею, такъ какъ она защищена отъ дѣйствія морозовъ, какіе бываютъ часто на низкихъ мѣстахъ (отъ вліянія болотъ)“ [131]).

Горная земля находилась въ постоянномъ сельско-хозяйственномъ оборотѣ, поэтому, вслѣдствіе почвенныхъ условій требовала усиленнаго удобренія, такъ какъ производительныя силы ея въ однихъ уѣздахъ совершенно не возстановлялись бросаніемъ ея въ залежь, напр.: въ Кеврольскомъ, гдѣ перелогъ микроскопически малъ [132]) и объясняется не системою земледѣлія, а тѣмъ, что переложная земля просто была землею, брошенною хозяевами, переселившимися въ другіе уѣзды или волости; въ другихъ уѣздахъ перелоги нѣсколько значительнѣе, чѣмъ въ Кеврольскомъ; но не настолько велики, чтобы можно считать ихъ результатомъ господства переложнаго хозяйства. Цѣнность навоза во всѣхъ этихъ уѣздахъ указываетъ на довольно усиленное примѣненіе удобренія [133]).

[131]) Труды этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, V кн., 2 вып.: Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранные П. Ефименко. II ч. 258 с.

[132]) Древности I, 36, 423

[133]) При продажѣ земли продавецъ выговариваетъ себѣ право снятою съ земли половиною соломы и сѣна „скотъ кормить намъ продавцамъ свой“; но въ то же время онъ обязывается отдавать „наземъ съ того корма на ту (проданную) деревню“. т. е. въ пользу покупателя, „а на сторону того назму не продавать и такъ не отдать“. (Кеврола. Архивъ М. Ю. Дѣла Пинежскаго у. суда № 33, купчая 1669 г.). По купчей Устюжскаго уѣзда продавецъ выговариваетъ себѣ право: „наземъ возить изъ того двора Огапу на свою землю въ Ивашовѣ“. Рус. Ист. Библ. XII т., 160. По Сольвычегодской купчей: „назму ему Өедору (покупателю) возить изъ двора, гдѣ язъ Прокопій (продавецъ) свой скотъ кормилъ въ стаѣ, да промежъ сѣнника въ залегъ, да противъ тоежъ стаи по сѣнникамъ, да въ подмостѣ, да что въ воротѣхъ по переднему углу избному межъ заплотомъ; тотъ наземъ половина ему Өедору возить на свою землю“. А. М. Ю. Дѣла Устюжскаго у. с. № 1237, вязка I, № 6.—1676. По раздѣльному акту Холмогорскаго уѣзда: „на дворныя четвертныя поля и на иныя поля на телѣгахъ съ назмомъ, и съ житомъ, и съ сохою и съ бороною ѣздити“.—Акты, относящіеся до юрид. быта Россіи I т. № 105—1682. Наконецъ, документы Каргопольскаго (Онежскаго) уѣзда указываютъ на удобреніе не только полей, но и сѣнокосовъ. Архивъ Архангельскаго Епарх. Древлехранилища: документы Крестнаго Онежскаго монастыря II вязка 121—124. По судебнику Өедора Ивановича 1589 г., при передѣлѣ удобренія переходить вмѣстѣ съ землею, а не возвращается тому, кто привезъ его на свое поле: „а съ полосъ назму не везти“ (159 ст.).

Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли уже случай указать на факты, доказывающія примѣненіе на сѣверѣ (за исключеніемъ крайняго сѣвера) трехпольнаго сѣвооборота; по мѣстамъ была разница въ распредѣленіи полей между яровымъ, озимымъ и паровымъ.—Наиболѣе интензивно хозяйство на горной землѣ ведется, какъ мы видимъ, въ Кеврольскомъ уѣздѣ. Здѣсь же, какъ нами указано въ другомъ мѣстѣ были самыя незначительныя запашки. Все это привело къ тому, что въ Кевролѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ индивидуализировалась горная пашня. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, гдѣ и размѣръ перелога по отношенію къ распахиваемой пашнѣ позволяетъ заключить къ нѣкоторой примѣнимости, хотя далеко не къ господству, переложной системы, и гдѣ запашки сравнительно значительны, еще удерживается складническая форма владѣнія. Такимъ образомъ можно сказать, что сокращеніе площади удобной для распашки земли, вызвавшее экономизированіе почвы, интензивность ея культуры и незначительность запашекъ, содѣйствовало полному преобразованію складства въ подворно-участковую форму владѣнія. Меньшая степень интензивности, большій размѣръ запашекъ, обусловленныя большимъ количествомъ свободной земли, поддерживали примѣнимость складнической формы землевладѣнія.

Всѣ остальныя земли и угодья можно назвать общимъ именемъ принадлежностей горной полевой земли, потому, что они не могутъ при земледѣльческомъ хозяйствѣ составить самостоятельной хозяйственной единицы. Размѣръ, въ какомъ они находятся во владѣніи каждаго двора, каждой деревни всецѣло опредѣляется потребностью этихъ союзовъ; размѣръ этой потребности въ свою очередь опредѣляется размѣромъ полевой земли, имѣющейся въ ихъ распоряженіи. Горная полевая земля сдѣлалась основнымъ фондомъ, конечно, прежде всего тогда, когда

земледѣліе получило нѣкоторый перевѣсъ надъ другими отраслями труда. Но и при равенствѣ значенія различнаго рода производствъ, даже при преимущественномъ значеніи промысловъ, горная полевая земля въ силу своего окладного значенія, т. е. въ силу того, что она разсматривалась властью, какъ основной источникъ казенныхъ доходовъ, наконецъ, просто въ силу ея сравнительнаго постоянства и опредѣленности въ глазахъ населенія, получила формально опредѣляющее значеніе не только для земель и угодій, которые, какъ мы видѣли, непосредственно связаны съ нею,—какъ то луговъ, выгоновъ, но и для такихъ угодій, которыя въ хозяйственномъ отношеніи составляютъ нѣчто самостоятельное, напр.: лѣсовъ и рѣчекъ. Это опредѣляющее значеніе горной полевой земли выразилось въ томъ, что сначала при складнической организаціи, а затѣмъ и при всякой другой коллективной формѣ владѣнія, размѣръ доли въ принадлежностяхъ сталъ зависѣть отъ размѣра горнаго полевого участка. Опять таки нельзя думать, что такое отношеніе установилось сразу: въ первоначальныхъ организаціяхъ: во дворѣ, въ договорномъ товариществѣ и выдѣляющихся изъ нихъ складническихъ союзахъ, захватывавшихъ цѣлую деревню, размѣръ доли въ горной землѣ и во всѣхъ другихъ земляхъ и угодьяхъ опредѣлялся однимъ общимъ началомъ.—Это начало было личное положеніе во дворѣ или въ товариществѣ. Опредѣляющимъ началомъ сдѣлалась горная земля лишь съ теченіемъ времени, когда традиціи общаго происхожденія стали замирать, и личный составъ деревни превратился изъ родственнаго или товарищескаго въ сосѣдскій; а произошло это вслѣдствіе того уже указаннаго нами факта, что каждый дольщикъ, независимо отъ своихъ товарищей, отчуждалъ свою долю постороннимъ; послѣдніе такимъ образомъ, пріобрѣтая эту долю, не входили ни въ какія личныя отношенія къ новымъ сосѣдямъ, такъ какъ сдѣлка, а значитъ, и договоръ пріобрѣтенія съ одной и отчужденія земли съ другой стороны совершались только между непосредственно заинтересованными лицами, т. е. покупателемъ и пріобрѣтателемъ безъ всякаго участія деревенскихъ сосѣдей [134]).

При такихъ порядкахъ, лица перестали имѣть между собою какую нибудь личную связь; традиціи общаго происхожденія жили гораздо больше въ деревенскихъ, или складническихъ земляхъ, чѣмъ въ личномъ составѣ деревни, или складства; поэтому памятники XVII—XVIII в. нерѣдко говорятъ не о лицахъ, а о земляхъ „одного печища и дѣлу“.

Такимъ образомъ уже въ складнической деревнѣ прежнее личное начало легко замѣнилось вещнымъ: каждый новый жилецъ, пріобрѣтая домъ въ деревнѣ, пріобрѣталъ горный полевой участокъ и „все, что къ тому участку изстари угодья по—тягло“ [110]). Это вещное начало должно было еще болѣе окрѣпнуть, съ того времени, какъ горная полевая земля сдѣлалась подворною

[134]) Древности I, 36; 418 с.; см. напр.: Р. И. Б. XIV, 33.

собственностью, а въ складническомъ владѣніи остались лишь ея принадлежности: здѣсь величину участка стали опредѣлять крѣпость, по которой онъ пріобрѣтенъ; а размѣръ его принадлежностей величиною самого участка. Съ замѣною личнаго начала вещнымъ произошло и другое важное измѣненіе, идущее навстрѣчу измѣненіямъ въ сельско-хозяйственныхъ организаціяхъ: при складническомъ деревенскомъ владѣніи все хозяйство заключается въ деревнѣ; и эта деревня сообразуетъ свою хозяйственную жизнь съ принципомъ присущимъ только ей: положеніе въ семьѣ, въ артели имѣло значеніе только въ деревнѣ и за межами ея оно не годилось, въ качествѣ мѣры какихъ бы то ни было отношеній. Съ замѣною личныхъ отношеній вещными, появилось начало, которой вполнѣ удобно было распространить на землевладѣльцевъ нѣсколькихъ союзовъ: земельный участокъ, какъ мѣра правъ и обязанностей—былъ одинаковъ для всѣхъ деревень.

Параллельно съ этими явленіями въ деревнѣ, какъ намъ извѣстно, въ междудеревенскихъ отношеніяхъ происходятъ другія: деревенскія складства по принадлежностямъ пашни объединяются въ мірскіе союзы и мѣрою правъ и обязанностей членовъ этихъ союзовъ по мірской землѣ дѣлается горный полевой участокъ, принадлежащій каждому. Этотъ участокъ въ финансовомъ отношеніи былъ основнымъ окладнымъ имуществомъ; отсюда и самый размѣръ его фиксировался въ размѣрѣ идущихъ съ него налоговъ и повинностей—тяглѣ; и мало по малу подъ самымъ словомъ „тягло“ стали понимать не только эти повинности, но и землю, обложенную ими; какъ было въ XVII—XVIII в.; такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранилось и до нашихъ дней.

Такимъ образомъ критеріемъ правъ и обязанностей по принадлежностямъ пашни: лугамъ, выгонамъ, рѣкамъ, лѣснымъ угодьямъ сдѣлались тягло и тяглая земля или просто тягло.

Этотъ критерій въ XVI—XVII в. одинаково примѣняется и въ небольшихъ складствахъ и въ сложившихся изъ нихъ мірскихъ союзахъ [135]). Достаточно отвлечь это тягло отъ участка, на который оно надало, и представить его какъ идеальную долю всѣхъ податей, падавшихъ на цѣлый тяглый территоріальный союзъ, напр.: волость, чтобы получить ту относительную мѣру правъ и обязанностей, какую несетъ каждый членъ тяглаго союза на ряду съ другими. Это преимущественное уже значеніе тягла, какъ идеальной доли повинностей, падавшихъ на волости, доли, приходившейся на каждаго

[135]) Ibid.: Р. И. Б. XIV т.: 337, 338; М. А. М. Ю. Дѣла Каргопольскаго уѣзднаго суда, вязка 1, № 4, 258 с.: крестьянинъ продалъ „тяглыя земли по писцовымъ книгамъ вытнаго числа треть осмины и съ збавочною оброчною землею, *что доведется по тяглу* въ поляхъ и съ запольными припашными землями, и съ лѣсными путики, и съ сѣнными покосы, и съ водяными ловищи, и въ колодцѣ по жеребью доля и со всѣми угодьи, и что потому участку изстари по тяглу прилегло“. См. ниже.

отдѣльнаго ея члена, мы находимъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне превратились изъ постоянныхъ владѣльцевъ и собственниковъ горной земли во временныхъ пользователей,—т. е. на земляхъ владѣльческихъ; здѣсь тягло въ указанномъ только что смыслѣ признавалось мѣрою всѣхъ крестьянскихъ правъ и обязанностей и въ томъ числѣ правъ на землю, уже не только луговую, выгонную и пр., но и на горную. О послѣднихъ шагахъ этой эволюціи мы будемъ говорить ниже подробнѣе.

Выяснивши такимъ образомъ отношенія между горною землею и другими родами земель и угодій, мы перейдемъ теперь къ каждому изъ отдѣльныхъ родовъ послѣднихъ. Но прежде должны остановиться еще на одномъ вопросѣ, именно: всѣ принадлежности пашни отличались отъ нея еще и въ податномъ отношеніи: тогда какъ горная полевая земля находилась въ постоянномъ сельско-хозяйственномъ оборотѣ, и какъ таковая постоянно подлежала податному обложенію—тяглу и только въ исключительныхъ случаяхъ—при раззореніяхъ населенія—это тягло облегчалось, и въ такомъ видѣ извѣстно подъ именемъ оброка; другія имущества только отчасти подлежали такому же тяглому обложенію, именно: въ зависимости отъ размѣровъ тяглой пашни; признавалось болѣе или менѣе постоянное опредѣленное отношеніе между размѣрами послѣдней и размѣрами другихъ имуществъ, напр.: на 6 десятинъ хорошей окладной земли, на 7 средней и 8 худой считалось достаточнымъ 40 копенъ сѣна; эти 40 копенъ входили въ обложенное тягломъ имущество. Но такая мѣра искусственная, повидимому, установленная самимъ правительствомъ далеко не всегда соотвѣтствовала дѣйствительнымъ потребностямъ населенія, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ широко развито было скотоводство; слѣдовательно, крестьяне должны были имѣть тѣхъ же сѣнокосовъ больше, чѣмъ давала эта норма. Вотъ эти излишки надъ нормою вмѣстѣ съ землями, которыя брались съ торговъ, „изъ воли по перекупкѣ“ и бывали обыкновенно не въ тяглѣ, а не оброкѣ, т. е. находились въ арендномъ содержаніи крестьянъ, бравшихъ ихъ у казны. Арендная плата и была извѣстна подъ именемъ оброка. Кому неизвѣстно, что крестьянство прежняго времени было подавлено тяжестью обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ сборовъ, падавшихъ на ихъ податныя имущества. Если къ этимъ сборамъ мы прибавимъ еще оброкъ, плату „изъ воли“, то должны будемъ убѣдиться, что вносить этотъ оброкъ, а слѣдовательно и имѣть необходимыя земли и угодья не было подъ силу каждому. Вотъ эти два факта: съ одной стороны, нужда въ оброчныхъ угодьяхъ и съ другой недостатокъ денежныхъ средствъ принуждали крестьянъ организоваться такимъ образомъ, чтобы имѣть необходимыя угодья и въ то же время платить за нихъ возможно меньше, иными словами: заставляли предпочитать коллективную аренду подворной; жертвуя при этомъ долею своей самостоятельности, такъ какъ отдѣльное арендованіе ставило арендатора въ совершенно независимое положеніе отъ міра, а мірское и складническое подчиняло его регламентированію со стороны міровъ и товарищей, такъ вотъ жертвуя долей этой самостоятельности, крестьянинъ въ то же время достигалъ нѣкоторыхъ матеріальныхъ выгодъ.

Этотъ фактъ предпочтенія коллективныхъ держаній частнымъ, иллюстрируется распредѣленіемъ оброчныхъ угодій въ Пинежскомъ уѣздѣ между мірами, товариществами и отдѣльными дворами; первые въ 1623 г. были наиболѣе обезпеченными арендаторами: изъ всей оброчной платы 10366 денегъ они уплачивали 5637 (0,6 всей суммы), остальные арендаторы—4729 (0,4 всей суммы).

Однако не всѣ угодья распредѣлялись одинаково: рѣки преимущественно находились въ рукахъ міровъ: изъ общей суммы рѣчной арендной платы—3042 денегъ—міры уплачивали 2863 деньги, отдѣльные хозяева только 89 денегъ. Земельныя угодья распредѣлялись между большими союзами—волостками и союзами волостей,—небольшими артелями складствами—двора въ 2, 3, 4—и отдѣльными хозяевами; первые уплачивали изъ всей оброчной платы около 30%, вторые 38%, третьи 26%. Такъ что здѣсь предпочтенія артельнаго держанія дворовому выражается въ образованіи небольшихъ союзовъ значительнѣе, чѣмъ въ изобрачиваніи волостокъ и союзовъ ихъ. Надо замѣтить, что мірскія оброчныя держанія далеко неравномѣрно распространены по всему уѣзду: въ Кеврольскомъ станѣ не было ни одного земельно-мірского оброчнаго держанія; напротивъ въ Чакольской волости мірской оброкъ преобладаетъ: изъ 13 р. 21 алтына $3^1/_2$ денегъ, уплачиваемыхъ ею, на міры—волостки и союзы ихъ—приходится 11 р. 12 а. $^1/_2$ д., т. е. 83%[136]). Приблизительно такія же отношенія сохраняются и къ концу XVII вѣка[137]).

Что артельное и еще болѣе мірское держаніе для средняго и бѣднаго крестьянина были единственными средствами имѣть въ своемъ пользованіи оброчное угодье, видно изъ относительнаго количества самостоятельныхъ арендаторовъ, арендаторовъ — артельщиковъ и лицъ, вовсе не имѣвшихъ оброчныхъ имуществъ: первыхъ изъ 1539 дворовъ было только 21, вторыхъ въ 14 артеляхъ около 50[138]); слѣдовательно, тѣхъ и другихъ около 70, т. е. 0,4% всего населенія; значитъ 99,6% его должны довольствоваться мірскими угодьями.

Далѣе, если бы мы захотѣли узнать какія лица соединяются въ артели, стоило бы только сравнить размѣры оброка, уплачиваемаго самостоятельными хозяевами и артелями, именно: каждая артель платитъ почти столько же, сколько платитъ каждый самостоятельный дворъ: отъ 1—2 алтынъ до 1,5 рубля, всего чаще отъ 5 до 8 алтынъ, и только одно товарищество, состоящее изъ 3-хъ человѣкъ, уплачиваетъ 10 рублей[139]). Изъ этого уже видно, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ въ артели соединялись лица малоимущія. Разумѣется, для людей съ такимъ достаткомъ, для людей, способныхъ вносить

[136]) Кевр. п. к. № 185: 76, 101, 176, 213, 246, 277, 301, 320.
[137]) Ibid.: № 186: 194, 307.
[138]) См. прим. 136.
[139]) Ibid. № 185, 321.

плату меньше минимальной единоличной, наиболѣе доступно угодье тогда, когда его держитъ цѣлый міръ, напр.: 7 труфаногорскихъ деревень съ 15 дворами платятъ за лугъ 2 рубля, т. е. съ двора въ среднемъ сходитъ по 4 а.[140]). Выгода малоимущихъ людей при интересующихъ насъ держаніяхъ заключалась и въ самыхъ условіяхъ участія каждаго члена міра, какъ въ пользованіи, такъ и въ взносахъ. Въ противоположность индивидуальнымъ оброчнымъ держаніямъ, при которыхъ каждый арендаторъ имѣлъ дѣло только непосредственно съ казною и былъ совершенно независимымъ отъ міра, въ мірскихъ—положеніе его было вполнѣ аналогично его тяглому положенію, т. е. вся сумма оброка падала на цѣлый территоріальный союзъ и ни одинъ изъ членовъ послѣдняго не могъ уклониться отъ участія въ платѣ его. Распредѣляли оброкъ по общимъ правиламъ распредѣленія податей, т. е. по количеству той земли, какимъ владѣлъ каждый членъ союза. По этому же самому началу распредѣлялось и оброчное угодье. Понятно такимъ образомъ, что, содѣйствуя созданію мірскихъ держаній, каждый малоимущій человѣкъ не только обезпечивалъ себя, но и обезпечивалъ для себя участіе въ платежѣ за нихъ своихъ прожиточныхъ сосѣдей. Если послѣдніе и пользовались большей, чѣмъ онъ, долей въ мірскомъ имуществѣ, за то и взносы дѣлали большія, чѣмъ онъ.

Интересъ массы крестьянства въ оброчныхъ мірскихъ имуществахъ вызывалъ, во первыхъ, стремленіе исключить ихъ изъ перероброчки, такимъ образомъ превратить срочное держаніе въ постоянное владѣніе. Дѣйствительно, нѣкоторыя оброчныя угодья превратились въ постоянныя мірскія имущества, напр.: шести Вѣегорскимъ деревнямъ „даны присадки къ ихъ деревнямъ на оброкъ и въ сошное письмо въ проки, а не на урочные годы и впредь имъ быти за ними потомужъ“ [141]).

Въ этихъ случаяхъ міръ, обезпечивая за собою навсегда угодье, избавлялся отъ конкурренціи сильныхъ людей. Во вторыхъ: иногда міры принимали свои мѣры къ тому, чтобы угодье не вышло изъ ихъ рукъ въ руки отдѣльныхъ ихъ членовъ или постороннихъ. Поэтому въ мірскихъ договорахъ мы находимъ иногда такое условіе: „а кто учнетъ изъ тѣхъ нашихъ мірскихъ угодій: сѣнныхъ покосовъ, и изъ рыбныхъ ловель, или изъ скотинной паствы изъ тѣхъ нашихъ волостей и изъ становъ, или со стороны имать на оброкъ изъ наддачи, или пустымъ называть, и намъ на того человѣка стояти всѣмъ съ одного, другъ друга не подать“ [142]). Наконецъ,—оброчныя угодья, бывшія за частными владѣльцами, міры нерѣдко переводятъ за себя: такую судьбу имѣли нѣкоторые мірскіе луга, рѣки, дачи для звѣринаго промысла. Примѣры мы увидимъ ниже [143]).

[140]) Ibid. № 185, 302.
[141]) Кеврольскія писц. кн. № 185: 174, 302; № 186: 307.
[142]) Р. И. Б. XIV т. 407—1651 г.
[143]) См. прим. 141.

Переходимъ къ обзору отдѣльныхъ земель и угодій, входившихъ въ число принадлежностей горной пашни, и отношеній, сложившихся на почвѣ владѣнія и пользованія ими.

Луговыя земли и сѣнокосы. Луга находились на низкихъ мѣстахъ, „подъ горою“, на берегахъ рѣкъ, рѣчекъ, озеръ, лывъ, на нарьяхъ, присадкахъ, островахъ. Отводились они не только подъ сѣнокосъ, но и подъ пашню. Но размѣръ запашки на нихъ то увеличивался, то уменьшался: крестьяне по степени нужды варіировали пользованіе ими, при доходности земледѣлія обращая часть ихъ подъ пашню; если же земледѣліе не окупало расходовъ на него, пашня эта обращалась въ сѣнокосъ: „сѣнные покосы и орaемыя земли на лугахъ“ [144]).

Это же хозяйственное раздѣленіе луговой земли констатируется писцовыми Кеврольскими книгами: „да у Покшеньскихъ и у Шетогорскихъ крестьянъ на Меншинемъ лугу и на острову... подлѣ Пинегу рѣку межъ покосовъ пашни пахотныя худыя земли 30 частей въ полѣ, а въ дву потомужъ“ [145]) (45 десятинъ). Различалось два рода ячменя: луговой и горный; при чемъ цѣна на послѣдній была выше чѣмъ на первый: въ одной церковной приходо-расходной книгѣ 1664 года читаемъ: „продалъ жита луговогo мѣру—взялъ 7 алтынъ“..., „продалъ жита горнаго полъ-мѣры—взялъ 11 алтынъ“ [146]). Иногда на лугу находился и выгонъ: Труфаногорскій лугъ состоялъ изъ 5 десятинъ пашни, 1,2 десятинъ сѣнокоса и 3 десятинъ паскотиннаго луга [147]). Впрочемъ обычно на лугъ скотъ пускался послѣ страды, когда „отворялась стѣнная огорода“—на Успенье въ однихъ случаяхъ, на Вздвиженье—въ другихъ [148]).

Въ отличіе отъ горной полевой земли, количество которой по мѣрѣ нужды могло болѣе или менѣе произвольно быть увеличено, запасъ луговой оставался даннымъ разъ навсегда и увеличеніе его не зависѣло отъ человѣка. Поэтому нужда въ ней должна была почувствоваться раньше, чѣмъ нужда въ полевыхъ горныхъ земляхъ. Особенно ясно она дожна была ощущаться тамъ, гдѣ наряду съ земледѣліемъ существовало и скотоводство. Истощеніе запаса луговой земли могло выразиться въ сокращеніи и скотоводства, и земледѣлія, такъ какъ, мы сказали, послѣднее зависѣло въ значительной степени отъ перваго благодаря примѣняемости унаваживанія полей. Это, однако, явленіе позднѣйшаго времени. Въ XVII в. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, дѣйствительно, замѣчается недостатокъ сѣнокосовъ, напр. въ Кеврольскомъ станѣ въ началѣ XVII в. на 1443 деся-

[144]) Дѣла Пинежскаго у. с. купчая 1669.
[145]) Кеврольскія писц книги № 186, 91, см. также Р. И. Б. XIV т. 68.
[146]) Архивъ Коскожинской церкви Архангельской губ., Холмогорскаго у. „Лѣта 170, мая 25 книги приходныя церковнаго приказчика Никулы Никифорова Бѣлаго“.
[147]) Кевр. п. к. № 185, 302.
[148]) Р. И. Б. XIV т. 128, Мезенскія переписвыя книги № 44, 98.

ятины пашни (въ трехъ поляхъ) приходилось 550 десятинъ сѣнокоса, т.-е. 2,6 десятинъ первой на 1 десятину второго; въ концѣ того же вѣка на 2230 десятинъ пашни 619 десятинъ сѣнокоса, т. е. 3,6:1[119]).

Въ XVI в. правительство считало возможнымъ выложить часть сѣнокосовъ изъ тягла и перевести ихъ на оброкъ, значитъ, находило нѣкоторый перевѣсъ количествъ сѣнокосовъ надъ количествомъ пашни, признавало, что отношеніе между ними идетъ въ пользу сѣнокосовъ гораздо больше признанной имъ нормы. Но уже въ 1623 году отношеніе пашни къ сѣнокосу 2,6:1 оно нашло во всякомъ случаѣ не выше нормальнаго и отдало всѣ сѣнные покосы на новоприбылую пашню, т. е. ввело ихъ въ число тяглыхъ земель[150]). Если уже 2,6:1 признавалось нормальнымъ отношеніемъ пашни къ сѣнокосу, то это отношеніе должно было считаться нарушеннымъ къ концу столѣтія, когда на десятину сѣнокоса приходилось 3,6 десятины пашни. Слѣдовательно, въ это время долженъ былъ сильно ощущаться недостатокъ въ сѣнокосахъ. Онъ и выражается прежде всего въ томъ, что крестьяне арендуютъ у казны оброчныя сѣнокосныя угодья.

Эти явленія отразились и на организаціи сельскаго хозяйства: луговыя земли Кевральскаго уѣзда находились во владѣніи союзовъ—волостокъ, т. е. описанныхъ уже нами группъ деревень. Въ другихъ уѣздахъ, напр., Сольвычегодскомъ сѣнокосы принадлежали по общему правилу деревенскимъ складствамъ, т. е. къ нимъ примѣнялась первоначальная форма отношеній. Разсматривая это явленіе, какъ рефлексъ хозяйственныхъ потребностей, надо сказать, что здѣсь не ощущалась нужда въ сѣнокосахъ въ такой же степени, какъ въ Кевролѣ; дѣйствительно, правительство и въ началѣ и въ концѣ XVII в. считаетъ размѣръ сольвычегодскихъ сѣнокосовъ выше нормальной потребности, предполагаемой размѣромъ запашки, и поэтому находитъ возможнымъ часть ихъ выкладывать изъ тягла на оброкъ. Наконецъ, въ Холмогорскомъ уѣздѣ оброчные луга находятся въ арендѣ у цѣлыхъ союзовъ, обыкновенно волостей и союзовъ ихъ. Причину этого явленія мы уже видѣли въ свое время.

Такимъ образомъ, резюмируя сказанное, можно отмѣтить такой фактъ: тамъ, гдѣ количество сѣнокосной земли вполнѣ достаточно для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей, остается складническая форма владѣній лугами и сѣнокосами; гдѣ напротивъ, запасъ ея сравнительно съ потребностями сельскаго хозяйства и скотоводства не великъ, или гдѣ приходится въ значительной степени расчитывать не на тяглыя, а на оброчныя луга, значитъ, вносить въ казну денежную плату, тамъ къ нимъ примѣняется коллективная форма владѣнія.

По большей части лугъ находился во владѣніи волостки, гораздо рѣже двухъ[151]). Бывали случаи, что изъ

[119]) Кеврельскія п. к. № 185, 476.

[150]) См. прим. 149.

[151]) Кевральскіе п. к. № 186, 68, 94.

цѣлой волостки нѣсколько деревень и починковъ не входили въ совладѣніе, напр. въ Кушкополѣ (Кевролѣ) одинъ починокъ не имѣлъ участія въ лугѣ, въ Шардонемѣ—одинъ, на Воймугѣ—два[152]).

Судя по послѣднимъ, исключались вновь приписанные къ волосткѣ поселки. Въ Пинежскомъ уѣздѣ крайне рѣдко сѣнокосныя угодья находились во владѣніи тяглыхъ союзовъ. Марьегорская волость, кажется, единственная, имѣвшая ихъ, пріобрѣла ихъ въ концѣ столѣтія. Тогда здѣсь образовалось два концентрическихъ круга владѣльцевъ: 12 деревень владѣли лугами на островахъ и въ Менншиномъ лугу; вся волость (15 деревень) получила въ тягло 16 десятинъ сѣнокоса въ Онашинскомъ лугу; наконецъ, та же волость владѣла новоприсаднымъ островкомъ на устьѣ рѣки Покшеньги[153]).

Такъ какъ луга тянули къ землямъ цѣлаго ряда поселковъ, то они и не могли находиться въ межахъ и граняхъ какого-нибудь одного изъ нихъ. По большей части они составляли самостоятельныя, обособленныя межевыя площади[154]), причемъ: сколько бы луговъ не принадлежало одному союзу, каждый изъ нихъ имѣлъ свои особые межевые знаки[155]). Въ отличіе отъ горной полевой земли, межевая площадь луга, принадлежавшаго одному союзу, не дѣлилась дерновыми межами; поэтому въ сдѣлкахъ не описывались ни межи отдѣльныхъ луговыхъ участковъ, ни самые эти участки. Указывалось лишь на то, что отчуждающій горную землю отчуждалъ вмѣстѣ съ этимъ и свое право на извѣстную долю луговой, именно ту долю, которая слѣдуетъ ему по его участку. Такой способъ описанія, разумѣется, примѣнялся только къ лугамъ, находившимся въ коллективномъ владѣніи, когда, слѣдовательно, каждый дворъ имѣлъ не выдѣленный участокъ, а лишь право на пай. Напротивъ, какъ мы знаемъ, горная полевая земля, находившаяся въ подворно участковомъ владѣніи, и имѣвшая дерновыя межи, описывалась вмѣстѣ съ этими межами. Эта формальная разница описанія (въ сдѣлкахъ) горной и луговой земли, служившая однако выраженіемъ болѣе глубокой разницы ихъ правовыхъ положеній, констатируется пинежскими купчими въ слѣдующихъ словахъ: описавши горныя земли, онѣ говорятъ: „а та горная земля за дерновыми межами..., а сѣнные покосы и орамыя земли на лугахъ: по Выямѣ рѣкѣ, и на Вельской пожнѣ, и въ острову, и въ поскотинной землѣ, и въ Красильѣ, и за Пежугою, и за Верхнимъ Мостомъ по Медвѣдицѣ и гдѣ, что ни есть, по горной землѣ все безъ вывѣта...; а потому тѣхъ луговыхъ земель въ сей купчей не описано (по другой купчей: „а луговой земли межи для того не описаны"), а когда бываетъ ровень земли мірская, и когда межи перемѣняются, дѣлъ бываетъ, и луговая земля перемѣняется и доставается въ

[152]) Ibid. 119, 173, 186.

[153]) Ibid. 228—231.

[154]) Ibid. № 186, 106—111, 123—138.

[155]) См. прим. 153 и 154.

другихъ мѣстахъ луговая земля“[15])[6]. Такимъ образомъ описанія луговой земли и ея межей не дѣлается потому, что и эти межи и доли луга — временные, между тѣмъ купчія крѣпости расчитаны на вѣкъ; понятно, что такое описаніе не имѣло бы никакого практическаго значенія; достаточно указать фактъ участія во владѣніи лугами. Въ приведенныхъ купчихъ онъ указанъ очень ясно даже для нашего времени; въ другихъ, напротивъ, всѣ указанія исчерпываются совершенно неясною формулою: „что къ той деревнѣ изстари угодья потягло“.

Паскотинная земля. Слово „паскотина“ не означаетъ только „выгонъ“; но несомнѣнно ею называлась та земля, которая до обращенія подъ пашню была занята лѣсомъ и служила для выгона[157]). Это названіе сохранялось за нею и тогда, когда на ней остался лѣсъ съ выгономъ, и сдѣлана пашня: скрылевскіе складники „раздѣлили межъ собою землю свою, что чищена на паскотинѣ вново…, а лѣсъ у насъ на паскотинѣ остался вмѣстѣ“[158]), „у нашія деревни Холмовскіе паственные городь разсѣкли…; а выпустили у насъ изъ паствы десятеро коней пашенныхъ…, и пашни у насъ на паствѣ называютъ своими, а пашни у насъ вопчіе“[159]). Наконецъ, паскотиною иногда называлась луговая земля, вѣроятно потому, что на лугу находился и выгонъ, такъ: Труфалогорскій лугъ называется паскотиною и дѣльная его „паскотины дѣльною“[160]). Этотъ послѣдній актъ не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ хозяйственнаго значенія паскотины: „въ косй трети смоетъ или засыплетъ, а *пахать* негодно“…; „надкинули 3 сажени земли… во всей пожнѣ для ручья, что у ручья пахать нельзя; а будетъ тотъ ручей сполнится, а та земля льзя *пахать*…; а что за лывого у рѣпища удѣлъ, и тотъ намъ удѣлъ пахать по прежнимъ жеребьямъ“[161]). Къ пашнямъ, находящимся на паскотинахъ, примѣнялся паръ; но это не исключаетъ обращенія ихъ въ залежь и замѣны брошенныхъ расчистокъ новыми. Брошенная въ залежь земля не возвращается подъ обработку до тѣхъ поръ, пока не возстановятся ея производительныя силы. За это время она успѣваетъ порости лѣсомъ, называемымъ молодями или рощами. Вслѣдствіе того, что эти молоди вырастаютъ на запущенной залежной землѣ, эта послѣдняя иногда называется паромъ. Наконецъ, когда залежь снова обращается подъ пашню, слѣдовательно, съ нея вырубается лѣсъ, она носитъ названіе новиннаго пара[162]). Такимъ образомъ въ паскотинномъ хозяйствѣ мы наблюдаемъ примѣненіе залежно-паровой системы. Примѣромъ можетъ служить сурскій перелогъ и новая пашня, принадлежавшія всѣмъ крестьянамъ Сурской волости „вопче“. „Сурской волости всѣхъ деревень у всѣхъ крестьянъ вопче на Поганой Сурѣ на Хатьѣ отхожія пашни худыя земли лѣсомъ поросло—32 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ“ (48 десятинъ)[163]). „Лѣсомъ поросло“ тоже, что въ другихъ актахъ называется молодью. Нельзя не отмѣтить того интереснаго факта, что въ Сурской волости изъ всего количества перелога — $48^3/_4$ десятинъ, на мірскія земли приходится, какъ мы видѣли, 48 десятинъ; тогда какъ подъ обработкой въ общемъ владѣніи находится только 15 десятинъ (10 четей въ каждомъ изъ трехъ полей), очевидно расчищенныхъ послѣ того какъ истощенная земля 48 дес. брошена въ залежь[164]). Напротивъ, у отдѣльныхъ крестьянъ на 488 десятинъ обрабатываемой пашни ($325^{11}/_{12}$ чети въ каждомъ полѣ) перелогу и лѣсомъ поросло только $^3/_4$ десятины[165]).

Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что хозяйственная терминологія въ XVII в. далеко не установилась: одни и тѣ же названія примѣняются къ совершенно различнымъ землямъ. Я приведу еще одинъ примѣръ этой терминологической путаницы, примѣръ, въ которомъ отожествляются понятія: покосъ, пашенная земля, паскотина: „тотъ Михайло на нашемъ покосѣ землю зоралъ и пшеницы насѣялъ, а тотъ было покосъ сего году нашей половины… и косити было намъ“. „Покосъ де нашъ сего году косити намъ довелось, потому что въ прошломъ году былъ покосъ его Михаилова штины, и онъ рѣпу сіялъ, и сего года на землѣ сіяна пшеница наша“; про эту же землю далѣе говорится слѣдующее: „сіялъ тотъ Михаило, съ нами земли не дѣля, зоравъ поскотину, лну да ржи лоскутъ“[166]).

Результаты нашихъ наблюденій луговой земли могутъ быть примѣнены къ паскотинѣ лишь постолько, поскольку паскотина находилась въ лугахъ; въ такихъ случаяхъ, дѣйствительно, отношенія по ней были тѣ же самыя, что и по луговой землѣ, т. е. тамъ, гдѣ въ послѣдней ощущался нѣкоторый недостатокъ, она находилась въ мірскомъ владѣніи, напр. 18 деревень Альмешской волости Устюжскаго уѣзда сообща владѣли поскотинною землею; вчиная искъ противъ крестьянина Мити Нефедьева, они говорили: „тотъ Митя у насъ на Альмешѣ у всей волости паскотинныя земли отнялъ и отгородилъ къ своей землѣ къ горной деревнѣ; а та земля нашихъ деревень“[167]). Въ Холмогорскомъ уѣздѣ паскотина, отведенная спеціально подъ выгонъ, принадлежала нѣсколькимъ понизовскимъ двинскимъ волостямъ: изъ морскихъ пожень крестьяне этихъ волостей “Падростровъ и Тайнокурецъ оставили вмѣстѣ не въ дѣлу подъ скотинную паству“[168]). Наконецъ, мы знаемъ уже, Труфаногорская

[156]) М. А. М. Ю. Дѣла Пинежскаго у. суда № 33, купчая 1669 г.

[157]) См. ниже.

[158]) Р. И. Б. XIV т. 84—85.

[159]) Ibid. 568, 570.

[160]) „Паскотины дѣльная“ 1624.

[161]) Ibid.

[162]) Рус. Ист. Библ. XIV т. 556, 556, 653, 672. (1605—1626).

[163]) Кеврольскія писц. кн. № 185, 202.

[164]) Ibidem.

[165]) Ibid. 199.

[166]) Рус. Ист. Библ. XII т. 219—320 (1641 г.).

[167]) Акты, относящіеся до юрид. быта Россіи I т., № 52, 1555 г.

[168]) Рус. Ист. Библ. XIV т. 406—1651.

паскотина находилась во владѣніи Труфаногорской волостки[169]). Поскольку, далѣе, паскотина была землею, расчищенною изъ подъ лѣса, слѣдовательно, увеличиваемой болѣе или менѣе произвольно, къ ней не приложимы указанныя выше наблюденія.

Первое, что отличаетъ ее отъ луговой земли, было, слѣдовательно, возможность произвольнаго увеличенія, а значитъ и недостатка въ ней не должно было ощущаться. Это обиліе земель, годныхъ подъ паскотину, каково бы ни было назначеніе послѣдней, выразилось и въ констатированной уже нами экстензивности паскотиннаго хозяйства; слѣдовательно, второй ея признакъ, отличающій ее отъ горной полевой земли, заключается въ томъ, что въ нее вкладывается меньше труда и средствъ, чѣмъ въ послѣднюю. Значитъ, и запасы этой земли были значительны и трудъ, примѣняемый къ ней былъ экстензивенъ, поэтому и организація отношеній по ней осталась преимущественно первоначальная, т. е. складническая.

Въ писцовыхъ книгахъ къ каждой деревнѣ приписаны лѣсъ и выгонъ въ опредѣленномъ количествѣ десятинъ. Иногда нѣсколько деревень сообща владѣютъ тѣмъ и другимъ: „паскотина тое деревни и лѣсъ вопче съ иными деревнями". Устюжскій писецъ указываетъ мѣсто, гдѣ находится животинный выпускъ: за полями, въ болотѣ подъ деревнею, подлѣ озера, въ лугу, какъ и усольскій— величину его, прибавляя послѣ этого и описаніе другихъ свободныхъ мѣстъ, гдѣ пасется скотъ: лѣсъ, болото, кусты. Только обмѣренный выгонъ входитъ въ обособленное владѣніе деревни; все остальное пространство для пастьбы находилось въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ деревень. Иногда писцомъ констатируется существованіе такихъ двоякаго рода выгоновъ: выгонъ „съ сосѣдями вопче за полями въ болотѣ... и особо въ телятникѣ"[170]).

Болѣе состоятельные владѣльцы имѣли отдѣльные выгоны, составляя товарищества для пріобрѣтенія на общія средства, напр. товарищество, состоящее изъ причта соборной церкви (въ Устюгѣ), старцевъ Ивановскаго монастыря, и 5 крестьянъ для своихъ сосѣднихъ деревень купило на общія средства треть деревни Рагозины „подъ паскотину"; въ товарищество вошелъ и продавецъ. Въ

[169]) См. прим. 160.

[170]) Телятникомъ называлось огороженное, расчищенное изъ подъ лѣсу мѣсто, назначенное какъ для пастьбы, такъ и для сѣнокоса. Нерѣдко телятникъ находится въ сторонѣ отъ полей, около лѣсу и засѣянныхъ новинъ: „разсѣченъ у моего телятника огородъ... и скотишно мое изъ телятника распущено въ лѣсъ. „Въ томъ телятникѣ былъ скотъ скупной пущенъ кормить". См. прим. 7, II гл. Явки 1630 г. 24 іюня и 18 августа. Сѣнокосъ въ телятникѣ: „продалъ на телятники казоннаго сѣна... 3 промежка, взялъ 26 алтынъ", см. 33 прим. Телятники находились въ складническомъ владѣніи; дѣлились и передѣлялись отдѣльно и вмѣстѣ съ другими землями. Одна явка указываетъ такой поводъ передѣла ихъ: „я де тѣмъ (телятникомъ) владѣю по своей долѣ своею половиною; а тотъ де я телятникъ чистилъ и пахалъ по своей долѣ одинъ да и владѣю одинъ. А когда де Михаило противъ того телятника столько же земли очиститъ и отпашетъ, тогда самъ и телятникъ верстаю и дѣлю", прим. 7, явка 1631 г., 2 авг.

этой купчей указана и доля пользованія каждаго, именно: опредѣленное количество головъ скота, какое имѣетъ право выпускать каждый на выгонъ: „а ту землю купили подъ поскотину къ деревнѣ къ Богородицкой на 3 лошади, а къ деревнѣ къ Жигулеву на 8 лошадей, да къ полудеревни Соловьеву къ Роману на 2 лошади; а ему Огапу (продавцу) къ деревни Ивашеву на 3 лошади[171]).

Вѣроятно, и во всѣхъ случаяхъ, когда поскотина служила только для выгона, размѣръ права каждаго выражался въ количествѣ выпускаемаго имъ скота. Это количество въ свою очередь опредѣлялось хозяйственною потребностью каждаго совладѣльца, которая зависила отъ размѣровъ его собственнаго, находящагося около данной поскотины участка, напр. въ дер. Земцово Кевропьскаго стана (Кевропьскій уѣздъ) на 3 двора, изъ которыхъ у каждаго по $1^3/_4$ чети ($2^5/_8$ десятинъ) земли, „животиннаго выгону 1 десятина" [172]).

Про одного изъ жильцовъ подъячаго Богдана Петрова замѣчено: „въ томъ во всемъ (въ поскотинѣ и въ лѣсныхъ угодьяхъ) подъячему Богдану Петрову треть"[173]).

Обратимся къ отношеніямъ по лѣсамъ, находившимся въ межахъ деревень и союзовъ деревень, это такъ называемые молоди, лѣса пашенные и непашенные. Складническія отношенія простирались не только на культурныя, но и на некультурныя земли, какъ занятыя названными сейчасъ лѣсами; и эти послѣдніе, какъ первые, дѣлились по долямъ: каждый складникъ могъ расчищать часть деревенской земли по своей долѣ и владѣть ею одинъ до тѣхъ поръ, пока сосѣди не расчистятъ соотвѣтствующихъ частей земли по своимъ долямъ; тогда только вся расчищенная земля передѣлялась[174]). Но такой порядокъ, при которомъ каждому предоставлялось чистить землю, не допуская вмѣшательства товарищей, вызывалъ недоразумѣнія и судебныя дѣла. Поэтому уже въ XVI в. появились нѣкоторыя ограниченія этой свободы: прежде, повидимому, опредѣленія размѣровъ лѣсного участка, соотвѣтствующихъ праву, предоставлялось самому складнику, теперь общій лѣсъ долженъ быть предварительно раздѣленъ между товарищами по долямъ, и затѣмъ уже каждый могъ чистить выдѣленный ему участокъ: „не раздѣля лѣсовъ не чистити, а станемъ мы землю чистить, а намъ другъ друга повѣщать". Исполненіе этого требованія обезпечивается въ цитируемомъ памятникѣ угрозою: „а кто учнетъ чистити земля не повѣстя другъ друга, а та земля вопче пошла"[175]), т. е. расчистившій ее лишается права отдѣльнаго пользованія; она поступаетъ въ общее владѣніе. По проэкту судебника 1589 года, эксплоатація молодей подчиняется тѣмъ же ограниченіямъ: „а у которыхъ селъ и деревень есть молоди, и тѣхъ молодей — прежнихъ выпашей — и

[171]) Рус. Ист. Библ. XII т. 159—1617 г.

[172]) Кевропьскія п. к. № 186 (1686 г.) 126.

[173]) Ibid.

[174]) См. прим. 170, текстъ явки 1631 г.

[175]) Рус. Ист. Библ. XIV т., 85 с.—1570 г.

тѣхъ лѣсовъ складниками межъ себя безъ дѣлу и безъ жеребья ни сѣяти, ни пахати". Здѣсь регистрируется лишь нѣсколько иная санкція: „кои складникъ безъ дѣлу молоди высѣчетъ и запашетъ", тотъ долженъ выдѣлить долю изъ урожая складнику, который „не сѣкъ", хотя бы послѣдній расчистилъ другое мѣсто того же лѣса[176]).

Иногда, повидимому, вмѣсто предварительнаго раздѣла, примѣнялся общій артельный трудъ; и затѣмъ дѣлилась уже сообща расчищенная новина: „раздѣлили семи межъ собою землю свою, что чищена на паскотинѣ вновь по своей полюбовной записи: та земля, разверя, раздѣлити, и мы ту землю раздѣлили"[177]).

Такимъ образомъ путемъ (предварительнаго или послѣдующаго) раздѣла опредѣлялся раіонъ расчистокъ и пользованія ими. Но иногда то и другое опредѣлялось срокомъ производства расчистокъ: складникъ могъ чистить лѣсъ только въ теченіи опредѣленнаго времени: „а што они въ 5 годовъ усѣкутъ, ино имъ и полно, а што ся останется отъ 5 годовъ, ино имъ до того дѣла нѣтъ"[178]).

Небезынтересно отмѣтить еще одну сторону ограниченій, относящуюся уже къ правамъ въ чужихъ вещахъ: по только что цитированной дѣльной, лѣсъ, находящійся въ участкѣ одного изъ складниковъ, представляется расчищать двумъ другимъ и въ теченіи 5 лѣтъ пользоваться расчищенною землею: „а сѣтчи имъ тотъ лѣсъ въ 5 годовъ; а што они усѣкутъ въ 5 годовъ, ино имъ хлѣбъ съ земли снести, а до земли имъ дѣла нѣтъ"[179]). Такія же ограниченія пользованія новиною опредѣленнымъ срокомъ, судя по одной изъ приведенныхъ нами явокъ 1631 года, примѣнялись и къ новинамъ, сѣченнымъ въ своемъ участкѣ: послѣ этого срока новина шла въ передѣлъ[180]).

Мы имѣемъ дѣло съ росчистями, производимыми на складническихъ земляхъ; поэтому къ нимъ примѣнялся и общій критерій, опредѣлявшій размѣръ складническаго пользованія: каждый могъ чистить и пахать по своей долѣ: „я телятникъ чистилъ и пахалъ по своей долѣ". Но понятіе доли наполнялось, какъ мы видѣли, различнымъ содержаніемъ: среди родственниковъ и товарищей доля опредѣлялась положеніемъ въ семьѣ и въ артели, въ сосѣдскомъ союзѣ — тяглымъ участкомъ, или количествомъ податей, платимыхъ съ него — тягломъ: „а ту семя землю (что чищена на паскотинѣ) раздѣлили по тяглой землѣ"[181]): „жгли мы новину, а выжегши ту новину, и раздѣлили повытно"[182]). Въ составъ сосѣдскихъ союзовъ по указаннымъ выше лѣсамъ входили рядомъ

съ одною деревнею и группа деревень и цѣлыя волостки и волости[183]), слѣдовательно, и владѣніе ими начинало дѣлаться мірскимъ. Надо думать, что всѣ указанныя выше ограниченія примѣнялись и къ мірскому владѣнію. Во всякомъ случаѣ они примѣнялись на владѣльческихъ земляхъ XVII в.[184]).

Пользованіе лѣсомъ, ведущее лишь къ частичному его уменьшенію, для домашняго мелкаго обихода: на дрова, жерди и для построекъ не ограничивается: „лѣсу не сѣтчи" другъ безъ друга „опроче дровъ и жердей", „а лѣсъ ситчи на дрова или на бревна или на жерди гдѣ кому любо"[185]). Наконецъ, если лѣсъ назначенъ для какихъ либо общеполезныхъ цѣлей, всякое пользованіе имъ совершенно исключалось: тѣ же Яковлькурцы оставили лѣсъ: „съ головы острова и по сторонамъ отъ Двины", для защиты полей отъ льда и воды, запретивши нетолько чистить его, но и „лыка драть и дрова сѣчь"[186]). Черные лѣса, боры, болота. Если въ межахъ каждаго изъ союзовъ имѣетъ мѣсто исключительная хозяйственная дѣятельность его членовъ; то за межами ихъ лежатъ земли, не принадлежащія въ частности ни одному изъ союзовъ, земли, которыми поэтому могутъ свободно пользоваться члены всѣхъ ихъ: „дале (межей сосѣднихъ деревень) вопчей лѣсъ царевъ и великаго князя"[187]). Въ этомъ черномъ лѣсу по общему правилу, зарегистрированному судебникомъ 1589 г., примѣняется свободное освоеніе и свободный дворовый трудъ; черный лѣсъ служитъ фондомъ для образованія самостоятельныхъ дворовыхъ владѣній: „а черный лѣсъ пахать въ суземкѣ просто безъ дѣлу, гдѣ не молодь, кто сколько можетъ: тотъ лѣсъ вопчей царевъ и великаго князя"[188]).

Изъ послѣднихъ словъ мы видимъ, что по отношенію къ черному лѣсу рядомъ съ признаніемъ начала перваго захвата признается и коллективное начало. Понятіе „вопчей", въ которое выливается въ данномъ случаѣ послѣднее, означало полную нераздѣльность имущества. Но затѣмъ въ различныхъ сочетаніяхъ ему придавался нѣсколько различный смыслъ: въ складническихъ сдѣлкахъ мы съ нимъ встрѣчаемся, напр.: „а что пустоши, и лѣса и логи въ двухъ поляхъ пахатныя мѣста и то со складники вопче". Напротивъ, къ сѣнокосамъ, которые также находились въ общемъ владѣніи, но въ раздѣльномъ пользованіи не примѣнялось это слово: „и въ той пожнѣ ему Ѳедору половина и владѣть ему со складники по поламъ и косить перемѣняясь по годамъ". Къ складническимъ пустошамъ примѣняется понятіе „вопчей", пока они не раздѣлены; даже безъ раздѣла ими можетъ пользо-

176) Ст. 176 см. также прим. 162.

177) Рус. Ист. Библ. XIV т. 84—1570 г., 833—1608, 66—1563 г.

178) Рожковъ. „Сельское хозяйство въ Московской Руси въ XVI в., прибавленіе III, 494 с.

179) Ibid.

180) Прим. 170.

181) Рус. Ист. Библ. XIV т. 85—157.

182) Ibid. XIV т. 557—1605 г.

183) Размѣры расчистокъ у группъ деревень и волостокъ Чакольской волости Кевролькаго уѣзда: писц. кн. № 186, 248 с. 4,5 десятины; 267 с.—7 д.; 269 с.—1 д.; 271 с.—$2^{1}/_{4}$ д. 274—$^{3}/_{4}$ д.; 292—3 д.; 298—30 д.; 306—15 д., 309—4,5 д.; 281—22,5 д.; см. прим. 163—165.

184) См. ниже.

185) См прим. 177—178.

186) Р. И. Б. XIV т. 69.

187) 177 ст.

188) 175 ст.

ваться каждый только въ размѣрахъ своей доли. И судебникъ рекомендуетъ прежде пользованія примѣнять къ нимъ раздѣлъ; такъ что по его словамъ и самое понятіе „вопчеи“ неприложимо къ этимъ лѣсамъ-молодямъ. Эта обязанность пользоваться только по долямъ, выражавшимся или даже не выражавшимся въ раздѣлѣ не позволяетъ отожествлять понятіе „вопчеи“, прилагаемое къ деревенскимъ пустошамъ, лѣсамъ и логамъ, съ понятіемъ „вопчеи“, прилагаемому къ черному лѣсу; такъ какъ здѣсь „вопчеи“ означаетъ нетолько нераздѣльность, но и отсутствіе всякаго регулированія: каждый можетъ расчищать „просто безъ дѣлу... кто сколько можетъ“, т. е. здѣсь не причемъ даже долевое пользованіе. Это не могло не служить разложенію деревенскаго складства, такъ какъ какой нибудь болѣе или менѣе энергичный хозяинъ всегда могъ дѣлать свои самостоятельныя причисти и припаши и обращать ихъ уже въ свое отдѣльное, обособленное владѣніе.

Другой вопросъ: отсутствіе прямого регулированія заимокъ въ черномъ лѣсу говоритъ ли за отсутствіе всякаго раздѣленія захватовъ, заимокъ этого лѣса, иными словами: не имѣли ли союзы какого нибудь болѣе или менѣе опредѣленнаго территоріальнаго раіона захватовъ, и если имѣли, то какіе именно союзы. Намъ кажется, проэктъ 1589 г. не разрѣшаетъ этого вопроса. Казалось бы, если мы имѣемъ дѣло съ страною малонаселенною, съ страною, въ которой приходится вести борьбу съ лѣсомъ, намъ не надо задаваться этимъ вопросомъ. Это конечно, справедливо, если мы примемъ въ расчетъ отношеніе между всею площадью земли и количествомъ жившаго на ней населенія. Но мы выше видѣли, что населеніе занимаетъ узкія полосы по рѣкамъ и группируется такъ, что поселки не разбросаны тамъ и сямъ на необозримомъ пространствѣ, а тяготѣютъ другъ къ другу. Слѣдовательно, весь вопросъ сводится не къ отношенію общаго размѣра площади земли къ общему количеству населенія, а къ отношенію между запасомъ ближайшаго къ поселкамъ лѣса и спросомъ на него со стороны мѣстнаго населенія. Запасъ сосѣднихъ, близкихъ лѣсовъ тѣмъ болѣе необходимъ, что кромѣ необходимаго для всѣхъ въѣзда въ лѣса по дрова, за строевымъ лѣсомъ, за ягодами и грибами, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ населеніе въ XVII в. не уходило въ суземъ для образованія своихъ починковъ (Кевроль). Понятно, что и при громадномъ обиліи дѣвственныхъ лѣсовъ и при малочисленности населенія, могъ возникать вопросъ о столкновеніяхъ между заимщиками и пользователями лѣсныхъ богатствъ. Косвенное подтвержденіе этому находится въ томъ, что писцовыя книги нерѣдко приписываютъ черный лѣсъ къ волостямъ. Эта приписка была бы неумѣстна, если бы не вызывалась практическими отношеніями. Но мы имѣемъ и прямыя подтвержденія нашаго предположенія. Нельзя не признать, что однимъ изъ факторовъ, усиливавшихъ стремленіе опредѣлить раіонъ своихъ захватовъ и пользованія, было сосѣдство сильныхъ людей. Этимъ, повидимому, въ значительной степени вызванъ договоръ, заключенный старожилами и крестьянами Пачеозерскаго стана Сольвычегодскаго уѣзда съ Строгановымъ. Обѣ стороны опредѣлили и отмежевали то пространство черныхъ лѣсовъ, боровъ и болотъ, какимъ должна пользоваться каждая: „и по договору въ тѣ вышеописанные въ черные лѣса, и въ боры и въ болота Почеозерскаго стана крестьянамъ ѣздить и владѣть по той излюбной крестьянамъ безпенно, а имъ именитаго человѣка Строганова людямъ въ тѣ черные лѣса, и въ боры и болота не вступаться и великимъ государямъ о томъ не бить челомъ“. Точно такое же договорное запрещеніе наложено на крестьянъ, по отношенію къ борамъ, болотамъ и чернымъ лѣсамъ, отведеннымъ людямъ Строганова. Волостными крестьянами сдѣлана одна уступка въ пользу половниковъ деревни Мошхи, расположенной на межѣ крестьянскихъ и строгоновскихъ земель: имъ разрѣшено ѣздить въ волостные лѣса „по хоромный и по дровяной лѣсъ“[189]). Какъ видно изъ этого акта, какъ увидимъ и ниже, мірская защита земли проявляется въ чисто-юридическихъ актахъ, которые прямо говорятъ за то, что извѣстные всѣмъ случаи насильственныхъ воздѣйствій крестьянъ надъ лицами, селившимися на ихъ земляхъ противъ ихъ воли, не спорадическія явленія, а правомѣрные акты мірской расправы, фактически вытекающіе изъ сознанія крестьянъ о возможной истощимости находящагося у нихъ подъ руками земельнаго фонда. Ясное дѣло, эта самозащита должна проявляться тѣмъ рельефнѣе, чѣмъ меньше остается свободной земли.

Интересно далѣе, установить составъ того союза, въ отправленія котораго входитъ охрана пустыхъ земель. Въ данномъ случаѣ это люди одного чина — свободные крестьяне цѣлой волости.

Въ другомъ случаѣ въ этой же роли выступаетъ пять деревень одной волости. За волостную межу „перелѣзли“ сосѣдніе крестьяне и расчистили тамъ подсѣку. Но это вызываетъ активный протестъ не цѣлой волости, а сосѣднихъ пяти деревень; слѣдовательно, поселковъ наиболѣе заинтересованныхъ въ сохраненіи лежащаго въ раіонѣ ихъ пользвванія земельнаго фонда[190]).

---

[189]) Сольвычегодскія п. к. № 501: 572—574.

[190]) Архивъ Архангельскаго епархіальнаго древнехранилища: документы Крестнаго монастыря, Ш вязка, 297. 8 крестьянъ Боровской волости вырубили подсѣку въ Чекуевской волости, Чекуевцы подали жалобу въ монастырь; послѣдній рѣшилъ дѣло въ ихъ пользу и боровскимъ крестьянамъ отъ подсѣки отказалъ. Тогда чекуевцы и боровчане заключили мировую, которою урегулировали взаимныя отношенія по спорной подсѣкѣ: „положа межъ собою на совѣтѣ полюбовно помирились“. На первый годъ подсѣка раздѣлена на 3 доли: 1 отдана чекуевцамъ и 2 боровскимъ крестьянамъ. Но раздѣлъ имѣлъ только формальное значеніе для опредѣленія долей труда, урожая, сѣмянъ и орудій: 1 долю ржи вносятъ боровскіе крестьяне, 2—чекуевцы; трудъ и орудія общія въ такихъ же доляхъ: „людей къ сѣву съ нихъ Чекуевской волости крестьянъ 3 человѣка, и досталь людей къ тому сѣву класть боровскихъ крестьянъ“; лошади доставляются тѣми и другими; „жать вмѣстѣ, заодно, и въ скирды класть и вымолотить вмѣстѣ“. Раздѣлу подлежитъ по указаннымъ долямъ урожай: „а

Такимъ образомъ мы видимъ въ роли охранителей соединеніе непосредственно заинтересованныхъ землевладѣльцевъ, а не всѣхъ, какія живутъ въ предѣлахъ даннаго тяглаго союза—волости или стана. Это могутъ быть сосѣди, но не необходимо всѣ, чьи земли связаны традиціями общаго происхожденія; изъ примѣра сольвычегодскаго договора мы даже можемъ видѣть, что кругъ ихъ можетъ съуживаться или расширяться въ зависимости отъ совершенно случайныхъ причинъ. Отсюда еще одно заключеніе, вполнѣ согласующееся съ нашими первыми посылками: какъ около культурныхъ земель, такъ и около пустыхъ соединяются группы, которыхъ связываетъ единство имущественнаго интереса—владѣніе или пользованіе этими землями. Кругъ этихъ лицъ опредѣляется ничѣмъ инымъ, какъ фактическою потребностью въ данномъ угодьѣ. Нечего, слѣдовательно, спрашивать, можетъ ли быть рѣчь о какихъ-нибудь заранѣе предуставленныхъ союзахъ. Въ этомъ случаѣ это или тѣ же волостки и деревни, которыя изстари пользовались этими угодьями, или совершенно случайные союзы. Наконецъ, еще одинъ примѣръ: въ рѣкѣ Мезени вмѣстѣ съ мезенцами ловили рыбу и пинежане; но какъ замѣчаетъ писецъ: „пинежане въ тѣхъ мѣстахъ на Мезени, опричь рыбныя ловли, починковъ и деревень своихъ не ставять“[191]). Разсматривая эти слова, какъ разсказъ, о томъ, что не повелось, что не имѣло прецедентовъ, что, слѣдовательно, отрицательно доказываетъ существованіе обычая, по которому берега рѣки Мезени могли быть осваиваемы только мезенцами, мы однако можемъ въ послѣднихъ видѣть лишь только жителей ближайшихъ волостей и деревень, а не всего мезенскаго уѣзда; такъ что здѣсь не междууѣздное разграниченіе, а устраненіе только непосредственно заинтересованными людьми всѣхъ постороннихъ.

Въ приведенномъ нами договорѣ между прочимъ крестьяне обязываютъ Строганова не бить челомъ государю о земляхъ, отведенныхъ въ пользованіе мірскихъ людей—мотивъ очень часто повторяющійся въ крестьянскихъ актахъ XVII в. Умѣстность его вполнѣ оправдывается стремленіями не только такихъ сильныхъ людей, какъ Строгановы и духовенство, но и зажиточныхъ членовъ крестьянскаго міра освоить въ свое исключительное пользованіе болѣе или менѣе доходныя земли, исключивши ихъ такимъ образомъ изъ пользованія всѣхъ мірскихъ людей. Московская власть сознательно или безсознательно, но очень нерѣдко шла навстрѣчу этимъ стремленіямъ, выдавая грамоты на такія заимки[192]). Имѣя только очень ограниченную возможность воздѣйствовать на Москву путемъ челобитныхъ и посуловъ, міры избирали болѣе доступный путь защиты интересовъ своихъ членовъ, обязывая своихъ контрагентовъ и своихъ членовъ не ходатайствовать передъ властью объ уступкѣ имъ нужной для міра земли—это во-первыхъ, во-вторыхъ, также договорно обязывая всѣхъ своихъ членовъ стоять всѣмъ за одинъ противъ каждаго, кто сдѣлаетъ попытку или добьется разрѣшенія на такую заимку[193]). Роль міра, какъ охранителя крестьянскихъ интересовъ, пришла въ столкновеніе съ взглядомъ правительства, усвоеннымъ и населеніемъ, на пустыя земли, какъ на собственность казны, способную ей приносить доходъ. Завѣдываніе ими главнымъ образомъ принадлежало приказнымъ органамъ. Конечно, нарушеніе мірскихъ интересовъ сдѣлалось заурядымъ: отдѣльные владѣльцы получали грамоты на владѣніе лѣсами и рѣками, грамоты, исключающія всякое вступленіе волостныхъ людей: „*инымъ волощанамъ* (т. е. кромѣ того кому дана грамота) лѣсу не сѣчи, ни рыбы ловити“[194]). Иногда при такихъ отдачахъ на оброкъ, соблюдался до нѣкоторой степени и мірской интересъ: „черный лѣсъ отданъ на оброкъ подъ новины и на расчистку подъ сѣнные покосы крестьянину Левкѣ Микитину..., а окольныхъ деревень Алексѣевскаго стану крестьянамъ (16 деревень) тѣмъ лѣсомъ ничѣмъ не запирать и въ тотъ черный лѣсъ велѣть имъ по дровяной и по хоромный всякій лѣсъ въѣзжать безпенно и безоброчно“[195]).

Міръ не былъ устраненъ отъ завѣдыванія пустыми землями, но всѣ акты непосредственно связанные съ казеннымъ интересомъ: разрѣшеніе частнымъ лицамъ устраивать починки, брать на оброкъ пустыя угодья осуществляются уже не заинтересованными непосредственно союзами, не тѣми группами деревень, въ раіонѣ которыхъ дѣлается заимка, а всею тяглою волостью[196]). Въ этомъ направленіи казенный интересъ слилъ отдѣльные союзы. Прежде принадлежавшее каждому изъ нихъ отдѣльно право разрѣшенія теперь отнято отъ нихъ и перешло къ искусственно объединившему ихъ тяглому союзу. Послѣдній, такимъ образомъ, блюдя казенный интересъ, попутно могъ охранять интересы и своихъ членовъ-союзовъ. Тяглая волость давала разрѣшеніе отдѣльнымъ крестьянамъ дѣлать заимки. Крестьяне, получившіе право не становились однако ни въ какія имущественныя отношенія къ давшей имъ разрѣшеніе волости. Въ случаѣ, если бы послѣдняя захотѣла возвратить въ свои руки отданную землю, она должна была купить ее; это справедливо даже по отношенію къ сѣнокосамъ, т. е. землямъ, не требовавшимъ никакихъ затратъ со стороны освоителя[197]). Разумѣется, такія отношенія имѣли

дѣлить також по третямъ по вымолотѣ и солома також по третямъ“. Со слѣдующаго года подсѣка переходитъ къ чекуевцамъ. Значитъ волостные крестьяне позволили возвратить устроившимъ подсѣку свои затраты на ея устройство; но оставили ее въ своемъ владѣніи.

[191]) Кеврольскія п. к. № 185, 399.

[192]) Напр. М. А. М. Ю. Книги Холмогорскаго уѣзда № 14385, 46, 52.

[193]) Рус. Ист. Библ. XIV т., 407.

[194]) См. прим. 192.

[195]) Сольвычегодскія п. к. № 451, 754.

[196]) Устюжскія п. к. № 506, 209, 258, 259.

[197]) Архивъ Архангельскаго епархіальнаго древнехранилища: данная 1493 года выдана княземъ Давыдомъ Ивановичемъ, „поговоря съ старостою съ Михаиломъ Гойтуровымъ

мѣсто, только въ тѣхъ случахъ, когда земля была отдана въ тягло; при отдачѣ же на оброкъ, создававшей только срочное арендное держаніе, міръ могъ по истеченіи срока взять землю въ свои руки. Точно также сложные совладѣльческіе союзы получали земли чрезъ руки тяглой волости, и точно также, какъ у отдѣльныхъ крестьянъ, у нихъ не устанавливалось, благодаря этому, никакихъ имущественныхъ связей съ этою волостью. Причина, разумѣется, лежала въ томъ, что тяглый союзъ во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствовалъ въ качествѣ простого казеннаго органа, напр: 6 Вѣегорскихъ деревень (Чакольской волости) получили въ постоянное владѣніе новыя присадки: „и тѣми присадками они владѣютъ по грамотамъ великихъ Государей и по обыску Чакольской волости крестьянъ; и даны имъ тѣ присадки на оброкъ и въ сошное письмо въ проки, а не на урочные годы, и впредь имъ быть за ними же потомужъ“[198]).

Лѣсные промыслы въ Кевропьскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ до нѣкоторой степени подвергались мірской регламентаціи. Впрочемъ, здѣсь надо отличать птичій промыселъ, производимый слопцами и силками, и звѣриный.

„Путики“, или „путичные тропы“, на которыхъ устанавливались силки и слопцы, въ большинствѣ случаевъ находились во владѣніи цѣлой деревни. Рядомъ съ этимъ было немало дворовъ и группъ ихъ, владѣвшихъ обособленно, „особно“ этими угодьями. Въ Кевролѣ и Чаколѣ въ 63 деревняхъ они находятся въ общемъ владѣніи цѣлой деревни[199]), и распредѣляются между дворами соотвѣтственно величинамъ жеребьевъ, такъ можно заключить изъ слѣдующаго мѣста писцовыхъ кевропьскихъ книгъ: дер. Земцово 2 двора и 1 наѣзжая пашня подъячаго Богдана Петрова; каждая пашня равна $1^3/_4$ чети ($2^5/_8$ десятинъ); у деревни животинный выгонъ 1 десятина, и противъ дворовъ 100 слопцовъ, „а въ томъ во всемъ подъячему Богдану Петрову треть“. Въ 33 деревняхъ путики находятся въ дворовомъ владѣніи; изъ нихъ въ нѣкоторыхъ рядомъ съ собинными есть общія; а гораздо чаще ихъ имѣютъ только нѣкоторые дворы: одинъ изъ всѣхъ, половина, большинство или почти всѣ, за исключеніемъ одного[200]). Попадаются нерѣдко деревни, гдѣ путики находятся въ совладѣніи нѣсколькихъ, но не всѣхъ деревенскихъ жильцовъ (напр. изъ 5 дворовъ у трехъ, изъ 3-хъ—у 2, изъ 7—у 2,5 и т. п.), или въ совладѣніи отдѣльныхъ крестьянъ нѣсколькихъ деревень—владѣльцевъ дворовыхъ и наѣзжихъ пашень. Наконецъ, угодья иногда приписываются къ пустой деревнѣ и владѣльцами ихъ являются владѣльцы наѣзжихъ пашень[201]). Такое же распредѣленіе путиковъ и слопцовъ между отдѣльными дворами и союзами можно наблюдать и въ другихъ уѣздахъ, напр: въ Холмогорскомъ. Крестьянинъ Шевденицкой волости — Замятенка Ерасимовъ Погоняевъ подаетъ явку на Максима Емельянова сына Шемякина, „да на сына его да на Іовка Иванова“: „въ нынѣшнемъ 1632 году ходятъ тотъ Сивка съ сыномъ да Іовъ воровски по моей путичной тропѣ... и угодье мое путикъ татемъ воровски пустошатъ и птицы тетерева, и рябы, и зайцы имаютъ, и слопцы и силы сѣкутъ“[202]). Въ другомъ случаѣ являютъ уже два складника Тим. Ждановъ да Ѳоонька Игнатьевъ на своего же складника Петра Никитина съ дѣтьми и на его подворника, „что они у насъ сильно угодье—путичную тропу отняли“[203]).

Въ томъ и другомъ случаѣ мы видимъ судебную защиту обособленнаго и складническаго владѣнія лѣсными угодьями — явленіе не новое: защита перевѣсьевъ (которыя встрѣчается и въ XVII в. въ Мезени, Кевролѣ, Сольвычегодскѣ) имѣла мѣсто еще въ Русской Правдѣ.

Звѣриные промыслы производились артелями. Но бывали случаи, что цѣлыя дачи осваивались отдѣльными крестьянами и отдавались имъ на оброкъ. Впрочемъ онѣ иногда изъ рукъ частныхъ лицъ переходили въ руки міровъ, напр. рыбныя ловли, горные звѣриные промыслы морской берегъ „Окладниковы и Кузнецовы слободы за всѣми крестьяны, что было за Д. Р. съ товарищи“[204]).

Рѣки, протекающія по цѣлымъ волостямъ, находились въ оброчномъ владѣніи этихъ волостей. Напротивъ, небольшія рѣчки и озера считались деревенскими и дворовыми угодьями. Но, повидимому, разъ такое угодье оказывалось доходнымъ, и въ силу этого необходимымъ для всѣхъ волостныхъ крестьянъ, оно переходило изъ рукъ отдѣльныхъ владѣльцевъ въ руки волости, напр: рѣчка Юрасъ въ началѣ XVII в. была за крестьяниномъ П. Михайловымъ, затѣмъ за Богданомъ Петровымъ, а въ 1686 г. она уже на оброкѣ „Кевропьскаго стану всѣхъ крестьянъ“[205]).

Наконецъ, къ отхожимъ угодьямъ — въ Кевролѣ къ рѣкамъ, въ Холмогорскомъ уѣздѣ — къ морскимъ пожнямъ—примѣнялось совмѣстное владѣніе нѣсколькихъ волостей[206]).

Условія пользованія рыбными угодьями тѣ же, что и другими имуществами: каждый пользуется рѣкою въ размѣрахъ своего собственнаго горнаго участка, причемъ

съ волостными добрыми людьми со всѣми“ на поженку крестьянину. На оборотѣ ея помѣчено, что сынъ этого крестьянина продалъ эту же поженку тѣмъ же волостнымъ крестьянамъ. Подобный актъ: Моск. Архивъ М. Ю. Холмогорскія крѣпостныя книги Троицкаго монастыря № 14385: № 163—1617 г.

198) Кевропьскія п. к. № 185, 178.

199) Кевропьскія писц. кн. № 186: 118, 125, 130, 131, 238, 240 и т. д.

200) Ibid.: 129, 250, 254: „да у нихъ же путики тетеревинныя ловли особно, а не вмѣстѣ“, 261, 281, 282, 115: „да у нихъ же у всей деревни путики... да у Пашки Малѣева у одного тетеревинная ловля 20 слопцовъ“, 117, 121, 125.

201) Ibid. 395: „да у нихъ же путики терперевинная ловля особно: у Ивана Лукина 5 слопцовъ, да у Ивана Филимонова 8 слопцовъ, да у Савки Васильева съ Лучкою Ларіоновымъ да съ Ѳаддѣйкомъ вмѣстѣ“ 57, 59, 113.

202) Рус. Ист. Библ. XIV т.: 701—1632.

203) Ibidem: 749—1648.

204) Кевропьскія писц. кн. № 185: 405, 412, 416.

205) Ibidem № 185: 76, ср. № 186: 199, см. прим. 80.

206) См. прим. 214—215. Р. И. Б. XIV т. 122.

какъ и сѣнокосы, тони нерѣдко находятся въ перемѣнномъ срочномъ пользованіи: „и по той деревнѣ рыбныя ловли...“; „а та полъ-тони переходитъ по годамъ съ борисоглѣбскими крестьяны“[207]).

Сложные союзы—міры не поглощали складническихъ и сябренныхъ товариществъ, во-первыхъ потому, что при раздѣлахъ и передѣлахъ общее имущество дѣлилось не непосредственно между отдѣльными крестьянами, а прежде всего между простыми или сложными группами, входившими въ совладѣльческій союзъ: Яковлькурскій союзъ раздѣлилъ пашенныя земли и лѣсъ на островѣ пополамъ между двумя сябренными союзами, изъ которыхъ онъ сложился; въ одинъ изъ послѣднихъ входили: представитель Корельскаго монастыря старецъ Силуанъ со своими сябрами, въ другой—старецъ Архангельскаго монастыря и крестьяне: Яковъ Матфеевъ съ Матигоръ и Василій Мироновъ со своими сябрами[208]). 6 Труфаногорскихъ деревень дѣлятъ общій лугъ между 3-мя третями — складствами, въ каждомъ по 5 дворовъ изъ разныхъ деревень[209]). Низовые двинскіе крестьяне дѣлятъ морскія пожни на 6 жеребьевъ въ каждомъ по нѣскольку деревень[210]). Во-вторыхъ, простыя складства оставались самостоятельными владѣльцами по отношенію къ однимъ имуществамъ и входили въ сложные союзы по отношенію къ другимъ; бывало нерѣдко такъ, что по отношенію къ третьимъ создавался еще болѣе сложный союзъ и т. д.

Приведу нѣсколько примѣровъ: въ Кеврольскомъ уѣздѣ, въ станѣ того же имени въ Ваймушской волосткѣ деревня Сивьегорская съ 6 дворами; у каждаго изъ дворовъ своя особая пашня (размѣры такіе: a—1,7 десятины, b—$2^{3}/_{8}$ десят., c—3 десят., d—$4^{5}/_{16}$ десят.,—у послѣдняго двора отдѣльное лѣсное угодье—путикъ 20 слопцовъ, e—5 десятинъ, f—6 десятинъ, 3 наѣзжихъ пашни крестьянъ смежныхъ деревень: a и b по 1 дес., c—$1^{1}/_{8}$ десят.); сѣнокоса у всей деревни 11 десятинъ= 275 копенъ, и „у всѣхъ путикъ тетеревинная ловля — 20 слопцовъ“. Такимъ образомъ пашня находится въ обособленномъ владѣніи дворовъ; по лѣснымъ угодьямъ деревня образуетъ складническій союзъ. Въ другой деревнѣ той же волостки—Плоскинской по этимъ же угодьямъ въ складническій союзъ входитъ изъ 5 дворовъ 3, остальные имѣютъ свои обособленныя угодья.

Всѣ шесть Ваймушскихъ деревень сообща владѣютъ („у ваймушскихъ же крестьянъ у всѣхъ“) „по заполью за Ваймушею и по Вардѣ рѣчкѣ по повымъ росчисямъ“ пашнею пахатною худой земли $2^{7}/_{8}$ чети въ полѣ, „а въ дву потому жъ“ ($4^{5}/_{16}$ десятины). Въ владѣніи волостки находится, наконецъ, лугъ, съ расположенными на немъ пашнею и $41^{1}/_{2}$ десятинами сѣнокоса[211]). Ваймуш-

[207]) Р. И. Б. XIV т. 78, 37.

[208]) Рус. Ист. Библ. XIV т. 66.

[209]) Кевр. п. к. № 185: 282—285, дѣла Пинежскаго у. суда № 33 „поскотины дѣльная“ 1624.

[210]) Р. И. Б. XIV т.: 122.

[211]) Кевр्ольскія п. к. № 186: 112.

ская волостка вмѣстѣ съ другими 13-ю волостками входитъ въ Кеврольскій станъ; послѣдній держитъ на оброкѣ: часть рѣки Пинеги, рѣки: Юлу, 2 Шардонемы, Немнюшку, которыя за нимъ были и въ 1623 году, въ 1686 г. къ нимъ прибавилась рѣка Юрасъ, которая въ 1623 г. была за П. Михайловымъ, затѣмъ Б. Петровымъ, т. е. за отдѣльными крестьянами, а теперь „на оброкѣ Кевролъскаго стану всѣхъ крестьянъ“[212]). За р. Пинегу кевролъцы платятъ оброкъ вмѣстѣ съ Марьегорцами; про послѣднихъ писецъ говоритъ: „а оброкъ имъ платить Кевролъскаго стану со крестьяны вмѣстѣ по расчету[213]); разверстка оброка, какъ мы видѣли, не можетъ не оказать вліянія и на имущественныя отношенія по оплачиваемому угодью. Наконецъ, тѣже кевролъцы вмѣстѣ съ чаколъцами, марьегорцами и Перемской волости крестьянами ловятъ рыбу въ рѣкѣ Мезени „снизу отъ Пылей острова вверхъ до Пижемы рѣки“ и сообща уплачиваютъ оброкъ 10 рублей[214]). Такимъ образомъ жильцы разсматриваемой нами деревни Сивьегорской обособленно владѣютъ горными пашнями, вступая въ складническій деревенскій союзъ, сообща владѣютъ многими угодьями — путиками и слопцами; далѣе: совмѣстно съ жильцами остальныхъ пяти деревень волостки владѣютъ лугомъ и новою росчистью—полевою землею; во владѣніи всѣхъ волостокъ, сгруппировавшихся въ Кевролъскій станъ, находятся рѣки и рѣчки, протекающія по этому стану. Наконецъ, отхожее угодье—часть рѣки Мезени въ указанныхъ писцомъ границахъ (надо сказать, что граница, въ которыхъ промышляетъ каждая волость, указывается писцомъ всегда довольно точно) находятся во владѣніи союза волостей. Я назвалъ эту рѣку отхожимъ угодьемъ потому, что пинежане—жители указанныхъ волостей — не имѣютъ и не ставятъ на берегахъ ея своихъ деревень, значитъ приходятъ сюда промышлять на время: „а пинежане въ тѣхъ мѣстахъ на Мезени, опричь рыбные ловли, починковъ и деревень своихъ не ставятъ“[215]). Такую группировку союзовъ — простыхъ, сложныхъ и федерацій сложныхъ союзовъ—въ Кевролъскомъ уѣздѣ можно было встрѣтить повсемѣстно. Конечно, встрѣчались нѣкоторыя отклоненія отъ нея; уже въ приведенныхъ нами примѣрахъ (дер. Плоскинской) складство по лѣснымъ угодьямъ не совпадаетъ съ деревнею, а нѣкоторые дворы по отношенію къ нимъ не входятъ ни въ какой союзъ[216]); тѣмъ не менѣе основная схема остается вездѣ одинаковой. Что касается до земельныхъ и рѣчныхъ угодій, то узелъ имущественныхъ отношеній по первымъ заключается во дворѣ, какъ собственникѣ горной полевой земли и волосткѣ, какъ собственницѣ луговыхъ земель и иногда росчистей,—по вто-

[212]) Ibid. 195, 197, 200.

[213]) Ibid. 230.

[214]) Ibid. № 185: 399.

[215]) Ibid.

[216]) Это общее правило для Марьегорской волости; группировка ея поземельныхъ союзовъ мы увидимъ ниже.

Ibid. № 186, 213—219.

рымъ—въ волости. Нѣкоторые примѣры своеобразныхъ группировокъ, мы увидимъ ниже.

Присматриваясь къ этимъ союзамъ, мы можемъ замѣтить нѣкоторую правильность, выдерживаемую если не въ подробростяхъ, то въ крупныхъ чертахъ. Всѣ земли и угодья представляютъ нѣсколько полосъ хозяйственнаго и юридическаго пользованія; чѣмъ дальше каждая полоса отъ двора, тѣмъ крупнѣе союзъ, считавшійся ея владѣльцамъ или собственникомъ, такъ: поля и огороды находятся въ собственности дворовъ; паскотинныя земли, путики съ слопцами и силками—въ собственности деревень; луга и сѣнокосы, лежавшія за межами группъ деревень, волостокъ и волостей, въ собственности этихъ союзовъ; рѣки, протекавшія по цѣлымъ волостямъ, находились во владѣніи этихъ волостей. Наконецъ, отхожія угодья были во владѣніи союзовъ волостей.

Изъ приведенныхъ примѣровъ легко замѣтить, что всѣ указанные союзы представляютъ рядъ концентрическихъ круговъ; въ центрѣ стоитъ дворъ, группа дворовъ образуетъ деревню; послѣднія, соединяясь, составляютъ волостку; изъ нѣсколькихъ волостокъ состоитъ волость или станъ; наконецъ, всѣхъ ихъ объединяетъ союзъ волостей. Я не хочу настаивать на повсемѣстности этой схемы. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ можетъ и не доставать какихъ-нибудь звѣньевъ этой схемы. Иногда волостку замѣняетъ большое поселеніе, напр.: дворы одного изъ такихъ поселеній Устюжскаго уѣзда городка Брусенска и слободки того же имени находятся въ слѣдующихъ имущественныхъ отношеніяхъ между собою и съ сосѣднею волостью: 1) у каждаго двора свои пашня, сѣнокосъ, иногда перелогъ; одна пара дворовъ владѣетъ всѣмъ этимъ сообща; 2) лѣсъ пашенный 45 десятинъ и не пашенный 90 дес. приписаны ко всѣмъ дворамъ, „что въ городкѣ и на посадѣ“: 3) черный лѣсъ для пользованія на хоромное строеніе, топливо и пр. — въ общемъ владѣніи съ крестьянами Брусенской волости: „а тотъ черный лѣсъ Устюжскаго уѣзда сѣчи городка Брусенска и Брусенской волости крестьянамъ вопче заодно“[217]); писецъ указываетъ и мѣсто, гдѣ находится этотъ черный лѣсъ.

VII.

Отношеніе крестьянина къ мірскому владѣнію.

Поземельные союзы, будучи субъектами владѣнія, не имѣютъ никакой другой цѣли, кромѣ той, чтобы предоставить двору, отдѣльному хозяйству пользованіе своими имуществами при соблюденіи имъ извѣстныхъ условій, ограничивающихъ это пользованіе. Такимъ образомъ союзное, мірское имущество существуетъ всецѣло для удовлетворенія потребностей отдѣльныхъ дворовъ. Этимъ оно отличается отъ общественныхъ имуществъ, предназначенныхъ служить публичнымъ цѣлямъ, каковыми, напр.,

[217]) Устюжскія п. к. № 506: 297—299.

были имущества прихода, назначенныя „на церковное строеніе“.

Отношенія по мірскимъ землямъ и угодьямъ можно представить въ такомъ видѣ: 1) установленіе нормъ и условій пользованія и охрана ихъ входятъ въ компетенцію союзовъ и 2) право распоряженія и пользованія долями этимъ имуществъ принадлежатъ отдѣльнымъ дворамъ, владѣльцамъ этихъ долей.

Самое поверхностнѣе знакомство съ крестьянскими сдѣлками можетъ легко убѣдить въ томъ, что доли въ принадлежностяхъ пашни и права пользованія мірскими угодьями отчуждались и пріобрѣтались вмѣстѣ съ самой горной пашней; примѣровъ этому можно привести очень много; остановимся на наиболѣе выразительныхъ: Василій Игнатьевъ Поздѣевъ отступился Василію Иванову сыну веревкой полевой земли въ различныхъ мѣстахъ „да по тое земли и въ поскотинѣ участокъ, и въ лугу, и въ рыбныхъ ловищахъ, и въ лѣсахъ, что къ той земли изстари потягло“ (Архивъ Мин. Юстиціи: Холмогорскія книги № 14385, 78); „Денисъ Епифановъ пинежанинъ Перемскаго стану съ Труфановой горы продалъ въ казну Закакурской пустыни церкви Николая Чудотворца прикащику... вотчину свою деревню... горную землю и луговую, и сѣнные покосы..., съ подворною землею и съ дворовыми хоромами“.... „продалъ Оксовскаго печища по земному тяглу 2 веревки съ осминою да Кондратовскаго печища 4 осмины, да на Почѣ рикѣ осмина..., и что къ той деревнѣ по старымъ купчимъ и по намятямъ и по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ (ставлено) потягло и съ прикупными землями..., и что гдѣ вновь прічищено къ той деревнѣ, и съ поскотинною землею, и въ острову, и со всякими звѣриными промыслы..., куда ходило изстари плуго и соха, и коса, и топоръ и серпъ“...; далѣе указываются горныя поля и ихъ межи, „а луговая земля въ большомъ лугу и въ острову, что доведется по горной землѣ, по тяглу; а луговой земли межи для того не описаны, что когда бываетъ ревизія мірская [218]), и тѣ пашни доставаются по жеребьямъ въ иныхъ мѣстахъ“. Я нарочно привелъ послѣднія слова купчей, чтобы показать, что слова: „что доведется по горной землѣ“ относятся именно къ долямъ въ мірскихъ, передѣляемыхъ угодьяхъ (ibid. дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда, купчая 7170 (1599) г.). Въ другой купчей того же Перемскаго стана это же начало указывается въ такихъ словахъ: „а сѣнные покосы и оранные земли въ лугахъ... по горной землѣ“... (ibid., купчая 1669 г.). Наконецъ, еще два не менѣе выразительныхъ примѣра: „и по той деревнѣ рыбные ловли и всякія угодья, что изстари потягло къ той деревнѣ, куды и соха и коса ходить, и въ поскотинѣ по той землѣ жеребей, и въ морскихъ пожняхъ участокъ въ оброчныхъ“. Эти морскія пожни находились въ общемъ владѣніи всѣхъ крестьянъ Двинскихъ понизовскихъ волостей

[218]) Подлинной купчей не сохранилось, мы цитируемъ по позднѣйшей копіи; въ другой аналогичной купчей здѣсь слова: ровень земли (объ этомъ см. ниже).

и подлежали передѣлу (Рус. Ист. Библіотека XIV т.: XLIX). „Да по тѣмъ деревнямъ въ Малыхъ Талматкахъ полъ-тони, а та полъ-тони переходитъ по годамъ съ Борисоглѣбскими крестьяны... да по тѣмъ же деревнямъ полъ-тони Ижмонема... да и пожни Ижмонемскіе... съ тѣми же крестьяны Ижмонемскія переходятъ по годамъ" (ibid. XXV).

Эти тексты указываютъ, что отношеніе крестьянина къ мірскимъ имуществамъ было такимъ же, какъ и къ складническимъ; во-первыхъ, каждый мірской человѣкъ принимаетъ участіе въ общихъ имуществахъ, въ размѣрахъ своего собственнаго участка; во-вторыхъ онъ способенъ отчуждать и пріобрѣтать это право участія вмѣстѣ съ отчужденіемъ и пріобрѣтеніемъ собственнаго горнаго участка. Отчужденіе и пріобрѣтеніе можетъ простираться и на всю землю, слѣдовательно, и на все право участія въ мірскихъ имуществахъ, и на какую угодно долю того и другого.

Личный составъ сложныхъ союзовъ, при неограниченной свободѣ сдѣлокъ, подвергался еще болѣе частымъ и болѣе коренным измѣненіемъ, чѣмъ составъ складничествъ. Будучи первоначально товарищескимъ, т. е. состоя изъ лицъ и союзовъ, связанныхъ между собою договорными отношеніями, сложный союзъ постепенно путемъ отчужденія товарищами своихъ горныхъ участковъ и правъ на доли въ общихъ имуществахъ постороннимъ превращался въ союзъ сосѣдскій. Въ послѣднемъ, принципомъ отношеній дѣлалось уже не личное начало, не договоръ, а вещное — горный участокъ. Измѣненія, происходившія внутри складническаго союза, преобразовывали и связи сложныхъ союзовъ въ направленіи отъ личныхъ отношеній къ вещнымъ.

VIII.

Мірское регулированіе землепользованія. Формы мірскихъ актовъ. Раздѣлы, передѣлы, ровня; мірскія повинности по луговому хозяйству.

Въ союзахъ, состоявшихъ изъ простыхъ складничествъ, какъ волостка, рѣшеніе о мірскихъ имуществахъ составлялись на сходѣ, въ который входили всѣ дворовладѣльцы [219]). Въ союзахъ болѣе сложныхъ, состоявшихъ изъ цѣлаго ряда волостей, сходъ состоялъ изъ представителей—посыльныхъ отъ этихъ волостей [220]). На сходахъ участвовали и монастырскіе приказные, если въ мірскомъ владѣніи принимали участіе монастырскіе крестьяне, и представители приходскихъ церквей, если послѣднія были участниками мірского владѣнія [221]). Приговоръ со всѣми результатами раздѣла и жеребьевки вносился въ

[219]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда, № 33: Труфаногорвская „паскотины дѣльная" 1624 г.

[220]) Руск. Ист. Библ. XIV т. 122—123.

[221]) См. 219—220.

раздѣльныя записи, или памяти, скрѣпляемыя подписью дьячка, писавшаго приговоръ, и иногда послуховъ — свидѣтелей. Записи составлялись въ такомъ количествѣ экземпляровъ, чтобы каждая группа, входившая съ союзъ, получила по одному экземпляру [222]). По формѣ мірскіе приговоры очень похожи на складническіе договоры: для того, чтобы опредѣлить, кто именно состоитъ въ договорѣ и, слѣдовательно, обязывается его исполнить, въ началѣ мірского акта перечисляются всѣ участники схода; причемъ, какъ каждая сдѣлка, нерѣдко и этотъ актъ начинается словами: „се азъ" (такой то) [223])...

„Всѣ крестьяне тѣхъ Боровскихъ деревень написали семи промежъ себя полюбовно запись въ томъ, что намъ всѣмъ Боровскія волости крестьянамъ, кои писаны въ сей записи имяно [224])..." Основаніе обязательности приговора заключается въ томъ, что всѣ участвовали въ его составленіи, что онъ результатъ полюбовнаго согласія: одна дѣльная постановляетъ: „другъ другу никому изъ трети въ треть никоторому не вступатъся и не защищать" и далѣе, какъ бы мотивируя эти слова, продолжаетъ: „тѣ намъ трети всѣ любы и раздѣлили по любвѣ" [225]). Крестьяне обязываются не по отношенію къ какому-нибудь третьему, постороннему, а по отношенію другъ къ другу. Съ внѣшней формальной стороны это выражается въ томъ, что каждая складническая группа получаетъ экземпляръ приговора и съ нимъ такимъ образомъ имѣетъ право иска противъ другихъ группъ — своихъ товарищей, — упомянутыхъ въ записи. Поэтому въ мірскихъ актахъ и указывается на запись, какъ на основаніе обязательства самому исполнять приговоръ и принимать всѣ мѣры противъ его нарушителей: „намъ на того сильнаго человѣка стояти по сей записи" [226]). Въ XVIII в. приговоры, наряду со всѣми другими гражданскими сдѣлками, записываются въ крѣпостныя книги [227]). Впрочемъ въ нихъ записываются не только приговоры о мірскихъ имуществахъ, но и приговоры о выборахъ должностныхъ лицъ.—Эта договорная форма мірскихъ приговоровъ характерно оттѣняетъ качество міра, какъ органа товарищества.

Въ чемъ же заключается содержаніе мірскихъ актовъ, касающихся общихъ земель? Многое изъ этого содержанія мы уже почерпали при обозрѣніи видовъ союзовъ. Сейчасъ остановимся на той ихъ части, которая опредѣляетъ самую форму владѣнія и пользованія—на раздѣлахъ и передѣлахъ.

Указанные нами экономическіе факты приводили къ необходимости опредѣлять взаимныя отношенія по пользованію угодьями. Въ самыхъ крупныхъ чертахъ эти опредѣленія сводились къ созданію двухъ формъ отно-

[222]) Ibid.

[223]) См. прим. 219.

[224]) Архивъ Арх. Епарх. Древн. Документы Крестнаго Онежскаго монастыря: Дѣльная Боровскихъ крестьянъ 1662 г.

[225]) См. прим. 219.

[226]) См. прим. 220.

[227]) М. А. М. Ю. Мезенскія крѣпостныя книги № 44, 98 о.

шеній по интересующему всѣхъ угодью: или къ установленію обособленнаго владѣнія—окончательному раздѣлу, при чемъ создавались нормы, до нѣкоторой степени ограничивающія пользованія и владѣнія отдѣльныхъ союзовъ; или къ установленію общаго владѣнія и только обособленнаго пользованія. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ общее имущество, подвергаемое періодическимъ передѣламъ.

Повидимому, примѣръ перваго рода опредѣленій мы имѣемъ въ веревной и раздѣльной записи двухъ сябренныхъ союзовъ: въ составъ одного входилъ старецъ Корельскаго монастыря Силуянъ со своими сябрами, въ составъ другого—старецъ Архангельскаго монастыря съ крестьянами Яковомъ Матвѣевымъ съ Матигоръ, Василіемъ Ларіоновымъ „съ сябрами и никольскими крестьянами".

По этой записи они измѣрили, распредѣлили по качествамъ и „раздѣлили промежъ себя (въ островѣ земли противъ Яковлькурьи) пашенныя земли пополамъ". Раздѣломъ были опредѣлены жеребьи каждаго союза въ пашенной землѣ: весь островъ раздѣленъ на 6 жеребьевъ; въ 5 жеребьевъ входитъ пашенная земля, въ одинъ — лѣсъ. Въ каждомъ изъ жеребьевъ досталась доля каждому изъ товариществъ (т. е. каждый раздѣленъ на 2 части). Только одинъ шестой лѣсной жеребій цѣликомъ отданъ Корельскому монастырю: „а та земля чисти себѣ, а своими сабры и разнятися". Размѣръ каждой половины—9 веревокъ. Если раздѣлъ и былъ окончательнымъ, сложный союзъ (изъ 2-хъ сябренныхъ) не распался тотчас послѣ размежеванія земли. Явились общіе интересы, которые были поручены общей охранѣ обоихъ союзовъ: во-первыхъ, нераздѣльнымъ остался лѣсъ: „а что у насъ останется лѣсу за тремя веревками (отведенными Корельскому монастырю) послѣ дѣлу, и тотъ у насъ лѣсъ вмѣстѣ пополамъ"; во-вторыхъ, общими средствами охраняются островныя пашни отъ наводненій и ледохода; для этой цѣли былъ оставленъ лѣсъ „съ головы острова и по сторонамъ отъ Двины; и того намъ лѣсу не чистити, и дровъ не сѣтчи и лыкъ не драти; а тотъ у насъ лѣсъ затулою отъ леду и воды. А кто будетъ сильной человѣкъ станетъ туто дрова сѣчи или лыка драти, и намъ на того стоати всѣмъ за одно" [228]).

Установленіе второго рода отношеній: общаго владѣнія и раздѣльнаго пользованія мы находимъ въ дѣльной Труфаногорскихъ крестьянъ 1624 г. [229]). По этому акту крестьяне [230]) раздѣлили лугъ, взятый ими на оброкъ въ 1623 г., и установили періодичность передѣла его въ такихъ словахъ: „будетъ въ Пермскомъ во всемъ стану пойдетъ мірская веревка, и на которую деревню наложатъ потугу, и въ поскотинномъ лугу прибавить, съ межъ подвигаться во всѣхъ удѣлахъ, а въ которой деревнѣ потугу убавятъ, ино съ поскотины убавитъ". Срокомъ передѣла такимъ образомъ назначено верленіе, т. е. тотъ моментъ, когда волостные крестьяне въ видахъ равномѣрнаго распредѣленія податей измѣряли — верили — земли отдѣльныхъ владѣльцовъ. Въ данномъ случаѣ верленіе и передѣлъ совпадаютъ только по времени, но производятся различными органами и охватываютъ различные союзы, именно: первое производится по всей Пермской волости волостными органами, второй касается интересовъ, только части этой волости—населенія шести труфаногорскихъ деревень—и производится міромъ этихъ деревень. Срокъ, слѣдовательно, поставленъ въ зависимость отъ обстоятельствъ, наступленіе которыхъ не находится въ полной зависимости отъ производящаго передѣлъ союза—труфаногорскихъ деревень, или, какъ ее называютъ сами крестьяне, Труфаногорской волости [231]). Мы не знаемъ, насколько часто производилось верленіе и производилось ли оно черезъ опредѣленные сроки, поэтому каковъ и насколько опредѣленъ былъ срокъ передѣловъ въ данномъ случаѣ, остается для насъ неизвѣстнымъ. Другой актъ, относящійся къ той же волости, указываетъ очень ясно на періодичность передѣловъ всѣхъ луговыхъ земель, но точно также не устанавливаетъ опредѣленнаго срока, связывая наступленія его съ ровнею [232]). Такимъ образомъ крестьяне связываютъ срокъ передѣловъ съ какимъ-нибудь актомъ мірской жизни. Но въ другихъ случаяхъ они устанавливаютъ его точно, напр., низовые двинскіе крестьяне въ 1583 г. установили пятилѣтній срокъ: „а раздѣлили (морскія пожни) на 5 лѣтъ отъ лѣта 7091 до лѣта 7095" [233]). Въ назначенное время „лѣта 7095 іюля въ 9 день Низовскія луки, Вознесенскаго прихода, крестьяне сидѣли и раздѣлили морскіе пожни оброчные". Но новый раздѣлъ произведенъ только на одинъ годъ: „а раздѣлили есмя тѣ пожни на се лѣто 7095". Причина назначенія такого короткаго срока указана въ такихъ словахъ: „до указу до книгъ двинскаго писца кн. Вас. Андр. Звенигородскаго съ товарыщи" [234]), т. е. до того времени, когда московскій писецъ измѣритъ земли и обложитъ ихъ оброкомъ. Здѣсь такимъ образомъ какъ и въ первомъ случаѣ, передѣлъ ставится въ связь съ фискальнымъ актомъ. Отчего это происходитъ? Вопросъ разрѣшаетъ приведенный уже выше текстъ труфаногорской дѣльной [235]): передѣлъ имѣетъ въ виду измѣненіе размѣровъ надѣловъ совладѣльцовъ въ зависимости отъ измѣненія размѣровъ платимыхъ каждымъ изъ нихъ налоговъ, потуги; а такъ какъ, прибавимъ мы, подати падаютъ на податный земельный участокъ, то въ концѣ концовъ передѣлы измѣняютъ размѣръ надѣла въ зависимости отъ измѣненія размѣра участка горной полевой

[228]) Рус. Ист. Библіотека: XIV т. 66—1563 г.

[229]) См. прим. 219.

[230]) Труфаногорской волости, которая входила, въ Пермскую волость, или станъ, и состояла изъ 6 деревень съ 15 дворами.

[231]) См. выше.

[232]) См. выше: текстъ въ отдѣлѣ о межахъ луговой земли.

[233]) См. прим. 220.

[234]) Ibid.

[235]) См. предшеств. страница: „будетъ въ Пермскомъ во всемъ стану пойдетъ мірская деревня" и т. д.

земли. Измѣреніе земель крестьянами или писцомъ служатъ только поводами къ передѣлу; оно показываетъ, какъ велики участки горной земли совладѣльцовъ, насколько они измѣнились сравнительно съ прежнимъ, какъ поэтому велика доля мірскихъ податей, приходящаяся теперь на каждый изъ нихъ, отсюда, наконецъ, какъ долженъ измѣнится надѣлъ его въ мірскомъ лугѣ. Связь размѣровъ этого надѣла съ размѣрами горнаго участка и приходящихся на него податей формулируется памятниками въ такихъ словахъ: „луговая земля въ поскотинѣ, въ большомъ лугу и въ острову, что доведется по горной землѣ, по тяглу“ [236]). Мы уже выше видѣли, что въ тяглѣ фиксировали размѣръ горнаго участка; поэтому первому нельзя придавать значенія передѣльной нормы, совершенно независимой отъ горной земли. Напротивъ, кардинальнымъ, основнымъ началомъ передѣловъ служитъ именно эта послѣдняя: тягло же играетъ роль показателя въ данномъ случаѣ правъ, какъ въ другихъ случаяхъ—обязанностей; оно само то по себѣ зависитъ отъ земли; важно отмѣтить тотъ фактъ, что при передѣлахъ принимается въ расчетъ не вся собственная земля, а только горная податная земля. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ въ качествѣ надѣльной нормы указывается она одна безъ связи съ податями: „сѣнные покосы и орамыя земли на лугахъ... гдѣ, что ни есть по горной землѣ“, „велѣли раздѣльныя записи написать въ оброчномъ поскотинномъ лугу противъ горной земли“ [237]).

Къ горной землѣ, способной дать право на надѣлъ въ мірскихъ имуществахъ, предпосылается еще одно требованіе, именно: она должна быть крѣпостной, т. е. титуломъ владѣнія ею должна служить какая нибудь крѣпость: купчая, мѣновая, данная, закладная, воеводская или мірская данная. Труфаногорская дѣльная формулируетъ это требованіе въ такихъ словахъ: „велѣли раздѣльные записи написать въ оброчномъ поскотинномъ лугу противо горной земли по купчимъ, по мѣннымъ и по всякимъ земельнымъ крѣпостямъ“ [238]). Понятно, что земля, на которую крестьянинъ не можетъ представить крѣпости, не можетъ дать и права на долю въ мірскомъ имуществѣ: таже дѣльная не только запрещаетъ искать доли по некрѣпостной землѣ, но и угрожаетъ поставить каждаго нарушителя этого запрещенія внѣ защиты міра: „а въ которой будетъ трети сыщется улишенная земля въ горной землѣ не по купчимъ землянымъ, и учнетъ тотъ имать землю въ поскотинѣ въ коей трети ни будь противо горной земли, и на того намъ крестьянина стояти изъ всѣхъ третей всѣми крестьяны“ [239]).

Такимъ образомъ, если признать началомъ передѣловъ, передѣльною нормою потребность (какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей), то критеріемъ ея будетъ не рабочій, не потребительный составъ двора, не количество работниковъ, не количество ѣдоковъ (какъ думаютъ тѣже изслѣдователи), далѣе: не личныя качества, или занятія человѣка, а одна только степень его поземельной обезпеченности, степень, выраженная въ размѣрахъ его крѣпостного горнаго участка и фиксированная въ размѣрахъ падающихъ на этотъ участокъ податей.

Мы уже знаемъ, что общее имущество сложныхъ союзовъ дѣлится не сразу между отдѣльными дворами, а первоначально между союзами, входящими въ составъ сложнаго. Изъ сколькихъ союзовъ состоитъ совладѣльческая группа, на столько же частей дѣлится и общее имущество, напр., Труфаногорская волость дѣлитъ свой лугъ на три трети по числу входившихъ въ нее складствъ [240]). Количество третей, или вообще — жеребьевъ, не измѣнялось при передѣлахъ, оно сохранялось опредѣленное разъ навсегда. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ того, что двинскіе крестьяне дважды дѣлятъ свои пожни на одно и то же количество жеребьевъ, труфаногорская дѣльная—вообще очень подробный сборникъ нормъ мірского владѣнія—ничего не говоритъ объ измѣненіи количества этихъ долей. Да иначе и быть не могло, такъ какъ сложный союзъ былъ договорнымъ соединеніемъ опредѣленнаго количества простыхъ; пока, слѣдовательно, не измѣняли его составъ, не могло измѣниться и количнство жеребьевъ луга, расчитанное на этотъ составъ.

Жеребій, или „треть“, получаемая каждымъ простымъ союзомъ составлялась изъ земель всѣхъ назначеній, почвенныхъ качествъ и положеній. Этимъ уравнивались выгоды пользованія. Для того, чтобы достигнуть этого результата, обыкновенно общее угодье разбивали по его качествамъ, на клины, или, какъ ихъ называетъ „поскотины дѣльная“, на „удѣлы“; каждый складническій союзъ получалъ въ каждомъ удѣлѣ участокъ по жеребью; такъ что доля союза, жеребій, треть и составлялась изъ участковъ разбросанныхъ во всѣхъ удѣлахъ [241]).

Если нельзя было достигнуть того, чтобы каждый союзъ получилъ землю совершенно одинаковыхъ качествъ съ другими, то получившему сравнительно худшую землю давалась наддача, которая должна уравнять выгоды пользованія: качество земли восполнялось количествомъ: „на первую треть подкинули 3 сажени земли.... для ручья, что у ручья пахать нельзя; а будетъ тотъ ручей сполнится, и та земля льзѣ пахать, и та земля въ ровень положить въ ту же треть“ [242]).

Размѣръ каждой трети, жеребья зависѣлъ, какъ мы видѣли, отъ размѣра того аггрегата крѣпостной горныхъ земель, какой принадлежалъ соотвѣтствующему союзу и измѣнялся въ зависимости отъ измѣненія размѣровъ этого

[236]) М. А. М. Ю. Дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда, № 33, купчая 1599 (копія).

[237]) См. прим. 219, 232.

[238]) См. прим. 219.

[239]) Ibid.

[240]) Ibid.

[241]) Ibid.

[242]) Ibid.

утверждается солидарность всѣхъ мірскихъ людей въ преслѣдованіи лица, нарушившаго общій мірской интересъ. Въ чемъ проявляется эта солидарность въ каждомъ частномъ случаѣ, могли бы показать только документальныя данныя; къ несчастію, ихъ очень немного. Можно думать, что крайняя репрессія заключалась въ такомъ же преслѣдованіи, какое примѣнялось къ разбойникамъ и ябедникамъ. Можно указать очень немало челобитныхъ, въ которыхъ жители посадовъ и уѣздовъ ходатайствуютъ передъ правительствомъ о выселеніи вредныхъ членовъ; надо думать, что, міры могли употреблять такое средство и по собственной иниціативѣ. По грамотѣ Устюжны Желѣзнопольской приказано было ябедниковъ „бить кнутомъ да высылати изъ посадовъ, а животовъ ихъ не грабить“ [253]). Послѣднія слова — ограниченіе мірской расправы; если бы она не примѣнялась, незачѣмъ было бы о ней и упоминать. Такъ что „потокъ и разграбленіе“, вѣроятно, были живы въ мірской жизни и въ позднѣйшее время. Въ такихъ случаяхъ міръ ставилъ вреднаго члена внѣ защиты обычнаго права, и его слова: „на того стояти всѣмъ за одно“, какъ будто пародируютъ извѣстную формулу: „ино его казнити всѣмъ Великимъ Новгородомъ“.

Въ извѣстныхъ намъ случаяхъ мірская репрессія сводится либо къ самосуду, на который, по приговору, не можетъ быть аппеляціи, либо къ взысканію судомъ ущербовъ, нанесенныхъ міру. Самосудъ выражается, напр., въ томъ, что трудъ нарушителя мірского интереса пропадалъ для него даромъ: „кто учнетъ чистити землю, не повѣстя другъ друга и та земля вопче пошла.“ [254]), трудъ этотъ, слѣдовательно, обращался въ мірскую пользу; „будетъ кто кругъ пожнть своихъ собыя огороды станетъ городить или къ сѣвнымъ землямъ пожни въ собою огороду приводить станетъ, и тѣ огороды разсѣкать безпенно“ [255]).

Среди формъ самосуда встрѣчаются денежныя пени, взыскиваемыя самимъ міромъ съ лицъ, неповинующихся мірскимъ постановленіямъ: кто по вызову десятскаго не пойдетъ городить мірского луга, на томъ въ первый разъ взыскивается „поденьщина по 1 гривнѣ на день безпенно“, за вторичное ослушаніе „взять заставы (неустойку) въ казну государя $2^1/_2$ рубля и столько же въ пользу міра: „взять въ міръ“; „кто станетъ воровски впускать свой скотъ въ луга, взять заставы въ государеву казну 1 р.“ и столько же „въ міръ“ за скотину [256]). Любопытны здѣсь названія пеней: поденьщина и „застава“ — неустойка: первая какъ будто говоритъ за наемъ рабочаго на средства крестьянина; когда, слѣдовательно, онъ не отправляетъ повинности натурою, міръ перелагаетъ ее на соотвѣтствующую денежную сумму. Вторая имѣетъ характеръ гражданскаго взысканія за не исполненіе принятаго на себя обязательства, „застава“ служитъ обезпеченіемъ исполненія его.

253) Владимирскій Будановъ: Христоматія по Исторіи Русскаго права II т. 210.

254) Рус. Ист. Библ. XIV т. LII.

255) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи. Мезенскія крѣпостныя книги № 44, 98.

256) Ibid.

Если мірской интересъ защищается судомъ, то всѣ члены безъ исключенія, по приговору, обязаны принимать участіе во всѣхъ мѣрахъ, идущихъ въ пользу міра; такъ что мірской человѣкъ, нарушитель этого интереса, не можетъ расчитывать на помощь своихъ сочленовъ, слѣдовательно, въ ихъ средѣ онъ не найдетъ ни представителей, ни поручителей за себя — это было въ своемъ родѣ бойкотированіемъ. Такая постановка дѣла ясна изъ самой формулы, напр.: „а кто не учнетъ по сей записи тѣхъ сѣнныхъ покосовъ дѣлити и имъ всѣмъ за одно стояти на того человѣка безъ выдачи“, или противъ того, кто захватитъ въ мірскомъ лугу долю, большую той, на которую онъ имѣетъ право, „намъ крестьянамъ стоять изо всѣхъ третей всѣми крестьяны“ [257]). Въ нѣкоторыхъ приговорахъ предупреждается и судебное рѣшеніе: въ виду того, что лицо, не желающее исполнить этотъ приговоръ, само участвовало въ его составленіи, — слѣдовательно, не исполняя, нарушаетъ принятое на себя обязательство, оно по суду должно быть обвинено и вслѣдствіе этого мірской приговоръ предусматриваетъ: „убытки и волокиты имать на томъ (кто не похочетъ дѣлить)“ [258]).

— Наблюденія крестьянской жизни XVII в. показали намъ, что мы имѣемъ дѣло не съ безразличною, а съ диффеpенцировавшеюся до нѣкоторой степени крестьянскою массою. Этотъ фактъ данъ не исключеніями, а общимъ для нѣкоторыхъ уѣздовъ явленіемъ: обособленностью дворой пашни. Свобода поземельнаго оборота только развиваетъ въ данный моментъ то, что дано этою обособленностью. Въ литературѣ было высказано мнѣніе, кажется Кейслеромъ, что русская община наиболѣе демократична, чѣмъ всѣ другія. Позволю себѣ не согласиться съ такою характеристикою. Я склоненъ скорѣе сравнить наши поземельные союзы съ товариществами; въ болѣе рудиментарныхъ изъ нихъ—въ складствахъ, состоявшихъ изъ членовъ родственнаго или договорнаго союза, размѣръ товарищескаго пая зависѣлъ отъ положенія въ семьѣ или въ артели, слѣдовательно, могъ быть равнымъ только тогда, когда всѣ члены равны или сдѣлали равные взносы; но это не могло быть всегда. Въ союзахъ позднѣйшаго типа—сложныхъ, также, какъ мы убѣдились, имѣвшихъ характеръ товариществъ, каждый членъ имѣлъ пай такого размѣра, какой соотвѣтствовалъ размѣру его собственной земли; кто не имѣлъ послѣдней, не имѣлъ и участія въ товариществѣ. И все это вполнѣ понятно, лежала ли въ основаніи права каждаго хозяйства его состоятельность или его потребность; послѣдняя, по крайней мѣрѣ формально, измѣрялась первою: хозяйство, имѣвшее большія запашки, платило больше податей; по-

257) См. прим. 252.

258) Рус. Ист. Библ. XIV т. 405.

одно противъ лицъ, покушающихся на то или другое [260]).

Можно привести примѣры того, какъ крестьяне при поземельныхъ спорахъ оказывались способными сопротивляться, не только посадскимъ, но и мѣстному архіерею. Но сила сопротивленія лежала не въ крестьянской массѣ, а въ ея представителяхъ, людяхъ настолько зажиточныхъ, что они успѣшнѣе архіепископа и монастырей могли задарить московскіе приказы. Отношенія ихъ къ своей младшей братіи (маломочнымъ крестьянамъ), взятой ими подъ свою опеку для защиты отъ сильныхъ людей, ничѣмъ не отличается отъ отношенія къ ней послѣднихъ: „отъ скудныхъ крестьянъ и деревни, и пожни за себя переводятъ, и за богатыми лучшими людьми есть половничьихъ 550 дворовъ" [261]).

---

[260]) См. прим. 36. Акты, относящіеся до юридическаго бытія Россіи I т. № 52.

[261]) Р. И. Б. XII т.: 1217, 1253, 1434.

Въ виду важности „поскотины дѣльной" 1624 г. привожу ее цѣликомъ.

„Се язь В. О. Хромцовъ, да язъ К. И. Волкъ, да язъ С. О. Осмининъ да язъ Пант. да Кир. Никоновы дѣти Бурцова, да язъ П. И., да язъ И. И. Рыба съ братьею, да язъ Н. Тимофеевъ, да язъ О. Ѳоминъ, да язъ Мавра Терентьева Яковлевская жена, да язъ Ш. Ивановъ, да язъ О. Гр. Осмининъ, да язъ Н. И. съ братомъ, да язъ староста Покровской Пол. Козминъ Фрущова, да язъ (неразборчиво), да язъ О. Ѳоминъ, да язъ К. Евсеевъ съ братомъ и всѣ крестьяне Труфаногорскія волости излюбили есми по государевы уложенной оброчной грамотѣ велѣли раздѣльныя записи написать въ оброчномъ поскотинномъ лугу противо горной земли — по купчимъ, по мѣннымъ и по всякимъ земельнымъ крѣпостямъ тотъ поскотинной лугъ раздѣлити на 5 удѣловъ, всякій удѣлъ на трое. Первый удѣлъ Хаторъ-поскотина, а другой удѣлъ болотная площадь, а треій удѣлъ Залывская площадь, а четвертый удѣлъ за Тирко озеромъ межъ малою лѣвою и Тирко озеромъ, а пятый удѣлъ у Подновиннаго озера.

А ту пять удѣловъ въ поскотинномъ лугу раздѣлили на 3 участка: первый участокъ съ дѣлу изъ жеребья положили: на первую треть въ Хаторъ поскотинѣ: кулига отъ Мальковской ѣдомы, да на ту же первую треть положили въ воротной площади середняя треть, да на ту же первую треть положили у большой лывы отъ новаго рѣпища отъ Пятгоры, а въ четвертомъ мѣстѣ положили на ту же первую треть за Тирко озеромъ отъ Каранкули отъ Матерово лугу, а въ пятомъ мѣстѣ положили къ той же первой трети у Подновиннаго озера середняя треть. И тотъ первый участокъ въ пяти удѣлахъ треть досталась Василью Окулову, да Кузьмѣ Ив. Волку, да С. Онтипову, да Перф. да Кириллу Никоновымъ. — А другая треть въ той же поскотинѣ съ дѣлу изъ жеребья досталась: положили въ тое жъ Хаторъ поскотинѣ середняя треть, да на ту жъ другую треть положили въ воротной площади съ нижняго края отъ Почезерья треть, да въ третьемъ мѣстѣ положили на ту жъ другую треть межъ лывами отъ Каракули подъ березами треть, а въ четвертомъ мѣстѣ положили на ту жъ другую треть межъ Тирко озеромъ и лывою середняя треть, а въ пятомъ мѣстѣ положили на ту же другую треть у того жъ Подновиннаго озера нижняя треть отъ Почзерья и за ручьемъ. И тотъ другой участокъ въ 5 удѣлахъ треть досталась Онтону Григорьеву Осминину, да Никифору Иванову съ братомъ, да старостѣ церковному Поликарпу Кузмину Фрущеву, да Оверкею Ѳомину, да Козьмѣ Евсееву съ братомъ.—А третья треть въ той поскотинѣ съ дѣлу и жеребья досталась въ Хаторъ жъ

Таковъ отзывъ духовенства о богатыхъ крестьянахъ. (
другой стороны, эти послѣдніе указываютъ на архіепи
копа: „а и достальные (крестьяне) отъ хлѣбнаго вел
каго недороду и отъ его архіепископля... о пустыхъ зе
ляхъ во владѣньи челобитья многіе бѣдные крестья
бѣгутъ врозь", онъ архіепископъ „своимъ насил
ствомъ, а иное дѣло изъ за угрозъ и изъ за клятвъ
многимъ церквей, монастырей и у крестьянъ и разных
чиновъ людей деревни, и пожни, и сѣнные покосы,
присадныя вновь мѣста... завладѣлъ" [262]). Такимъ обр
зомъ малоимущій крестьянинъ—маломочный человѣкъ-

поскотинѣ отъ Оксовы новины отъ зимняго ручья треть,
на ту жъ третью треть въ воротной площади отъ Пячгор
въ другомъ удѣлѣ треть, да въ третьемъ мѣстѣ положили
ту жъ третью треть за Тирко озеромъ межъ лывою и меж
Тирко озеромъ съ нижняго края отъ ручья, а въ пятомъ мѣст
положили въ ту жъ третью треть у Подновиннаго озера о
Труфановы горы отъ перегороды треть.—И тотъ третій уча
токъ въ пяти удѣлахъ треть досталась Павлу Иванову,
Ивану Иванову Рыбѣ съ братіею, да Никитѣ Тимофееву,
Андрею Ѳомину, да Марфѣ Терентьевой, Яковлевской жен
да Шумилу Иванову Худякову.

И въ томъ намъ поскотинномъ лугу въ трехъ третяхъ к
ему жъ въ своей трети: Василью со складники въ перво
трети землею владѣть, а другой трети Онтону съ складник
землею владѣть, а третьей третью Павлу съ складники земле
владѣть противо своихъ горныхъ участковъ земли, и друг
другу никому изъ трети въ треть никоторому не вступатьс
и не зачищать; тѣ намъ трети всѣ любы и раздѣли по любв
А въ которой будетъ трети сыщется улишенная земля въ го
ной землѣ не по купчимъ землянымъ, учнетъ тотъ имать земл
въ поскотинѣ, въ коей трети не будь противо горней земл
и на того намъ крестьянина стояти изо всѣхъ третей всѣм
крестьяны. И будетъ въ Перемскомъ во всемъ стану пойдет
мірская веревка и на которую деревню наложатъ потугу, и в
поскотинномъ лугу прибавить съ межъ подвигаться во всѣх
удѣлахъ; а въ которой деревнѣ потугу убавятъ, ино съ п
скотины убавить. А которое мѣсто въ которой трети смоет
или засыплетъ, а пахать не годно, и то мѣсто за симъ пис
момъ сдѣлять всѣми тремя участки. Да на первую же тре
В. Окулову съ складники надкинули 3 сажени земли отъ К
нецъ Озерскаго ручья къ Лаповской ѣдомѣ во всей пашн
для ручья, что у ручья пахать нельзя. А. Вас. Окулову с
складники своею третью за Онтонову треть не зачищаться
за огородъ не лазить. А будетъ тотъ ручей сполнится, и
земля льзѣ пахать, и та паддаточная земля въ ровень пол
жить въ ту же треть... А что за лывою новые рѣпища удѣл
и тотъ намъ удѣлъ пахать по прежнимъ жеребьямъ. А вере
кою ровнить по потугу. А Онтону съ складники не зачищатьс
за Васильеву треть.—Да въ томъ излюбя промежъ себя, сровн
и раздѣля землю велѣли и раздѣльныя записи написать тр
слово въ слово: запись Василью Окулову съ складники
треть, а другую запись Антону Григорьеву съ складники
другую треть, а третяя запись Павлу Иванову съ складни
на третью треть; а и тѣ намъ записи. И впредь не передѣл
вать тое земли никоторыми дѣлы. А на то послуси: Ѳедоръ М
нинъ съ Печезера, да Иванъ Зиновьевъ съ Пятгоры, да Дем
янъ Мартемьяновъ сынъ, да Андрей Кондратьевъ сынъ В
робьевъ.

Писалъ перемской церковный дьячекъ Иванецъ Никити
Кротовъ.

На оборотѣ на склейкахъ: „поскотины дѣльная". Земск
дьячекъ Иванецъ Никитьнъ Кротовъ руку приложилъ лѣ
7132, іюля въ 4 день.

Къ исторіи управленія В. Н. Татищевымъ Оренбургской Экспедиціей.

(1737—1739 г.г.)

Н. А. Поповъ въ предисловіи къ своему извѣстному изслѣдованію „В. Н. Татищевъ и его время“ [1]), перечисляя матеріалы, на основаніи которыхъ составлена его монографія, упоминаетъ между прочимъ о томъ, что для полноты его изслѣдованія ему не хватило бумагъ, относящихся къ обѣимъ суднымъ коммиссіямъ надъ Татищевымъ. Затѣмъ, прослѣдивъ его жизнь и дѣятельность до назначенія суда надъ нимъ, онъ говоритъ: „Къ сожалѣнію, дѣла слѣдственной надъ Татищевымъ коммиссіи остаются пока покрытыми мракомъ неизвѣстности. Лишь по нѣкоторымъ случайнымъ отрывкамъ изъ нихъ можно судить объ общемъ характерѣ слѣдованія и его результатахъ“ [2]). Впослѣдствіи, когда Н. А. Поповъ уже былъ управляющимъ московскимъ архивомъ министерства юстиціи, его пожеланія отчасти исполнились:—между дѣлами сената нашлись бумаги 1-й слѣдственной надъ Татищевымъ Коммиссіи. Намъ неизвѣстны причины, которыя не позволили Нилу Александровичу использовать этотъ богатый матеріалъ, всю важность котораго онъ хорошо сознавалъ; матеріалъ этотъ остался неизвѣстенъ и позднѣйшимъ біографамъ Татищева и можетъ быть оставался бы еще долго въ томъ же положеніи, если бы счастливый случай не познакомилъ съ нимъ пишущаго эти строки во время его занятій исторіей рода Татищевыхъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію данныхъ, открываемыхъ новыми документами, я позволю себѣ вкратцѣ напомнить дѣятельность Татищева за періодъ, который охватываютъ предлагаемыя бумаги.

Врученіе Татищеву управленія всѣми горными заводами сильно не нравилось Бирону. Строгій охранитель казеннаго интереса, Татищевъ, не смотря на свое подчиненное положеніе, не позволялъ генералъ-бергъ-директору Шомбергу, за спиной котораго обогащался самъ Биронъ, никакихъ злоупотребленій и въ началѣ 1738 г. отправилъ въ кабинетъ представленіе о его „худыхъ поступкахъ“. Шомбергъ и Биронъ запомнили это. Подкопаться однако подъ Татищева очевидно еще не представлялось поводовъ, а избавиться отъ него слѣдовало во что бы то ни стало. Какъ разъ въ это время умеръ командиръ Оренбургской Коммиссіи Кирилловъ, которому Татищевъ дѣятельно помогалъ усмирять возмутившихся и не позволявшихъ строить Оренбурга башкиръ; смерть его открыла вакантную должность, на которую требовался человѣкъ энергичный, знающій и дѣятельный, и именнымъ указомъ отъ 10 мая 1737 года Татищевъ былъ назначенъ командиромъ Оренбургской Коммиссіи съ пожалованіемъ ему чина тайнаго совѣтника. На Татищева была возложена трудная и отвѣтственная задача. Нужно было окончательно успокоить возмутившійся край: въ памяти башкиръ свѣжо еще сохранились ужасы, которыми сопровождалась дѣятельность русскихъ воеводъ и командировъ въ новомъ краѣ, и они очень недовѣрчиво относилось къ тѣмъ благамъ, которыя имъ сулило русское подданство. Край былъ почти разоренъ; какъ русскіе насельники, такъ и башкиры сильно потерпѣли отъ усмиренія мятежа, мѣры жестокости, сопровождавшія это усмиреніе не приводили ни къ чему, озлобляя только населеніе. Замиреніе и возстановленіе благосостоянія края было возложено на Татищева, кромѣ того ему предстояло еще достроить Оренбургъ, заложенный Кирилловымъ, и стараться всѣми силами привести въ русское подданство киргизъ-кайсаковъ или по крайней мѣрѣ не давать имъ вредить русскимъ интересамъ. Вступивъ въ исправленіе своихъ обязанностей, Татищевъ сейчасъ же сталъ примѣнять почти не примѣнявшееся до сихъ поръ коллегіальное начало и постарался сократить произволъ отдѣльныхъ личностей, которымъ тогда характеризовалось мѣстное правленіе. Онъ тотчасъ же открылъ генеральный совѣтъ подъ своимъ предсѣдательствомъ, состоявшій изъ командировъ, воеводъ и штабъ-офицеровъ. Для замиренія башкиръ и усиленія средствъ къ удержанію ихъ въ покорности всѣ башкирскія земли были раздѣлены по его предложенію на правительственныя округи; такимъ образомъ создалась Исетская провинція и была предположена, но не утверждена, Мензелинская. Кромѣ того беззастѣнчивое взяточничество, доходившее до самаго наглаго открытаго грабежа населенія и казны, бывшее однимъ изъ главныхъ поводовъ къ возмущенію, было строго запрещено Татищевымъ подъ страхомъ жестокаго наказанія. Василій Никитичъ понималъ, что одними мѣрами строгости съ башкирами ничего сдѣлать нельзя, и поэтому старался уничтожить самый корень

[1]) В. Н. Татищевъ и его время стр. 3.

[2]) Ibid. стр. 204.

смущавшаго ихъ зла. Нельзя не отмѣтить одной изъ мѣръ Татищева въ этомъ направленіи: прежде ясакъ и разныя пошлины собирали съ башкиръ русскіе цѣловальники и ясачники, причемъ, конечно, допускались всевозможныя злоупотребленія. Татищевъ предложилъ передать эту обязанность башкирскимъ старшинамъ, что значительно облегчило положеніе инородцевъ. Съ тою же цѣлью — поднятія экономическаго состоянія края онъ предлагалъ между прочимъ Кабинету уравнять въ платежѣ пошлинъ мирныхъ башкиръ съ мещеряками, черемисами и другими инородцами, не принимавшими участія въ возстаніи.

Много хлопотъ доставили Татищеву сношенія съ киргизскимъ ханомъ Абдулъ-Хаиромъ, имѣвшимъ свои виды на Башкирію; послѣ долгихъ переговоровъ и уговоровъ, осложнявшихся еще тѣмъ, что ханъ прикидывался необыкновенно ревностнымъ сторонникомъ русскихъ интересовъ, послѣ многихъ визитовъ, угощеній и даровъ предпріимчивый ханъ былъ выпровоженъ со своею ордою за Уралъ и, по выраженію одного изъ біографовъ Татищева, киргизы „въ чувства человѣчества были приведены“.

Подробное изложеніе дѣятельности Татищева далеко вывело бы насъ за предѣлы нашего обзора, нельзя даже бѣгло перечислить всѣхъ его трудовъ и заботъ для дальнѣйшаго успокоенія продолжавшаго глухо волноваться края, по постройкѣ линіи крѣпостей по рѣкамъ Самарѣ и Яику и ихъ заселенію, по застроенію Оренбурга, который былъ отнесенъ имъ ниже на 180 верстъ отъ мѣста, отведеннаго Кирилловымъ—все это въ общихъ чертахъ достаточно разработано Н. А. Поповымъ. Кипучая дѣятельность Татищева не пришлась по сердцу его сотрудникамъ. Строгая законность, положенная имъ въ основаніе отношеній русскихъ къ инородцамъ, явилась совершенной новостью для администраціи края, привыкшей разсматривать инородцевъ съ точки зрѣнія не столько государственныхъ интересовъ, сколько своихъ собственныхъ; мѣры противъ хищеній и насилій, пожалуй, и были ей понятны, но совершенно не вязались съ халатностью, съ которой велось управленіе краемъ и энергіей, направленной па ея личное обогащеніе. Кромѣ того товарищъ Татищева по экспедиціи мурза Тевкелевъ, темная личность изъ татаръ, оказавшій нѣкогда услуги русскому правительству приведеніемъ нѣсколькихъ киргизскихъ ордъ въ русское подданство, пожалованный за это полковникомъ и весьма гордившійся своими заслугами и знаніемъ киргизъ, не могъ переносить самостоятельной дѣятельности Татищева, его сношеній съ кабинетомъ и императрицей мимо его Тевкелева. Кромѣ того, по замѣчанію Н. А. Попова, ему не нравилась безраздѣльность власти Татищева въ Оренбургѣ. Справедливость требуетъ замѣтить, что крутой и властный характеръ Татищева создалъ ему много недоброжелателей.

Въ самый разгаръ своей дѣятельности, когда только едва начали намѣчаться и выясняться послѣдствія дѣятельности Кириллова и его личной, Татищевъ, получивъ

утвердительный отвѣтъ на свою просьбу пріѣхать въ Петербургъ, выѣхалъ туда въ первыхъ числахъ января 1739 года, чтобы представить кабинету подробный отчетъ о своей дѣятельности и свои проекты дальнѣйшихъ мѣръ къ улучшенію края. Слѣдомъ за нимъ поѣхалъ Тевкелевъ съ доносомъ, полетѣли доносы изъ башкирскаго края, Татищеву пришлось остаться въ Петербургѣ, надъ нимъ была учреждена судная коммиссія, и 17 іюня 1739 года на его мѣсто былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ князь Василій Урусовъ.

Со словъ Н. А. Попова всѣ біографы В. Н. Татищева приводятъ въ связь назначеніе слѣдственной надъ нимъ коммиссіи съ дѣломъ Волынскаго; на первый взглядъ въ этомъ нѣтъ ничего противорѣчащаго дѣйствительности: извѣстны дружескія отношенія Татищева и Волынскаго, общность ихъ міровоззрѣнія и политическихъ убѣжденій, на вечерахъ у Волынскаго читалъ Татищевъ свою Исторію Россійскую, возбудившую столько толковъ въ Петербургскомъ обществѣ, за которую онъ получилъ опасную въ то время репутацію „аѳеиста“ [1]), обоихъ не любили нѣмцы съ Бирономъ во главѣ, тѣмъ не менѣе въ вышеприведенномъ мнѣніи кроется коренная ошибка: дѣло въ томъ, что ни Попову ни другимъ не была извѣстна опредѣленно дата назначенія суда надъ Татищевымъ, которую даетъ первый же документъ изъ дѣлъ слѣдственной коммиссіи. Дѣла ея открываются указомъ изъ Кабинета Правительствующему Сенату о назначеніи ея отъ 27 мая 1737 года за подписями Остермана, Волынскаго и кн. Черкасскаго, а между тѣмъ мы знаемъ, что первое мимолетное неудовольствіе собою Волынскій возбудилъ уже лѣтомъ того же года своимъ извѣстнымъ доношеніемъ, что впрочемъ не оказало существеннаго вліянія на расположеніе къ нему императрицы. 6 февраля 1740 г. онъ забавлялъ ее въ Ледяномъ Домѣ, а настоящая опала, такъ трагически для него окончившаяся, постигла его въ концѣ марта—въ началѣ апрѣля 1740 года. Такимъ образомъ мы видимъ, что Татищевъ былъ преданъ суду въ то время, когда Волынскій былъ еще могущественнымъ кабинетъ-министромъ и любимцемъ императрицы, не чаявшимъ надъ собою никакой грозы, и всего менѣе сношенія съ нимъ могли погубить Татищева. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ отдать предпочтеніе показанію самого Василія Никитича, который позднѣе, въ 1744 году въ письмахъ своихъ къ И. А. Черкасову разсказывалъ о своихъ злоключеніяхъ такъ: „Биронъ, ища себѣ не надлежащей власти и силы, вздумалъ, что я ему въ томъ, якоже и въ похищеніи великаго отъ сибирскихъ заводовъ дохода, препятствовать буду, разными образы искалъ меня губить: перво ссаривалъ съ Черкасскимъ, Салтыковымъ и Головкинымъ, что всѣмъ было извѣстно: но видя, что недостаточно, принудилъ на меня плутовъ бить челомъ, и беззаконно судить велѣли, два раза безъ всякой вины подъ карауломъ дер-

[1]) Корсаковъ. Изъ жизни русск. дѣят. XVIII в., стр. 306.

жали, но Богъ по невинности моей меня избавилъ" [1]). Подробнѣе онъ излагаетъ ту же исторію въ другомъ письмѣ къ нему же: „въ 1734 г. Ея Императорское Величество повелѣла меня отправить въ Сибирь для размноженія заводовъ... Биронъ, увидя отъ заводовъ такъ великую государству пользу и прибыль каждогодно, вознамѣрился оной доходъ похитить. И въ началѣ опредѣлили начальникомъ саксонца Шомберга, которой ничего... не разумѣетъ,... а вскорѣ потомъ меня отлучили и чрезъ болохонца Осокина главные заводы похитить вознамѣрились, чему я противное мнѣніе представилъ. Они же на меня крайне озлобились, въ 1737 году перевели меня въ Оренбургскую экспедицію, которую по обману Тевкелева для чаемаго великаго прибытка начали, я же прибывъ усмотрѣлъ, что оное вымышлено болѣе для собственной нежели для казенной пользы, сталъ истину доносить и тѣ обманы обличать, которымъ онаго бывшаго герцога и Остермана наипаче озлобилъ за сіе. Какъ они скоро свѣдали, что Тевкелевъ и другіе, за ихъ неправости и безпорядки смиряемы, жаловались на меня, то Остерманъ велѣлъ имъ бить челомъ и представить сіе императорскому величеству" [2]).

Вотъ причины преслѣдованія, которому подвергся Татищевъ, какъ онъ разсказываетъ ихъ самъ. При имп. Елисаветѣ личности Волынскаго и его соучастниковъ были идеализированы, какъ личности патріотовъ, пострадавшихъ за правую идею. Несомнѣнно, что Татищевъ не преминулъ бы указать на свое участіе въ ихъ страданіяхъ, если бы это дѣйствительно было такъ, между тѣмъ въ вышеприведенныхъ письмахъ нѣтъ никакого намека на что либо подобное.

Указъ о преданіи суду Татищева очень любопытенъ по своимъ подробностямъ, поэтому мы приводимъ его цѣликомъ.

„Изъ Кабинета Е. И. В. въ Правительствующій Сенатъ. Прилагаются при семъ разныя доношенія и дѣла, касающіяся до тайнаго совѣтника Татищева, съ надлежащею описью, по которымъ Е. И. В. указала слѣдовать и для тѣхъ дѣлъ учредить особую коммиссію, въ которой быть одному изъ сенаторовъ и одному члену изъ военной коллегіи, да каморъ-коллегіи лифляндскихъ дѣлъ совѣтнику Эмме и статсъ-рату Центаровію и сверхъ того къ той коммиссіи опредѣлить изъ другихъ коллегій членовъ двухъ, кого Правительствующій Сенатъ за благо разсудитъ, а канцелярскихъ служителей дать имъ потребное количество изъ тѣхъ, кого они пожелаютъ, и ежели впредь отъ кого подаваны будутъ на него Тати-
щева какія доношенія или какъ съ той, такъ и съ дру-
гой стороны потребны будутъ какія изъясненія, оное
все отъ нихъ той коммиссіи требовать и его Татищева,
ежели о чемъ Коммиссія за благо разсудитъ въ допол-
неніе допрашивать и производить то слѣдствіе со все-
возможнымъ поспѣшеніемъ и безъ всякаго на обѣ сто-

1) Пекарскій. Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ стр. 42.
2) Ibidem, стр. 37.

роны послабленія безпристрастно, какъ Е. И. В. указы повелѣваютъ, а по конечномъ изслѣдованіи, подписавъ свое мнѣніе, для высочайшей Е. И. В. конфирмаціи подать въ Кабинетъ, о чемъ изъ Кабинета Е. И. В. Правительствующему Сенату чрезъ сіе объявляется. Мая 27 дня 1739 года. Подписи.

Въ этомъ указѣ рѣзко бросается въ глаза то обстоятельство, что выборъ членовъ коммиссіи былъ предоставленъ Сенату за исключеніемъ двухъ, назначенныхъ самимъ Кабинетомъ. Ихъ нѣмецкія фамиліи и должности, занимаемыя ими и не имѣющія ровно никакого отношенія ни къ башкирскимъ дѣламъ, ни къ оренбургской экспедиціи, заставляютъ предполагать почти безошибочно за ихъ спинами руководящую руку Бирона и косвенное указаніе, чѣмъ слѣдуетъ сенату руководиться при выборѣ членовъ. Сенатъ хорошо понялъ это и назначилъ членами сенатора Василія Яковлевича Новосильцова, преданнѣйшаго слугу Бирона, сосланнаго послѣ его паденія въ свои деревни, откуда онъ болѣе не возвращался, членомъ отъ военной коллегіи бригадира Семена Караулова и двухъ совѣтниковъ юстицъ-коллегіи Квашнина-Самарина и кн. Сергѣя Долгорукова, человѣка безличнаго, съумѣвшаго однако не быть замѣшаннымъ въ процессъ Долгоруковыхъ и продержаться при смѣнѣ трехъ правительствъ, окончившаго жизнь президентомъ камеръ-коллегіи при Елисаветѣ. При такихъ условіяхъ рекомендація Коммиссіи безпристрастія, данная Кабинетомъ, получаетъ совершенно иную окраску: если даже допустить, что Карауловъ, Квашнинъ и Долгоруковъ были люди съ независимымъ мнѣніемъ и безусловно расположенные къ Татищеву, и въ такомъ случаѣ голоса дѣлятся поровну съ перевѣсомъ предсѣдательскаго со стороны Бироновцевъ. Черезъ нѣсколько времени въ коммиссію назначенъ былъ членомъ Ив. Нащокинъ, котораго въ іюнѣ того же года замѣнилъ совѣтникъ Ив. Дивовъ. Впослѣдствіи сенатъ назначилъ присутствовать въ Коммиссіи полковника Шишкина, о чемъ далъ знать промеморіей военной коллегіи. Коллегія отвѣтила, что Шишкину засѣдать въ Коммиссіи невозможно, „понеже онъ самъ подъ судомъ находится". Сенатъ не увидѣлъ въ этомъ препятствія и подтвердилъ назначеніе Шишкина, разрѣшивъ ему отлучаться изъ коммиссіи для допросовъ и присутствія на судѣ. Такимъ образомъ дѣла коммиссіи выясняютъ составъ ея, до сихъ поръ неизвѣстный.

Прежде чѣмъ изложить дѣятельность коммиссіи, я постараюсь выяснить тѣ дѣла, которыя послужили матеріаломъ для обвиненія Татищева и для созыва Коммиссіи. Мы уже знаемъ, что Татищевъ, вступивъ на мѣсто Кириллова, началъ строго искоренять произволъ и взяточничество, совершенно справедливо видя въ нихъ корень всѣхъ инородческихъ возмущеній. Скоро ему пришлось доказать, что его указы и промеморіи строго согласны съ его дѣятельностью. Вскорѣ послѣ вступленія Татищева въ должность, башкиры воры напали на мирную башкирскую деревню Леукакаево и разграбили ее

Въ погоню за ними выступилъ капитанъ Лукомскій съ командой, нагналъ и разбилъ воровъ, а такъ какъ въ отбитомъ скотѣ, въ количествѣ 25 головъ, трудно было разобраться, что кому принадлежитъ, то Лукомскій рѣшилъ дѣло просто, взявъ его весь себѣ. Совершивъ этотъ Соломоновъ судъ, онъ подѣлился полученной добычей съ уфимскимъ воеводой Шемякинымъ. Обиженные леукакаевцы, не понявъ совершенно такой системы распредѣленія, обратились съ жалобой въ Мензелинскъ къ одному изъ членовъ оренбургской экспедиціи, достойному сотруднику Татищева генералъ-маіору Соймонову. Соймоновъ также не оказался способнымъ оцѣнить по достоинству мудрую политику Лукомскаго, подвелъ ее подъ понятіе грабительства и, снесшись съ Татищевымъ, назначилъ строгое разслѣдованіе. Попутно открылось участіе въ этомъ дѣлѣ Шемякина, открылись и другія его преступленія по должности, оказалось между прочимъ, что онъ обмѣнивалъ своихъ плохихъ лошадей на хорошихъ казенныхъ, бралъ взятки съ праваго и виноватаго, грабилъ башкиръ безъ милости. Завязалась оживленная переписка, полу-оффиціальная, полу-частная между Татищевымъ и Соймоновымъ о томъ, какъ бы захватить Шемякина въ расплохъ. Переписка эта очень любопытна по подробностямъ и занимаетъ очень много мѣста въ дѣлѣ о Шемякинѣ. Шемякинъ, узнавъ какъ-то о собирающейся надъ нимъ грозѣ, несмотря на строгій секретъ, въ которомъ велось дѣло, развѣдалъ, что главный доносчикъ на него старшина дер. Леукакаево Мрясь Муллакаевъ и, чтобы какъ нибудь избавиться отъ него, обвинилъ его въ кражѣ казенной почты у посланнаго имъ драгуна и посадилъ его подъ караулъ. Соймоновъ подъ предлогомъ суда вытребовалъ Муллакаева къ себѣ, при чемъ слѣдствіе доказало полную непричастность Муллакаева къ этой пропажѣ. Татищевъ имѣлъ уже неудовольствіе на Шемякина, такъ какъ тотъ, недовольный новыми порядками, заводимыми въ краѣ, не считалъ для себя обязательными постановленія генеральнаго совѣта и всячески старался показать свою независимость по отношенію къ Татищеву. Татищевъ отрѣшилъ Шемякина отъ должности и отдалъ его подъ военный судъ. Слѣдствіе обнаружило, что въ преступленіяхъ, въ которыхъ обвинялся Шемякинъ, виновна вся воеводская уфимская канцелярія. Были привлечены къ отвѣтственности ассесоръ уфимской провинціи Алфимовъ, относительно котораго оказалось кромѣ обычныхъ взятокъ, что онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было продавать съ торговъ башкирскіе пожитки, расцѣнивалъ ихъ по самой низкой цѣнѣ и бралъ ихъ на себя, а иногда и вовсе не оцѣнивалъ ихъ. Секретарь канцеляріи Протопоповъ также попалъ подъ судъ за то, что скрывалъ ихъ преступленія и вдобавокъ пьянствовалъ.

Такія крутыя мѣры со стороны Татищева не могли не озлобить тѣхъ, противъ кого онѣ были направлены. Вдобавокъ подсудимые находились подъ особымъ покровительствомъ Тевкелева. Къ этому присоединилось поднятое Татищевымъ дѣло о полковникѣ Бердекевичѣ, ко-

торый попалъ подъ судъ по обвиненію въ казнокрадствѣ, грабежѣ башкиръ, утайкѣ ихъ пожитковъ и скота. Бердекевичъ приходился чуть ли не родственникомъ Тевкелеву, и это переполнило чашу терпѣнія послѣдняго,— онъ рѣшилъ избавиться отъ Татищева.

Вмѣстѣ съ доносомъ Тевкелева всѣ перечисленныя дѣла были переданы въ слѣдственную коммиссію, и она занялась ихъ разборомъ, не смотря на то, что въ то же самое время отказала сенату принять къ разсмотрѣнію дѣло по доношенію Татищева на сибирскаго губернатора Бутурлина о томъ, что онъ не давалъ Татищеву солдатъ для усмиренія башкиръ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что по этому дѣлу Татищевъ не отвѣтчикъ, а доказатель. Но и въ вышеизложенныхъ дѣлахъ оказалось болѣе матеріала для обвиненія Шемякина и другихъ, чѣмъ Татищева, такъ что коммиссіи пришлось выступить въ роли судьи лицъ, преданныхъ суду Татищевымъ. Дѣла ихъ впрочемъ пришли къ благополучному окончанію: Шемякинъ умеръ до произнесенія окончательнаго рѣшенія, Алфимовъ, Протопоповъ и др. попали подъ дѣйствіе всемилостивѣйшаго манифеста по случаю вступленія на престолъ Іоанна Антоновича, Бердекевичъ былъ оправданъ, при чемъ Татищевъ приговоренъ къ лишенію чиновъ и орденовъ,—наказаніе, которому долженъ былъ подвергнуться Бердекевичъ въ случаѣ обвинительнаго ему приговора, вмѣстѣ съ тѣмъ приговоръ надъ Татищевымъ постановлено было считать не окончательнымъ до полнаго окончанія всего дѣла. Рѣшеніе это было произведено уже въ іюлѣ 1741 года. Такимъ образомъ коммиссія освободилась отъ постороннихъ дѣлъ и могла окончательно сосредоточиться на доносахъ и взысканіяхъ поступавшихъ на Татищева.

Очевидно Биронъ очень интересовался скорѣйшимъ окончаніемъ дѣла. 8 сентября 1740 года оберъ-прокуроръ кн. Трубецкой сообщаетъ Новосильцеву изустное повелѣніе императрицы—скорѣе окончить Коммиссіи свои дѣла, не позднѣе будущей недѣли. Коммиссія отозвалась на это, что окончить такъ скоро никакъ невозможно, потому что присутственныя мѣста не присылаютъ требуемыхъ справокъ. 15 декабря 1740 года было прислано изъ сената подтвержденіе о немедленномъ окончаніи дѣла; Бирона уже не было у власти, и коммиссію торопила правительница, послѣдовали такіе же указы отъ 16 іюня и 21 августа 1741 года о немедленномъ окончаніи дѣла безъ Татищева „за нынѣшнимъ его въ посылку отсутствіемъ“. Документы не говорятъ, что это была за посылка. о ней не упоминаетъ и Поповъ. Свѣдѣнія объ этомъ обстоятельствѣ мы находимъ у Чупина—онъ говоритъ, что въ іюлѣ 1741 года Татищевъ былъ посланъ усмирять астраханскихъ калмыковъ.

Дѣлу, очевидно, не суждено было окончиться. 25 ноября 1741 года на престолъ вступила Елисавета, и для сподвижниковъ Петра Великаго наступила новая эра. „Нынѣ нечаянно, яко во тьмѣ сидящаго, оставшій свѣтъ Петра Великаго паки на меня возсіялъ и единою печаль и страхъ разрѣшилъ“, писалъ по этому поводу Тати-

щевъ Елисаветѣ [1]). 22 декабря сенатъ потребовалъ отъ Коммиссіи „подать за руками присутствующихъ вѣдомость въ крайней скорости: помянутая Коммиссія когда и по какому указу учреждена и со учрежденія оной сколько дѣлъ рѣшено и зачѣмъ оная по нынѣ продолжается“; что отвѣтила Коммиссія неизвѣстно, но черезъ недѣлю, именно 31 декабря Татищевъ былъ назначенъ астраханскимъ губернаторомъ. Тѣмъ не менѣе Коммиссія не закрылась: въ дѣлахъ ея мы встрѣчаемъ далѣе указы о переводѣ ея въ Москву со всѣми дѣлами и обрѣтающимися во оной канцелярскими служителями [2]). Не сохранилось указовъ, но существуютъ указанія, что Коммиссія была снова переведена въ Петербургъ, наконецъ 21 іюля 1743 года въ Коммиссіи былъ полученъ сенатскій указъ производимыя дѣла сдать по описи въ сенатскій архивъ, а бывшихъ во оной служителей отпустить въ прежнія мѣста откуда оные взяты были, и до 1745 года Татищевъ былъ оставленъ въ покоѣ; въ этомъ году надъ нимъ была учинена вторая судная Коммиссія, бумаги которой намъ пока неизвѣстны, но несомнѣнно хранятся гдѣ нибудь между дѣлами сенатскаго архива.

Доносы Тевкелева и другихъ сверхъ ожиданія почти не даютъ матеріала для характеристики дѣятельности Татищева въ оренбургской экспедиціи. Помимо ихъ пристрастнаго отношенія къ нему, не смотря на свою обширность [1]), они наполнены мелочами и не даютъ цѣльнаго представленія о томъ, какъ дѣйствовалъ Татищевъ. Характерно то обстоятельство, что доносъ Тевкелева написанъ рукой полковника Бердекевича. Сущность доноса, послужившаго базисомъ для обвиненія Татищева и суда надъ нимъ, заключается въ слѣдующемъ: Исетская провинція создана имъ только для того, чтобы посадить въ ней своего брата Ивана Никитича воеводой; Татищевъ живетъ въ Самарѣ тогда какъ ему слѣдуетъ жить въ Оренбургѣ (Оренбургъ тогда только что началъ строиться, и мѣсто его основанія не было еще утверждено императрицей); строитъ свои присутственныя мѣста въ Самарѣ, тогда какъ и ихъ слѣдуетъ строить въ Оренбургѣ, при чемъ употребляетъ въ дѣло новопоселенцевъ, не давая имъ самимъ обстраиваться; затѣмъ Тевкелевъ въ нѣсколькихъ пунктахъ подробно перечисляетъ неудобства и невыгоды того, что Татищевъ основался въ Самарѣ: благодаря этому слишкомъ много выходитъ на путевыя издержки при поѣздкахъ въ Оренбургъ; купцы, вмѣсто того, чтобы ѣхать туда, ѣдутъ въ Самару, и изъ Оренбурга нельзя сдѣлать торговаго пункта; благодаря отсутствію Татищева постройка Оренбурга идетъ медленно. Затѣмъ Тевкелевъ переходитъ къ сношеніямъ Татищева съ инородцами: Татищевъ по отношенію къ Ташкентскимъ купцамъ ведетъ себя крайне нетактично и грозно, чѣмъ ихъ весьма озлобляетъ, не оказываетъ имъ никакой помощи, а напротивъ всячески ихъ обижаетъ, русскихъ купцовъ не пускаетъ ѣздить въ киргизскую орду, тогда какъ этого требуютъ не только торговыя, но и чисто дипломатическіе интересы; раздражаетъ киргизовъ нетактичнымъ и неумѣлымъ обращеніемъ, не дѣлаетъ предпочтенія мирнымъ передъ немирными, дѣлаетъ подарки старшинамъ безъ вѣдома Тевкелева, безъ его же вѣдома велъ съ ними переговоры, денежную часть экспедиціи передалъ своему брату Никифору, избилъ плетьми протоколиста Маркова,—въ этомъ заключались служебные „непорядки“ Татищева. Далѣе Тевкелевъ приводитъ длинный списокъ взятокъ Татищева: онъ схватилъ въ Казани и арестовалъ купца Иноземцева, который велъ очень обширную торговлю и былъ весьма полезенъ, какъ кредиторъ для экспедиціи и ея поставщикъ, грозилъ его бить плетьми и повѣсить, очевидно вымогая взятку; въ трехъ новостроющихся городкахъ отдалъ питейную торговлю въ однѣ руки, взялъ 200 рублей съ коммиссара Утятникова, взялъ безденежно у комиссара Воинова цугъ соловыхъ лошадей, взялъ 300 р. съ полковника Бахметева за опредѣленіе его въ Оренбургскій полкъ, взялъ съ капитана Дмитріева гнѣдого аргамака, продалъ въ казну не принадлежавшихъ ему коровъ и т. д. и т. д. до конца фигурируютъ кони, коровы, аргамаки, овчины, волчьи шкуры, чуть ли не борзые щенки. Къ сожалѣнію въ дѣлѣ не сохранилось возраженіе Татищева на этотъ доносъ, о его существованіи мы узнаемъ изъ контръ-возраженія Тевкелева на возраженіе Татищева, не прибавляющаго однако ничего новаго и интереснаго къ доносу. Оправданія Татищева становятся извѣстными изъ отвѣтовъ его на вопросные пункты, поставленные ему Коммиссіей, къ нимъ мы вернемся ниже.

Къ доносу Тевкелева не преминули присоединиться и другіе, недовольные Татищевымъ. Подалъ протестъ и Бердекевичъ, подалъ челобитную и Семенъ Иноземцовъ, но скоро поспѣшилъ ретироваться послѣ того, какъ въ Коммиссіи была получена справка о томъ, что онъ нѣсколько разъ за плутни и неисправные подряды былъ битъ на торгу кнутомъ. Какъ оказалось, Иноземцова Татищевъ арестовалъ, будучи выведенъ изъ терпѣнія его недобросовѣстнымъ отношеніемъ къ подрядамъ. Предшественникъ Татищева Кирилловъ, какъ видно изъ имѣющихся въ дѣлѣ писемъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ Иноземцовымъ, въ своихъ письмахъ онъ постоянно называетъ его „почтенный господинъ купецъ Семенъ Еремѣевичъ, мой особливый благодѣтель, мой другъ Семенъ Еремѣевичъ“. Подалъ челобитную и купецъ Оирсовъ о томъ, что Татищевъ не заплатилъ ему за поставленный въ экспедицію провіантъ. Оказалось, что за провіантъ не было заплачено потому, что Татищевъ уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ былъ отставленъ отъ экспедиціи, тѣмъ не менѣе Коммиссія приговорила Татищева къ уплатѣ изъ собственныхъ средствъ. Возникло въ Коммиссіи дѣло также по протесту полковника Давыдова. Послѣднее небольшое дѣло интересно въ томъ

---

[1]) Пекарскій. Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ, стр. 36. Письмо отъ 27 декабря 1741 г.

[2]) Отъ 17 февраля 1742 г.

[1]) Доносъ Тевкелева въ 28 пунктахъ, изъ которыхъ 11 касаются „непорядковъ“ и 17—взятокъ.

отношеніи, что показываетъ между прочимъ, какъ Татищевъ наживалъ себѣ враговъ. Сутъ инцидента заключается въ слѣдующемъ: въ концѣ 1737 года Татищевъ донесъ императрицѣ, что въ Казанской губерніи между рѣками Сокомъ и Черемшаной населены вновь деревни безъ указа. На слѣдующій годъ для разслѣдованія объ этомъ былъ отправленъ сенатомъ полковникъ Семенъ Давыдовъ, въ инструкціи котораго было сказано, чтобы онъ требовалъ отъ Татищева обстоятельныхъ свѣдѣній объ этомъ и по полученіи ихъ ѣхалъ въ тѣ деревни для разслѣдованія на мѣстѣ. Татищевъ поручилъ доставлять нужныя Давыдову свѣдѣнія полковнику Спичинскому, тотъ прислалъ опись закамскихъ новопоселенныхъ внутри линіи деревень, въ опись эту попали деревни относительно которыхъ Давыдову разслѣдовать было не нужно. Чтобы не переписывать описи вторично, Татищевъ размѣтилъ въ присланной подлежащія къ разслѣдованію отъ неподлежащихъ (не подлежали тѣ, которыя просуществовали на мѣстѣ отъ 35 до 60 лѣтъ). Давыдовъ не понялъ системы отмѣтокъ Татищева и поднялъ споръ о вѣрности описи, Татищевъ заупрямился, произошло столкновеніе, вспыльчивый Татищевъ не уступилъ и вмѣсто передѣлки описи, чего требовалъ Давыдовъ, посадилъ его подъ арестъ. Пока тянулись споры, и Давыдовъ отсиживалъ подъ арестомъ, прошло довольно времени и слѣдствіе естественно затянулось. Коммиссія совершенно правильно нашла виновнымъ въ промедленіи Татищева и приговорила его къ денежному штрафу, отъ котораго онъ былъ однако освобожденъ въ силу милостиваго манифеста.

Главный интересъ излагаемыхъ документовъ заключается не въ доносахъ и не въ дѣлопроизводствѣ Коммиссіи. Н. А. Поповъ въ одномъ изъ примѣчаній къ своей монографіи говоритъ: „за все время управленія Татищевымъ оренбургской экспедиціей башкирскихъ дѣлъ въ московскомъ архивѣ М. И. Д. не сохранилось. Въ 1746—52 г.г. была учреждена слѣдственная Коммиссія о башкирскомъ бунтѣ; она требовала всѣ башкирскія дѣла изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и тогда уже за эти годы дѣлъ не нашлось; ихъ по всей вѣроятности надо искать въ дѣлахъ слѣдственной Коммиссіи о Татищевѣ“ [1]). Съ прозорливостью истиннаго историка Поповъ угадалъ совершенно вѣрно: дѣла слѣдственной Коммиссіи даютъ наиболѣе цѣнный и полный матеріалъ для исторіи дѣятельности Татищева за время управленія имъ оренбургской экспедиціей и башкирскимъ краемъ. Въ видѣ справокъ въ Коммиссію были присланы изъ Кабинета и изъ Сената всѣ донесенія Татищева за вышеуказанный періодъ и отвѣты на нихъ обоихъ этихъ учрежденій; въ дѣлѣ сохранились и именные Высочайшіе указы Татищеву. Кромѣ оффиціальныхъ доношеній еще большій интересъ представляютъ изъ себя сохранившаяся въ дѣлѣ громадная переписка Татищева съ разными членами экспедиціи, переписки этихъ членовъ между собою, указы изъ канцеляріи Татищева и ордеры разнымъ лицамъ и сохранившаяся къ величайшему сожалѣнію въ небольшихъ отрывкахъ „диевальная книга, происходящая въ бытность тайнаго совѣтника Татищева въ оренбургскомъ походѣ“. Относительно этого въ высшей степени важнаго и любопытнаго документа въ дѣлѣ имѣется слѣдующая интересная замѣтка: „...черная.... а бѣлая имѣется въ Самарѣ въ канцеляріи оренбургской коммиссіи“. Слѣдовательно, если дѣла оренбургской коммиссіи поступили въ одинъ изъ самарскихъ архивовъ то есть полная надежда предполагать, что эта драгоцѣнная книга сохранилась и можетъ быть современемъ будетъ извѣстна. Отрывки изъ нея, имѣющіяся въ дѣлахъ коммиссіи, носятъ получастный, полуоффиціальный характеръ; есть извѣстіе у Чупина, что въ бытность свою въ оренбургскомъ краѣ Татищевъ обрабатывалъ первый томъ своей исторіи. Если только онъ заносилъ ходъ своихъ работъ въ свой дневникъ, то несомнѣнно исторія его трудовъ обогатилась бы новымъ драгоцѣннымъ матеріаломъ. Чупинъ упоминаетъ также о дневникѣ Татищева за февраль и мартъ 1734 года, хранящемся въ екатеринбургскомъ горномъ архивѣ.

Вышеупомянутая переписка Татищева и другихъ представляетъ интересъ еще въ томъ отношеніи, что частныя письма представлялись обѣими сторонами, какъ обвинительные и оправдательные документы, слѣдовательно есть полная возможность прослѣдить дѣятельность Татищева безпристрастно, не ссылаясь на односторонность и искуственный подборъ документовъ. Къ сожалѣнію всѣ вышеперечисленные документы находятся въ безпорядкѣ, разбиты по всѣмъ 12-ти томамъ дѣлъ Коммиссіи и попадаются даже тамъ, гдѣ имъ вовсе казалось бы не слѣдовало бы попадаться—напримѣръ въ приходо-расходныхъ книгахъ коммиссіи или въ дѣлахъ о наймѣ въ нее служителей. Первый же бѣглый просмотръ донесеній Татищева повергаетъ изслѣдователя въ невольное изумленіе: онъ управлялъ экспедиціей 2 года и 1 мѣсяцъ и за это время успѣлъ обмѣняться съ Кабинетомъ почти 200-ми донесеніями и указами. Сюда, конечно не входятъ обильные указы, ордеры, предписанія, промеморіи и письма, сыпавшіяся во всѣ стороны изъ его канцеляріи и отъ него лично. Просматривая его бумаги, его можно упрекнуть въ чемъ угодно, только не въ бездѣятельности.

Въ краткомъ обзорѣ невозможно передать содержанія бумагъ Татищева, — въ однихъ донесеніяхъ его достаточно матеріала для большого изслѣдованія объ Оренбургскомъ краѣ и о колонизаторской дѣятельности русскаго правительства за указанный періодъ, въ задачу нашу входитъ лишь краткая характеристика матеріаловъ, заключающихся въ этихъ бумагахъ. На первый планъ слѣдуетъ поставить отвѣтъ Татищева на вопросные пункты. Ихъ ему было предъявлено 109. Впослѣдствіи, вспоминая о своихъ злоключеніяхъ, въ письмѣ своемъ къ И. А. Черкасову Татищевъ отзывался объ этихъ

[1]) Н. А. Поповъ. В. Н. Татищевъ и его время пр. 100.

пунктахъ слѣдующимъ образомъ: „бывшій секретарь Яковлевъ сочинилъ мнѣ вопросные пункты, противные формѣ суда и точнымъ указамъ, ибо именъ челобитчиковъ не показалъ, изъ челобитья ихъ бралъ не порядкомъ, но смѣшивалъ, и одинъ пунктъ разбилъ на многіе, а многое отъ себя прибавилъ чего въ челобитьяхъ нѣтъ“ [1]). Внимательное сравненіе доноса, челобитій и протестовъ съ вопросными пунктами подтверждаютъ это показаніе Татищева. Въ отвѣтахъ своихъ Татищевъ на разсужденія о выгодахъ и невыгодахъ того, что онъ жилъ въ Самарѣ, а не въ Оренбургѣ отвѣчаетъ разсужденіями же, и трудно установить на чьей сторонѣ правда, такъ какъ въ сущности эта часть обвиненія и оправданія представляетъ изъ себя личныя мнѣнія спорящихъ. Татищевъ однако все время опирается на Высочайшія апробаціи своихъ донесеній и мнѣній, внесенныхъ въ Кабинетъ. Ту часть доноса, которая говоритъ о его нетактичности и неумѣніи обращаться съ инородцами, онъ разбиваетъ опять таки съ оффиціальными документами въ рукахъ, ссылаясь постоянно на опредѣленія генеральнаго совѣта, подписанныя и Тевкелевымъ. Относительно своихъ взятокъ онъ приводитъ цѣлый рядъ документовъ, опираясь на которые онъ доказываетъ недобросовѣстность этой части обвиненія;— коммиссаръ Утятниковъ заплатилъ Татищеву долгъ третьяго лица, довѣрившаго это дѣло Утятникову, съ Бахметева онъ не бралъ ничего, а купилъ у него перстень, за который заплатилъ ему деньгами, что и подтверждается рядомъ писемъ Бахметева. Лошади, забранныя будто бы, какъ взятки, оказываются по большей части купленными или вымѣненными, и все это подтверждается имѣющимися въ дѣлѣ документами.

Конечно, отвѣты не удовлетворили Коммиссію, были затребованы справки изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и они то по большей части и составлены изъ тѣхъ документовъ, о которыхъ я говорилъ только что.

Мы уже указывали, какъ проявляется неустанная дѣятельность Татищева въ его донесеніяхъ. Здѣсь мы ограничимся лишь краткимъ перечнемъ того, что даютъ его донесенія и письма. Осмотрѣвъ заложенный Кирилловымъ Оренбургъ и найдя мѣсто отведенное для него неудобнымъ, такъ какъ пути сообщенія съ ними были изъ рукъ вонъ плохи, Татищевъ тотчасъ принялся строить въ Самарѣ магазины и торговые ряды, желая сдѣлать изъ этого города операціонный базисъ для торговыхъ сношеній съ Оренбургомъ, который онъ послѣ долгихъ и упорныхъ изысканій перенесъ въ урочище Красной Горы; сообщеніе съ этимъ пунктомъ было гораздо удобнѣе. Очень любопытно сношенія Татищева по этому поводу съ Кабинетомъ. На всѣ представленія его Кабинетъ отвѣчалъ очень уклончиво, предоставляя ему дѣйствовать на свой рискъ и страхъ. Киргизы отвлекали вниманіе Татищева отъ ввѣренной ему экспедиціи,— Кабинетъ не давалъ ему по этому поводу почти никакихъ указаній,

[1]) **Пекарскій. Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ стр. 38.**

отдѣлываясь общими фразами и ссылками на инструкцію данную ему; кромѣ того Тевкелевъ своими вмѣшательствами часто тормозилъ ему все дѣло, наружно соглашаясь во всемъ съ Татищевымъ, но тотчасъ же дѣлая по своему, какъ только ему приходилось дѣйствовать одному. Между тѣмъ башкиры мало по малу успокоивались отъ недавняго возмущенія и понемногу стали приходить къ Татищеву съ повинной. Зачинщики „главные воры“ однако не являлись, а просили письменно, чтобы для ихъ успокоенія отпустили двухъ изъ пойманныхъ главарей возмущенія. Татищевъ представлялъ объ этомъ въ Кабинетъ, предлагая ихъ не казнить, а держать гдѣ нибудь, хотя бы напримѣръ въ Казани, на порукахъ. Кабинетъ распорядился высылкой ихъ въ Петербургъ.

Любопытны очень донесенія Татищева послѣ осмотра новостроющихся крѣпостей; въ головѣ его уже образовался планъ по какой линіи ихъ расположить и кѣмъ заселить, Кабинетъ отвѣтилъ своей обыкновенной ссылкой на инструкцію. Переписка Татищева и другихъ ярко рисуетъ неоффиціальную сторону жизни въ новонаселявшихся мѣстахъ и дѣятельность лицъ, призванныхъ вызвать къ жизни пустынный и дикій край. Эта переписка еще разъ подчеркиваетъ хроническіе недостатки, свойственные русскимъ дѣятелямъ того времени: полное неумѣніе дѣйствовать солидарно, преслѣдованіе личныхъ интересовъ въ ущербъ государственнымъ, стремленіе во что бы то ни стало играть каждому первую роль въ краѣ, постоянные жалобы, плохо скрываемые, а подчасъ и совсѣмъ не скрываемые алчные инстинкты, зависть и недоброжелательство по отношенію другъ къ другу, низкопоклонничество передъ сильными,—вотъ тѣ неприглядныя черты, которыми приходится охарактеризовать мѣстныхъ дѣятелей; свѣтлыми точками на этомъ сѣромъ фонѣ выдаются личности Татищева, Соймонова и Хрущова, казненнаго впослѣдствіи вмѣстѣ съ Волынскимъ, дѣлавшихъ свое дѣло, къ которому они были призваны, не за страхъ, а за совѣсть.

Память Татищева, какъ историка, достаточно реабилитирована, но укоръ во взяточничествѣ тяготѣетъ надъ нимъ до сихъ поръ. Многіе пытались объяснить это духомъ времени, средой въ которой Татищеву приходилось вращаться и т. п. Мы со своей стороны далеки отъ мысли брать на себя трудную задачу защитить его отъ этого упрека, позволимъ лишь себѣ въ заключеніе дать слово объ этомъ самому Татищеву и приведемъ его слова, которыми онъ заканчиваетъ вопросные пункты: „...мои дѣла свидѣтельствуютъ, что я будучи при заводахъ, еслибъ хотѣлъ наживать, могъ сто разъ болѣе, нежели всѣ неправо показанныя на мнѣ взятки, тамо получить, какъ свидѣтельствуюсь моими всеподаннѣйшими доношеніи и доказательствы, что Демидовъ за гору Благодать, прежде нежели другой кто объ ней зналъ, 3000 рублевъ принося просилъ, чтобъ я по данной мнѣ инструкціи ему отдалъ; Осокинъ о той же просилъ и генералъбергъ-директоріумъ на то соизволили, за которое если бъ я хотѣлъ безсовѣстенъ быть не пожалѣлъ бы онъ де-

сяти тысячъ, и мнѣ было съ генералъ-бергъ-директоріумомъ согласовать не трудно; ему жъ Осокину Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ за разоренной Табынской заводъ заплатить 25000 рублевъ, но я разсмотрѣвъ обстоятельства, не льстясь на обѣщанія и не боясь грозъ, не могъ въ томъ Правительствующему Сенату во всемъ согласовать, въ чемъ ссылаюсь на мои доношенія; а затѣмъ не упоминаю отъ раскольниковъ и отъ другихъ по тысячѣ и по двѣ приносимы не принялъ; въ случаѣ нужды не токмо мои собственныя, но занимая для себя у постороннихъ деньги, для исправленія нуждъ казенныхъ давалъ, и нынѣ въ казнѣ такихъ тысяча рублевъ... по коммиссіи, порученной мнѣ отъ ея императорскаго величества, не токмо никакой себѣ прибыли не

искалъ, но паче своего и малаго имѣнія, гдѣ для чести и пользы ея императорскаго величества разумѣлъ, ничего не жалѣлъ".

Въ заключеніе нельзя не пожелать горячо, чтобы дѣла 1-й слѣдственной коммиссіи, были изданы въ возможно скоромъ времени. Нѣтъ надобности, конечно издавать ихъ въ полномъ видѣ, на первое время достаточно было бы извлечь матеріалъ имѣющій общеисторическій интересъ, какъ то: донесенія и указы и переписку Татищева, несомнѣнно, что такое изданіе обогатило бы интереснымъ вкладомъ русскую историческую науку.

Ю. В. Татищевъ.

Архивъ Полоцкой духовной консисторіи.

(Окончаніе).

№ *10*. **1642** г. марта 24. Реляціонный декретъ, выданный выписью изъ архивныхъ книгъ королевской канцеляріи меньшей в. к. лит., отъ 22 сентября 1751 г., по дѣлу себеясскаго протопопа Василія Ольшевича съ смоленск. епископомъ Петромъ Парчевскимъ о завладѣніи послѣднимъ принадлежащихъ къ Себеж. Пречистенской церкви деревнями: Игнатовымъ, Мазалинымъ, Левошковымъ, Колесовымъ, Давыдковымъ, Кокошинымъ и пустошами Баталовымъ Мякошевымъ и Глыбочиною, каковыя и присуждены себеж. пречист. церкви, такъ какъ онѣ принадлежали къ ней *еще за нахожденіемъ края подъ властію России* и потомъ утверждены за тою же церковью и польскими королями.

На пол. яз., на 2 л.

№ *11*. **1642** г. авг. 8. Указъ короля Владислава IV коммисарамъ о повѣркѣ на мѣстѣ спора между себежск. протопопомъ Василіемъ Ольшевичемъ и дворяниномъ Павломъ Бѣлкомъ относительно границъ имѣнія перваго Яблонцы съ церковными.

На пол. яз., ветхъ, на 1 л.

№ *12*. **1642** г. нояб. 11. Королевскій мандатъ дворянину Михаилу Захаревичу и женѣ его, чтобы они явились на полоцкій земскій судъ по дѣлу съ Себеж. протопопомъ Ольшевичемъ о завладѣніи первымъ принадлежащей Себежской Успенской церкви селитьбою Мякишевымъ съ причисленіемъ ея къ своему имѣнію Катинъ.

На зап.-рус. яз., на 1/2 л.

№ *13*. **1642** г. нояб. 11. Копія того-же мандата Захаревича съ женою.

На пол. яз., на 1/2 л.

№ *14*. **1643** г. апр. 15. Королевскій мандатъ тому-же Захаревичу съ женою такого-же содержанія.

На зап.-рус. яз., на 1/2 л.

№ *15*. **1646** г. сент. 22. Выданная изъ Королевской Канцеляріи меньшей в. к. лит. выпись декрета Королевскаго по дѣлу Себежскаго протопопа съ Королевскимъ инстигаторомъ в. к. лит. и его уполномоченнымъ, Себежскимъ же ксендзомъ Георгіемъ Щавинскимъ, по коему принадлежащія Себежской церкви деревня Соболи озеро Тетерево, съ другими деревнями, пустошами и урочищами, но неправильно присвоенныя Себежскому костелу, присуждены опять той же Успенской церкви.

На пол. яз., на 1/2 л. ветхъ.

№ *16*. **1647** г. янв. 26. Выпись изъ гродскихъ актовыхъ книгъ Полоцкаго воеводства протестаціи Смоленскаго архіепископа Андрея Злотаго, послѣдовавшей по донесенію Себежскаго протопопа о нападеніи слугъ Себежскаго ксендза Георгія Щавинскаго на священническій домъ.

На зап.-рус. яз., на 1/2 л.

№ *17*. **1647** г. февр. Генеральская реляція о разореніи и забраніи Себежскимъ ксендзомъ забора около церкви св. Николая, въ Себежскомъ замкѣ находящейся.

На зап.-рус. яз., на 1/2 л., начала документа нѣтъ.

№ *18*. **1647** г. окт. 19. Выпись изъ гродскихъ актовыхъ книгъ полоцкаго воеводства о послѣдствіяхъ произведеннаго имъ на мѣстѣ дознанія по жалобѣ Себеясскаго протопопа на Себежскаго же ксендза Михаила Друцкаго - Соколинскаго о насильственномъ завладѣніи слугами послѣдняго принадлежащимъ Себежской Успенской церкви имѣніемъ Завороньемъ, въ числѣ 8 деревень, и о взиманіи съ крестьянъ повинностей.

На зап.-рус. и пол. яз., на 1 л.

№ *19*. **1648** г. марта 13. Выданная изъ архивныхъ дѣлъ королевской канцеляріи в. к. лит. выпись королевскаго декрета о возстановленіи правъ владѣнія Себежскаго протопопа принадлежащею къ Себежск. Успен. церкви деревнею Заворонье въ полномъ составѣ, насильно нарушенное ксендзомъ Михаиломъ Друцкимъ-Соколинскимъ.

На пол. яз., ветхъ, на 1 л.

№ *20*. Безъ даты. Частная замѣтка о положеніи дѣла Себежскаго протопопа съ ксендзомъ о церковныхъ деревняхъ: Игнатовѣ, Кореньковѣ и проч.

На пол. яз., на 1/2 л.

№ *21*. **1651** г. мая 16. Выпись изъ гродскихъ актовыхъ книгъ Полоцкаго воеводства генеральской реляціи по дѣлу полоцкихъ мѣщанъ съ Микуличемъ Ходькою о разореніи строеній, уничтоженіи посѣва и проч.

На зап.-рус. яз , на 1/2 л.

№ *22*. **1679** г. окт. 20. Выпись изъ гродскихъ актовыхъ книгъ Полоцкаго воеводства, поданнаго Себеж. священникомъ Ольшаницею для записи въ гродскія актовыя книги списка церковныхъ крѣпостныхъ людей.

На зап.-рус. яз., ветхъ, на 1/2 л.

№ *23*. **1690** г. авг. 16. Такая-же выпись списка поданнаго Себежск. священникомъ Петромъ Александровичемъ.

На зап.-рус. и пол. яз., вес. ветхъ, на $^1/_2$ л.

№ *24*, **1729** г. сент. 3. Частная копія королевскаго мандата, даннаго дворянину Казиміру Толвинскому съ сыновьями его о явкѣ ихъ съ своими челядницами и крѣпостными людьми въ Полоцкій Земскій Градской Судъ по дѣлу съ ними Собежск. протопопа о препятствованіи ими пользоваться ему общею рѣчкою Орѣховкою.

На пол. яз., на $^1/_2$ л.

№ *25*. **1730** г. нояб. 9. Произведенное командированнымъ Полоцкимъ архіеп. Флоріаномъ Гребницкимъ викаріемъ Березвечскаго базиліанскаго монастыря Никифоромъ Погоновскимъ дознаніе по дѣлу Себежск. священниковъ Симеона и Іоанна Александровичей съ Орминскимъ и пр. шляхтою о нарушеніи межи владѣній, побояхъ и др. поступкахъ сихъ послѣднихъ.

На пол. яз., на 3 л.

№ *26*. 1736 г. окт. 22. Представленная Полоцкому намѣстнику генераломъ полоцкаго воев. квитанція о наложеніи ареста на убійцъ крѣпостного Себеяс. церкви человѣка, по имени Петраша,—крѣпостныхъ людей имѣнія Цѣхоличъ помѣщика Ивана Медунецкаго.

На пол. яз., на $^1/_2$ л.

№ *27*. **1736** г. окт. 22. Генеральная реляція Полоцкому намѣстнику Павловскому о произведенномъ имъ дознаніи по тому же дѣлу объ убійствѣ.

На пол. яз., на 1 л.

№ *28*. **1737** г. янв. 17. Выпись изъ гродскихъ актовыхъ книгъ Полоцкаго воеводства той-же генеральской реляціи.

На пол яз , на 1 л.

№ *29*. **1737** г. янв. 15. Выпись изъ гродскихъ актовыхъ книгъ Пол. воев. генеральской реляціи о наложенномъ запрещеніи на имущество убійцъ церковнаго человѣка, въ суммѣ 10,090 копъ грош. лит.

На пол. яз., на 1 л.

№ *30*. **1737** г. янв. 20. Выпись изъ суррогаторскихъ книгъ Полоц. воев. жалобы Себеж. священника на помѣщика Медунецкаго и пр. о томъ-же убійствѣ.

На пол. яз., на 1 л.

№ *31*. **1737** г. янв. 20. Выпись изъ Полоцкихъ суррогаторскихъ книгъ протестаціи Себеж. ун. священника Іоанна Александровича противъ помѣщика Ивана Медунецкаго и пр. о насильномъ заграбленіи принадлежащихъ къ Себеж. церкви земель, лѣсовъ, луговъ, тоней на оз. Варонѣ, убійствѣ церковнаго фундушеваго крестьян. Петраша и избитія до полусмерти другого церковнаго крестьянина, а также объ угрозахъ Медунецкаго убить и его, священника.

На пол. яз., на 2 л.

№ *32*. **1737** г. марта 27. Королевскій мандатъ помѣщику Ивану Медунецкому и пр., чтобы явились въ главный трибуналъ в. к. лит. по дѣлу о убійствѣ фундушеваго Себеж. ц. крестьянина.

На пол. яз., на 1 л.

№ *33*. **1737** г. апр. 4. Выпись изъ суррогаторскихъ книгъ Полоц. воев. генеральской реляціи о врученіи вышеозначеннаго корол. мандата Ивану Медунецкому и проч.

На пол. яз., на $^1/_2$ л.

№ *34*. **1738** г. іюля 16. Генеральская реляція о томъ, что люди Ивана Медунецкаго сжали церковное фундушевое поле.

На пол. яз., на $^1/_2$ л.

№ *35*. **1738** г. іюля 20. Частная справка о поданной Себеж. священникомъ протестаціи противъ смоленскаго стражника Ивана Медунецкаго и земскаго регента польскаго воеводства Петра Кулеша о томъ, что они сжали церковное поле и завладѣли фундушевою церковною землею.

На пол. яз., на $^1/_2$ л.

№ *36*. **1744** г. іюня 16. Генеральская реляція о произведенномъ дознаніи, по жалобѣ Себеж. декана Іоанна Александровича, о нападеніи Георгія Лосовскаго, Петра Бѣлявскаго и Осипа Пашкевича съ людьми на фундушевую Себеж. греч. обр. церкви землю въ такъ называемыхъ Нивахъ въ Сенкинѣ.

На пол. яз., на 1 л.

№ *37*. **1744** г. іюля 24. Выпись изъ суррогаторскихъ книгъ Полоцкаго воеводства означенной выше генеральской реляціи.

На пол. яз., на 1 л.

№ *38*. **1745** г. іюня 25. Королевскій мандатъ Георгію Лосовскому и др., вызывающій ихъ въ главный трибуналъ в. к. лит. по означенному выше дѣлу. Также и копія этого мандата.

На пол. яз., на 1 л.

№ *39*. **1748** г. нояб. 23. Генеральская реляція о произведенномъ дознаніи, по жалобѣ Себеж. благочиннаго Іоанна Александровича, на помѣщика Сильвестра Медунецкаго и пр. о нападеніи ихъ на церковные луга, наз. Островъ, и что они избили его самого, священника.

На пол. яз., на $^1/_2$ л.

№ *40*. **1749** г. апр. 26. Выпись изъ суррогаторскихъ книгъ Полоц. воев. жалобы Себеж. протопопа на Медунецкихъ, кс. Кругельскаго, Ковецкаго и др., о захватѣ

церковныхъ земель, наѣздахъ на церковные лѣса и др. насиліяхъ.

На пол. яз., на 1 л.

№ *41*. 1749 г. мая 2. Королевскій мандатъ Кругельскому и пр., чтобы явились въ главный трибуналъ в. к. лит. по этому дѣлу.

На пол. яз., на 1 л.

№ *42*. 1749 г. мая 9. Выпись изъ суррогаторскихъ книгъ Полоц. воев. этого мандата.

На пол. яз., на 1/2 л.

№ *43*. 1749 г. мая 20. Копія рѣшенія главнаго трибунала по этому дѣлу, коимъ предоставлено сторонамъ во взаимныхъ претензіяхъ обратиться въ Подкоморскій Судъ.

На пол. яз., на 6 л.

№ *44*. 1751 г. окт. Вызовъ Подкоморскимъ Судомъ сторонъ по этому дѣлу,—въ двухъ экземплярахъ.

На пол. яз., на 2 л.

№ *45*. 1751 г. окт. 5. Копія рѣшенія подкоморскаго Суда по этому дѣлу.

На пол. яз., на 1 л.

№ *46*. 1751 г. нояб. 20. Генеральская реляція о произведенномъ дознаніи по жалобѣ Себеж. коадъютора свящ. Василія Александровича на помѣщика Георгія Лосовскаго за нанесеніе ему, священнику, и его людямъ, людьми Лосовскаго побоевъ и возведеніи построекъ на церковной пустошѣ.

На пол. яз., на 1 1/2 л.

№ *47*. 1751 г. дек. 1. Генеральская реляція о произведенномъ дознаніи по жалобѣ Себежск. священниковъ Іоанна, Василія и Семеона Александровичей на помѣщика Георгія Лосовскаго въ томъ, что Лосовскій самъ и чрезъ своихъ людей совсѣмъ опустошилъ Заворонскую церковную дачу на дрова и проч. и изъ нихъ Василія Александровича и людей его избили, а также навезъ строевого лѣса въ церковн. пустоши Сеньковы-Нивы и Острыя горы и возвелъ тамъ свои строенія, Заворонскую же пущу отдалъ въ аренду по контракту Аннѣ изъ Чаплицевъ Лосовской.

На пол. яз., на 1/2 л.

№ *48*. 1751 г. дек. 2. Выпись изъ Себеж. ратушныхъ Магдебургскихъ книгъ этой генеральской реляціи.

На пол. яз., на 1 л.

№ *49*. 1752 г. янв. 8. Генеральская реляція о произведенномъ дознаніи о нападеніи слугъ помѣщика Георгія Лосовскаго по наущенію послѣдняго на церковный фольваркъ и дер. Глубочицу, поруганіи свв. Іоанна, Василія и Павла Александровичей и разореніи корчмы.

На пол. яз., на 2 1/2 л.

№ *50*. 1752 г. февр. 26. Выпись изъ гродскихъ суррогаторскихъ книгъ Полоц. воев. жалобы Себеж. настоятеля Іоанна и коадъютора его Василія Александровичей на разныхъ лицъ, захватившихъ церковныя земли.

На пол. яз., на 1 л.

№ *51*. 1752 г. мар. 2. Королевскій мандатъ Медунецкимъ, Лосовскимъ, Гласкамъ, Оскеркѣ, Корсакамъ, Шульцамъ, Толвинскимъ и пр., захватившимъ церковное имѣніе, чтобы они явились въ главный трибуналъ в. к. литов.

На польск. яз., на 1/2 л.

№ *52*. 1752 г. мар. 2. Королевскій мандатъ кс. Кругельскому, г. Радивину, Плятеру и пр. лицамъ, захватившимъ церковныя земли, чтобы явились въ главный трибуналъ в. к. лит.

На пол. яз., на 1 л.

№ *53*. 1752 г. мар. 17. Выпись изъ гродскихъ суррогаторскихъ книгъ Полоц. воев. реляціи генеральской по этому дѣлу.

На пол. яз., на 1/2 л.

№ *54*. 1752 г. мар. 17. Такая же выпись по дѣлу о.о. Александровичей съ поименованными подъ № 51 лицами.

На пол. яз., на 1/2 л.

№ *55*. 1752 г. мая 23. Выданный суррогаторамъ Полоцкаго воеводства списокъ копіямъ документовъ и дѣламъ о.о. Александровичей съ кс. Кругельскимъ и др. лицами.

На польск. яз., на 1/2 л., ветхъ.

№ *56*. 1752 г. іюня 12. Выпись изъ гродскихъ суррогаторскихъ книгъ Полоц. воев. жалобы о.о. Александровичей на Медунецкихъ и пр. по означенному подъ № 51 дѣлу.

На пол. яз., на 1/2 л.

№ *57*. Безъ даты. Двѣ частныя замѣтки о положеніи означенныхъ дѣлъ о.о. Александровичей, такіе же вопросные пункты къ разрѣшенію дѣла ихъ съ кс. Кругельскимъ и пр. и списокъ издержекъ ихъ по дѣламъ этимъ.

На пол. яз., на 7 л.

№ *58*. 1753 г. мая 5. Повѣстка подкоморія Стародубскаго повѣта Кунасевича Гимберта Медунецкимъ и всѣмъ прочимъ, захватившимъ церковныя земли, чтобы они явились на судъ его.

На пол. яз., на 1 л.

№ *59*. 1753 г. мая 19. Выпись изъ гродскихъ суррогаторскихъ книгъ признанія генераломъ реляціи своей и объявленіе вызова въ судъ кн. Радивилла и проч. по тому же дѣлу.

На пол. яз., на 1/2 л.

№ *60*. **1754** г. мар. 15. Королевскій мандатъ Фаддею и женѣ его Іоганнѣ Гласкамъ, чтобы они явились въ главный трибуналъ по тому же дѣлу.

На пол. яз., на 1 л.

№ *61*. **1754** г. апр. 6. Королевскій мандатъ Себежск. священникамъ Іоанну и Василію Александровичамъ, чтобы явились въ главный трибуналъ по обвиненію ихъ этими Гласками въ завладѣніи деревнею ихъ Цынками.

На пол. яз., на 1/2 л.

№ *62*. Безъ даты. Копія д. б. рѣшенія Подкоморскаго Суда по означенному выше подъ № 43 дѣлу. Безъ начала и конца.

На пол. яз., на 4 1/2 л.

№ *63*. **1755** г. янв. 15. Выпись изъ Себежскихъ гродскихъ Магдебургскихъ книгъ жалобы настоятеля Себеж. церкви св. Василія Александровича на Георгія, Александра, Матвѣя, Іосифа и Станислава Лоссовскихъ о захватѣ церковнаго имущества.

На пол. яз., на 1 л.

№ *64*. **1755** г. февр. 26. Повѣстка Витебскаго подвоеводы Степана Косова, означеннымъ Лоссовскимъ о томъ, чтобы они безпрекословно подчинились рѣшенію главнаго трибунала по этому дѣлу.

На пол. яз., на 1 л.

№ *65*. **1755** г. мар. 12. Выпись изъ гродскихъ суррогаторскихъ книгъ Полоц. воевод. донесенія генерала о томъ, что повѣстку о приведеніи трибунальнаго рѣшенія въ исполненіе чрезъ подвоеводу Косова онъ, генералъ, Лоссовскимъ вручилъ.

На пол. яз., на 1/2 л.

№ *66*. **1755** г. апр. 5. Заявленіе витебск. подвоеводы о томъ, что, по случаю сопротивленія Лоссовскихъ трибунальному декрету, означенное дѣло съ ними о. Александровича представилъ онъ въ главный трибуналъ в. к. лит.

На польск. яз., на 1 л.

№ *67*. **1755** г. апр. 10. Выпись изъ гродскихъ суррогаторскихъ книгъ Полоц. воев. генеральской реляціи о томъ, что вызовъ въ главный трибуналъ по означенному дѣлу Лоссовскимъ онъ вручилъ.

На пол. яз., на 1/2 л.

№ *68*. **1755** г. мая 27. Копія рѣшенія маршалковскаго суда по дѣлу св. Василія Александровича съ названными выше Лоссовскими и Александромъ Корсакомъ о завладѣніи церковнымъ имуществомъ и по вышеозначенному дѣлу подъ № 63. Рѣшеніе это утверждено главнымъ трибуналомъ съ тѣмъ, чтобы стороны кончили между собою дѣло въ 8-недѣльн. срокъ.

На пол. яз., на 2 л.

№ *69*. **1755** г. мая 27. Копія декрета главнаго трибунала в. к. лит. чтобы священникъ Василій Александровичъ съ Лоссовскими по тому же дѣлу явились въ маршальскій и комиссарскій судъ.

На пол. яз., на 4 л.

№ *70*. **1755** г. авг. 23. Выпись изъ реестровъ Виленскаго гл. трибунала о записи въ оные жалобы Себежск. церкви настоятеля Іоанна и коадъютора его Василія Александровича на Фаддея и жену его Іоанну изъ Храповицкихъ, Гласковъ по вышесказанному дѣлу. Такая же выпись о записи жалобы тѣхъ Гласковъ на о.о. Александровичей.

На пол. яз., на 1/2 л.

№ *71*. **1755** г. авг. 25. Повѣстка Слонинскаго маршалка Казиміра Воловича кс. Кругельскому, Георгію, Александру, Матвѣю, Францу, Осипу, Станиславу Лоссовскимъ, Александру Корсаку и Оскеркѣ, чтобы они явились на его судъ по дѣлу съ ними о.о. Александровичей о захватѣ церковнаго имущества и пр.

На пол. яз., на 1 л.

№ *72*. **1755** г. авг. 26. Копія рѣшенія главнаго трибунала в. к. лит. коимъ дѣло о.о. Александровичей съ Захаревичемъ о завладѣніи деревни Мякишево отсрочено до 1756 г.

На пол. яз., на 2 л.

№ *73*. **1755** г. авг. 30. Выпись изъ гродскихъ книгъ Полоцкаго воеводства генеральской реляціи о врученіи отвѣтчикамъ о.о. Александровичей означенной выше подъ № 71 повѣстки.

На пол. яз., на 1 л.

№ *74*. авг. 30. **1755** г. Выпись справки изъ протокола канцеляріи грод. воев. Полоцкаго, о невыдачѣ священнику Василію Александровичу, въ силу декретовъ трибулами, кс. Кругельскимъ, Лоссовскимъ, Корсакомъ и Оскеркомъ, копіи документовъ.

На пол. яз., на 1/2 л.

№ *75*. **1755** г. авг. 30. Выпись изъ гродскихъ книгъ Полоц. воев. жалобы настоятеля Себеж. ун. церкви на Александра Корсака, Рафаила Гласко, Севастіана и жену его Елисавету Шульцевъ съ дѣтьми ея и на крѣпостныхъ людей этихъ помѣщиковъ за нападеніе на церковныя поля и избитіе какъ самого просителя, такъ и людей его.

На пол. яз., на 1 л.

№ *76*. **1755** г. дек. 18. Выпись изъ Себежскихъ ратушныхъ магдебургскихъ книгъ жалобы Себежской церкви настоятеля на Георгія Лосовскаго и слугъ его.

На пол. яз., на 1 л.

№ *77*. Безъ даты. Частная замѣтка для забранія справокъ изъ дѣлъ о завладѣніи церковнымъ имуществомъ и пр.

На пол. яз., на 1 л.

№ 78. **1756** г. янв. 2. Выпись изъ гродскихъ книгъ Полоцк. воевод. генеральской реляціи о томъ, что Лосовскіе присужденные маршалковскимъ судомъ 142 злот. священнику Василію Александровичу не уплатили. О томъ-же и справка самого генерала.

На польск. яз., на 1 л.

№ 79. **1756** г. мар. 19. Королевскій мандатъ Георгію Лоссовскому и его слугамъ, чтобы явились въ главный трибуналъ по вышеозначенному подъ № 76 дѣлу.

На пол. яз., на 1 л.

№ 80. **1756** г. апр. 3. Выпись изъ гродскихъ книгъ Полоцкаго воевод. генеральской реляціи о врученіи Лосевскому и его слугамъ означеннаго мандата.

На пол. яз., на 1/2 л.

№ 81. **1756** г. авг. 8. Королевскій мандатъ Іоанну Станиславу, Аннѣ, Францыскѣ и Феліаціанѣ Гласкамъ, чтобы явились въ главный трибуналъ в. к. лит. по жалобѣ священ. Василія Александровича на нихъ, по предмету завладѣнія ими церковными деревнями Кокошино и Давыдково, называемыми также Цынкою и Поповкой.

На пол. яз., на 1 л.

№ 82. **1756** г. авг. 31. Выпись изъ гродскихъ книгъ Полоц. воевод. генеральской реляціи о врученіи Гласкамъ этого мандата.

На пол. яз., на 1/2 л.

№ 83. **1756** г. сент. 6. Выпись изъ книгъ гл. трибунала в. к. лит. декрета его, коимъ за неуплатою Антономъ Воронецкимъ и женою его священнику Александровичу присужденной тѣмъ же трибуналомъ суммы 11,210 злот. польск., и за истеченіемъ срока исполненія того декрета, Воронецкіе признаны временными и вѣчными изгнанниками (za banitow doczesnych i wiecznych).

На пол. яз., на 3 л.

№ 84. **1756** г. сент. 7. Выпись изъ книгъ гл. трибунала в. к. лит. декрета его, коимъ означенный выше подъ № 80 Лоссовскій и служители его, за истеченіемъ срока исполненія самого декрета, признаны лишенными чести (Za infamusow).

На пол. яз., на 3 л.

№ 85. **1756** г. дек. 15. Мировая сдѣлка, послѣдовавшая между о. Василіемъ Александровичемъ и Георгіемъ Лоссовскимъ, по коей прекращены всѣ заведенныя между ними дѣла. Два документа—самая сдѣлка и выпись ея изъ градскихъ книгъ Полоц. воеводства.

На пол. яз., на 4 л.

№ 86. **1757** г. іюня 25. Выпись изъ гродскихъ книгъ Полоц. воев. генеральской реляціи о врученіи Воронецкимъ повѣстки о явкѣ ихъ въ главный трибуналъ в. к. лит. по дѣлу о завладѣніи церковною деревнею Мякишево.

На пол. яз., на 1/2 л.

№ 87. **1757** г. іюня 18. Повѣстка гродскаго писаря Полоц. воев. Станислава Гребницкаго Антону Воронецкому и женѣ его о томъ, что гл. трибуналъ въ Вильнѣ 7 сентября 1756 г., присудилъ, чтобы они возвратили священнику Василію Александровичу захваченную церковную деревню Мякишево съ принадлежностями и сверхъ того уплатили бы ему искомую по этому дѣлу сумму 11,210 злот. польск. для чего онъ, писарь, и прибудетъ въ имѣніе ихъ, Козьянье.

На пол. яз., на 1 л.

№ 88. **1757** г. іюля 15. Королевскій мандатъ тѣмъ же Воронецкимъ, чтобы явились въ гл. трибуналъ, за неисполненіе ими означеннаго выше рѣшенія его.

На пол. яз , на 1 л.

№ 89. **1757** г. сент. 6. Повѣстка гл. трибунала в. к. лит. о. Василію Александровичу о томъ, что рѣшеніе означеннаго выше подъ № 81 дѣла его съ Гласками отсрочено до 1758 года.

На пол. яз , на 1 л.

Себежскаго уѣзда и благочинія.

Абавская ц.

№ 90. **1739** г. февр. 3. Фундушъ на уніатскую Абавскую ц. [1]).

На пол. яз., на 1 л.

№ 91. **1739** г. авг. 19. Копія легаціонной дарственной записи Франца и Петронели Щитовъ, данной новопостроенной (de nowa Ladice ufundowalis'ту). Абовской ц. св. Матвѣю Завилейскому на трехъ крестьянъ съ ихъ женами и дѣтьми съ землею ихъ и всякими платежами и повинностями, а также и на Лигойновскій лугъ.

На пол яз., на 1 л.

Велижскаго уѣзда.

Крестовскаго благочинія.

№ 1. **1854** г. нояб. 8/24. Переписка, въ которой содержится: а) два рапорта Велижскаго уѣзда Крестовскаго благочинія священника Василія Овсянкина отъ 8-го ноября 1854 г. за № 272, 273 о томъ, что фундушевый документъ Глазомичской церкви, на польскомъ языкѣ, находятся у священника оной Георгія Зубовскаго и б) списокъ фундушевымъ церковнымъ документамъ Крестовскаго благочинія.

На рус. яз., на 4 л.

Минской губ., Бобруйскаго уѣзда.

Казиміровскаго базиліанскаго муж. монастыря (въ мѣстечкѣ Казиміровѣ).

№ 1. **1742** г. дек. 27. Квитанція, выданная Ф. Силичевой Казиміровскимъ Базиліаномъ въ томъ, что по

[1]) Напечатано въ I ч. V т. Витеб. Стар., № 208.

Архивы въ г.г. Могилевѣ губ. и Минскѣ.

(Отчетъ о командировкѣ, лѣтомъ 1898 г.).

I.

Въ Могилевѣ мною осмотрѣны слѣдующіе архивы:

1. ***Архивъ Могилевскаго Епархіальнаго древнехранилища*** (при Могилевской семинаріи). Архивъ этотъ образовался изъ бумагъ, находившихся прежде въ подвалѣ консисторіи и на чердакѣ архіерейскаго дома; „хламъ" этотъ сохраненъ, благодаря просвѣщенной заботливости Комитета, состоящаго при Могилевскомъ Епарх. древнехранилищѣ. Общее число документовъ 4149, двѣ книги и 4 плана; затѣмъ поступило еще 299 док., 16 переплетенныхъ книгъ (вѣдомости о монастыряхъ, м. пр., инвентари), всѣ тетради и 16 отдѣльныхъ вѣдомостей; въ числѣ этихъ послѣднихъ бумагъ есть, м. проч., подлинныя рукописи архіеп. Георгія Конисскаго, три инвентаря г. Могилева первой полов. XVII в. и пр.

Меня особенно заинтересовала связка, подъ заглавіемъ: „Витебская губ.". Документы эти б. ч. касаются состоянія православія въ предѣлахъ нын. Витебской губ. въ полов. XVIII в. Особенно интересны слѣдующіе документы: а) Подлинное письмо оршанскаго судьи Александра Дадзибаго Сапѣги къ судьѣ полоцкому Александру Тышкевичу, отъ 8 мая 1627 г., о дѣлѣ уніат. полоцк. архіеп. Ант. Селявы съ оршанскими мѣщанами „o bunty, sedicie, niechodzenie do cerkwi (конечно, уніат.) etc. б) Письмо Іакинфа Пенкинскаго, игумена витебскаго Маркова мон., по всей вѣроятности, къ еп. Георгію Конисскому; интересны слѣд. выраженія въ этомъ письмѣ: „ledyna ta mowa Im. pana posła: „уже мнѣ тотъ попъ Mohylewski dokuczył", и затѣмъ: „Dałby Bóg miloserdzia, gdyby naklonił serce W. Jm. pana posła do swiadczenia nam swego respektu choc trzecią część, jak swiadzy Polakom, ale tego doskonale wyrażam z nas nikt niedoczeką"... Письмо писано изъ Марковы, 13 іюня 1761 г.

в) Много докум., кас. прав. церкви въ м. Улѣ.

г) Reestr presbiterow protopopii (прав.) Newelsniey i Siebieskiey. Тутъ же: Specifikacia poniesionych krywd przed czas długi, roznych lat y roznych czasow caley protopopii New. i Sieb". „Cerkwie nasze Grekoruskie, — говор. здѣсь, — na unią poprzewracane y grunta pozabierane"; далѣе перечисляются церкви.

д) Грамота кор. Владислава IV, утверждающая фундушъ, дан. Севастіаномъ Мирскимъ полоцкому Богоявленскому мон. (Выпись изъ книгъ гродскихъ воев. полоцкаго „list approbatijny confiratijny funduszu monastera Bohojawlenskiego); грамата нач. такъ: „Владиславъ и пр. Урожаный Себестіанъ Мирскій, судья земскій Браславскій... полъ-плаца кгрунту на мон. церкви Богоявленія чернцомъ реліи кгрецкое... на немъ (плацу) церковь и монастырь будовати позволяемъ". 1633 г. м. іюля 6 д.

е) Kopia funduszu na monastyr Polocki: „Sebastyan Hryhorowicz Mirski, sydyia ziemski Bracławski... puł placu gruntu czerncom religy khreczeskoie nie w unii buduczych"...

ж) Kopij hramat obryta juszczychsia y służaczych monastiru połockomu, niże podrobno zpisannya od perwoy do poslidney"; всѣхъ грамотъ 14, изъ нихъ 8 нигдѣ не напечат., насколько мнѣ извѣстно; остальныя уже напечатаны мною въ I т. Витеб. Ст.

з) Интересная рукопись: „Историч. свѣдѣнія о церквахъ и монастыряхъ въ Полоцкѣ", написан. полоц. городскимъ головою, въ 1827 г. Болѣе обстоятельно говорится здѣсь о полоц. Богоявленскомъ мон. Король Стефанъ Баторій пожаловалъ, 8 мая 1582 г., Богоявленскому монастырю земли на два селища (плаца) и освободилъ его отъ городскихъ повинностей. Царь Алексѣй Мих. передалъ Богоявленскому монастырю опустѣлый Преображенскій монастырь (основ. преп. Евфросиніей) съ вотчиною его, селомъ Княжищемъ. Когда Богоявл. монастырь былъ истребленъ пожаромъ, Сев. Мирскій, своею грамотою 4 іюня 1633 г., далъ для постройки вновь церкви и монаст. землю въ г. Полоцкѣ. По благословенію Кіевск. митрополита Петра Могилы, сооружена большая дерев. церковь во имя Богоявленія Господня; но и эта церковь, во время большихъ пожаровъ Полоцка, 7 іюня 1633 г., сгорѣла со всѣми монастырскими зданіями. 19 мая 1754 г. монастырь опять погорѣлъ. Наконецъ, въ 1761 г. построенъ каменный храмъ и каменныя же кельи. По повелѣнію имп. Екатерины II, въ 1781 г., отпущено изъ госуд. казнач. на постройку монастыря 35221 р. 18 к. Въ это-то время построена другая церковь во имя великомуч. Екатерины, теплая, построены настоятельскія покои и братскія кельи, а также особое помѣщеніе для училища,—все это камен. Въ 1629 г. Гедройцъ пожертвовалъ монастырю дер. Ропно, въ 5 в. отъ Полоцка; въ этой деревнѣ числилось (въ 1829 г.) душъ 42, а земли удобн. и неудобн. 1289 дес. 2275

саж. Романъ Юрьевичъ подарилъ монастырю дер. Тресковичи. Монастырь этотъ посѣтили: царь Алексѣй Михайловичъ, Петръ Великій, импер. Екатерина II, въ 1780 г., и импер. Александръ I въ 1802 и въ 1807 г. Архимандрія учреждена въ немъ, на основ. Высочайш. указа, въ 1798 г., а до того времени были игумены: Елисей въ 1655 г., Игнатій Іевлевичъ—1656 г., Игнатій Жигмонтовъ въ 1686 г., Каллистъ Риторайскій — въ 1697 г. (впослѣд. еп. Полоцкій), Стефанъ Ивановичъ—1699 г., Діонисій Маркевичъ — 1721 г., Самуилъ; Іосафъ—съ 1798 г.—первый архимандритъ Моисей — по 1801 г., Александръ Корженевскій по 1817 г., Макарій, изъ старообрядцевъ, до 1819 г., Филадельфъ, изъ арх. Александроневск. лавры.

Краткая опись (временная) документовъ Могилевскаго Епарх. Древнехранилища составлена примѣнительно къ потребностямъ церков. Арх. Комитета, озабоченнаго составленіемъ историко-статист. описанія приходовъ Могилевской эпархіи. Приводилъ въ порядокъ документы и составилъ списокъ д. ч. Археол. Общ. Е. Р. Романовъ.

2) *Архивъ при Братскомъ монастырѣ*—двѣ папки документовъ и приходо-расходныя книги съ интересными рисунками духовн. содерж. Въ числѣ документовъ есть автографы Мелетія Смотрицкаго, Петра Могилы, еписк. Сильвестра Косова и др. Никакой описи этихъ документовъ нѣтъ; но большая часть изъ нихъ напечатана въ Виленскомъ Археогр. Сборн. и въ актахъ Витебскихъ. Ненапечатан. докум. (напр., грамота патріарха Θеофана на учрежденіе Могилев. братства и др.) будутъ въ скоромъ времени напечатаны преп. Могилев. Дух. семинаріи Θ. А. Жудро.

3) *Архивъ семинарскій* — тоже двѣ папки документовъ, касающихся главн. образомъ Мстиславскихъ церквей, съ полов. XVI в. Многіе изъ этихъ докум. уже напечатаны г. Жудро въ Могил. Епарх. Вѣд. въ 90-хъ годахъ. Рукописи эти въ семинарскомъ каталогѣ извѣстны подъ именемъ рукописей еп. Георгія Конисскаго; но его собств. рукописей очень мало.

4) *Архивъ Губернскаго Правленія*. Здѣсь хранятся дѣла Губерн. Правл. съ 1847 г. Болѣе раннія дѣла, начиная съ 1773 г., или сгорѣли въ 1853 г., или проданы; изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторыя оставлены и имъ имѣется дов. подробная опись, составленная Коммиссіею, учрежденной именно съ этою цѣлію.

5) При *Губерн. Стат. Комитетѣ* есть довольно интересный музей. Изъ документовъ, здѣсь хранящихся, можно отмѣтить:

а) Подлинная грамота кор. Сигизмунда III, на пергаментѣ, съ привѣш. на шелковомъ шнурѣ печатью; грамота дана Черейскому костелу на земельные фундуши, въ 1606 г.

б) Подлинные ордера Зорича.

в) Подлин. грам. кор. Станислава-Августа, на пергаментѣ, съ привѣш. печатью: „Confirmacyja miastu Naszemu Mscisławowi Praw i wolnosci“, 1767 г.

6) *Архивъ Духовной Консисторіи*. Архивъ этотъ приведенъ въ порядокъ быв. секретаремъ консисторіи В. А. Александровичемъ, въ 1889—90 г. До того времени архивъ помѣщался на колокольнѣ. Въ числѣ документовъ есть нѣсколько (именно 4), конца XVI в. (съ 1594 г.) и нач. XVII в. (именно 70 док., по б. ч. копіи). Въ настоящее время въ этомъ архивѣ работаетъ доцентъ Кіевск. дух. акад. Θ. И. Титовъ.

Фундушные документы помѣщаются особо; всѣ они въ порядкѣ. Документы эти были переданы, при дов. подробной и обстоятельной описи, изъ Полоцкой дух. консисторіи, въ 1842 г.; тогда же составлена и опись.

Опись эта здѣсь прилагается.

II.

Главною цѣлію моей поѣздки въ Минскъ были *архивъ Свято-Духова монастыря*, съ которымъ я поверхностно ознакомился 5 лѣтъ тому назадъ.

1) *Архивъ, находящійся въ монастырѣ Св. Духа*, составляютъ:

А) двѣ большія папки документовъ; документы переплетены, но многіе изъ нихъ просто вложены въ корешокъ и притомъ довольно небрежно: напр., одна половина документа вставлена въ одномъ мѣстѣ, другая — въ другомъ. Въ обѣихъ папкахъ документы Слуцкаго монастыря. Въ первой—документы съ 1517 г. по 1747 г.; во второй—док. съ 1747 по 1837 г. Нѣкоторые изъ нихъ на пергаментѣ, а именно:

а) Грамота кор. Станислава-Августа: Konfirmacya praw przywileiow monasterowi Pieczerskomu Kijowskemu dana, съ печатью в. кн. Лит.

б) Фундушъ на монастырь св. Іоанна Богослова Грозовскій, 1639 г., „od Hrehorego Marcinowicza Wołodkowicza“, съ 3 привѣш. печатями, на западно-русскомъ языкѣ.

в) Іоаннъ Скочневичъ „сожитель Слуцка“ даетъ „золотыхъ полскихъ тисечу въ соборе слуцкомъ сущимъ“, 1649 г., іюня 5 дня, на зап.-рус. языкѣ.

г) Облигъ въ томъ, чтобы ежегодно братство Слуцкое платило отъ 200 зол. проценты монастырю Троицкому „по 5 копъ грошей литов.“, 1639 г. ноября 20, съ 4 неб. привѣш. печ.

Остальные док. на бумагѣ; древнѣйшіе—б. ч. копіи, но есть и подлинные, а именно:

а) Грамота Сигизмунда III, 1599 г., мая 2, на зап.-рус. яз., очень ветхая, середина совсѣмъ истлѣла..., „Воловичу, зятю своему и малжонце его“ (грам. на нѣкоторыя села).

б) Грамота кор. Августа II, 1720 г., на польск. яз. „Approbacya praw na monastyry y cerkwie na Białey Rusi y w całym X. Lit. czerncom ritus Graeci veteris nie knickim“... И другіе.

Б) 204 переплетенныхъ книгъ документовъ.

Книга 1. Древніе грамоты и акты на лат., рус. и пол. яз. (На лат. яз. письмо архим. Тарасія къ еп. переясл.

19. Дѣла Слуцкаго Св.-Троицкаго монастыря за 1815 г.
20. Дѣла Слуцкаго Св.-Троицкаго монастыря за 1816 г.
21. Дѣла Слуцкаго Св.-Троицкаго монастыря за 1817 г.
22. Дѣла Слуцкаго Св.-Троицкаго монастыря за 1818 г.
23. Дѣла Слуцкаго Св.-Троицкаго монастыря за 1819 г.
24. Дѣла Слуцкаго Св.-Троицкаго монастыря за 1820 г.
25. Дѣла Слуцкаго Св.-Троицкаго монастыря за 1821, 1822, 1823 и 1824 г.
26. Резолюціи Архіерейскія за 1822 г.
27. Резолюціи Архіерейскія за 1823 г.
28. Резолюціи Архіерейскія за 1824 г.
29. Резолюціи Архіерейскія за 1825 г.
30. Резолюціи Архіерейскія за 1826 г.
31. Резолюціи Архіерейскія за 1827 г.
32. Резолюціи Архіерейскія за 1828 г.
33. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1827, 1828 и 1829 г.
34. Резолюціи Архіерейскія за 1829 г.
35. Резолюціи Архіерейскія за 1830 г.
36. Резолюціи Архіерейскія за 1831 г.
37. Дѣла Слуцкаго Св.-Троицкаго монастыря за 1830, 1831 и 1832 г.
38. Резолюціи Архіерейскія за 1821 и 1822 г.
39. Журналы бумагъ входящихъ съ 1832 до 1840 г.
40. Резолюціи Архіерейскія за 1832 г.
41. Резолюціи Архіерейскія за 1833 г.
42. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1833, 1834 и 1835 г.
43. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1836 г.
44. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1834 г.
45. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1835 г.
46. Дѣла Слуцкаго Св.-Троицкаго монастыря за 1837 и 1838 г.

47. Резолюціи Архіерейскія за 1838 г.
48. Резолюціи Архіерейскія за 1839 г.
49. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1840 и 1841 г.
50. Дѣла Слуцкаго Св.-Троицкаго монастыря за 1842 г.
51. Дѣла Слуцкаго Св.-Троицкаго монастыря за 1843 г.
52. Дѣла Слуцкаго Св.-Троицкаго монастыря за 1844 г.
53. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1845 г.
54. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1846 г.
55. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1847 г.
56. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1848 г.
57. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1849 г.
58. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1850 г.
59. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1851 и 1852 г.
60. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1852 и 1853 г.
61. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1853 г.
62. Дѣла Слуцкаго Св.-Троицкаго монастыря за 1854 г.
63. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1855 г.
64. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1856 г.
65. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1857 г.
66. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1858 и 1859 г.
67. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1860 г.
68. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1861 г.
69. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1862 г.
70. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1863 г.
71. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1864 г.
72. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1865 г.
73. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1866 г.
74. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1867 г.
75. Дѣла Слуцкаго Троицкаго монастыря за 1868 и 1869 г.
76. Инвентари Слуцкаго Св.-Троицкаго монастыря разныхъ угодій съ 1780 по 1840 г.
78. Вѣдомости братіи монастыря съ 1795 по 1871 г. включительно.

Рукописи Серпуховскаго Высоцкаго монастыря.

Изъ всѣхъ изучаемыхъ мною мѣстныхъ архивовъ я прежде всего осмѣливаюсь предложить вниманію Археографической Коммиссіи обзоръ древнихъ документовъ Серпуховскаго Высоцкаго монастыря, откуда уже была извлечена Вкладная книга, списокъ съ которой я имѣла честь препроводить въ Коммиссію.

Самое существованіе и отчасти составъ этого древнерукописнаго собранія не должны быть совершенно неизвѣстны ученой публикѣ, такъ какъ, если не ошибаюсь, собраніе посѣщали г.г. Северьяновъ и Бѣляевъ, затѣмъ оно упоминалось и въ печати: г. Симсонъ въ своей рецензіи на книгу г. Чечулина „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ" [1]) ссылается на нѣкоторые хранящіеся въ немъ документы. Но слѣдуетъ замѣтить, что для всякаго лица, желающаго ознакомиться съ рукописями названнаго монастыря, немаловажнымъ затрудненіемъ является отсутствіе какой-либо описи, хотя бы и самой краткой. Правда, при разборѣ столбцовъ, по крайней мѣрѣ, половина ихъ попадалась мнѣ занумерованной и снабженной кѣмъ-то соотвѣтствующими содержанію надписями; все это помогало дѣлу только отчасти, потому что многіе свитки, очевидно, еще не были разсмотрѣны [2]).

По своему объему монастырскій архивъ невеликъ: въ немъ всего только 39 отдѣльныхъ столбцовъ, заключающихъ въ себѣ до 108 документовъ, которые, впрочемъ, представляютъ собою довольно разнообразный матеріалъ: въ числѣ ихъ встрѣчаемъ патріаршіе и царскіе указы, слѣдственныя дѣла о духовенствѣ, акты, подтверждающіе права монастыря на владѣніе землями и крестьянами, а также тяжебныя дѣла о нихъ, наказныя памяти архимандриту, старостамъ поповскимъ и закащикамъ, третейскіе приговоры, отписки архимандрита къ патріарху и пр. Не мало изъ перечисленныхъ бумагъ дошли до насъ въ черновомъ видѣ или въ спискахъ. Довольно страннымъ показалось мнѣ, что данныхъ грамотъ на вотчины имѣется только двѣ, а такого же рода жалованныхъ царскихъ нѣтъ совсѣмъ.

Что касается книгъ, то монастырь не сохранилъ въ своемъ архивѣ ни одной древней или замѣчательной по своему содержанію. Большинство книгъ относится къ XVIII вѣку и не выходятъ далѣе конца XVII. Составъ ихъ слѣдующій: богослужебныя книги, духовно-нравственнаго характера и примыкающія къ нимъ поученія на воскресные и праздничные дни, „Рука Богословля, или наука о Пасхаліи", и наконецъ—историческаго содержанія, напр. Степенная книга. Къ этому послѣднему отдѣлу принадлежитъ рукописный хронографъ (XVIII в.), который еще можетъ представлять нѣкоторый интересъ не по оригинальности помѣщенныхъ въ немъ статей—онѣ всѣ заимствованы изъ разныхъ источниковъ—а какъ образецъ обширной компиляціи, изобличающей начитанность и трудолюбіе составителя. Начинаясь съ различнѣхъ баснословныхъ разсказовъ о происхожденіи русской земли, между которыми неизбѣжна извѣстная повѣсть о Скиѳѣ, Словенѣ, Русѣ и Волховѣ, хронографъ оканчивается краткими лѣтописными замѣтками о царствованіи Михаила Ѳедоровича. До эпохи Іоанна Грознаго авторъ почерпалъ свои свѣдѣнія изъ такъ назыв. 2-й и 3-й редакціи хронографа и преимущественно изъ Степенной книги; съ царствованія Грознаго онъ начинаетъ пользоваться лѣтописями, а перейдя къ позднѣйшимъ событіямъ,—Инымъ Сказаніемъ и Сказаніемъ Авраамія Палицына. Среди своихъ извлеченій изъ упомянутыхъ историческихъ сочиненій искусный компиляторъ сумѣлъ вставить нѣсколько отдѣльныхъ повѣстей, напр.: повѣсть о взятіи Батыемъ Рязани и соединяемое съ нею сказаніе о Корсунскомъ образѣ Николая Чудотворца Заразскомъ, о Меркуріи Смоленскомъ, объ осьмомъ соборѣ Симеона Суздальскаго, объ осадѣ Пскова Баторіемъ, хожденіе Трифона Коробейникова и др.; разумѣется и житія, столь распространенныя въ древне-русской литературѣ, нашли мѣсто въ разбираемой книгѣ; всѣ они взяты изъ тѣхъ же лѣтописей и Степенной, но есть одно обширное и совершенно независимое, собственно и не агіобіографія,—это составленное Шушеринымъ жизнеописаніе патріарха Никона, которое и заключаетъ хронографъ. Изъ мѣстныхъ сказаній помѣщены два: объ основаніи монастырей въ Серпуховѣ—Владычняго и Высоцкаго; ко второму присоединено описаніе чудесъ св. игумена Аѳанасія Высоцкаго. Эти сказанія и чудеса Аѳанасія Высоцкаго повторяются еще въ другомъ рукописномъ сборникѣ, гдѣ записана служба св. Аѳанасію и полное житіе его, приписываемое обыкновенно Каріону Истомину.

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1890 г., мартъ.

[2]) Въ настоящее время составляется полная опись всего монастырскаго имущества, между прочимъ ризницы и находящагося въ ней архива.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ сборникѣ находятся житія другихъ святыхъ: Онуфрія, Паисія Великаго, Макарія Римлянина, Агапія Чудотворца, затѣмъ повѣсть о Адамовой главѣ и служба преп. Іоанну, ученику Григорія Декаполита. Сборникъ украшенъ рисунками. Остальныя книги, какъ было сказано, не заслуживаютъ вниманія, почему я не буду болѣе останавливаться на нихъ, и предметомъ моей настоящей описи будутъ одни документы монастыря, изъ которыхъ древнѣйшіе XVI в., 1550—1572 г.г., а самые поздніе 1698 г.

Нѣкоторые изъ нихъ, по моему мнѣнію, могутъ служить весьма интересными данными при разработкѣ того или другого историческаго вопроса и, если не приведутъ къ новымъ заключеніямъ, то могутъ служить лишнимъ подтвержденіемъ уже полученныхъ наукою выводовъ. Къ таковымъ отъ болѣе ранняго времени могутъ быть отнесены: Сотная XVI вѣка, Льготная грамота, выданная монастырю въ 1572 г., и грамота отъ царя Ивана Васильевича къ городовому приказчику съ приказаніемъ не брать пищальныхъ денегъ съ лавокъ монастырскихъ крестьянъ.

Въ основу перваго изъ названныхъ документовъ—Сотной легли, главнымъ образомъ, книги городового приказчика Василія Ситчина, которому въ 1555 году было поручено ѣхать въ Серпуховской уѣздъ и разобрать земли, отписанныя изъ-за Высоцкаго монастыря на великаго князя; часть земель онъ долженъ былъ раздать въ помѣстье, часть возвратить монастырю „за ихъ роспашь", и наконецъ—объединить посредствомъ обмѣна разбросанныя и перемѣшанныя между собою монастырскія и отписныя деревни. Сверхъ того, въ Сотную вошли и писцовыя книги князя Фуникова, поскольку онѣ касаются монастырскихъ владѣній въ Окологородномъ стану. Такъ какъ главною цѣлью, съ какою составлялась Сотная, было опредѣлить отношенія между землями, оставленными за монастыремъ и отписанными на великаго князя, то въ ней встрѣчаемъ нѣсколько извѣстій изъ исторіи секуляризаціи монастырскихъ земельныхъ имуществъ, напр. приводятся основанія, по которымъ была произведена конфискація земель: одни починки и деревни были отобраны у монастыря, потому что „ставлены ново на великаго князя лѣсѣхъ", другіе отписаны „въ спорѣ", подъ которымъ, по всей вѣроятности, должно разумѣть недостаточность правъ на владѣніе. Сотная не сообщаетъ намъ точнаго количества пашни и сѣнокоса во всѣхъ конфискованныхъ вотчинахъ, только относительно деревень „ставленныхъ ново" мы знаемъ, что въ нихъ считалось пашни 1979 четвертей съ полуосминою, сѣна 1805 копенъ, лѣсу 1000 четвертей. Не лишены интереса и замѣчанія о замѣнѣ недостающей сѣнокосной земли—пашенною: 60 копенъ сѣна приравниваются 2-мъ четвертямъ пашни добрыя земли. Жаль, что этотъ любопытный документъ сохранился не вполнѣ, именно не достаетъ первыхъ листковъ, почему трудно сказать, какія земли исчисляются въ началѣ выписи. Можно предполагать, что это опись всѣхъ отобранныхъ монастырскихъ поселеній, и во всякомъ случаѣ не современная поѣздкѣ Ситчина въ Серпуховскій уѣздъ, а скорѣе предшествующая ей.

Льготная 1572 г., испрошенная монастыремъ послѣ страшнаго погрома хана Девлетъ Гирея, изображаетъ намъ опустошительное вліяніе вражескихъ нашествій на сельское населеніе и его хозяйство.

Послѣдній изъ поименованныхъ документовъ XVI ст.—Царская грамота о сборѣ денегъ съ лавокъ монастырскихъ крестьянъ приводилась частями въ названной рецензіи г. Симсона, но полностію издана не была, а между тѣмъ она также имѣетъ свою долю интереса, какъ объясняющая размѣры денежныхъ повинностей съ лавокъ посадскихъ людей [1]).

Изъ бумагъ позднѣйшаго періода останавливаютъ на себѣ вниманіе указы патріарха и судныя дѣла духовенства—1697—1698 г.г.; они иллюстрируютъ бытъ духовенства конца XVII вѣка, его умственную и нравственную жизнь и въ то же время содержатъ указанія на мало разработанное вѣдомство патріаршаго Разряда.

Содержаніе духовныхъ дѣлъ, равно какъ и всѣхъ вообще, изложено мною возможно подробнѣе съ намѣреніемъ дать ясное о нихъ представленіе.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ соображеніяхъ, какія руководили мною при составленіи описи. Всѣ рукописи сами собою распадаются на три категоріи. Первую, какъ самые многочисленные, должны составлять указы патріарха и слѣдствія, чинимыя духовнымъ судьею, архимандритомъ Высоцкаго монастыря, причемъ этотъ отдѣлъ подраздѣляется въ свою очередь: одни документы — эпохи патріарха Адріана — отражаютъ въ себѣ нравственную сторону жизни духовенства, совершаемые имъ проступки и постигавшія за нихъ карательныя мѣры; другіе — отъ патріаршества Іоакима — являются слѣдствіемъ заботъ духовной администраціи о правильности сборовъ патріаршихъ доходовъ. Несмотря на то, что первые документы болѣе поздняго происхожденія, они описаны мною прежде, такъ какъ характеризуютъ духовенство древней Руси и вслѣдствіе этого имѣютъ больше значенія, чѣмъ грамоты и наказы о сборѣ патріаршей „казны", встрѣчающіеся въ большомъ числѣ среди нашихъ монастырскихъ собраній древнихъ рукописей. Вторая категорія заключаетъ въ себѣ всѣ акты о земельномъ владѣніи монастыря, а также и судебные процессы о земляхъ. Третья—посвящена вопросамъ, касающимся крестьянъ монастыря. Рукописи описаны въ томъ порядкѣ, какъ онѣ расположены въ столбцахъ, а небольшіе размѣры архива давали мнѣ возможность занумеровывать не цѣлыя дѣла, но каждый отдѣльный документъ.

Почитаю необходимымъ упомянуть о внѣшнемъ описаніи рукописей; попутно съ разборомъ ихъ содержанія даны казавшіяся мнѣ наиболѣе нужными поясненія, напр. о большей или меньшей степени сохранности пись-

[1]) Два послѣднихъ документа напечатаны въ „Трудахъ" А. К., т. II, в. 1, стр. 171—176, а сотная печатается въ приложеніи къ настоящей описи.

менныхъ памятниковъ, о числѣ образуемыхъ ими столбцовъ. Со всякой же другой точки зрѣнія, со стороны ореографіи или изложенія, документы ничего замѣчательнаго не представляютъ.

Опись.

I. Указы патріарховъ и дѣла духовнаго управителя.

Слѣдственныя дѣла духовнаго управителя.

№ 1. 1697 г. августа 12. Указъ отъ патріарха Адріана, повелѣвающій разыскать Алексинскаго уѣзда вотчины стольника Ивана Бобрищева попа Θедора, обвиняемаго въ кражѣ церковныхъ вещей: серебряныхъ пуговицъ, обрѣзанныхъ съ двухъ епитрахилей, по десяти съ каждой, снятыхъ съ образа серебряныхъ серегъ съ каменьями. Сверхъ того, изъ дома попа Матвѣя, у котораго жилъ Θедоръ во время своего пребыванія въ Москвѣ, пропали различные предметы: фунтъ ломанаго серебра, цѣпочка серебряная съ двумя крестами, 3 червонца, камка лимоннаго цвѣта, мѣрою въ 10 арш. Попа Θедора приказывалось выслать въ Москву вмѣстѣ съ отпиской отъ архимандрита о его отправкѣ и поручными записями и представить въ патріаршемъ Разрядѣ окольничему Глѣбову, духовныхъ дѣлъ приказному старцу Стефану Лебедеву, дьякамъ Борису Остолопову, Василью Лукину.

Начала не сохранилось, почему остается неизвѣстнымъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ была совершена кража.

№ 2. 1697 г. сентября 18. Указъ Адріана о томъ, чтобы архимандритъ Высоцкаго монастыря былъ также управителемъ и въ Алексинской десятинѣ вмѣсто игумена тамошняго Бунырева монастыря. Игуменъ лишенъ званія управителя духовныхъ дѣлъ за принудительные способы, примѣняемые имъ при выборѣ поповскихъ старостъ. Такъ въ 1695 году онъ „многихъ поповъ заперъ въ хлѣбню въ цѣпи и велѣлъ руки прикладывать къ порожнему столбцу", а въ слѣдующемъ 1696 году угощалъ друзей покровительствуемаго имъ священника и заставлялъ вписать его имя въ выборъ. Между прочимъ любопытны приводимыя духовенствомъ причины, которыя препятствовали претенденту получить желаемую должность: „а ему попу Степану въ старостахъ быть невозможно, потому что онъ Рыбной слободки рыбаковъ сынъ и самъ рыбной тяглецъ, и въ Алексинѣ былъ въ съѣзжей избѣ подъячимъ и у старостъ поповскихъ былъ подъячимъ же многіе годы и на кузнечномъ дворѣ и въ таможнѣ писалъ всякія дѣла".

№ 3. 1697 г. сентября 29. Сказка закащика, устраненнаго вмѣстѣ съ Алексинскимъ поповскимъ старостою, о томъ, что онъ еще не собралъ никакой патріаршей „казны".

№ 4. 1697 г. сентября 3. Выборъ его же въ закащики.

№ 5. 1697 г. октября 2. Выборъ Алексинскимъ духовенствомъ новаго закащика на 1697 годъ и роспись церквамъ его заказа.

Конца нѣтъ.

№ 6. 1697 г. сентября 11. Наказная память бывшихъ судьи духовныхъ дѣлъ и поповскаго старосты прежнему закащику.

№ 7. 1697 г. сентября 7. Указъ патріарха о томъ, чтобы присланнаго изъ Москвы Θедора Богданова держать въ монастырѣ подъ началомъ и дать ему въ руководители старца „доброжительна и искусна". Кто былъ Богдановъ и за какую вину подвергался наказанію— указъ не объясняетъ. Отписку о пріѣздѣ Θедора должно было подать въ Разрядъ.

№ 8. Отписка архимандрита о принятіи Богданова и исполненіи патріаршаго приказа (черновикъ).

№ 9. 1697 г. октября 3. Подтвержденіе отъ патріарха, чтобы Θедора Богданова держать въ монастырѣ крѣпко.

№ 10. 1697 г. ноября 6. Приказъ отъ патріарха освободить Θедора и выслать его за карауломъ въ Москву въ патріаршій Разрядъ, куда подать и отписку.

№ 11. Отписка архимандрита о освобожденіи Θедора (черновикъ).

№ 12. 1697 г. мая 4. Патріаршая грамота о томъ, чтобы архимандритъ Высоцкаго монастыря разслѣдовалъ дѣло попа Бориса, служившаго въ церкви села Зачатьевскаго—вотчины стольника Григорія Семеновича Васильчикова. Борисъ жаловался на притѣсненія, претерпѣваемыя имъ отъ помѣщика: по его словамъ Васильчиковъ началъ съ того, что не позволилъ засѣвать церковную землю, а потомъ постарался отстранить священника отъ церкви, для чего и заперъ ее, а въ ней св. Дары. Когда же многіе умирали безъ покаянія, и священникъ сталъ „слезно" просить помѣщика, то послѣдній церковь не отперъ, а велѣлъ только вынести Св. Дары своему старостѣ Харитонкѣ. Допросныя рѣчи архимандритъ долженъ былъ прислать въ Казенный приказъ казначею Тихону Макаріевскому и Андрею Владыкину.

№ 13. Черновая отписка по этому дѣлу и списокъ съ допроса старосты Харитонки, изъ котораго выясняется, что Харитонка отперъ церковь, когда Васильчиковъ пріѣхалъ въ вотчину и желалъ помолиться, но Св. Дары не выносилъ. Священника же въ то время дома не было.

№ 14. 1697 г. іюня 21. Указъ о розыскѣ Алексинскаго уѣзда села Любени церкви Алексѣя Митрополита попа Василія Степанова, который скрылся изъ Москвы отъ платежа занятыхъ имъ денегъ—15 руб. и тѣмъ подвергъ отвѣтственности поручившагося по немъ задворнаго конюха Протопопова. Попу Василію приказывалось явиться въ Разрядъ и тамъ же подать отписку и поручныя записи.

№ 15. Доѣзжая память служки Козлянинова, ѣздившаго за попомъ Василіемъ и ненашедшаго его дома (черновикъ).

цать копенъ, лѣсу пашенного помѣчено на четыре четверти. Дерев. Верзѣина на рѣчке на Раменке (2 дв.), пашни тритцать четвертеи, сѣна петнацать копенъ, лѣсу пашенного помѣчено на две четверти. Дерев. Тевкина (3 дв.), пашни на дватцать четыре четверти, сѣна десять копенъ. Дерев. Харина Мокѣевъская на рѣчке на Раменке (6 дв.), пашни сорокъ двѣ четверти, сѣна шестьдесятъ копенъ. Дерев. Коченовская на рѣчке на Каменке (4 дв.), пашни тритцать шесть четвертеи, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашеннова помѣчено на шесть четвертеи. Дерев. Ушаковская на Раменскомъ лоску (5 дв.), пашня пятдесятъ шесть четвертеи, сѣна семдесять пять копенъ на Великомъ болоте, лѣсу пашенного помѣчено на шеснацать четвертеи. Дерев. Хрещы (5 дв.), пашни шестьдесятъ восмь четвертеи, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашеннова помѣчено на шесть четвертеи. Дерев. Мылцова на рѣчке на Осту (5 дв.), пашни пятдесятъ шесть четвертеи, сѣна пятдесятъ копенъ, лѣсу пашенного на шесть четвертеи. Дерев. Лагуновская (2 дв), пашни дватцать пять четвертеи, сѣна тритцать копенъ на Великомъ болоте, лѣсу пашенново помѣчено на десять четвертеи. Дерев. Остаповская (6 дв.), пашни семдесятъ двѣ четверти, сѣна пятдесятъ копенъ, лѣсу пашенного помѣчено на четыре четверти. Дерев. Ивановская Лаптева Свиридкова (3 дв., одинъ пустъ), пашни шесть четвертеи, сѣна сорокъ копенъ на Великомъ болоте, лѣсу пашеннова помѣчено на дватцать на четыре четверти. Дерев. Попково на рѣчке на Остѣ (7 дв.), пашни тритцать шесть четвертеи, сѣна дватцать пять копенъ, лѣсу пашеннова помѣчено на четыре четверти. Дерев. Ѳедка Созонова (5 дв.), пашня двенатцать четвертеи, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенного помѣчено на четырнацать четвертеи. Дерев. Новинская на рѣчке на Рѣчме (10 дв.), пашни восмьдесятъ шесть четвертеи, сѣна сто десять копенъ, лѣсу пашенного помѣчено на двенатцать четвертеи. Дерев. Аргуновская на рѣчке на Рѣчме же (4 дв., дворъ пустъ), пашни сорокъ четвертеи, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенного помѣчено на четыре четверти. Дерев. Круглая на верхове Речемъскомъ (4 дв., одинъ пустъ), пашни сорокъ четвертеи, сѣна дватцать копенъ, лѣсу помѣчено пашенново на десять четвертеи. Дерев. Ханино Малого (2 дв.), пашни осмнацать четвертеи, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного помѣчено на десять четвертеи. Дерев. Пикушина (4 дв.), пашни шеснацать четвертеи, сѣна петнацать копенъ, лѣсу пашеннова помѣчено на двенацать четвертеи. Дерев. Игнатовская (6 дв.), пашни сорокъ двѣ четверти, сѣна дватцать пять копенъ, лѣсу пашенного помѣчено на четырнацать четвертеи. Дерев. Шешинская (5 дв.), пашни тритцать четвертеи, сѣна десять копенъ, лѣсу пашеннова помѣчено на восмь четвертеи. Поч. Созыкинъ (3 дв.), пашни двѣ четверти, сѣна нѣтъ, лѣсу пашеннова помѣчено на тритцать четвертеи. Дерев. Кузминскоя Новикова (3 дв.), пашни осмнацать четвертеи, сѣна двенатцать копенъ, лѣсу пашенново помѣчено на шесть четвертеи. Дерев. Зябицыно Меншое (3 дв.), пашни двенатцать четвертеи, сѣна десять копенъ, лѣсу пашеннова помѣчено на шесть четвертеи. Дерев. Ракитинская (6 дв.), пашни пятдесятъ четыре четверти, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенново помѣчено на восмь четвертеи. Дерев. Долгоя Ханинская (3 дв.), пашни тритцать четвертеи, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного помѣчено на четыре четверти. Дерев. Аристова (4 дв.), пашни тритцать четвертеи, сѣна дватцать пять копенъ, лѣсу пашенного помѣчено на восмь четвертеи. Дерев. Сосновка (3 дв.), пашни осмнацать четвертеи, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного помѣчено во всѣхъ трехъ полехъ на шеснацать четвертеи. Дерев. Колонтаевская (4 дв.), пашни осмнацать четвертеи, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного помѣчено во всѣхъ трехъ полехъ на тритцать четвертеи. На рѣчке на Елне церковь Успленѣ Пречистые, дв. попъ Остаѳеи Ивановъ, 8 дв. крестьян., пашни поповы и крестьянские тритцать четвертеи, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного помѣчено на сорокъ четвертеи. Поч. Онанинъскои на рѣчке на Елне пустъ, а въ немъ три двора пусты, а пашутъ наѣздомъ отъ Пречистые, пашни двенацать четвертеи. Селищо Тереховское на рѣчке на Елне, пашеннои земли лежитъ перелогомъ и лѣсомъ поросло на двадцать четвертеи. Дерев. Олександрищово на рѣчке на Елне (3 дв.), пашни пятнатцать четвертеи, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенново во всѣхъ трехъ полехъ на осмнацать четвертеи. Дерев. Обрашево на Елинскомъ лесу (7 дв.), пашни дватцать одна четверть, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенново помѣчено во всѣхъ трехъ полехъ на двацать на две четверти. Дерев. Казначѣевъская Наумково на рѣчке на Воленке (2 дв.), пашни дватцать двѣ четверти, сѣна пятнацать копенъ, лѣсу пашенного помѣчено на четыре четверти. Дерев. Шапкино Горячея (4 дв.), пашни пятнацать четвертеи, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенного помѣчено во всѣхъ трехъ полехъ десять четвертеи. Дер. Заборъская (4 дв.), пашни двенацать четвертеи, сѣна петнацать копенъ, лѣсу пашенного во всѣхъ трехъ поляхъ на восмь четвертеи. Дерев. Орѣхова (6 дв.), пашни дватцать семь четвертеи, сѣна дватцать пять копенъ, лѣсу пашенного помѣчено во всѣхъ трехъ поляхъ на осмнацать четвертеи. Дерев. Мотовиловская (4 дв.), пашни дватцать четыре четверти, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенного помѣчено во всѣхъ трехъ поляхъ на восмь четвертеи. Дерев. Нарина Вятичинова (5 дв.), пашни дватцать четыре четверти, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенного помѣчено во всѣхъ трехъ поляхъ на шестнацать четвертеи. Дерев. Микулина на Погорѣлскомъ враге (2 дв.), пашни тритцать шесть четвертеи, сѣна петнацать копенъ, лѣсу пашенного помѣчено во всѣхъ трехъ поляхъ на десять четвертеи. Дерев. Щеголево на рѣчке на Погорѣлке (3 дв.), пашни шестнацать четвертеи, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенного помѣчено во всѣхъ трехъ поляхъ на четырнацать четвертеи. Дерев. Зябицына Болшое (2 дв.), пашни сорокъ четвертеи, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного помѣчено во всѣхъ трехъ поляхъ на десять четвертеи. Дерев. Карыхановская Ишутина (2 дв.), пашни осмнацать четвертеи, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного помѣчено на четыре четверти. Дерев. Климовская (2 дв.), пашни тритцать четвертеи, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного помѣчено на четыре четверти. Дерев. Дементьевская на рѣчке на Рѣчме (11 дв.), пашни сто четыре четверти, сѣна сто десять копенъ, лѣсу пашеннова помѣчено на шесть четвертеи. Дерев. Олтуховская Аристова на рѣчке на Рѣчме (3 дв.), пашни двацать одна четверть, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенного помѣчено во всѣхъ трехъ поляхъ на десять четвертеи. Дерев. Сораксѣевъская на рѣчке на Рѣчме (3 дв.), пашни шестнацать четвертеи, сѣна дватцать пять копенъ, лѣсу пашенного помѣчено во всѣхъ трехъ поляхъ на шесть четвертеи. На усть рѣчки Всходны, на рѣчке на Рѣчме, церковь Покровъ Святыи Богородици, дв. попъ Игнатеи Ивановъ, сынъ поповъ, дв. попъ Сергеи Семеновъ, сынъ поповъ, пашни поповские тритцать четвертеи, сѣна дватцать копенъ. Дерев. Мартияновская на рѣчке на Рѣчме жъ (5 дв.), пашни тритцать четвертеи, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного помѣчено на четыре четверти. Дерев. Тихоновская Шеретоѣдова (4 дв.), пашни сорокъ пять четвертеи, сѣна дватцать копенъ. Дерев. Ѳедюшинская Хмелникова (1 дв.), пашни пятнацать четвертеи, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного помѣчено во всѣхъ трехъ поляхъ на тритцать четвертеи. На Всходне дворъ монастырскои, а въ немъ дворникъ Матюшка Ивановъ, пашни дватцать четыре четверти, сѣна на Всходне семдесятъ копенъ, лѣсу пашенного помѣчено во всѣхъ трехъ поляхъ на тритцать четвертеи. Дерев. Петрухинская на рѣчке Выходне (2 дв.), пашни дватцать четвертеи, сѣна петнацать копенъ, лѣсу пашенного помѣчено на четыре четверти. Дерев. Сидкова (4 дв., одинъ пустъ), пашни дватцать восьмъ четвертеи, сѣна шестьдесятъ копенъ на Великомъ болоте, лѣсу пашенного помѣчено во всѣхъ трехъ полехъ на дватцать четвертеи.

ревни: деревня Тихонова на Бѣшеномъ враге, пашни въ одномъ поле тритцать девять четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенного на две четверти, земля середнея; деревня Хмелниково Ѳедюшино, пашни въ одномъ поле дватцать одна четверть, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного на сорокъ четвертеи, земля добра; деревня Зябицыно Болшое, пашни въ одномъ поле тритцать девять четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна петнацать копенъ, лѣсу пашенного на двенацать чети, земля добра; деревня Колесникова *Хари Ветичинова*, пашни въ одномъ поле тритцать одна четверть, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашеннова на сорокъ чети, земля добра; деревня Саракcѣево, пашни въ одномъ поле пятнацать чети съ осминою, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного на четыре четверти, земля середняя. I всего дано пять деревень, пашни въ одномъ поле сто сорокъ пять четвертеи съ осминою, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна девяносто пять копенъ, лѣсу пашенново на девяносто девять чети; и не дошло его помѣты полпяты чети.

За Ѳеонасемъ за Истоминымъ сыномъ Шишкина велено помѣстья учинити на сто четвертеи, и дано ему деревень: деревня Мылцово, пашни въ одномъ поле шестьдесятъ четыре четверти съ осминою, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна девяносто копенъ, лѣсу пашенного на тритцать чети, земля добра; деревня *Ѳедка Созонова*, пашни въ одномъ поле дватцать одна четверть, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенного на тритцать четвертеи, земля добра; деревня Свиритково, пашни въ одномъ поле девять чети, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна пятдесятъ копенъ, лѣсу пашенного на шестьдесятъ чети, земля середнея. I всего дано три деревни, пашни въ одномъ поле девяносто четыре четверти съ осминою, сѣна сто шестьдесятъ копенъ, лѣсу пашенного на сто на дватцать чети; и не дошло его помѣстья полшесты четверти, а не дадено ему, потому что лѣсу много.

За Ѳеонасемъ за Григорьевымъ сыномъ Ушакова велено помѣстье учинити на сто чети, и дано ему деревень: деревня Олтуховская Аристова на рѣчке на Яме, пашни въ одномъ поле дватцать семь четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенного на восмь чети, земля добра; деревня Щеголево на рѣчке на Погорѣлке, пашни въ одномъ поле семдесятъ двѣ четверти, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного на тритцать на две четверти, земля добра. I всего за нимъ двѣ деревни, пашни въ одномъ поле девяносто девять четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна пятдесятъ копенъ, лѣсу пашенного на сорокъ чети; и не дошло его помѣты однои чети.

За Тихономъ за Парѳеневымъ сыномъ Гордѣева велено помѣстья учинити на семдесятъ четвертеи, и даны ему деревни: деревня Мотовилово, пашни въ одномъ поле сорокъ одна четверть а въ дву полехъ потому жъ, сѣна сорокъ копенъ, лѣсу пашенного на двенатцать четвертеи, земля добра, полторы выти; деревня Аристово, пашни въ одномъ поле тритцать три четверти, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенного на десять чети, земля середнея, выть. I всего за нимъ двѣ деревни, пашни въ одномъ поле семдесятъ четыре чети, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна шестьдесятъ копенъ, лѣсу пашенного на дватцать на две четверти; и та его помѣта дошла сполна.

За Іваномъ за Семеновымъ сыномъ Соимонова велено помѣстье учинити на пятдесятъ чети, и дана ему деревня Пекушина Мерзлова, пашни въ одномъ поле дватцать девять четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна сорокъ копенъ, лѣсу пашенного на двенатцать чети, земля середнея, а въ неи выть; да ему жъ дано пол-деревни Игнатовскои, и на его жеребеи въ тои деревне крестьянскихъ три дворы, во дворѣ Созыка, во дворѣ Остапя, во дворѣ Кирила, пашни въ одномъ поле дватцать три четверти съ осминою, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна пятнацать копенъ, лѣсу пашенного на четыре четверти, земля добра; а другая половина дана тое деревни *Івашку Лазореву сыну Зѣнина*, а писано подлинно съ его деревнями, во всеи полторы выти. I всего ему дано полторы деревни, пашни въ одномъ поле пятдесятъ три четверти безъ полуосмины, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна пятдесятъ копенъ, лѣсу пашенного на шестнацать чети; и перешло за его помѣтою три четверти безъ полуосмины.

За Занею за Прокофевымъ сыномъ Бумѣкова велено помѣстья учинити на сто чети, и дано ему деревня Дементьево Владычня, пашни въ одномъ поле сто четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна сто копенъ, лѣсу пашенного на дватцать чети, земля середнея; и та его помѣта дошла сполна.

За Игнатомъ за Мартыновымъ сыномъ Немцова велено помѣстья учинити на тритцать на три четверти, и дана ему деревня Климовская, пашни въ одномъ поле тритцать три четверти, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна пятнацать копенъ, лѣсу пашенного на двѣ четверти, земля середнея; и та его помѣта дошла сполна.

За Елизаромъ за Григорьевымъ сыномъ Гаврилова велено помѣстья учинити на семдесятъ на семь четвертеи, и даны ему деревни: деревня Топорниково, пашни въ одномъ поле тритцать одна четверть, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного на сорокъ четвертеи, земля середнея; деревня Шапкино Горячая, пашни въ одномъ поле дватцать две четверти, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного на двацать четвертеи, земля середнея; деревня Орѣхово на рѣчке на Погорѣлке, пашни въ одномъ поле тритцать три четверти, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного на сорокъ четвертеи, земля середнея; і въ тои ему деревне дано два жеребя, и на его жеребеи три дворы, пашни въ одномъ поле дватцать двѣ четверти, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенного на тритцать чети безъ дву; а третеи жеребеи въ тои деревне отданъ *Балымку Остаѳеву сыну Рудневу*, а подлинно писано съ его деревнями. I всего дано Елизарку двѣ деревни да двѣ трети деревни Орѣховки, пашни въ одномъ поле семдесятъ шесть четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна восмьдесятъ копенъ, лѣсу пашенного на восмьдесятъ на восмь чети; и не дошло его помѣты однои чети.

За Нечаемъ за Ѳедоровымъ сыномъ Зиновеева велено помѣстья учинити на пятдесятъ чети, и дана ему деревня Аргуновская, пашни въ одномъ поле сорокъ четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна пятдесятъ копенъ, лѣсу пашенного на десять четвертеи, земля добра; да ему же дано треть деревни Лагуновскои Елизаровои, и на его жеребеи дворъ крестьянскои, во дворѣ Конанко, пашни въ одномъ поле десять четвертеи съ осминою, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного на семь четвертеи, земля добра. I всего ему дано деревня да треть деревни, пашни въ одномъ поле пятдесятъ четвертеи съ осминою, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна шестьдесятъ копенъ, лѣсу пашенново на семнацать четвертеи; и за его помѣтою перешла осмина.

За Івашкомъ за Василевымъ сыномъ Цвиленева велено помѣстья учинити на семдесятъ четвертеи, и дана ему деревня Остапов(ская) на рѣчке на Воленке, пашни въ одномъ поле семдесятъ четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного на восмь чети, земля середнея; и та его помѣта дошла сполна.

За Васюкомъ за Нечаевымъ сыномъ Гаврилова велено помѣстья учинити на девяносто чети и на четыре четверти, и дано ему погостъ, а на погосте церковь Успене Пречистые Богородицы, что была деревня Лещанова, да на погосте дворъ поповъ, (д) попъ Михаило, пашни поповой въ одномъ поле десять четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного за рѣчкою за Еленкою на дватцать

четвертеи; да въ тои же деревни въ Лещановои крестьянскои пашни въ одномъ поле дватцать восмь четвертеи, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного за рѣчкою за Еленкои на сорокъ четвертеи да лѣсу жъ пашенного въ длину на версту, а поперегъ на полверсты, и того ему лѣсу дано на треть версты, а двѣ трети версты даны *Ивашку да Оѳелке Рудневымъ* къ ихъ деревнямъ, а подлинно писано съ ихъ деревнями; земля у деревни у Лещановои добра. А деревень ему къ погосту дано: деревня Олександрищово на рѣчке на Еленкѣ, пашни въ одномъ поле дватцать восмь четвертеи, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенного на сорокъ четвертеи, земля середнея; починокъ Онанинскои на рѣчке на Еленке, пашни въ одномъ поле десять четвертеи, а въ двуполехъ потому жъ, лѣсу пашенного на тритцать десятинъ, земля середнея; да ему жъ дано полдеревни Борашовои на Елинскомъ лесу, на рѣчке на Воленке, и на его жеребеи въ полу-деревни три дворы крестьянскихъ: (д) Торопко, (д) Парша, (д) Гриша Ширяевъ, пашни въ одномъ поле дватцать четыре четверти, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна пятнацать копенъ, лѣсу пашенного пять десятинъ, земля середнея; а другая половина тое деревни дана *Ивашку Рудневу сыну Петрищова*, а подлинно писано съ его деревнями. I всего Васюку дано погостъ да полторы деревни, да два жеребя деревни Лещановы, да починокъ, пашни въ одномъ поле, опричь поповои пашни, девяносто четвертеи, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна сорокъ пять копенъ, лѣсу пашенного на семдесятъ на пять десятинъ да лѣсу жъ пашенново на треть версты; и не дошло его помѣты четырехъ четвертеи, и у него лѣсу много, и та его помѣта дошла вся сполна; а третеи жеребеи написанъ за попомъ деревни Лещановои.

За Івашкомъ за Рудневымъ сыномъ Петрищова велено помѣстья учинити на девяносто чети, и даны ему деревни: деревня Казначѣевъская на рѣчке на Воленке, пашни въ одномъ поле тритцать шесть четвертеи, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна пятдесятъ копенъ, земля середнея; деревня Заборская, пашни въ одномъ поле дватцать семь четвертеи, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна сорокъ копенъ, лѣсу пашенного на шестнацать четвертеи, земля добра; да ему жъ дано пол-деревни Борашовои, и на его половину крестьянскихъ три дворы: (д) Паня, (д) Сенка, (д) Никовка, пашни въ одномъ поле дватцать пять четвертеи, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна пятнацать копенъ, лѣсу пашенного на десять четвертеи, земля середнея; а другая половина тое деревни *за Васюкомъ за Нечаевымъ*; да *Івашку* жъ дано у *Васюковои* деревни *Нечаева* у Олександрищовои лѣсу пашенного на треть версты. I всего ему дано полтрети деревни, пашни въ одномъ поле восмьдесятъ восмь четвертеи, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна сто пять копенъ, лѣсу пашенного на дватцать на шесть четвертеи да лѣсу жъ на треть версты; и не дошло его помѣты двучетвертеи.

За Івашкомъ за Лазоревымъ сыномъ Зѣнина велено помѣстья учинити на восмьдесятъ на шесть четвертеи съ осминою, и дано ему: деревня Круглая на верховъе на Рѣчемскомъ, пашни въ одномъ поле сорокъ четвертеи съ осминою, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна пятдесятъ копенъ, лѣсу пашенного на восмь четвертеи, земля добра; да ему жъ придано половина деревни Игнатовские, и на его половинѣ два двора: (д) Сенка Коновыка, (д) Зенѣнко, пашни въ одномъ поле дватцать четыре четверти безъ полуосмины, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна пятнацать копенъ, лѣсу пашенного на четыре четверти; да ему жъ дано половина деревни Шошинскои, и на его жеребеи два двора: (д) Иванко Овсянниковъ, (д) Ѳилка Корнишинъ, пашни въ одномъ поле четырнацать четвертеи, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного на две четверти, земля добра; да ему жъ дана пустошь Тереховская, а по Данилову писму Ѳомина да подячево Ермолы Петрова написано на тои пустоши пашни семнацать четвертеи въ одномъ поле, а въ двупотому жъ, лѣсу пашенново на восмь десятинъ, и та ныне пустошь не пахана, пашня на неи лѣсомъ поросла, потому что она на Хотунскомъ рубеже, а около еѣ обошли помѣщики, и та ему пустошь дана за восмь четвертеи въ одномъ поле, а въ двуполехъ потому жъ. I всего за нимъ двѣ деревни да пустошь, пашни въ одномъ поле восмьдесять шесть четвертеи, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна семдесять пять копенъ, лѣсу пашенного на тритцать четвертеи; и не дошло его помѣты осмины.

За Мишюркою да за Денискомъ за Глазуновыми велено помѣстья учинити на сто четвертеи, и даны имъ деревни: деревня Ракитинская, пашни въ одномъ поле шестьдесятъ четвертеи, а въ двуполехъ потому жь, сѣна восмьдесять копенъ, лѣсу пашенново на дватцать чети, земля добра; деревня Сосновка, пашни въ одномь поле дватцать девять четвертеи, а въ двуполехъ потому жь, сѣна девяносто копенъ, лѣсу пашенного дватцать четвертеи, земля середнея; да имъ же дано половина деревни Шошинскои, на ихъ жеребеи два двора крестьянские: (д) Ивашко Овчинниковъ, (д) Давыдко, пашни въ одномъ поле четырнацать четвертеи, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного на две четверти, земля добра; а другая половина тое деревни *за Ивашкомъ за Лазоревымъ*. И всего за ними полтрети деревни, пашни въ въ одномъ поле сто три четверти, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна сто восмьдесятъ копенъ, лѣсу пашенного на сорокъ на две четверти; и перешло за ихъ помѣтою три четверти.

За Ѳилкою за Василевымъ сыномъ Руднева велено помѣстья учинити на девяносто четвертеи, и даны ему деревни: деревня Калонтаевская, пашни въ одномъ поле тритцать одна четверть съ осминою, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна сорокъ копенъ, лѣсу пашенного на десять четвертеи, земля добра; деревня Хони Долгово, пашни въ одномъ поле тритцать четыре четверти, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного на четыре четверти, земля середнея; деревня Зябицыно Меншое, пашни въ одномъ поле семнацать четвертеи, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна пятнацать копенъ, лѣсу пашенного на дватцать четвертеи, земля середнея; да починокъ Созыкинъ, пашни въ одномъ поле десять четвертеи, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного на дватцать четвертеи, земля середнея. I всего за нимъ три деревни да починокъ, пашни въ одномъ поле девяносто двѣ четверти съ осминою, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна девяносто пять копенъ, лѣсу пашенного на пятдесятъ на четыре четверти; и перешло за его помѣтою две чети съ осминою.

За Степанкомъ за Даниловымъ сыномъ Руднева велено помѣстья учинити на сорокъ на четыре чети, и дано ему деревня Козлово Вяски, пашни въ одномъ поле сорокъ одна четверть, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна сто копенъ, лѣсу пашенного на сорокъ четвертеи, земля добра; и не дошло его помѣты трехъ четвертеи.

За Балыкомъ за Остаѳевымъ сыномъ Руднева велено помѣстья учинити на тритцать на семь четвертеи, и дана ему деревня Кузминская, пашни въ одномъ поле дватцать семь четвертеи, а въ двуполехъ потому жъ, лѣсу пашенного на дватцать четвертеи, земля добра; да ему жъ дано въ деревне въ Орѣховои третеи жеребеи, и на его жеребеи два двора крестьянскихъ: (д) Ѳедко Хозяинъ, (д) Микулка Чертковъ, пашни въ одномъ поле десять четвертеи, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного на двенатцать четвертеи; а два жеребя тоѣ деревни *за Елизаркомъ за Григоревымъ сыномъ Гаврилова*. I всего за *Балыкомъ* деревня да треть деревни, пашни въ одномъ поле тритцать семь четвертеи, а въ двуполехъ потому жъ, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного на тритцать на две четверти; и та его помѣта дошла сполна.

За Евупкомъ за Яковлевымъ сыномъ Минина велено помѣстья учинити на пятнацать четвертеи, и дана ему деревня Хани Малого, пашни въ одномъ поле петнацать четвертеи, а

въ дву полехъ потому жъ, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенного на двацать четвертеи, земля середнея; и та его помѣта дошла сполна.

А се деревни манастырские, которые велено было отдать манастырю. И тѣ деревни вошли въ царя и великого князя въ отписные деревни да и землями смешалися промежъ царя и великого князя земель, и тѣ деревни взяты на царя великого князя: деревня Кузнецова Новинки Плино, пашни въ одномъ поле восмьдесятъ девять четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна сто копенъ, лѣсу пашенного на дватцать четвертеи, земля добра: деревня Мыцова, пашни въ одномъ поле шестьдесятъ четыре четверти съ осминою, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна девяносто копенъ, лѣсу пашенного на тритцать четвертеи, земля добра: деревня Харинская Мокѣева, пашни въ одномъ поле семдесятъ четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна пятдесятъ копенъ, лѣсу пашенного на четырнатцать четвертеи, земля добра: деревня Аргуновская, пашни въ одномъ поле сорокъ четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна пятдесятъ копенъ, лѣсу пашенного на десять чети, земля добра: деревня Деметьева Владычня, пашни въ одномъ поле сто четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна сто копенъ, лѣсу пашенного на дватцать четвертеи, земля середнея. І всего взято монастырскихъ пять деревень, пашни въ нихъ добрые земли двѣсте шестьдесятъ три четверти съ осминою да середние земли сто четвертеи, и положена за добрую землю за восмьдесятъ четвертеи, и обоего за добрую землю триста сорокъ три четверти съ осминою, сѣна триста девяносто копенъ, лѣсу пашенного на девяносто на четыре четверти. И тѣ деревни розданы детемъ боярскимъ въ помѣстье, а середнея земля дана безъ наддачи. А противъ тѣхъ монастырскихъ деревень дано въ отмѣнъ къ монастырю Высотцкаго монастыря архимандриту Онтонью зъ братею царя и великого князя отписные деревни, которые вошли въ ихъ монастырские деревни: деревня Всходнея на рѣчке на Всходне, пашни въ одномъ поле дватцать восмь четвертеи съ осминою, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна семдесятъ копенъ, лѣсу пашенного на шестьдесятъ четвертеи, земля середнея; пол-деревни Петрухинское, пашни въ одномъ поле осмнатцать четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна сорокъ копенъ, лѣсу пашенного на шестьдесятъ четвертеи, земля добра: деревня Мошниково, пашни въ одномъ поле пятдесятъ четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного на полверсты, земля добра: деревня Провотариково, пашни въ одномъ поле дватцать четыре четверти, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна сорокъ копенъ, лѣсу пашенного на полверсты, земля добра: деревня Ѳеонасово Голосѣево, пашни въ одномъ поле сорокъ восмь четвертеи съ осминою, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна пятдесятъ копенъ, лѣсу пашенного на четыре четверти, земля добра: деревня Микулино, пашни въ одномъ поле сорокъ шесть четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного на четыре четверти, земля добра; да пустошь Понкратовская, пашни въ одномъ поле середние земли тритцать четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ: да имъ же придано къ тѣмъ деревнямъ, по царя и великого князя грамате и по выписи зъ Даниловыхъ книгъ Ѳомина, промежъ дву деревень, деревни Мошниковои да деревни Провотариковои, лѣсу пашенного на две трети версты за добрую землю за сто четвертеи: да у нихъ же осталося по розволу у ихъ третего жеребя у новыхъ у Кузминскихъ деревень пашни добрые земли на тритцать на пять четвертеи, что имъ по выписи зъ Даниловыхъ же книгъ велено дати изъ новыхъ деревень, которые деревни ставлены ново на царя і великого князя лесѣхъ, пашни и сѣна, и лѣсу, і всякихъ угодя третеи жеребеи. І всего имъ дано въ отмѣнъ противъ ихъ монастырскихъ деревень полшесты деревни да пустошь, пашни добрые земли, и съ тою пашнею, что было у нихъ взята за лесъ за две трети версты, да и съ тою пашнею, что у нихъ осталося у ихъ третево жеребя у Кузминскихъ

деревень, триста дватцать одна четверть съ осминою добрые земли, да сорокъ одна четверть съ осминою середние земли, и та середнея земля положена за добрую землю за тритцать за три четверти съ полуосминою, и обоего пашни за добрую землю триста пятдесятъ пять четвертеи безъ полуосмины, сѣна двѣсте шестьдесятъ копенъ, лѣсу пашенного сто дватцать восмь четвертеи. И перешло у тѣхъ царя и великого князя деревень пашни передъ монастырскою пашнею двенатцать четвертеи безъ полуосмины да лѣсу пашенного тритцать четыре четверти. А у монастырскихъ деревень перешло въ царя и великого князя деревни сѣна сто тритцать копенъ: и за то имъ сѣно положено пашнею за шестьдесятъ копенъ добрые земли по две четверти. і всего имъ за сено положено пашни четыре четверти съ полуосминою. А за ихъ жеребемъ осталося пашни полосмы четверти да лѣсу пашенного тритцать четыре четверти: и та пашня и лѣсъ положены въ ихъ третеи жеребеи у Кузминскихъ деревень: да имъ же дано, по цареве і великого князя грамоте, промежъ дву деревень Мошниковои да Провотариковои того жъ лѣсу пашенного на треть версты.

А се деревни и починки Кузминского села, а были монастырские же, а по Данилову писму Ѳомина да подячего Ермолы Петрова отписаны на царя жъ и великого князя, что они ставлены ново на великого князя лесѣхъ. И тѣ деревни и починки по выписи зъ Даниловыхъ книгъ даны Высотцкого манастырю (sic) архимандриту Онтонью зъ братею на ихъ третеи жеребеи за ихъ роспашь. А се тѣмъ деревнямъ имена: деревня Тверитинова на отвершке на Каневѣ, пашни въ одномъ поле дватцать семь четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного на десять четвертеи, земля добра, деревня Дѣдышкова Талышова, пашни въ одномъ поле дватцать четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенного на шесть четвертеи, земля середнея: деревня Окулевская Мерекозино, пашни въ одномъ поле тритцать семь четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна десять копенъ, земля середнея; деревня Лухтанова на Олшуховскомъ углу, пашни въ одномъ поле осмнатцать четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного на шесть четвертеи, земля добра: деревня Мяхково на Хвощинскомъ враге, пашни въ одномъ поле девяносто три четверти, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного на восмь четвертеи, земля добра; деревня Терехова, пашни въ одномъ поле восмьдесятъ четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного на двенатцать четвертеи, земля добра: деревня Гущино, пашни въ одномъ поле безъ спору пятдесятъ пять четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна сорокъ копенъ, лѣсу пашенного на шесть четвертеи, земля середнея: деревня Поминовъ починокъ, пашни въ одномъ поле тритцать одна четверть съ осминою, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного на две четверти, земля добра; деревня Гончарова, пашни въ одномъ поле девяносто одна четверть съ осминою, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенного на восмь четвертеи, земля добра; деревня Чепникова, пашни въ одномъ поле сорокъ четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна сорокъ копенъ, лѣсу пашенного на шестнатцать четвертеи, земля добра: деревня Юркино, пашни въ одномъ поле пятдесятъ восмь четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна сорокъ копенъ, лѣсу пашенного на двенатцать четвертеи, земля добра; деревня Легостаево, пашни въ одномъ поле дватцать четыре четверти, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного на восмь четвертеи, земля добра; деревня Копылова, пашни въ одномъ поле дватцать пять четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна десять копенъ, лѣсу пашенного на восмь четвертеи, земля добра; деревня Поповская, пашни въ одномъ поле шестнатцать четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна дватцать копенъ,

лѣсу пашенного на восмь четвертеи, земля добра; деревня Пекушино Мерзлова, пашни въ одномъ поли тритцать четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна тритцать копенъ, лѣсу пашенного на двенатцать четвертеи, земля добра; починокъ Зохаровъ, пашни въ одномъ поле шестнацать четвертеи съ осминою, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна пять копенъ, лѣсу пашенного четыре четверти, земля добра; деревня Лувено, пашни въ одномъ поле тритцать шесть четвертеи, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна дватцать копенъ, лѣсу пашенного четырнадать четвертеи, земля добра. I всего ихъ шестнацать деревень да починокъ, пашни въ нихъ добры земли шестьсотъ сороковъ одна четверть зъ полуосминою да середние земли пятдесятъ семь четвертеи, и обоего пашни шестьсотъ девяносто восмь четвертеи съ полуосминою, сѣна триста девяносто пять копенъ, лѣсу пашенного двѣсте четыре четверти. И всего было по Данилову писму Григоревича Ѳомина да подячего Ермолы Потрова новыхъ отписныхъ деревень и починковъ Высотцкого монастыря, которые ставлены ново на царя и великого князя лесѣхъ, оприче спорныхъ дву погостовъ да полуштанатцаты деревни, да дву трети деревни Лещановои, что онѣ отписаны въ споре на царя и великого князя, и всѣхъ ихъ пятдесятъ двѣ деревни да три починки, да двѣ пустоши; пашни въ нихъ добрые земли тысяча триста семдесятъ четыре четверти безъ полуосмины да середние земли пятсотъ пять четвертеи съ осминою, и обоего пашни тысяча девятсотъ (sic) семдесятъ девять четвертеи съ полуосминою въ одномъ поле, а въ дву потому жъ, сѣна тысяча восмьсотъ пять копенъ, лѣсу пашенного на тысячю четвертеи. А по Данилову писму Ѳомина было въ тѣхъ деревняхъ и въ починкахъ пашни тысяча девятсотъ восмьдесятъ восмь четвертеи съ полуосминою, и ныне сложено съ пустоши съ Тереховские пашни девять четвертеи, потому что та пустошь отъ Хотупского рубежа запустѣла, не пашетъ еѣ нихто, и лѣсомъ поросла. И тѣхъ новыхъ деревень и починковъ, и пустошеи по выписи зъ Даниловыхъ книгъ велено пашня и сѣно, и лѣсъ, и всякие угодя разделити на три жеребя: два жеребя отделити на царя и великого князя сряду содново, а не врозни, а третеи жеребеи тѣхъ деревень и починковъ, и пустошеи, и пашни, и сѣна, и лѣсу велено отделити Высотцкого монастыря архимандриту Онтонью зъ братею за ихъ роспашь. И того раздѣлено на жеребеи пашни по штисотъ по штидесятъ по три четверти безъ третника, сѣна по штисотъ по три копны безъ трети копны, лѣсу пашенного по триста по тритцати по четыре четверти. И того отдѣлено на царя и великого князя два жеребя добрые земли и середние, пашни въ одномъ поле тысяча триста дватцать пять четвертеи съ третникомъ, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна тысяча двѣсте пять копенъ съ третью копною, лѣсу пашенного шестьсотъ шестьдесятъ восмь чети; а Высотцкого монастыря архимандриту Онтонью зъ братею отделено на ихъ третеи жеребеи Кузминского села новыхъ же деревень, которые ставлены ново на царя і великого князя лесѣхъ, всего ихъ шестнацать деревень да починокъ, пашни въ нихъ добрые земли шестьсотъ сорокъ одна четверть съ полуосминою да середние земли пятдесятъ семь четвертеи, и обоеѣ пашни шестьсотъ девяносто восмь четвертеи съ полуосминою въ одномъ поле, а въ дву полехъ потому жъ, сѣна триста девяносто пять копенъ, лѣсу пашенного двѣсте четыре четверти. И перешло у нихъ пашни за ихъ третимъ жеребемъ тритцать пять четвертеи съ полуосминою да у нихъ же перешло пашни у меновныхъ деревень полосмы четверти, и всего у нихъ пашни перешло сорокъ три четверти безъ полуосмины въ одномъ поле, а въ дву полехъ потому жъ. Да, у тѣхъ же у меновыхъ деревень осталось лѣсу пашенного на тритцать на четыре четверти; а имъ не дошло на ихъ треть сѣна двусотъ осми копенъ безъ трети копны да лѣсу пашенного не дошло девяносто шти четвертеи; и за то имъ сѣно дано пашенною землею за шестьдесятъ копенъ пашни по двѣ четверти, и того имже за то сѣно дано пашни въ

одномъ поле восмь четвертеи съ полуосминою, а осталося пашни тритцать четыре четверти съ осминою; а за лесъ за пашенной дано лѣсу жъ пашенного, что осталось у меновныхъ деревень, на тритцать на четыре четверти да пашни тритцать четыре четверти съ осминою; и не доидеть на ихъ треть лѣсу пашенного двaтцать семь четвертеи съ осминою. I въ тѣхъ деревняхъ на ихъ треть досталась имъ земля добра, толко у нихъ середние земли пятдесятъ семь четвертеи. I всего отдано въ раздачю детемъ боярскимъ въ помѣстья царя и великого князя отписныхъ деревень и починковъ, и пустошеи, которые отписаны въ споре на царя и великого князя, и которые деревни и починки ставлены ново на царя великого князя лесѣхъ, и съ тѣми дёревнями, которые деревни монастырские взяты въ мѣнъ противъ царя и великого князя отписныхъ деревень,—і всего два погоста да пятдесятъ одна деревня, да два жеребя деревни Лещановои, оприче поповои трети, что написано за Успенскимъ попомъ, да два починка, да пустошь, пашни добрые земли въ одномъ поле тысяча двѣсте двaтцать девять четвертеи съ полуосминою, а въ дву полехъ потому жъ, да середние земли восмьсотъ двенатцать четвертеи съ осминою, и обоеѣ пашни двѣ тысячи сорокъ двѣ четверти безъ полуосмины, сѣна двѣ тысячи сорокъ восмь копенъ, лѣсу пашенного тысяча девяносто девять четвертеи съ осминою, да лѣсу жъ пашенного въ длину на версту, а поперегъ на полверсты. Да по цареве жъ і великого князя грамате велено отдати лугъ на оброкъ, что на Великомъ болоте, а сѣна ставитца на немъ шестьсотъ девяносто копенъ; а будетъ не возмутъ его на оброкъ, и тотъ лугъ велено отдать помѣщикамъ, которымъ будетъ придетъ къ ихъ помѣстьямъ блиско. И того лугу на оброкъ не взялъ нихто, потому что онъ добрѣ водянъ, бродятъ на немъ воду на лошади по черево, а индѣ онъ добрѣ лѣсомъ поросъ, а помѣщики пришли къ нему немногие, а помѣстья имъ даваны невеликие, и приказщикъ Василеи Ситчинъ да подячеи Костя Василевъ того лугу дѣтемъ боярскимъ въ раздачу роздати не смѣли. И о томъ лугу царь государь какъ укажетъ.

(Далѣе слѣдуетъ описаніе межевыхъ граней и признаковъ).

А въ книгахъ описи приказщика Васюка Ситчина да подячево Кости Василева въ тѣхъ погостехъ і въ деревняхъ, і въ починкахъ, і въ пустошахъ, і въ селищахъ, которые розданы детемъ боярскимъ въ помѣстье, и которые погосты и деревни, и починки, и пустоши, и селища остались за монастыремъ, сотного писма не написано. А по государеву указу велено писцомъ помѣстныхъ земель въ сошное писмо писати добрые земли по осмисотъ четвертеи въ соху, а середние земли по тысечи четвертеи въ соху, а худые земли по тысечи по двѣсте четвертеи въ соху, а котороя земля добрѣ худа и безугодна и тоѣ земли по тысечи и по триста четвертеи въ соху. А монастырскихъ земель велено писцомъ писати въ сошное писмо добрые земли по штисотъ четвертеи въ соху, а середние земли по семисотъ четвертеи въ соху, а худые земли по осмисотъ четвертеи въ соху, а которая земля добрѣ худа и безугодна и тое земли по девятисотъ четвертеи въ соху. И діакомъ Уфиму Лвову да Юрю Сидорову тѣ земли, которые, у Высотцкого монастыря взявъ, розданы детѣмъ боярскимъ въ помѣстье, и монастырские земли, которые осталися за монастыремъ, велѣти смѣтивъ въ сошное писмо написати по тому государеву указу, какъ въ сеи выписи написано. I діаки Уфимъ Лвовъ да Юрьи Сидоровъ за помѣщики помѣтили четвертные пашни добрые земли по осмисотъ четвертеи въ соху, а середние земли по тысечи четвертеи въ соху, а манастырские земли помѣтили добрые земли по штисотъ четвертеи въ соху, а середние земли по семисотъ четвертеи въ соху. И того ялось за помѣщики по четвертнои пашни сошного писма двѣ сохи съ четвертью безъ пол-пол-полчети сохи, а за монастыремъ елося по четвертнои пашни, что дано имъ на ихъ треть за ихъ роспашь, і въ меновныхъ, і въ спорныхъ деревняхъ сошного писма двѣ сохи

съ полусохою безъ пол-полчетверти сохи и пол-пол-полтрети сохи и пол-пол-полчетверти сохи.

Да по писцовымъ книгамъ писма князя Василя Семеновича Өуникова да Івана Тимоѳѣевича Бухарина съ товарищи лѣтъ 7060 г. въ Серпоховскомъ уѣзде въ Окологородномъ стану села и деревни манастырские Высотцкого монастыря; село Дракино, а въ немъ дворъ монастырской (32 двора крест.); да подъ селомъ же озеро, а въ немъ рыба: щуки, лещи, лини. Въ Окологородѣ Высотцкого монастыря село Кузминское на рѣчке на Городенке, а въ немъ церковь Успленѣ Пречистые да дворъ монастырскои, дв. попъ Оѳонасеи, дв. попъ Иванъ, дв. діаконъ Давыдъ (16 дворовъ крест. да непашенныхъ 4 двора). Того жъ села деревня Рыжкова на Кузминскомъ враге (11 дворовъ крест.). Селцо Глубокое на Глубокомъ враге (24 двора крест.). Деревня Глядово на рѣчке на Городенке (4 двора). Деревня Велемъ Верхнея на рѣчке на Велеме (13 дворовъ). Деревня Нижнея Велемъ Григоровская на рѣчке на Велеме жъ (11 дворовъ, дворъ непашенный, дворъ пустъ). Деревня Арнѣево на рѣчке на Рѣчме (14 дворовъ). Деревня Княнинская на рѣчке на Рѣчме (4 двора). Въ Окологороде же Высотцкого жъ монастыря село Бутурлино на рѣчке на Рѣчме, а въ немъ церковь Никола Чюдотворецъ да дворъ монастырскои, дв. попъ Өедоръ Ивановъ (25 дворовъ крестьян. да непашен. 3 двора). Того жъ села деревни: деревня Борисова на рѣчке на Рѣчме (8 дв., дворъ пустъ); деревня Нееедова (11 дворовъ, дворъ непашен., дворъ пустъ); деревня Щоголцево на рѣчке на Каменке, дворъ монастырскои, слуга Проня Каменовъ. Высотцкого же монастыря селцо Ивановское на Нюнге, а въ немъ дворъ монастырскои (18 дворовъ, 2 двора непашен.). Село Заборя Высотцкого жъ монастыря, а въ немъ дворъ монастырскои, дв. слуга монастырскои (47 дворовъ крестьян. да непашен. 4 двора). Подъ городомъ на посаде село Селцо подъ боромъ Высотцкого жъ монастыря, а въ немъ церковь святые Жены Мироносицы, дв. попъ Өедоръ Василевъ, дв. діаконъ Өедотъ Савостьяновъ (8 дворовь монастырскихъ слугъ, 36 дворовъ крестьян., 20 дворовъ непашенныхъ). Да подъ двема селы на болоте озеро Лютецъ, а въ немъ рыба: щука, корасы, плотицы, да другое озеро Долгое. И всего монастырскихъ Высотцкого манастыря семь селъ, и въ нихъ три церкви, да девять деревень, а дворовъ въ селехъ і въ деревняхъ и съ манастырскими дворы триста тритцать, а люден въ нихъ четыре попы да два діакона, да десять человѣкъ слугъ монастырскихъ, да двѣсте восмьдесятъ восмь человѣкъ крестьянъ пашенныхъ. да тритцать пять человѣкъ непашенныхъ, да три дворы пусты. А сошные пашни три сохи и пол-полчетверти сохи.

Дана сотноя на Москвѣ, а подписа діакъ Юрьи Сидоровъ. На обороте: Сю сотную правилъ зъ диячею памятью Путила Нечаева да Василя Степанова да съ писцовыми книгами князя Василя Семеновича Өуникова съ товарыщи подячеи Булгачко Салковъ.

скаго архива отчасти может подсказать,—чего можно ожидать от сего архива. Смѣем полагать, что в нем не сохранилось до настоящаго времени и половины всѣх дѣл. Но сколько дѣл утрачено—добиться невозможно: описей даже послѣдних лѣт не оказалось. За составленіе описи Дума взялась лишь тогда, когда Императорское Московское Археологическое Общество обратило вниманіе на напечатанное в Витебских Губернских Вѣдостях предположеніе уничтожить старые документы архива и обратилось в Лепель с предложеніем—извлечь из Думскаго стараго архива дѣла, наиболѣе важныя в историческом отношеніи, т. е. в текущем 1898-м году.

Описанное отношеніе Городской Думы прежних лѣт к своим архивным дѣлам не может быть признано извинительным. Насколько мы освѣдомлены—архивный вопрос на пространствѣ первых 50 лѣт настоящаго столѣтія нѣсколько раз ставился на вид Губернским Начальством и не только обращалось вниманіе на удовлетворительное содержаніе архивов, но и давались указанія на случай необходимости уничтожить архив. Так: а) от 12 января 1826 г. был циркуляр Губернскаго Правленія о составленіи по всѣм городам особых комиссій из Полицеймейстеров и Членов других присутственных мѣст, долженствовавших, под надзором уѣздных стряпчих, разобрать и привести в порядок по описям дѣла архивов. б.) 12 февраля 1843 г. Министерство Юстиціи затребовало чрез Губернскаго Прокурора свѣдѣній: „не представляется ли возможности к уничтоженію нѣкоторых дѣл или передачѣ в другія мѣста и архивы. Чрез уѣздных стряпчих были получены предположенія многих присутственных мѣст, что „дѣла с 1776 по 1825 г. и далѣе по причинѣ тѣснаго помѣщенія их в своих архивах и неимѣнію в них никакой надобности необходимо нужно и слѣдует передать для храненія в Губернскій архив". Но когда Губернскій Прокурор запросил мнѣнія Витебскаго Губернскаго Правленія по сему предмету, то от 6 октября 1844 г. послано было увѣдомленіе, „что со стороны Губ. Правленія признается неудобным допускать передачу уѣздными присутственными мѣстами прежняго времени дѣл к храненію в Губернскій архив. Потому что зданіе, в котором помѣщался губернскій архив весьма недостаточно, так что в скором времени нельзя будет помѣстить в оном собственно дѣл Губ. Правленія и тѣх мѣст, коим предоставлено 740 ст. II т. Св. зак. (изд. 1842 г.) передавать в оный дѣла"; сверх сего потребовался бы особый штат чиновников, тогда как и само Губ. Правленіе терпит, де, в чиновниках недостаток, и выдача справок была бы затруднительна.

Таким образом окончательно было установлено, что старыя архивныя дѣла должны оставаться по уѣздным городам при своих канцеляріях. И озабочиваясь порядочным состояніем архивов, Губернское Правленіе 6 октября 1844 г. издало циркуляр по всѣм уѣздным Присутственным мѣстам Министерства Юстиціи и Внутренних дѣл доставить свѣдѣнія: „а) в каких зданіях—казенных, общественных или частных они помѣщаются? б) сколько комнат отведено под канцелярію, присутствіе и архив и в) в чем именно они признают помѣщеніе архивов неудобным и какіе полагают с своей стороны способы к отвращенію сих неудобств?"

Впрочем, справедливость требует сказать, что результаты этих циркуляров высшей власти оказались нѣсколько странными: полученныя от всѣх уѣздных присутствій свѣдѣнія в теченіи 8 лѣт по какой-то причинѣ оставались не разрѣшенными... В 1853 г. 14 февраля был издан вновь циркуляр—вновь доставить свѣдѣнія о помѣщеніях архивных и храненіи дѣл.

В концѣ 1854 года Витебское Губ. Правленіе предположило устроить по уѣздным городам губерніи особыя комиссіи для разбора и уничтоженія старых архивных дѣл при учрежденіях Мин. Юст. подобно тому, как таковыя комиссіи дозволено учреждать для разбора и уничтоженія старых архивных дѣл по присутственным мѣстам вѣдомства Мин. Внутр. Дѣл. Получалась тѣм болѣе серьезная постановка дѣла, что в концѣ того же 1854 г. (от 31 декабря) Генерал-губернатор края затребовал свѣдѣнія:—в каких подчиненных Правленію присутственных мѣстах вѣдомства Мин. Внутр. Дѣл учреждены уже комиссіи для разбора архивных дѣл и каким успѣхом сопровождаются их дѣйствія.

Приведенныя соображенія приводят нас к тому заключенію, что отношеніе к старым архивным дѣлам в Лепельской Городской Думѣ до 1860 годов—было положительно ниже всякой критики. Тут, помимо всяких стихійных бѣдствій, нужно искать разгадки—почему за тридцатилѣтній почти період канцелярской работы Лепельской Городской Думы (с 1833 по 1860 г.) сохранилось всѣх видов канцелярской переписки (дѣл, нарядов, журналов, протоколов и многоразличных видов книг)—только лишь 2078 номеров (т. е. на каждый год приходится средним числом 75—80 номеров, тогда как одних книг средняя цифра около 20—25 на каждый год). А по Сиротскому суду и Магистрату уцѣлѣло всего 658 номеров.

Послѣ тщательнаго пересмотра каждаго номера, мною отобрано из старых архивов (дѣл, нарядов и книг) Лепельской Городской Думы 437 номеров, каковые внесены в особую опись, за подписью Лепельскаго Городского старосты. [1]).

Отобранные мною дѣла и наряды дают много весьма цѣннаго матеріала по исторіи города Лепеля за обнимаемый ими період, с 1818 по 1859 г. включительно, а именно: в них раскрывается картина имущественнаго богатства города, состава его населенія, его роста и благоукрашенія, появленія в нем гостинниц, кон-

1) Опись сія имѣется при отобранных мною дѣлах.

дитерскихъ, булочныхъ, кабаковъ... Раскрывается отчасти внутренняя жизнь Городской Думы: отношенія къ мѣстному духовенству, Управленію Березинской системы, къ обывателямъ... Особенно обстоятельный матеріалъ уцѣлѣлъ для исторіи Лепельскаго кагала со всѣми его внутренними пружинами и жидовскими хитростями. Кромѣ дѣлъ и нарядовъ отобраны мною также и книги: прихода и расхода, суммъ Городской Думы, справочныхъ и торговыхъ городскихъ цѣнъ, коробочнаго сбора, описи имущества Думы, формулярные списки, списки оброчныхъ городскихъ статей, копіи контрактовъ на нихъ и обывательскія книги.

Дѣла Сиротскаго суда, которыхъ мною отобрано 60 номеровъ, даютъ понятіе о бытовой сторонѣ отдѣльныхъ обывателей города и уѣзда, и кромѣ того кое-какія свѣдѣнія относительно нѣкоторыхъ имѣній, попадавшихъ подъ секвестръ по распоряженію администраціи.

Вообще, считаю свой мѣсячный трудъ въ Лепельскомъ Думскомъ архивѣ потраченнымъ не безъ надлежащей пользы. Въ г. Лепелѣ кромѣ Городского управленія существуютъ архивы: 1) при полицейскомъ уѣздномъ управленіи, 2) при Канцеляріи Управленія Березинской системы и 3) при мѣстномъ градскомъ Православномъ Соборѣ,—и утрата свѣдѣній и матеріаловъ, касающихся собственно городской жизни была бы невознаградимой.

Въ заключеніе считаю долгомъ присовокупить нѣсколько словъ по поводу архива нынѣшняго Городского упрощеннаго Управленія.

Архивъ Лепельскаго Город. упрощ. Управленія помѣщается во дворѣ квартиры канцеляріи Управленія (Дворянская ул. д. Загрѣцкаго). Для помѣщенія архива занятъ старый амбарчикъ ($2^1/_2 \times 2^1/_2$ саж.) высотою около $2^1/_2$ аршинъ. Возлѣ стѣнъ сдѣланы импровизированныя полки изъ неоструганныхъ кольевъ и досокъ. Особый Архиваріусъ нанятъ (за 10 руб. въ мѣсяцъ) лишь съ 1-го февраля сего 1898 года. До того же времени никакихъ архиваріусовъ не было, а каждый писецъ самъ распоряжался въ архивѣ и разыскивалъ потребныя ему справки. Нынѣшній Архиваріусъ, бывшій до сихъ поръ писцомъ въ канцеляріи Лепельскаго военнаго начальника, обязанъ составить опись всѣмъ дѣламъ, имѣющимся на лицо въ архивѣ Управленія.

Вслѣдствіе того, что нынѣ занимается въ архивѣ этотъ чиновникъ, можно думать, что дѣла Лепельскаго Городского упрощеннаго Управленія (б. Думы) будутъ со временемъ имѣть хотя и не важную, но все же свою опись

Дм. Довгялло.

Архивъ Лепельской уѣздной полиціи.

По порученію Археографической Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, отъ 20-го мая 1899 г. за № 835-мъ, я выбывалъ минувшимъ лѣтомъ въ г. Лепель, Витебской губерніи, для разборки архива мѣстнаго Уѣзднаго Полицейскаго Управленія. О результатахъ означенной командировки долгъ имѣю доложить Археографической Комиссіи слѣдующее.

Описей или инвентаря архива Лепельской Уѣздной Полиціи не оказалось, посему открылась сама собою необходимость сначала точно разобраться:—какихъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ сберегаются дѣла, книги и наряды въ означенномъ архивѣ. Такъ какъ большинство связокъ имѣло ярлыки съ обозначеніемъ присутственнаго мѣста, то, при помощи двухъ, прикомандированныхъ въ мое распоряженіе, писцовъ полиціи, архивныя дѣла скоро были разставлены по полкамъ и состояніе архива было отмѣчено въ особыхъ „вопросныхъ пунктахъ“ Археографической Комиссіи, которые переданы въ канцелярію Полиціи для отсылки въ Археографическую Комиссію.

Послѣ указанной предварительной работы мнѣ стало ясно, что подробное изученіе архива слѣдуетъ начать съ бумагъ тѣхъ учрежденій, которыя уже не существуютъ, какъ то: земскаго суда, стряпчаго, городничаго, городническаго Правленія.

Я началъ эту работу съ архива „Лепельскаго Земскаго Суда“ и просмотрѣлъ всѣ дѣла, наряды и книги сего суда.—Оказалось, что изъ XVIII вѣка сохранилось: а) пять книгъ такъ называемыхъ „ревизскихъ сказокъ“, за силою Высочайшаго Указа 23 іюня 1794 г. составленныхъ на имѣнія помѣщичьи, уніатскихъ церквей и Римско-Католическихъ монастырей по Лепельскому уѣзду (къ сожалѣнію, эти книги, въ 900—1200 листовъ каждая,—бывшія раньше въ переплетахъ, разбиты и уже нѣкоторыя безъ начала); и б) одна ненумерованная книга содержитъ вѣдомости о семейномъ составѣ помѣщиковъ (дворянъ и шляхты) Лепельскаго уѣзда въ 1795—1796 гг. Если сюда присоединить журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ за 1796—1800 г.г., то этимъ и исчерпывается количество бумагъ сего архива за XVIII вѣкъ.

Изъ настоящаго XIX вѣка архивъ Лепельскаго Земскаго суда заключаетъ въ себѣ до 5600 №№ съ 1803 по 1862 годъ. Всѣ дѣла, наряды и книги за это время мною обстоятельно просмотрѣны и важныя въ историческомъ отношеніи отмѣчены въ особомъ спискѣ. При этомъ мнѣ бросилось въ глаза несоотвѣтствіе количества дѣлъ съ 1800 по 1852 годъ включительно и за слѣдующіе годы, т. е. съ 1853 по 1862-ой: тогда какъ по 1852 годъ уцѣлѣло 1250 №№ нарядовъ, книгъ и дѣлъ, съ 1853 года, за одиннадцать лѣтъ, насчитано 4000 съ лишнимъ №№. Можно было догадываться, что въ этомъ случаѣ не обошлось безъ уничтоженія бумагъ намѣреннаго или ненамѣреннаго. И, дѣйствительно, мною встрѣчено въ одномъ дѣлѣ 1853 г. (№ 1229) указаніе на фактъ уничтоженія старыхъ архивныхъ дѣлъ, и судя по незначительному количеству оставшихся дѣлъ, а также потому, что оставлены къ храненію въ архивѣ преимущественно приходорасходныя книги и журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ,—можно вполнѣ основательно заключить, что означенное истребленіе архива сдѣлано безъ надлежащей тщательности. Выдающійся историческій интересъ, по моему ознакомленію, въ семъ архивѣ имѣетъ свыше 200 дѣлъ по слѣдующимъ категоріямъ:

I. Статистика посѣвовъ и урожая по уѣзду 1803—1810 г.—№ 27; 1815 г.—№ 72; 1805—1830 г. № 136 и др.

II. Справочныя цѣны на хлѣбъ и фуражъ 1802—1810 г, № 32; 18¹¹/₂₁ г. № 73 и 94; 1830 г. № 143, 1832 г. № 157; 1833 г.—№ 184; 1834 г.—№ 208; 1836 г. № 299; 1837—№ 336; 1838 г.—№ 377; 1839 г.—№ 294 и т. д.

III. Дороги и почта: 1806 г.—№ 40; 1802—1818 г. № 92; 1818—1835 г.—№ 128; 1820—1828 г.—№ 137; 1845 г.—№ 612; 1848 г. № 763 и др.

IV Высочайшій проѣздъ 1851 г.—№ 917.

V. Ярмарка въ м. Бѣшенковичахъ: 1851 г.—№ 920; 1852 г.—№ 989; 1853 г.—№ 1387 и 1798; 1858 г.—№ 4391.

VI. Описанія имѣній и вводы во владѣніе: 1832 г. №№ 162, 163, 165; 1833 г. № 189—200; 1834 г. № 220—234; 1835 г.—№ 262- 277; 1838 г.—№ 342; 1839 г.—№ 418—419; 1840 г.—№ 446; 1841 г.—№ 471; 1842 г.—№ 772; 1849 г.—№ 821—822; 1851 г. № 912.

VII. О состояніи Церкви и духовенства: 1839 г.—№ 421; 1851 г.—№ 910; 1852 г.—№ 972—978; 1853 г.—№№ 1065, 1216, 1723, 1735, 1771, 1778; 1854 г.—

№ 2362, 2591; 1855 г.—№ 2628, 2743; 1856 г.—№№ 2993, 3215, 3251, 3522, 3551; 1857 г.—№№ 4260; 1860 г.—№ 5248; 1861 г. № 5407 и др.

VIII. О крестьянахъ и свободѣ: 1861 г.—№№ 5396, 5397, 5406, 5416, 5417, 5419, 5429 и др.

IX. О мѣщанахъ, раскольникахъ, евреяхъ—землепашцахъ: 1815 г.—№ 77 и 78; 1831 г.—№ 135; 1848 г.—№ 782; 1856 г.—№ 3762 и 3781.

X. Мятежъ 1853 г. № 1441. Эпидемическія болѣзни: 1847 г.—№ 630; 1850 г.—№ 872; 1854 г.—№ 2368.

Далѣе мною изученъ архивъ Лепельскаго стряпчаго, заключающій въ себѣ дѣла, наряды и книги съ 1812 по 1848 годъ включительно, всего въ количествѣ 440 №№. Этотъ архивъ также подвергся уничтоженію. Изъ оставшихся 440 нарядовъ и дѣлъ могу отмѣтить слѣдующія дѣла: 1822 г. дознанія къ дѣлу о судѣ надъ уніатскимъ Архіепископомъ Іоанномъ Красовскимъ; 1831 г. о прекращеніи дѣйствія Литовскаго статута № 281 и о холерной эпидеміи № 282; 1831—1835 гг. о винно-откупной системѣ № 288; 1833 г. о пожарѣ г. Лепеля № 297.

Наконецъ, мною просмотрѣны дѣла такъ наз. Земскаго Исправника съ 1849 г. по 1858 г., коихъ сохранилось всего 55 №№, при чемъ особенное вниманіе обратило дѣло № 2: „о ярмаркахъ по Лепельскому уѣзду“.

При окончаніи работы въ семъ году по разборкѣ архива мною подана г. Лепельскому Исправнику записка, въ которой обращено его вниманіе на замѣченные недочеты въ храненіи старыхъ архивныхъ дѣлъ, и я просилъ принять мѣры къ составленію описей по указанной мною формѣ. Я также просилъ г. Исправника, по составленіи описей, не отказать 1 экз. прислать мнѣ, для представленія въ Археографическую Комисcію, но до настоящаго времени не получилъ таковаго.

Работать въ настоящемъ году пришлось при условіяхъ даже менѣе благопріятныхъ, нежели въ лѣтній сезонъ 1898 года при разборкѣ архива б. Лепельской городской Думы. Архивъ Лепельской Полиціи помѣщается въ

сараѣ 4 × 3 саж., который заставленъ простыми стойками въ четыре ряда (на разстояніи $1^1/_2$ аршинъ) съ утвержденными на нихъ полками, но не всѣ бумаги размѣщены даже на полкахъ: кучи бумагъ были навалены на полу и на чердакѣ. Просмотръ дѣлъ приходилось дѣлать прямо подъ открытымъ небомъ,—такъ какъ какого-либо стола и стула въ архивѣ негдѣ помѣстить.

Въ заключеніе своего отчета долгомъ почитаю присовокупить слѣдующее.

Благодаря работамъ въ архивѣ Лепельской полиціи, мнѣ удалось натолкнуться на многія дѣла, выше отмѣченныя, кои важны для исторіи Лепельскаго уѣзда. Особенную же цѣнность имѣютъ, по моему мнѣнію, разнаго рода статистическія данныя и дѣла, касающіяся Петровской ярмарки въ м. Бѣшенковичахъ (Леп. у.). Эта ярмарка, начало которой восходитъ къ XVI вѣку, въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ развивалась и своими оборотами до милліона рублей была единственной въ Витебской Бѣлоруссіи. Съ проведеніемъ Риго-Орловской линіи желѣзной дороги Бѣшенковичская ярмарка сама собою замерла. Но ея исторія, до сихъ поръ еще не разработанная, показываетъ, что промышленное значеніе этой ярмарки было въ высшей степени важно: она привлекала купцовъ съ ихъ товарами изъ Москвы, Риги, многихъ русскихъ и даже заграничныхъ городовъ.—Всесторонній матеріалъ собранъ мною въ архивѣ Лепельской полиціи съ 1877 года.

Предполагая въ лѣтній сезонъ слѣдующаго 1900 года закончить свои работы въ архивѣ Лепельской Полиціи, и пользуясь готовою описью, еще разъ провѣрить свои записи—я на этотъ разъ воздерживаюсь отъ окончательныхъ выводовъ до слѣдующаго года.

Д. Довгялло.

Отчетъ члена Археографической Комиссіи Дм. Ив. Довгялло за 1900 годъ.

Въ 1900-мъ году я имѣлъ долгъ выполнить слѣдующія порученія: а) продолжалъ изученіе и разборку архива Лепельской Полиціи на основаніи свидѣтельства Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 18 мая 1900 г. за № 1309 и б) ознакомился съ фамильнымъ архивомъ гр. Хрептовичей, находящемся въ м. Бѣшенковичахъ, Леп. у. Витебской губерніи, согласно таковому же свидѣтельству отъ 18 мая 1900 г. за № 1310-мъ.

I.

По Лепельскому Полицейскому Архиву.

Въ Лепельскомъ полицейскомъ архивѣ я занимался съ 14 по 25 іюля, продолжая свои работы, начатыя въ 1899 году. За двѣнадцать дней работы мнѣ удалось изучить дѣла „Городническаго Правленія", коихъ вмѣстѣ съ нарядами оказалось 1545 номеровъ;—собственно нарядовъ, въ семъ числѣ, девяносто и каждый заключаетъ въ себѣ отъ 30 до 50 отдѣльныхъ „дѣлъ".

Означенный архивъ обнимаетъ періодъ времени отъ 1804 по 1839 годъ.

Труды этого года не много сообщили мнѣ новыхъ историческихъ подробностей, сравнительно съ тѣмъ, что я узналъ за два предыдущія лѣта (1898 и 1899 гг.). Тѣмъ не менѣе теперь я нашелъ указаніе на учрежденіе въ г. Лепелѣ „клуба" (книга 35, д. 144), аптеки (кн. 21 дѣла безъ №); о присоединеніи Лепельскихъ уніатовъ къ православной церкви (кн. 35, д. № 145), о театрѣ въ 1831 г. (кн. 41, д. № 1896), о первыхъ школахъ въ г. Лепелѣ (кн. 1 кар. 1) и т. д., самымъ же выдающимся, по нашему крайнему разумѣнію, является свѣдѣніе, касающееся отвода для жидовъ по городамъ и мѣстечкамъ особыхъ кварталовъ съ запрещеніемъ жидамъ селиться въ другихъ „христіанскихъ" кварталахъ. Мы встрѣтили въ этомъ архивѣ нѣсколько неоспоримыхъ фактовъ, доказывающихъ, что еще Императрица Екатерина II настоятельно проводила это обособленіе жидовскаго населенія при утвержденіи плановъ городовъ Бѣлоруссіи. Императоръ же Николай I, положительно обращалъ вниманіе на указанное мудрое распоряженіе Екатерины и удивлялся: почему эта мѣра не приведена въ исполненіе. (Вит. Ген-Губ. № 49.) Вмѣстѣ съ симъ не можемъ не высказать и сожалѣнія по поводу того, что очень интересныя и важныя дѣла Городническаго Правленія, относящіяся къ эпохѣ войны 1812 года, исчезли. Впрочемъ, мы встрѣтили данныя, будто согласно циркуляру Витебскаго Губернатора отъ 28 сент. 1890 года всѣ вообще дѣла, а въ томъ числѣ и Городническаго Правленія, отосланы были въ распоряженіе г. Витебскаго Губернатора.

Результаты всѣхъ изысканій въ Лепельскихъ архивахъ, мы намѣреваемся обнародовать въ мѣстномъ Губернскомъ органѣ. А такъ какъ доступомъ въ означенные архивы мы всецѣло обязаны Археографической комиссіи, то ставимъ своимъ долгомъ принести Комиссіи нашу благодарность за полное сочувствіе нашимъ планамъ и всяческое къ тому содѣйствіе.

Къ сему долгомъ считаемъ присовокупить, что Лепельское уѣздное Полицейское Управленіе съ іюня мѣсяца 1900 года заняло новое прекрасное помѣщеніе и Полицейскій архивъ теперь получилъ двѣ комнаты при канцеляріи, хотя и тѣсныя, но сухія. Можно надѣяться, что сохранность его въ этомъ помѣщеніи болѣе надежна, нежели въ бывшемъ (камен. сараѣ). А такъ какъ Лепельское Полицейское Управленіе имѣетъ ходатайствовать о дозволеніи уничтожить неимѣющія историч. или практическаго значенія дѣла Архива Полиціи, то покорнѣйше просилъ бы не отказать мнѣ въ руководственномъ взглядѣ Комиссіи на входящія и исходящія книги, протоколы, журналы и разныя печатныя предписанія Губернскаго Начальства, чтобы хотя что-либо удовлетворить изъ приведеннаго ходатайства г. Лепельскаго Исправника.

II.

Фамильный архивъ гр. Хрептовичей въ им. Бѣшенковичахъ.

Обзору Бѣшенковичскаго архива графовъ Хрептовичей я посвятилъ пять дней съ 26-го по 30-е число іюля мѣсяца включительно.

Полагаемъ, что въ этомъ архивѣ кто-то уже раньше работалъ надъ подборомъ имѣющихся старыхъ бумагъ. По крайней мѣрѣ мы нашли почти всѣ старые документы связанными въ fascicul's'ы. На большинствѣ fasciculus'овъ

Перечневая вѣдомость

документовъ, найденныхъ въ Бѣшенковичскомъ архивѣ графа К. А. Хрептовича-Бутенева

(въ іюлѣ 1900 года).

№№ связокъ по порядку.	Общее число докум. въ связкѣ.	Общее содержаніе документовъ.	Приблизительная датировка.
1	15	Данныя на фольв. Зембинъ (при им. Холопеничи)	1602—1783
2	34	Касмеви и векселя нѣкоего Соковича	1649—1670
Ibid.	13	Крѣпостные и друг. документы на им. Лукомль и др.	1590—1647
3	14	Докум. относящіеся къ им. Лукомль и къ процессу съ іезуитами касательно им. Почаевки	1558—1672 1755—1760
4	4	Раздѣльный док. между Сапѣгами и данныя на им. Лукомльи и Почаевки.	1591—1638
5	17	Данныя къ исторіи княз. Лукомскихъ и процессъ съ іезуитами. . .	XVI—XVIII в.в.
6	40	Различныя судебныя сдѣлки . . .	XVI—XVIII в.в.
7	4	Тоже	1700—1705
8	31	Тоже	1622—1701
9	15	Переводъ им. Лукомля отъ кн. Лукомскихъ въ Сапѣгѣ и процессъ съ іезуитами. . . :	1630 1751—1753
10	40	Такого же содержанія . . . . ,	1642—1650 1742—1750
11	ок. 30	Документы, записки и квитанціи по денежн. дѣламъ съ Саковичемъ. . .	1642—1662
12	20	Инвентари им. Будениъ (1642 и 1686 г.г.); копія осмотра возныхъ границъ им. Корсаковщины (съ 29 іюля 1596); Копія продажной крѣпости на им. Slidze, Орш. п., полученнаго въ качествѣ приданаго Александрою Скопдеромъ за женою Галшкою Балтасаровской, урожден. кн. Лукомской и уст. Льву Сапегѣ сов. 30 іюня 1631 г., и др. док.—судебныя.	1596—1740
13	48	Продажная крѣпость отъ Николая Паца старостѣ Минскому Вас. Тышкевичу на им. Крывино съ селами, сов. 6 іюля 1557 г.; 37 разныхъ докум. 1632—1641 г.г. къ им. Почаевичи и проц. съ іезуитами	1557—1641
14	16	Докум. касающіяся Почаевичъ и другихъ фольварковъ, а также процессъ между Казим. Сапѣгой и Сангушками.	1635—1690
15	20	Инвентарь им. „Слидзы“ 1631 г. и разные документы къ им. Почаевичи и друг., коими владѣли кн. Лукомскіе.	1619—1742
16	28	Къ процессу Лукомскихъ съ вил. іезуитами о Почаевичахъ. . . .	1653—1705
17	17	Къ процессу между Сапѣгами, Скиндерами, Лукомскими и др. о разныхъ фольваркахъ . . . . ,	1631—1633
18	16	Инвентарь им. Почаевичъ (1633 г.) и другіе документы къ сему имѣнію .	1628—1722
19	48	Процессъ между Сапѣгами, Тяпинскими и Скиндерами касательно долга.	1635
20	6	Къ переходу им. Почаевичъ отъ кн. Лукомскаго къ Сапѣгамъ . . .	1628—1637
21	6	Къ процессу между Сапѣгами, Тяпинскими, Скиндерами и др. лицами.	1634—1636
22	34	Къ процессу между Сапѣгами и Лукомскими, а также и съ іезуитами. .	1632—1634 1729—1742
23	23	Тоже	1634—1642
24	8	Тоже	1634—1643
25	25	Документы, касающіяся им. Крывино, Зембино и др.	1675—1677
26	31	Къ им. Почаевичи и переходу сего имѣнія отъ кн. Лукомскихъ. . . .	1520—1622
27	78	Самые разные по содержанію документы, частію относительно Почаевичъ, частію письма З. Саковичу Паца, Радзивилла и др. лицъ и др. докум. .	1634—1635 1659—1661 XVII—XVIII в.в.
28	18	Къ процессу о Почаевичахъ . . .	XVIII в.
29	19	Рудносельскій процессъ (іезуит. съ уніат. свящ. о фундушѣ)	XVII в.
30	20	Къ процессу между Сапѣгами и Лукомскими.	1634—1642
31	16	Тоже	1625—1637
32	20	Къ фундаціи Львомъ Сапѣгой факультета юриспруденціи при виленской іезуитской коллегіи (им. Почаевичи)	1651—1690
33	ок. 100	Квитанціи вил. іез. коллегіума въ полученіи денегъ съ Почаевичъ. . .	1644—1685
34	14	Письма В. Сапѣги, кас. Почаевичскаго фундуша.	1644—1651
35	15	Къ пріобрѣтенію лемелы іезуитами.	1686—1690
36	2	Копія раздѣла имѣній кн. Самуила Лукомскаго между сыновьями, сов. 15 ноября 1665 г. и явл. 11 декабря 1665 г. въ канц. главн. лит. трибунала и б) данныя о броварѣ въ м. Лукомлѣ	1665, 168

№№ связокъ по порядку.	Общее число докум. въ связкѣ.	Общее содержаніе документовъ.	Приблизительная датировка.
37	5	Инвент. им. Nieżycl 1639 и 1641 г г.; запись (копія) жены Іоанна Сапѣги Анны урожд. Ходкевичъ, явл. 4 іюня 1622 г. въ Слоним. зем. судѣ и докум. относящіеся къ Почаевичамъ . . .	1622—1712
38	до50	Различныя бумаги изъ временъ владѣнія іезуитами им. Почаевичами. .	1695—1781
39	14	Къ м. Лукомлѣ, Слободкѣ, Долницѣ и др. им. Сапѣги и іезуитовъ . . .	1631—1680
40	20	Къ процессу между Почаевичскими іезуитами и Сапѣгами	1675—1690
41	18	Къ процессу между тѣми же лицами и Лявданскими.	1662—1732
42	16	Къ процассу почаевичскихъ іезуитовъ съ глембочскими Кармелитами босыми	1672—1678
43	15	Къ процессу почаевичскихъ іезуитовъ съ Марціаномъ и сыномъ его Евфиміемъ Хрептовичами	1738—1758
44	20	Къ процессу тѣхъ же іезуитовъ съ разными лицами	1730—1750
45	9	Тоже	1729—1735
46	1	Разграниченіе между Почаевичами и Чатничскимъ графствомъ	1743—1757
47	9	Къ процессу іезуитовъ касательно юрисдиви въ м. Лукомлѣ.	1771—1773
48	3	Докум. на плацъ и каменный домъ въ г. Вильнѣ, купленный Цѣхановецкими	1661
49	15	Къ процессу Почаевичскихъ іезуитовъ съ различными лицами	1741—1770
50	12	Къ процессу гр. Хрептовичей съ Костровецкими объ обѣдахъ Холопеничскихъ крестьянъ.	1778—1779
52—53	31	Къ процессу почаевичскихъ іезуитовъ съ Саковичами о бѣглыхъ крестьянахъ.	1726—1745

№№ связокъ по порядку.	Общее число докум. въ связкѣ.	Общее содержаніе документовъ.	Приблизительная датировка.
54	ок. 10	Къ процессу тѣхъ же съ разными лицами.	1726—1771
55—56	14	Инвентари им. Почаевичъ (1632, 1630, 1642, 1653, 1665, 1675 и др. г.г.), Гришковщизны (1649 г.) и др. им. .	XVII в.
57	—	Разныя квитанціи.	XVIII в.
58	3	Инвентари им. Зембина 1782 и др. л.	XVIII в.
59	ок. 15	Рядъ королевскихъ охранныхъ листовъ іезуитамъ на им. Почаевичи . .	XVII и XVIII в.в.
60	6	Описи и др. данныя кас. им. Почаевичъ	1672—1736
61	10	Къ процессу Сапѣговъ съ разными лицами о Почаевичахъ. . . , . .	1631—1647
62	до10	Къ Рудносельскому дѣлу	1624—1671
63	18	Къ процессу Почаевич. іезуитовъ съ разными лицами.	1727—1770
64—66	30	Къ тому же дѣлу.	XVIII в.
67	30	Тоже	1701—1771
68	10	Тоже	—
69	50	Частныя письма къ исторіи Почаевичъ	1637—1764
70	49	Частныя письма къ исторіи имѣнія Почаевичъ	1637—1764
71	1	Сборъ подымнаго и топового съ им. Почаевичъ	XVIII в.
72	9	Документы къ им. Почаевичи . .	XVIII в.
		Кромѣ сего вмѣстѣ съ означенными связками найдено три связки документовъ (до 100), относящихся къ им. Холопеничи и до десяти связокъ разрозненныхъ документовъ изъ fasciculus'овъ №№ 1—72, но общимъ числомъ не менѣе 125—150.	

Дм. Довгялло.

Замѣтки, извѣстія и матеріалы.

Денисовскій архивъ, принадлежащій Н. А. Егорову (г. Таганрогъ).

I. Рескрипты, грамоты, патенты и письма Высочайшихъ Особъ.

1. Патентъ Войска Донскаго полковнику Карпу Денисову на чинъ отъ арміи премієръ-маіора. 19 мая 1775 г.

Подписи императрицы Екатерины и Потемкина.

2. Патентъ Войска Донскаго походному эсаулу Адріану Денисову на чинъ поручика арміи 16 мая 1780 г.

3. Рескриптъ, за подписью императрицы Екатерины отъ 31 Марта 1792 г., А. К. Денисову на орденъ св. Георгія 4 ст.

Кромѣ того подпись князя Николая Рѣпнина.

4. Рескриптъ, за подписью императрицы Екатерины II и Ивана Шувалова, отъ 28 іюня 1792 г. А. К. Денисову на орденъ св. Владиміра 4 ст.

5. Высочайшая грамота на дворянское достоинство, данная 25 марта 1799 г., за подписаніемъ Государя Императора Павла, Войска Донскаго арміи полковнику Карпу Денисову.

6. Рескриптъ, на орденъ св. Анны 2 класса, данный Адріану Карповичу Денисову отъ 14 мая 1799 года.

Подпись императора Павла.

7. Рескриптъ, за подписью императора Павла отъ 24 Мая 1799 года, генералъ-маіору Денисову 2 (Карпу Петровичу) на орденъ св. Анны 1 ст.

8. Рескриптъ, за подписаніемъ Великаго Магистра, императора Павла отъ 6 іюня 1799 г., А. К. Денисову на Командорскій крестъ Іоанна Іерусалимскаго съ командорствомъ по тысячѣ рублей ежегоднаго дохода.

Напечатанъ въ № 6 Русск. Ст. за 1894 г.

9. Рескриптъ, за подписью императора Павла отъ 18 Сентября 1799 г. генералъ-маіору Денисову 5, на орденъ св. Анны 2 класса, алмазами украшеннаго.

Напечатанъ въ № 6 Русск. Ст. за 1894 г. Настоящій рескриптъ касается Адріана Карповича Денисова, почему-то названнаго здѣсь 5-мъ, а не 6-мъ.

10. Рескриптъ, за подписью императора Павла, А. К. Денисову отъ 29 октября 1799 г. на орденъ св. Анны 1 ст.

11. Высочайшее повелѣніе, за подписью императора Павла, отъ 26 октября 1800 г., штабъ-ротмистру Егорову 2 (Ивану Афонасьевичу) слѣдовать съ командою прямѣйшимъ трактомъ въ Петербургъ (изъ Гатчины).

12. Патентъ, Войска Донскаго, отъ арміи полковнику Адріану Денисову на чинъ генералъ-маіора. 2 октября 1802 г.

Подпись Императора Александра.

13. Рескриптъ, за подписью прусскаго короля Фридриха-Вильгельма отъ 15 іюля 1807 г. (на нѣмецкомъ языкѣ) генералъ-маіору Денисову 6, на орденъ Краснаго Орла.

Напечатанъ въ № 6 Русск. Ст. за 1894 годъ.

14. Высочайшій рескриптъ генералъ-маіору Денисову 6 (Адріану Карповичу) на орденъ св. Владиміра 3 ст. отъ 1 Декабря 1807 г., за подписью императора Александра.

15. Рескриптъ, за подписью императора Александра и военнаго министра Аракчеева отъ 20 Мая 1808 г., на золотую саблю, украшенную алмазами.

Напечатанъ въ № 6 Русск. Ст. за 1894 г.

16. Рескриптъ, за подписью императора Александра и Военнаго Министра Барклай-де Толли, отъ 20 января 1810 г. генералъ-маіору Денисову 6, съ объявленіемъ ему Высочайшаго благоволенія.

17. Рескриптъ, за подписью императора Александра отъ 31 Марта 1810 г., А. К. Денисову на орденъ св. Анны 1 ст., алмазами украшеннаго.

Напечатанъ въ № 6 Русск. Ст. за 1894 г.

18. Высочайшій рескриптъ отъ 24 Августа 1812 г., данный на имя наказнаго атамана генералъ-маіора Денисова, съ объявленіемъ Высочайшаго благоволенія Войску Донскому.

Подписи Императора Александра и Управляющаго военнымъ министерствомъ князя Горчакова 1.

19. Рескриптъ, за подписью императора Александра отъ 2 Ноября 1812 г., А. К. Денисову, на орденъ св. Владиміра 2 ст.

20. Грамота 1817 г. Орловскаго губернскаго предводителя дворянства и уѣздныхъ дворянскихъ депутатовъ

полковнику И. А. Егорову, о внесеніи его въ родословную книгу Орловской губерніи.

21. Патентъ, генералъ-маіору Адріану Денисову, на чинъ генералъ-лейтенанта. 18 октября 1817.

Подписи императора Александра и начальника главнаго штаба князя Волконскаго.

22. Письмо Императрицы Елизаветы Алексѣевны отъ $8/_{20}$ Октября 1818 г., къ А. К. Денисову.

Напечатано въ № 6 Русск. Ст. за 1894 годъ.

23, 24. Два письма императрицы Маріи Θеодоровны отъ 24 января 1819 и 21 января 1820 г. къ А. К. Денисову.

Напечатаны въ № 6 Русск. Ст. за 1894 г.

25, 26. Два рескрипта, за подписью императора Александра отъ 7 февраля 1819 и 23 Января 1820 г. А. К. Денисову по должности войсковаго атамана.

Второй изъ нихъ напечатанъ въ № 6 Русск. Ст. за 1894 г.

27—30. Четыре копіи съ Высочайшихъ рескриптовъ отъ 10 Марта, 3-го Мая и 10 Декабря 1819 и 28 Апрѣля 1820 г., данныхъ на имя войсковаго атамана генералъ-лейтенанта Денисова 6.

Всѣ они напечатаны въ № 6 Русск. Ст. 1894 г.

31—35. Пять писемъ Цесаревича Константина Павловича къ А. К. Денисову отъ 25 Октября 1818; 1 Февраля 1819; 13 Февраля 1820, 7 Февраля 1826 и 8 Февраля 1827 г.

Первое и третье напечатаны въ № 6 Русск. Ст. за 1894 г.

36. Рескриптъ, за подписью императора Александра отъ 23 Января 1820 г., А. К. Денисову съ изъявленіемъ особой признательности ему и всему войску Донскому.

Напечатанъ въ № 6 Русск. Ст. за 1894 годъ.

37. Рескриптъ, за подписью императора Александра отъ 27 Января 1821 г., А. К. Денисову, коимъ онъ уволенъ отъ должности войсковаго атамана.

Напечатанъ въ № 6 Русск. Ст. за 1894 годъ.

II. Аттестаты, указы, приказы и т. п.

38—47. Десять аттестатовъ 1778—1795 гг. данныхъ Адріану Карповичу Денисову. Подписи: Суворова, Румянцева, Потемкина и др. Одинъ изъ этихъ аттестатовъ данный А. В. Суворовымъ отъ 11 Февраля 1791 г. былъ напечатанъ въ № 6 Русск. Ст. 1894 г.

48. Указъ 1779 г. за подписью генералъ-аншефа Потемкина о произволствѣ сына Войска Донскаго войсковаго старшины и арміи преміеръ-маіора Карпа Денисова—Адріана Денисова въ походные эсаулы.

49. Указъ 1784 г., за подписью генералъ-фельдмаршала Потемкина о производствѣ Войска Донскаго походнаго эсаула и арміи поручика Адріана Денисова въ войсковые старшины.

50. Ордеръ отъ 26 Мая 1788 г. на имя полковника Денисова о принятіи имъ въ свое командованіе казачьяго полка преміеръ-маіора Иловайскаго.

51. Удостовѣреніе генералъ-поручика Денисова 1 о количествѣ убитыхъ и раненыхъ лошадей въ полку Адріана Денисова. 31 Мая 1794 года.

52. Подобное же удостовѣреніе генералъ-маіора Тормасова отъ 18 Декабря 1794 г.

53. Копія съ указа 1799 г. государственной военной коллегіи о производствѣ полковника Денисова 2, въ генералъ-маіоры.

54. Приказъ войсковаго атамана Платова данный въ 1806 г. наказному атаману Денисову 6, относительно раздачи войсковыхъ земель.

55. Приказъ войсковаго атамана Платова данный въ 1806 г. наказному атаману Денисову 6, относительно лицъ занимающихся разглашеніемъ пустословія.

56. Порученія, данные войсковымъ атаманомъ Платовымъ наказному атаману Денисову 6, при отъѣздѣ перваго въ армію въ 1806 году.

57. Предложеніе войсковаго атамана Платова отъ 25 Ноября 1806 г., генералъ-маіору Денисову 6, вступить въ исполненіе обязанностей наказнаго атамана.

58. Отношеніе управляющаго военнымъ министерствомъ князя Горчакова къ А. К. Денисову по поводу Высочайшаго рескрипта отъ 24 Августа 1812 г. съ объявленіемъ Высочайшаго благоволенія войску Донскому. 31 Августа 1812 г.

Напечатано въ № 6 Русск. Ст. за 1894 годъ.

59. Отношеніе управляющаго военнымъ министерствомъ князя Горчакова къ А. К. Денисову по поводу пожалованія Денисову ордена св. Владиміра 2 ст. 6 Ноября 1812 года.

Напечатано въ № 6 Русск. Ст. за 1894 годъ.

60. Отношеніе инспекторскаго департамента главнаго штаба 1817 г. на имя генералъ-лейтенанта Денисова.

61. Послужной списокъ о службѣ Войска Донскаго генералъ-лейтенанта Денисова 6-го, за 1817 годъ.

62. Паспортъ 1825 г. генералъ-маіора Денисова 2.

III. Письма разныхъ лицъ къ А. К. Денисову и черновики писемъ А. К. Денисова.

63. Письмо князя Петра Волконскаго отъ 17 Мая 1813 года.

Напечатано въ № 6 Русск. Ст. за 1894 г.

64, 65. Два письма графа Аракчеева отъ 31 Мая 1820 года и 29 Марта 1821 г.

Напечатаны въ № 6 Русск. Ст. за 1894 годъ.

66, 67. Два письма князя Лобанова-Ростовскаго отъ 14 Декабря 1820 г. и 9 Февраля 1826 г.

Напечатаны въ № 6 Русск. Ст. за 1894 годъ.

68, 70. Три письма войсковаго атамана Иловайскаго отъ 2 и 6 Марта 1821 г. и 2 Мая 1821 г.

71. Письмо Василія Сысоева отъ 1822 г.

72. Письмо Алексѣя Потапова отъ 3 Марта 1827 года.

Напечатано въ № 6 Русск. Ст. за 1894 года.

73—95. Двадцать три черновыхъ письма А. К. Денисова разныхъ годовъ къ Государю Императору Александру Павловичу, Цесаревичу Константину Павловичу, И. И. Дибичу, графу А. А. Аракчееву, атаману А. В. Иловайскому, графу М. И. Платову, князю Кутузову, Барклай-де-Толли, князю Горчакову, графу Ю. П. Литтке, князю Лобанову-Ростовскому и князю Петру Волконскому.

Одно изъ нихъ къ графу Аракчееву (подлинное возвращенное Аракчеевымъ обратно) было напечатано въ № 6 Рус. Ст. 1894 года.

IV. Бумаги разнаго содержанія:

96. Черновикъ прошенія на Высочайшее имя подполковника Адріана Карповича Денисова о производствѣ его въ полковники. 1796 года.

97. Черновикъ письма генералъ-маіора Карпа Петровича Денисова Государю Императору. 27 Іюня 1799 г.

98. Росписка отъ 13 Сентября 1800 г. генералъ-маіора Денисова 5-го, въ полученіи отъ генералъ-маіора Денисова 2-го, пяти Высочайшихъ рескриптовъ для передачи сыну послѣдняго генералъ-маіору Денисову 6.

99. Росписка 19 Декабря 1800 г. о полученіи съ генералъ-маіора Денисова въ кассу капитула орденовъ 100 руб. за орденъ св. Анны 1 класса.

100. Рапортъ черкасской губернской пограничной портовой почтовой конторы наказному атаману генералъ-маіору Адріану Карповичу Денисову отъ 23 Марта 1806 года.

101. Дѣло 1806 года о перебранныхъ генералъ-маіоромъ Денисовымъ 6, деньгахъ по должности наказнаго атамана.

102. Черновикъ прошенія генералъ-маіора Адріана Денисова въ войсковую канцелярію. 5 Сентября 1807 года.

103. Росписка Московскаго Опекунскаго Совѣта 4 Іюня 1808 года.

104. Письмо Ивана Бобрикова къ графу Платову съ жалобой на притѣсненія его наказнымъ атаманомъ А. К. Денисовымъ 1815 г.

105. Черновикъ рапорта генералъ-лейтенанта Денисова 6-го, войсковому атаману графу Платову. 17 Мая 1817 года.

106. Два отношенія войсковой канцеляріи къ генералъ-лейтенанту Денисову 6, отъ 31 Марта и 20 Апрѣля 1821 года и черновикъ отвѣта послѣдняго.

107. Дѣло 1825 г. о претензіи Войска Донского на 276 тысячъ рублей, которые разыскиваются.

108. Росписка 1819 г. данная войсковымъ дворянскимъ депутатомъ (предвод. дворянства) Карповымъ 2, войсковому атаману Денисову 6, въ полученіи 454 рублей на постройку дворянскаго дома въ Новочеркасскѣ.

109. Отношеніе капитула орденовъ отъ 30 Января 1825 г. къ отставному генералъ-лейтенанту А. К. Денисову объ ассигнованіи ему пенсіи по ордену Св. Анны 1 ст.

110. Документы, касающіеся дѣла по обвиненію должностныхъ лицъ управленія Войска Донскаго въ злоупотребленіяхъ по введенію откупа въ области Войска Донскаго.

V. Купчія, закладныя и документы, касающіеся земельныхъ владѣній.

111—118. Восемь купчихъ крѣпостей разныхъ годовъ (1775—1804) на крѣпостныхъ людей.

119. Закладное письмо 1800 г. войсковаго старшины Афанасія Егоровича Егорова, данное имъ на имя генералъ-маіора Карпа Петровича Денисова.

120. Закладная 1801 г. на имѣніе Михаила Сергѣевича Дмитріева-Мамонова, данная на имя Московскаго Опекунскаго Совѣта.

121. Дополнительное, при раздѣленіи имѣнія, положеніе 1802 г.

(Обязательство данное Адріаномъ Карповичемъ и Логгиномъ Карповичемъ Денисовыми своему отцу).

122. Копія 1805 г. съ мироваго прошенія генералъ-маіора Денисова 8-го и войскового старшины Агеева 2-го, поданное въ Усть-Медвѣдицкое сыскное начальство въ 1804 году (по вопросу о владѣніи землею).

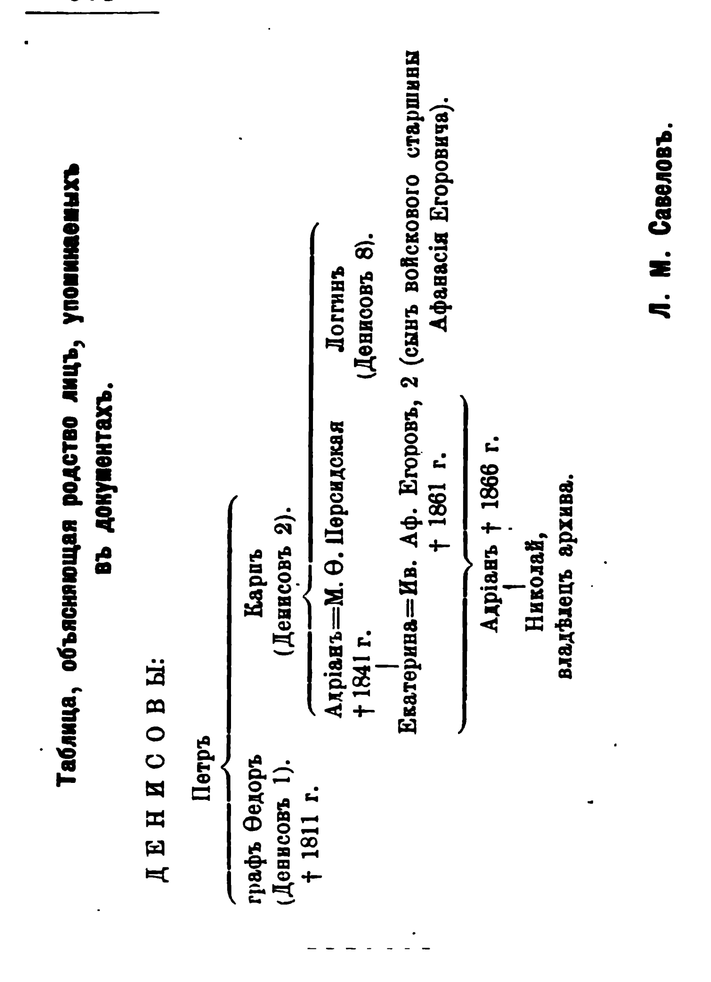
123. Прошеніе 1811 г. генералъ-маіора Логгина Карповича Денисова и полковницы Екатерины Адріановны Егоровой о раздѣленіи между ними крестьянъ, доставшихся имъ отъ Карпа Петровича Денисова, съ приложеніемъ списка этихъ крестьянъ.

124. Запродажная 1811 г. на крестьянина, совершенная между А. К. Денисовымъ и его женою Маріею Ѳеодоровною урожд. Персидской.

125. Копія 1823 г. съ опредѣленія Донской войсковой канцеляріи 1805 г. о дачѣ земли генералъ-маіору Денисову 6-му.

126. Копія 1823 г. съ опредѣленія Донской войсковой канцеляріи 1807 года по тому-же вопросу.

Л. М. Савеловъ.

Таблица, объясняющая родство лицъ, упоминаемыхъ въ документахъ.

ДЕНИСОВЫ:

Петръ
- графъ Федоръ (Денисовъ 1). † 1811 г.
- Карпъ (Денисовъ 2).
  - Адріанъ=М. Ө. Персидская † 1841 г.
    - Екатерина=Ив. Аф. Егоровъ, 2 (сынъ войскового старшины Афанасія Егоровича). † 1861 г.
      - Адріанъ † 1866 г.
        - Николай, владѣлецъ архива.
- Логгинъ (Денисовъ 8).

Л. М. Савеловъ.

Опись Сійскаго монастыря 1598 г. и лѣтописныя замѣтки.

Такъ названъ въ Описи книгохранилищъ Сѣверной Россіи интересующій насъ сборникъ; этимъ заглавіемъ совершенно не исчерпывается его содержанія: лѣтописныя замѣтки занимаютъ въ немъ очень незначительное мѣсто; по количеству листовъ второе послѣ описи монастыря, а по значенію, мнѣ кажется, первое принадлежитъ тому, чего не указалъ авторъ Описанія, именно: смѣтамъ расходовъ по постройкѣ церквей и выпискамъ изъ приходо-расходныхъ книгъ. Лѣтописныя замѣтки присоединены совершенно случайно къ основному содержанію. Ни хронологической послѣдовательности, ни стремленія сообщить все, что извѣстно автору изъ слуховъ или изъ подробныхъ лѣтописцовъ о жизни монастыря, незамѣтно. Авторъ начинаетъ съ краткаго сообщенія о пожарѣ 1593 г., затѣмъ переходитъ къ описному списку 1598 г., сообщаетъ смѣту, составленную въ 1608 г., за нею отмѣчаетъ, что въ 1663 г. написанъ образъ Вас. Кондаковымъ, и послѣ этого краткаго извѣстія переходитъ къ другой смѣтѣ 1644 г., послѣ же разсказываетъ о постройкѣ св. воротъ 1664 г., и написаніи надъ ними деисуса въ 1678 г., упоминаетъ о совершившемся въ тотъ же годъ перенесеніи мощей; затѣмъ возвращается къ 1664 г., чтобы разсказать объ устройствѣ рѣшетки къ гробницѣ Антонія Сійскаго; послѣ этого опять возобновляетъ хронологическій порядокъ, разсказывая о чудѣ 1679 г., чтобы снова нарушить его разсказомъ о

пожарѣ 1658 г. и послѣдовавшихъ вслѣдствіе него пожертвованіяхъ, поправкахъ, новыхъ постройкахъ и новыхъ расходахъ до 1662 г., заключаетъ этотъ отдѣлъ мѣрою церквей и переходитъ къ ряду лѣтописныхъ извѣстій, стараясь однохарактерныя соединить въ одно мѣсто: вслѣдъ за извѣстіемъ о пожарѣ вологодскаго подворья идетъ рядъ некрологовъ монастырскихъ благотворителей съ 1668 по 1694 г.; послѣдній о смерти игумена Ѳеодосія 1688 г. и затѣмъ рядъ связанныхъ съ нимъ событій: назначеніе новаго игумена, и замѣна его архимандритомъ „и съ такова числа почалось въ Сійскомъ м. архимандритство“; это было въ 1692 г. Черезъ страницу авторъ сообщаетъ о числѣ братіи и міряпъ въ монастырѣ отъ 1658 до 1660 г.; затѣмъ идутъ записи о явленіяхъ природы: наводненіе 1675 г., явленіе кометы 1681, по связи съ послѣднимъ помѣщенъ списокъ съ письма священника Новой Ерги Кирилловскому игумену о появленіи кометы 1663 г.—Сборникъ кончается записями о двухъ монахахъ — замѣчательныхъ людяхъ монастыря. Автору извѣстна судьба лицъ, жизни которыхъ онъ касается: разсказывая объ Илларіонѣ, онъ говоритъ: „184 г. взятъ изъ Сійскаго мон. келарь старецъ Илларіонъ въ Соловецкій мон. въ келари-жъ; послѣ Соловецкаго былъ архимандритомъ въ Ярославскомъ Спасскомъ мон., а изъ Спасскаго учиненъ во Псковѣ митрополитомъ“. Въ порядкѣ записи послѣднимъ записано событіе 1685 г. (устройство кельи Паисіемъ); хронологически-же послѣднее событіе относится къ 1694 г. (смерть царицы Натальи Кирилловны), отмѣченное авторомъ далеко до конца своего сборника.—Итакъ, нашъ сборникъ не составлялся постепенно; по мѣрѣ наступленія событій, они не вносились въ него, а внесены были послѣ отчасти, можетъ быть, по памяти, отчасти, навѣрное, по современнымъ записямъ—въ порядкѣ, какой нашелъ нужнымъ дать этимъ записямъ авторъ. Что регистрированіе событій не было главною цѣлью составителя, видно изъ того, что многія очень важныя событія совершенно пропущены: записка упоминаетъ о постройкѣ рѣшетки около гроба Антонія, подробно приводитъ описи и смѣты, и ни словомъ не обмолвится ни объ основаніи монастыря, ни о смерти основателя, ссылкѣ въ монастырь Ѳед. Никитича Романова 1599—1605, посѣщеніи монастыря Никономъ 1653 г., и, что очень замѣчательно, въ ней только одно извѣстіе о смерти стараго игумена и назначеніи новаго, и приводится оно только потому, что съ нимъ было связано введеніе архимандритства. Присмотрѣвшись внимательно къ системѣ изложенія, можно замѣтить, что автора главнымъ образомъ интересуютъ событія, имѣющія прямое или косвенное отношеніе къ монастырскому хозяйству. Отмѣчу еще одну довольно любопытную черту: арх. Макарій въ своей исторіи Сійскаго монастыря приводитъ сказаніе о пожарѣ 1658 г. и о чудѣ, имѣвшемъ мѣсто во время этого пожара; о томъ и другомъ разсказываетъ и нашъ сборникъ; но тогда какъ сказаніе написано витіевато и расчитано исключительно на эффектъ отъ чуда и на немъ

поэтому сосредоточиваетъ все вниманіе читателя, указывая и на заботы Господа о монастырѣ и на заслуги его основателя, нашъ памятникъ обращаетъ гораздо больше вниманія на хозяйственный ущербъ и далеко не столько восторгается самимъ чудомъ; нѣкоторыя общія выраженія въ сказаніи и въ сборникѣ заставляютъ предполагать общность источника.

При разсказѣ объ этомъ событіи авторъ измѣняетъ своему обычному объективизму и выдаетъ себя: „понеже бывшу ми тоеже обители постриженнику по 23 лѣтъ", далѣе онъ какъ будто упрекаетъ себя, какъ виновника пожара, если не непосредственнаго, то все таки допустившаго „праведный Божій гнѣвъ": „понеже инако судитися старцу, инако ученику, мнѣ же настоятелю преже сего не за многое время попусти Богъ за грѣхъ мой не мало время". Такъ что авторомъ сборника былъ, вѣроятно, игуменъ монастыря Калинкинъ, при которомъ и былъ этотъ пожаръ [1]). Если мы приведемъ въ хронологическій порядокъ разбросанныя лѣтописныя извѣстія, то убѣдимся, что пожаръ 1658 г. и былъ первымъ по времени событіемъ изъ всѣхъ, занесенныхъ въ сборникъ (исключая первый пожаръ 1593 г.). Отсюда до 1694 г. сообщается о всемъ, что случилось въ монастырѣ; за это время нашъ лѣтописецъ не менѣе подробенъ, чѣмъ тотъ, какимъ пользовался архіеп. Макарій. Такъ что время составленія сборника должно быть отнесено или къ послѣднему сроку этого періода, т. е. къ 1694 г., или послѣ 1694 г., но вѣроятно не позднѣе 1696 года, когда былъ погребенъ монахъ Паисій въ Сійскомъ мон., судьбою котораго такъ занятъ нашъ авторъ.

Первое мѣсто по количеству листовъ рукописи занимаетъ опись 1598 г., точнѣе отписной списокъ, подобный тѣмъ отводнымъ книгамъ, какія составлялись при передачѣ имущества отъ одного приказчика другому. Сходство съ обыкновеннымъ отводомъ усиливается еще отъ того, что и въ разбираемомъ нами случаѣ, какъ при отводахъ, передача монастырскаго имущества совершается не непосредственно старымъ игуменомъ новому, а по государевой грамотѣ Климомъ Яковлевымъ Березниковымъ: „отписался Живоначальныя Троицы Антоніева монастыря у игумена Питирима за игумена Іону и за соборныхъ старцевъ". Отводъ въ такой формѣ имѣлъ мѣсто при назначеніи каждаго новаго игумена [2]); но отписной списокъ, вѣроятно, составлялся только въ томъ случаѣ, если монастырское хозяйство въ періодъ управленія предшествующимъ настоятелемъ потерпѣло какія нибудь существенныя измѣненія. Составленная такимъ образомъ опись имѣетъ свою узкую спеціальную цѣль— чисто-хозяйственную; хотя здѣсь дѣло идетъ объ иконахъ, церковныхъ сосудахъ, облаченіяхъ, книгахъ и оч. немного о денежной казнѣ; но дѣло въ томъ, что перечень разсматриваетъ описываемые предметы съ точки зрѣнія ихъ цѣны. Каждой иконѣ, какъ и каждой другой вещи посвящено ровно столько вниманія, сколько заслуживаетъ ея хозяйственная цѣнность: обыкновенно вслѣдъ за названіемъ образа указывается: писанъ на золотѣ, на празелени, на доскѣ; а такъ какъ большинство образовъ имѣетъ оклады, то сообщается матеріалъ, изъ какого они сдѣланы; вотъ наиточнѣйшее описаніе: „образъ Николы Чудотворца поясной на золотѣ, въ дѣяньи, семи пядей", или: „образъ Спаса Вседержителя обложенъ серебромъ басменнымъ". Большее количество украшеній заставляетъ опись останавливаться подробнѣе: „образъ Николы чудотворца поясной, обложенъ серебромъ, а вѣнецъ сканной золоченъ, а въ вѣнцѣ двѣ жемчужины да червецъ да два фетиса".—При описаніи образа Пречистые Умиленіе замѣчено: „письмо древнее"; про другую икону того же содержанія говорится: „образъ Пречистыя Умиленія обложенъ серебромъ басменнымъ, былъ испорченъ, на той же доскѣ написанъ образъ Пречистыя Богородицы". При описаніи образовъ указаны и ихъ авторы: Өедоръ Чудовскій, кисти котораго принадлежатъ 3 иконы: Спасъ Вседержитель, относительно котораго замѣчено: „стоячій, съ греческаго переводу, одиннадцать пядей, на празелени, письмо Өедора Чудовскаго да Михеево; ему же принадлежитъ деисусъ и образъ Богородицы; образъ Воскресенія написанъ Симеономъ Устюжскимъ, деисусъ—Постникомъ Деребинымъ, Богородица — Еуфимьевымъ, Разбойникъ — Оксентьемъ Псковитиномъ. — Вотъ и всѣ замѣтки, идущія дальше простой хозяйственной описи. Уже вскорѣ послѣ составленія ея въ 60—70-хъ годахъ XVII в. иконопись реставрировалась и писались новые образа; въ числѣ мастеровъ попадаются тѣ же имена, что перечислены въ Сійскомъ иконописномъ подлинникѣ: Василій Кондаковъ Усолецъ, Василій Мамонтовъ Опстанікъ [1]), первому принадлежитъ деисусъ и Антоній Сійскій, второй вмѣстѣ со своимъ ученикомъ Матфеемъ Михайловымъ Елчаниномъ„ старые образы понавливали и вновь писали". Ни имя этого елчанина, ни имя другого иконописца—старца Герасима—ярославца не удостоились попасть въ иконописный подлинникъ.

Болѣе подробно описаны облаченія, сосуды и другіе предметы церковнаго обихода; напр., ковчежецъ описанъ такъ: „ковчежецъ древянъ, обложенъ ново серебромъ басменнымъ золоченымъ, колечко серебряно бѣло, поволоченъ камкою двоеличною, внутри вычеканенъ на сереброѣ царь Константинъ и мати его Елена, а на покрышкѣ священномученикъ Климентъ золоченъ, а въ немъ: животворящее древо и мощи священно-мученика Климента, да икона четверо-угольна невеличка: на камени красномъ рѣзано распятіе Господне и святые, обло-

1) Макарій. Истор. свѣд. объ Антоніево-Сійскомъ мон. 100.

2) Такой же отписной списокъ приведенъ еп. Макаріемъ: „посему отписному списку Троицкаго строителя Кирилла священники и съ братіею сочли. Акимъ Ивановъ с. Трусовъ съ товарищи по государя и в. к. грамотѣ по присланной и казну взяли всю сполна .у строителя Кирилла да отдали игумену Геласію съ братіею въ казну". Макарій: „Историч. свѣд. объ Антоніевомъ Сійскомъ мон.", 14.

1) Покровскій. „Сійскій иконописный подлинникъ".

жена серебромъ, рѣзаны травы золочены, а на ней въ главѣ шесть вставокъ жемчужныхъ, а три мѣста порожнихъ, да икона невеличка: на камени на манитѣ рѣзаны святые, обложена серебромъ сканью, а на ней 6 вставокъ плохихъ"....

По характеру опись книгохранилища ничѣмъ не отличается отъ описи иконъ: тотъ же сжатый перечень заглавій и болѣе подробное описаніе придатковъ въ данномъ случаѣ переплетовъ: обложена бѣлою или красной кожей, изрѣдка сафьяномъ, еще рѣже зеленымъ или чернымъ бархатомъ; на нѣкоторыхъ книгахъ мѣдные наугольники и застежки; когда и текстъ представляетъ большую цѣнность чѣмъ обычная переписка, то опись открываетъ кожаный переплетъ и констатируетъ: „строка начальная писана золотомъ или красками", но такъ какъ большинство книгъ не имѣетъ ни золотыхъ заглавныхъ строкъ, ни даже простыхъ кожаныхъ переплетовъ, то вся опись ихъ ограничивается такими замѣчаніями: „зерцало въ полдесть, бытіе въ полдесть, книжка Василій Новой въ четверть".

Любопытно сравнить нашу опись съ описью, приводимою епископомъ Макаріемъ; послѣдняя относится къ 1556 г., наша къ 1598. Сорокъ лѣтъ не прошли даромъ для монастырской библіотеки: ея богатство съ 62 книгъ увеличилось на 142. Первое мѣсто по количеству занимаютъ, конечно, богослужебныя книги и затѣмъ книги Св. Писанія; евангелія и псалтири находятся полностію или частями; нерѣдко отдѣльныя части поступали отъ разныхъ лицъ: царь Иванъ пожертвовалъ „евангеліе толковое отъ Луки—одинъ Евангелистъ". Творенія отцовъ и учителей церкви представлены: Василіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ, Діонисіемъ Ареопагитомъ, Ефремомъ и Исаакомъ Сириными, Иваномъ Лѣствичникомъ, Василіемъ Новымъ, Өедоромъ Ефесскимъ, Григоріемъ Амиритскимъ, Григоріемъ Синаидскимъ, Стефаномъ Новымъ Исповѣдникомъ, Іоанномъ Дамаскинымъ; названъ только трудъ послѣдняго „Небеса". Василій Великій, Ефремъ Сиринъ и Иванъ Лѣствичникъ пользовались, повидимому, особымъ почетомъ, такъ какъ ихъ по 2—3 книги, тогда какъ остальныхъ ни одной.

2 сборника отрывковъ изъ отеческихъ сочиненій: Шестодневъ и 2 кн. Маргаритъ. Затѣмъ идутъ три патерика, рядъ прологовъ, миней и съ 10 житій 6-ти святыхъ, кажется, изъ нихъ только трехъ русскихъ: соловецкихъ чудотворцевъ и Антонія Сійскаго; нѣсколько сборниковъ правилъ, наставленій и примѣровъ, какъ: „книжка отъ старчества", сборники повѣстей и притчей такого-же назидательнаго характера.—„Зерцало"; историческія книжки представлены лѣтописцемъ; есть сборники съ апокрифическими сказаніями: бытіе, въ описи Макарія названною бытейною; 2 сборника образцовыхъ словъ: торжественникъ и слова на Покровъ Богородицы и два отдѣльныхъ слова: о постѣ и поклонахъ; наконецъ, если упомянуть еще книжку Нила Сирскаго: „уставъ о жительствѣ скитскомъ", то можно считать исчерпаннымъ весь духовный багажъ братіи Сійскаго м. въ XVII в.—По содержанію книги 1598 г.—преимущественно или повтореніе или дополненіе старыхъ 1556 г.; совершенно новыми были: нѣсколько сборниковъ — „книжка отъ старчества" и сборникъ словъ;—2 отдѣльныхъ слова и уставъ Нила Сирскаго [1].—

Большинство книгъ писанныя; изъ 145—9 печатныхъ: библія, тріоди, псалтирь и часовникъ, изъ нихъ 6 московской и 3 литовской печати.—Книги, какъ и иконы, нерѣдко поступали въ качествѣ вкладовъ отъ царя, епископовъ, наиболѣе образованныхъ монаховъ, иногда самихъ переписчиковъ и рѣже иконописцовъ, иногда отъ простыхъ міряпъ.

Послѣ описи книгъ, законченной подписью книгохранителя, идетъ перечень колоколовъ съ указаніемъ ихъ цѣны и опись монастырской казны, образовъ, рухляди, денегъ и актовъ, хранящихся въ ней.

Надо думать, что указанный отписной списокъ не полная копія съ подлинника: въ немъ нѣтъ ни описи хозяйственнаго инвентаря въ монастырскихъ деревняхъ, ни подписей братіи, при которой состоялась передача монастыря [2]).

Опись денежной казны, находящаяся въ отписномъ спискѣ, стоитъ въ непосредственной связи съ смѣтою 1608 г., въ ней указаны монастырскіе доходы и расходы по устройству Троицкаго храма и поправкамъ монастырскаго строенія послѣ пожара 1593 года. Заслуживаетъ вниманія то, что: a) въ статьяхъ доходовъ значатся одни государевы вклады: милостинныя деньги 900 р. и пожалованія оброка, b) точно также расходы имѣются въ виду исключительно изъ этихъ средствъ; c) наконецъ, изъ всѣхъ затратъ упомянуты только затраты на плотниковъ, каменьщиковъ, кирпичниковъ, кузнецовъ, казаковъ деньгами и запасами; изъ другихъ расходовъ сюда попали только расходы на покупку колокола. Въ заключеніе показанъ остатокъ отъ государевыхъ денегъ. Несомнѣнно, деньги тратились и на матеріалы. Но почему не затраченъ на него остатокъ милостинныхъ денегъ? Получается такое впечатлѣніе, какъ будто государево жалованье имѣло спеціальное назначеніе.

Указанная опись, насколько она касалась постройки Троицкой церкви, вошла въ смѣту 1606 г.; но здѣсь она такъ слита, что нѣтъ возможности отличить затратъ изъ государевыхъ и изъ монастырскихъ денегъ.

Сборникъ даетъ два списка съ довольно общихъ смѣтъ и нѣсколько отрывочныхъ выписокъ изъ приходо-расходныхъ книгъ. Смѣтныя росписи относятся къ постройкѣ двухъ храмовъ: Троицкаго—1589—1606 г. и Благовѣщенскаго—1638—1644 г. Составлены они по приходорасходнымъ монастырскимъ книгамъ послѣ, а не до каж-

[1]) О дальнѣйшей судьбѣ монастырской библіотеки см. у Макарія: 79, 81, 114.

[2]) Ср. опись у Макарія 7—14, (опись относится къ 1556 г.): здѣсь указанъ хозяйственный инвентарь, находящійся въ рукахъ посельскихъ и приказчиковъ, (скотъ, посуда, замки) и количество высѣянныхъ и находящихся въ житницахъ ржи, ячменя и овса.

дой постройки, такъ что представляютъ скорѣе отчеты въ осуществленіи смѣты, чѣмъ предварительныя смѣты. Первая 1588—1606 г.—точная копія съ казенной, какъ это видно и по заглавію ея,— раздѣлена на 2 части: a) нѣкоторые источники на покрытіе расходовъ по постройкѣ церкви—освобожденія монастыря на 7 лѣтъ отъ уплаты казеннаго оброка съ вотчинъ и промысловъ, b) расходы по постройкѣ: сначала на кирпичъ, камень, запасы за каждый годъ отдѣльно, затѣмъ остальныя издержки указаны по статьямъ за всѣ годы сразу: a) болѣе или менѣе ясное указаніе описи на количество денегъ, затраченныхъ на рабочихъ въ первое время постройки, замѣнилось здѣсь довольно неопредѣленнымъ перечнемъ работъ, исполненныхъ главнымъ образомъ монастырскими людьми и крестьянами и еще менѣе опредѣленнымъ общимъ итогомъ затратъ на этихъ рабочихъ: „и того по смѣтѣ положено противъ тѣхъ же книгъ расходу 1365 р. 29 а. $2^1/_2$ д., опроче братскихъ трудовъ“ (т. е. положена та же цифра, какая выведена въ книгахъ на матеріалъ); отдѣльную статью составили расходы на покупку хлѣба въ Вологдѣ, вѣроятно, въ дополненіе къ собственному монастырскому хлѣбу. b) затраты на покупку желѣза, гвоздей, тесу, скалъ. c)—по найму плотниковъ и кузнеца. Послѣ итога указано количество вышедшаго камня и кирпича.—Вторая смѣта 1644 года не разбиваетъ, какъ первая ни по годамъ, ни по отдѣльнымъ статьямъ расходовъ на матеріалъ; отдѣлены только издержки по заготовкѣ кирпича, глины, извести, названныхъ здѣсь харчемъ, сразу отъ всѣхъ мелкихъ расходовъ—на покупку желѣза, гвоздья, тесу и пр.,—суммированныхъ въ одномъ итогѣ. За то эта смѣта опредѣленнѣе, чѣмъ первая, говоритъ о затратахъ на содержаніе и плату рабочимъ, выдѣляя послѣднюю въ самостоятельную статью. Очевидно, переписчикъ отнесся самостоятельнѣе къ подлиннику послѣдней смѣты, но, повидимому, и повредилъ этимъ своей выпискѣ: тогда какъ въ первой расходы выражены въ рубляхъ, алтынахъ, деньгахъ, даже доляхъ послѣднихъ, здѣсь слишкомъ подозрительны круглыя величины ихъ.—Смѣтная роспись, конечно, не можетъ дать конкретныхъ цифръ; но трудность пользованія нашими смѣтами, помимо всѣхъ указанныхъ недостатковъ ихъ, увеличивается еще отъ того, что смѣтные періоды слишкомъ продолжительны: во второй разъ постройка тянулась 6 слишкомъ лѣтъ (1638—1644), а въ первый даже около 18 (1589—1606); такъ что мы здѣсь не найдемъ не только одиночныхъ, но даже общихъ годовыхъ цѣнъ ни на матеріалъ, ни на трудъ; смѣты не указываютъ, далѣе, ни количества рабочихъ, ни числа рабочихъ дней. Все, что онѣ даютъ, это—цѣнность всей постройки, цѣна матеріаловъ и труда за 6 въ одномъ и за 17 въ другомъ случаѣ лѣтъ и отношеніе величинъ разнаго рода затратъ. Это—все же не лишенный нѣкотораго интереса матеріалъ.

1) По отношенію къ исторіи цѣнъ: а) хлѣбныя цѣны: за первый смѣтный 17 лѣтній періодъ съ 1588—1606 г. монастырь закупаетъ рожь въ Вологдѣ—450 четвертей за 100 р., т. е. по 44,4 деньги за четверть. Вообще русскій хлѣбный рынокъ XVI—XVII в.в. не отличался большою устойчивостью: въ одномъ мѣстѣ на одинъ и тотъ же родъ хлѣба года въ 2—3 могла радикально измѣниться цѣна, напр.: въ томъ же Вологодскомъ уѣздѣ въ 1576 г. четверть пшеницы стоила 4 а. (24 д.), а въ 1577 уже 40 д., т. е. почти въ 2 раза больше [1]). Въ Холмогорскомъ уѣздѣ недалеко отъ Сійскаго монастыря въ 1615 г. цѣна ячменя была 20 д. за мѣру, а въ 1616—50 д., т. е. въ 2 съ лишнимъ раза больше; затѣмъ она постепенно понижается: въ 1617—48 д., 1618—44 д., 1621—40 д., 1625—22 д., чтобы къ 1631 снова подняться до 60 денегъ [2]). Такъ что въ періодъ равный нашему смѣтному цѣны колеблются между 20 и 60 деньгами, т. е. повышаются въ 3 раза. Для даннаго періода отъ 1588—1606 г. эти колебанія должны быть еще значительнѣе, такъ какъ послѣ 1601 г. Россія пережила рядъ хозяйственныхъ и политическихъ кризисовъ, непосредственно отражавшихся на хлѣбныхъ цѣнахъ. По приведенной г. Ключевскимъ выпискѣ изъ вкладной книги Кандалакшскаго монастыря видно, что между 1584 и 1611 г. цѣна на рожь колебалась на сѣверѣ между 40 и 200 денегъ [3]), т. е. въ отношеніи 1:5. Такимъ образомъ можно а priori сказать, что наша цифра 44,4 д. заключаетъ въ себѣ очень чувствительное колебаніе цѣнъ за указанный періодъ, и оцѣнить ея значеніе можно, только зная среднюю стоимость хлѣба на вологодскомъ рынкѣ до 1588 г.: въ 1578 г. въ Вологдѣ цѣна ржи—25 д. четверть; эти 25 д., по мнѣнію Ключевскаго, не дешевая цѣна, дешевая—14 д., а въ 1577 г. Корниліевъ Комельскій мон. покупалъ четверть ржи по 20 д.; 20—21 д. были довольно умѣренными цѣнами [4]). Слѣдовательно, судя по нашей средней—44,4 д.—въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. цѣны ржи на вологодскомъ рынкѣ были въ 2 съ лишнимъ раза выше умѣренной. Если такова средняя, то высшій предѣлъ можетъ быть раза въ 4 дороже умѣренной. Уже одинъ тотъ фактъ, что монастырь обходитъ ближайшій холмогорскій рынокъ, говоритъ за дороговизну хлѣба на немъ; дѣйствительно, по словамъ Крестинина, въ 1602 году мѣра ржи здѣсь стоила 90 д., т. е. четверть 120 д. [5]).—Въ 1638—1644 г. монастырь закупалъ хлѣбъ уже въ Холмогорахъ, что видно изъ метрической единицы: тогда какъ въ 1588 г. рожь мѣряется четвертями, въ 1638 г.—мѣрами—метрологія Двинскаго края; за 12000 мѣръ платится 4800 р., т. е. за мѣру 80 денегъ, переводя на московскій счетъ за четверть 106,6 д. Эта цифра—средняя за 6—7 лѣтъ—важна уже потому, что данныхъ о хлѣбныхъ цѣнахъ за періодъ отъ 1638—1645 г. вообще недостаточно [6]). Отно-

---

[1]) Ключевскій. Русскій рубль. 31.

[2]) Русская Истор. Библіотека, XII т.—VII.

[3]) Ключевскій. Русскій рубль, 43, 50.

[4]) Ibid. 34, 35, 45.

[5]) Крестининъ. Историч. опытъ о сельскомъ домостроительствѣ, 42.

[6]) За этотъ именно періодъ (1638—1645 г.), Ключевскій со-

шеніе ея къ предыдущимъ холмогорскимъ цѣнамъ ржи таково: въ 1602 г. мѣра 90 д., 1615—42 д., 1619 между сентябремъ и іюнемъ успѣло побывать 3 цѣны: сентябрь—48, январь—44, іюнь—42 д., 1635—60 д., 1638—81 д.[1]), т. е. почти столько же, сколько даетъ наша средняя; такимъ образомъ можно думать, что или рыночная стоимость хлѣба въ теченіи послѣдующихъ 7 лѣтъ оставалась безъ перемѣны, что едва ли допустимо при только что указанной неустойчивости цѣнъ на рожь, или, что возможнѣе, въ это время цѣны успѣли измѣниться нѣсколько разъ, то дешевѣя сравнительно съ 1636 г., то поднимаясь до цѣнъ начала вѣка, т. е. очень дорогихъ.— Кромѣ цѣнъ на рожь въ той же смѣтѣ, есть цѣны на крупу, горохъ и конопляное сѣмя, которыя стояли въ одной цѣнѣ—полтина за мѣру.

2) Цѣны на предметы мѣстнаго производства (лѣсъ, скалы) и на предметы привозные (гвозди, желѣзо). Надо сказать, что монастырь закупалъ эти предметы оптомъ, что необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ показаній нашего памятника сравнительно съ показаніями другихъ данныхъ. Отношенія оптовыхъ и розничныхъ цѣнъ въ то время, повидимому, было несоразмѣрно велико: церковный приказчикъ покупалъ въ Холмогорахъ 2 сорта гвоздей по 1000 слишкомъ штукъ, платя за 1000 по 140 и 280 д.; тотъ же приказчикъ, покупая по одному или по три десятка тѣхъ же гвоздей, уплачивалъ 870—1800 д. за 1000, т. е. цѣна поднималась въ 6—7 разъ[2]). Нашъ памятникъ перечисляетъ до четырехъ сортовъ гвоздей цѣною отъ 86 до 998 денегъ за 1000; эти цѣны не вполнѣ совпадаютъ съ указанными уже нами цѣнами приходо-расходныхъ книгъ Спасской церкви. Несоотвѣтствіе можетъ быть отнесено на счетъ измѣненія рыночной стоимости даннаго продукта,—такъ какъ приходо-расходныя книги относятся къ 1615 г., а наши данныя, вѣроятно, къ концу постройки—1602—1604 г. Если это предположеніе сколько-нибудь правильно, цифра нашего документа пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, увеличивая неособенно богатый запасъ данныхъ о колебаніи цѣнъ на продукты промышленности[3]).—Кажется, менѣе

вершенно не нашелъ въ своихъ источникахъ хлѣбныхъ цѣнъ. Русскій рубль, 55.

[1]) Р. И. Б. XII: VII, XII, XIII; Крестининъ. Истор. опытъ, 42—44.

[2]) Р. И. Б. XII, VII.

[3]) Вотъ сравнительная таблица цѣнъ по обоимъ документамъ:

Сборникъ:

Гвозди:	двоетесъ	1000 . .	200 денегъ.
„	однотесъ	1000 . .	117,2 „
„	скаловое	1000 . .	86 „
больш.	пробойное	1000 . .	998 „

Приходо-расходная книга:

10	гв. 18 денегъ,	то-есть	1000. .	1800 денегъ.
30	„ 26 „	„	1000. .	866,6 „
200	„ — „	„	1000. .	180 „
1000	„ — „	„	1000. .	140 „
1250	чешуйнаго		350. .	280 „
100	тесоваго		— .	260 „

проблематично можетъ быть предположеніе по отношенію къ географіи цѣнъ на нѣкоторые продукты иностранной промышленности, здѣсь получается довольно курьезный результатъ: по нашему сборнику, монастырь покупая ртуть въ Москвѣ, платилъ за фунтъ 84 деньги, почти въ то же время Спасскій приказчикъ покупалъ ртуть въ Холмогорахъ за 72 д. за фунтъ. Колокольная мѣдь въ 60 г., повидимому, стояла въ одной цѣнѣ въ Холмогорахъ и въ Москвѣ—5 р. пудъ. Цѣна серебра нашего памятника почти сходится съ свидѣтельствами, приводимыми Костомаровымъ[1]) — около 7—8 рублей за фунтъ[2]).

Обращу вниманіе еще на одну сторону нашихъ смѣтъ, которая можетъ быть также цѣнна: онѣ до нѣкоторой степени указываютъ въ каждомъ продуктѣ труда относительную стоимость матеріаловъ: сырья и мануфактуръ — и труда — заработной платы и содержанія. Когда для производства одного предмета требуется соединить матеріалъ сырой или произведенный безъ большихъ техническихъ приспособленій съ матеріаломъ мануфактурнымъ, хотя бы и самымъ простымъ, то затраты на послѣдній относительно совершенно не соотвѣтствуютъ затратамъ на первый: по смѣтѣ 1606 г. изъ издержекъ на кровлю храма на тесъ и скалу, т. е. главный матеріалъ ушло 39 р., а на гвоздье—26 р.; конечно, это происходило отъ дороговизны мануфактуръ[3]).

Въ первой смѣтѣ, какъ мы видѣли, затраты на наемъ и содержаніе рабочихъ указаны вмѣстѣ, во второй отдѣлены другъ отъ друга; но ни въ той ни въ другой нѣтъ ни прямыхъ ни косвенныхъ указаній на поденную плату рабочему. Въ очень аналогичныхъ условіяхъ находился простой рабочій при постройкѣ собора въ Крестномъ м. 1658—59 г.: имъ былъ также монастырскій крестьянинъ, цѣна на хлѣбъ была также выше нормальной и даже приближалась къ цѣнѣ 1638—44 г., именно 96 денегъ четверть ржи; рабочій при такихъ условіяхъ получалъ 1 алтынъ въ день, т. е. зарабатывалъ приблизительно 30 ф. хлѣба въ день.

Такія же результаты даетъ сравненіе цѣны теса: въ сборникѣ—100 теси. кровельныхъ (куплены оптомъ 3050) стоятъ 196,7 д.; въ приходо-расходныхъ книгахъ нѣсколько цѣнъ всѣ очень различны и ни одна не совпадаетъ съ цѣною сборника: въ одномъ только случаѣ куплено сразу 130 тесинъ, въ остальныхъ покупались въ розницу; цѣны такія: 370, 420, 600 д.

[1]) Ср. Костомаровъ. Очеркъ торговли, 200, 202.

[2]) „61 ефимокъ цѣна 30 р. 16 а. 4 д.“; предполагая фунтъ= =14—$14^2/_3$ ефимка,—Прозоровскій: Монета и вѣсъ въ Россіи, 102—106.

Остальныя цѣны сборника: Желѣзо сурдомское—37,5 денегъ пудъ; бѣлое желѣзо разцѣнивается не вѣсомъ, а бочками: въ 1606 г.—1 бочка 5 р. 14 а. 3 д., въ 1658 г.—отъ 11 до 12 р., листъ отъ 4—5 денегъ; въ оба раза покупалось кровельное желѣзо. Драгоцѣнные камни: 9 кам. бирюзы—1 р. 26 а. 4 д., 1 кам.—40 д., другой сортъ бирюзы—камень по 60 д., 17 кам. виписы и стоканы—1 р. 12 а., змазенъ—3 р.; 2 к. виниса—1 р. 6 а. 4 д., 2 кам. бечеты—1 р. 16 а. 4 д.

[3]) Ср. Брикнеръ. Къ исторіи цѣнъ.—Историч. Вѣстникъ, 85 г. V.

По первой смѣтѣ отношеніе между расходами на рабочихъ и расходами на матеріалъ (напомню—далеко не вполнѣ опредѣленными) находилось въ отношеніи 49 къ 51: изъ всѣхъ затратъ 2999 р. 19 ал. 4 д.—на рабочихъ ушло 1495 р. 28 а. $4^1/_2$ д., на матеріалъ—1503 р. 24 а. $1^1/_2$ д. По смѣтѣ 1644 года эти отношенія радикально измѣняются: Благовѣщенская церковь, построенная въ этомъ году, по размѣрамъ превосходила Троицкую, денегъ на заготовку кирпича и запасу ушло на 200 слишкомъ рублей больше; затраты на покупку лѣса, гвоздей, желѣза превышали прежнія на 400 р. Весь матеріалъ на постройку обошелся въ 2130 р., а издержки на содержаніе рабочихъ выразились въ 7200 р., т. е. изъ всѣхъ затратъ на наемъ и содержаніе рабочихъ падаетъ 77,1%, а на матеріалъ только 22,9%. Для насъ вопросъ заключается въ томъ, насколько можно довѣриться подобнымъ противорѣчивымъ указаніямъ сборника. Несомнѣнно, конечно, увеличеніе цѣны хлѣба возвышало цѣну рабочихъ рукъ, тѣмъ болѣе, что въ то время нерѣдко практиковалась плата хлѣбомъ, а еще чаще рабочіе жили на содержаніи хозяина: въ 60 г. XVII в. солевары (около Петроминскаго мон.) просили дорогую плату „хотятъ дорого варить, за своимъ хлѣбомъ не варятъ, а хлѣбъ и волога дороги, рыба не въ уловѣ, хлѣбъ зеленъ не въ приходѣ, въ ядро не дался“, значитъ въ дорогіе годы рабочій не только требовалъ повышенія платы, но и хотѣлъ получить хозяйское содержаніе. Само собою разумѣется, что при этихъ условіяхъ была не только зависимость цѣны рабочаго отъ хлѣбныхъ цѣнъ, но и степень этой зависимости была очень значительна. Затрудненія, возникающія при разборѣ документа, заключаются не въ этомъ, а въ томъ, что рыночныя холмогорскія цѣны въ оба смѣтные періода были одинаково высоки, даже въ первой выше, чѣмъ во второй, между тѣмъ въ затратахъ на трудъ мы имѣемъ какъ есть обратное отношеніе. Выходъ изъ этого затрудненія можетъ быть только таковъ: монастырь оцѣнивалъ трудъ своего рабочаго (своего крестьянина и бобыля) не по рыночнымъ холмогорскимъ, а по своимъ заготовительнымъ цѣнамъ: въ первый разъ содержаніе ему обходилось дешевле, чѣмъ во второй уже потому, что онъ покупалъ рожь не по 106, а по 44 деньги. Если мы предположимъ, что монастырь заготовилъ и въ первый разъ рожь по 106 д. за четверть, то изъ всѣхъ издержекъ на церковь точно также содержаніе рабочаго поглотило бы 70 съ лишнимъ процентовъ. Разумѣется при такомъ рѣшеніи надо предположить, что плата на трудъ опредѣлялась не столько взаимнымъ соглашеніемъ, сколько одностороннею волею нанимателя, предположеніе не невозможное: примѣры подобнаго рода можно найти въ отношеніяхъ Крестнаго мон. къ своимъ крестьянамъ.

Отношеніе между затратами на трудъ и затратами на матеріалъ колебалось въ зависимости отъ цѣнности послѣдняго. Значительнѣйшій процентъ издержекъ поглощался трудомъ при производствѣ предметовъ изъ сырья: приказчикъ Спасской церкви купилъ бревно за 6 денегъ, а за выдѣлку изъ этого бревна ободверины заплатилъ 80 д. При повышеніи цѣнности матеріала отношенія могутъ радикально измѣниться: нашъ сборникъ даетъ одну роспись расходовъ по устройству вѣнца и цатъ къ иконѣ: всего издержано 71 р. 10 а. 5 д., изъ которыхъ за работу дано 6 р., т. е. 8,4%.

Думается, что указанія на цѣнность предмета и на долю, приходящуюся изъ нея на плату за трудъ, не будутъ излишними и можетъ быть сколько нибудь помогутъ разобраться въ вопросѣ о заработной платѣ,—матеріалы о которой если не совсѣмъ скудны, то слишкомъ неточны и неопредѣленны: нашъ памятникъ, какъ и большинство матеріала имѣютъ дѣло не съ поденной платой, а или съ платою за цѣлый болѣе или менѣе значительный періодъ времени или съ поштучной—отъ цѣлаго дѣла: кузнецу отъ кузла, отъ оконъ, отъ рѣшетокъ, отъ пробоевъ и брусья дано 5 р. 32 а. 4 д., двумъ плотникамъ отъ церковнаго дѣла, что храмъ крыли и четыре маковици чешуею побивали, дано 24 р., ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ нѣтъ рѣчи о количествѣ времени, въ которое исполненъ заказъ; единственный примѣръ, гдѣ это количество указано, не можетъ быть ни особенно надежнымъ, ни особенно типичнымъ, иконописецъ за икону, которую писалъ $1^1/_2$ года, взялъ 200 р., причемъ весь матеріалъ былъ отъ монастыря; если можно выразить это въ поденной платѣ, то получится 80—100 денегъ.

П. Ивановъ.

ПРОТОКОЛЫ

Археографической Коммиссіи ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества.

ПРОТОКОЛЪ 22-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 23 декабря 1898 г. при предсѣдателѣ Коммиссіи *А. И. Кирпичниковѣ*, въ присутствіи предсѣдателя Общества гр. *П. С. Уваровой*, тов. предс. *В. И. Холмогорова*, членовъ: *М. М. Богословскаго, И. С. Бѣляева, Н. О. Бѣляевскаго, А. А. Грушка, С. О. Долгова, П. М. Истрина, В. В. Нечаева, В. Н. Рогожина, Н. А. Рожкова, С. С. Слуцкаго, М. Н. Сперанскаго, В. К. Трутовскаго, Н. Н. Харузина, Г. Н. Шмелева, В. О. Эйнгорнъ, А. И. Яцимирскаго*, секретаря *М. В. Довнаръ-Запольскаго* и 30 посѣтителей.

Засѣданіе началось чтеніемъ годичнаго отчета о дѣятельности Коммиссіи. Затѣмъ хранитель рукописей *Г. Н. Шмелевъ* прочелъ отчетъ о состояніи рукописей Коммиссіи.

По прочтеніи отчетовъ, предсѣдатель предложилъ заняться текущими дѣлами. Доложено было: 1) Отношеніе на имя предсѣдателя Общества отъ Пензенскаго губернатора за № 350, съ извѣщеніемъ о передачѣ въ распоряженіе Общества архива Полянскихъ, въ с. Макаровѣ Саранскаго у. Рѣшено г. губернатора благодарить, а для полученія архива просить Общество о командированіи въ с. Макаровку.

2) Заявлено о желаніи *П. И. Иванова* получить командировку въ Архангельскъ, для ознакомленія съ архивомъ мѣстной казенной палаты и *Л. Д. Воронцовой*—для изученія рукописей Владычнаго женскаго Серпуховскаго монастыря. Постановлено просить Общество.

3) Доложено о полученіи: a) отъ *М. М. Плохинскаго* — части его отчета о поѣздкѣ; b) отъ *Л. Д. Воронцовой*—приложенія къ ст. ея о рукописяхъ Серпуховского Высоцкаго монастыря. Статья передана для просмотра *Г. Н. Шмелеву*, и c) отъ *Сибирцева* статьи о документахъ Антоніево-Сійскаго монастыря, которая передана на просмотръ *С. О. Долгову*; d) отъ *М. А. Веневитинова* „Положенія о пріемѣ и храненіи книгъ въ архивѣ Моск. Дворянской Конторы" (оффиц. изданіе). Постановлено благодарить. e) письма отъ *Д. И. Довгялло* съ благодарностью за избраніе въ члены.

Послѣ доклада текущихъ дѣлъ *А. И. Кирпичниковъ* прочелъ рефератъ: „Послѣднія работы Парижской школы хартій". Докладъ вызвалъ нѣсколько вопросовъ со стороны *В. И. Холмогорова* о практическихъ занятіяхъ въ Школѣ и *С. С. Слуцкаго* о лѣтописи Флидкарда по поводу разсмотрѣнной референтомъ статьи Lauer'a о греческой нумераціи въ лѣтописи Флидкарда. *Н. А. Рожковъ*, отмѣтивъ широту задачъ въ трудахъ Société de l'école des chartes, высказалъ убѣжденіе, что Коммиссіи полезно было бы слѣдовать примѣру Société, и, въ заключеніе, благодарилъ референта за интересное сообщеніе.

А. А. Кизеветтеръ прочелъ сообщеніе: „Неизданный трудъ В. Крестинина". Предсѣдатель благодарилъ референта за докладъ. *И. С. Бѣляевъ* сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о большемъ развитіи жителей Архангельска сравнительно съ другими мѣстностями Россіи. *Н. А. Рожковъ*, отмѣтивъ интересныя стороны доклада, указалъ на важное значеніе поисковъ въ архивахъ для развитія исторической науки и высказалъ пожеланіе, чтобы Коммиссія усилила свою дѣятельность въ этомъ направленіи.

М. М. Плохинскій прочелъ докладъ „Архивная поѣздка въ Черниговскую губернію", причемъ передалъ Коммиссіи фотографическій снимокъ съ грамоты кор. Яна Казиміра Ханенку на гетманство, значекъ сапожнаго цеха въ Глуховѣ и снимокъ масляными красками съ сукна того же цеха, а также печать глуховскаго гончарнаго цеха. Предсѣдатель благодарилъ *М. М. Плохинскаго* за весьма удачно выполненную командировку и за сообщеніе; гр. *П. С. Уварова* заявила, что предложитъ *М. М. Плохинскаго* въ члены-сотр. Общества въ виду его полезной дѣятельности по изученію архивовъ Черниговской губ.

По окончаніи чтенія рефератовъ, предсѣдатель предложилъ произвести въ закрытомъ засѣданіи выборы въ члены *Л. Д. Воронцовой*, предложенной въ прошломъ засѣданіи. Закрытой баллотировкой *Л. Д. Воронцова* была единогласно избрана въ члены Коммиссіи.

Затѣмъ предложены были въ члены Коммиссіи слѣд. лица: *Ю. В. Арсеньевъ, Д. В. Улянинскій, І. М. Сибирцевъ, М. М. Хвостовъ, князь Н. В. Голицынъ и С. П. Олферьевъ.*

ПРОТОКОЛЪ 23-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 21 января 1899 года подъ предсѣдательствомъ тов. предсѣд. *В. И. Холмогорова*, въ присутствіи: предсѣд. Общ. граф. *П. С. Уваровой, С. К. Богоявленскаго, С. А. Бѣлокурова, Ю. В. Готье, В. К. Трутовскаго, М. И. Соколова, Д. И. Эварницкаго, М. М. Богословскаго, Н. А. Рожкова, В. Н. Рогожина, Н. П. Чулкова, С. К. Шамбинаго, Г. Н. Шмелева*, секретаря *М. В. Довнаръ-Запольскаго* и 13 стороннихъ посѣтителей.

Засѣданіе началось разсмотрѣніемъ текущихъ дѣлъ.

Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Доложены слѣд. письма и бумаги: 1) Отъ Эзельскаго предводителя дворянства—„Отчетъ Общества для изслѣдованія о. Эзеля", въ которомъ находится статья о семейномъ архивѣ въ им. Ольбровкъ. Постановлено благодарить. 2) Доложено о поступленіи отъ *М. А. Веневитинова* печатныхъ правилъ „Положеніе о пріемѣ и храненіи дѣлъ въ Архивѣ Московской Дворцовой Конторы". Постановлено благодарить. 3) Письмо г. Дурново съ предложеніемъ разсмотрѣть документы *Я. М. Матушкина*. Постановлено просить *В. Н. Рогожина* познакомиться съ ними и доложить о нихъ въ Коммиссіи. 4) Сообщеніе *К. А. Докучаева-Баскова* о его архивныхъ поискахъ въ Каргополѣ, съ предложеніемъ напечатать его. Рѣшено отклонить. 5) Письмо г. *Поддьянова* съ препровожденіемъ въ библіотеку Общества „Описанія Великоустюжскаго Успенскаго собора" изд. въ

1860 г. о. Румовскимъ и съ нѣкоторыми замѣчаніями о рукописяхъ этого собора, которыя г. ***Поддьяковъ*** намѣренъ описать. Рѣшено послать г. ***Поддьякову*** оба выпуска „Трудовъ" Коммиссіи, а относительно предполагаемаго имъ описанія рукописей Устюжскаго Успенскаго собора написать, что такое описаніе можетъ быть конечно принято Коммиссіей, если авторъ приметъ въ разсчетъ существующую литературу предмета. 6) Письмо г. ***Соколова*** изъ Ардатовскаго у. съ предложеніемъ выслать для просмотра „Зерцало Богословія" Кир. Транквилліона. 7) Письмо г. ***Скачкова*** изъ Сольвычегодскаго у. съ предложеніемъ купить у него нѣкоторыя рукописи. 8) Сообщеніе свящ. ***В. Герасимова*** изъ Березовскаго округа Тобольской губ., съ приложеніемъ документовъ объ экспедиціяхъ Овцына и Скуратова (1730—1760 г.г.) и съ предложеніемъ напечатать ихъ.—Всѣ три предложенія рѣшено отклонить, но письмо г. ***Скачкова*** передать въ Историческій Музей, а сообщеніе о. ***Герасимова*** въ Географическое Отдѣленіе И. М. Общ. Люб. Ест., Антропол. и Этногр. 9) Отношеніе г. Витебскаго губернатора отъ 29 дек. 1898 г., за № 7749, о разрѣшеніи осмотрѣть архивы Лепельскаго уѣздн. полицейскаго управленія и отобрать дѣла его, имѣющія историческое значеніе. Рѣшено снестись по этому поводу съ ***Д. И. Довгялло*** и предложить ему командировку въ Лепель. 10) Письмо ***В. Л. Кордта*** съ изложеніемъ причинъ, по которымъ онъ не могъ воспользоваться истекшимъ лѣтомъ заграничной командировкой Общества. 11) Письмо ***Е. Ф. Шмурло*** съ извѣщеніемъ, что онъ напишетъ докладъ объ архивной экспедиціи въ Римѣ, согласно предложенію Коммиссіи. 12) Отъ ***Л. Д. Воронцовой***—благодарность за избраніе въ члены Коммиссіи.

Затѣмъ слѣдовало чтеніе реферата ***Ю. В. Готье***: „Извѣстія Пальмквиста о Россіи", причемъ докладчикомъ было демонстрировано и самое изданіе Пальмквиста. Докладъ вызвалъ нѣсколько замѣчаній ***Н. А. Рожкова***, отмѣтившаго интересное извѣстіе путешественника, что еще и въ XVII вѣкѣ населеніе В. Новгорода — Софійской и Торговой стороны группировалось, по своему матеріальному благосостоянію точно также, какъ и въ древности. ***М. М. Богословскій*** высказаль предположеніе, что можетъ быть съ помощью топографичеческихъ показаній Пальмквиста разъяснятся нѣк. темныя мѣста Псковской Правды, хотя бы напр. о. „кромскомъ татѣ". Оба оппонента отмѣтили интересныя стороны доклада. На послѣднее замѣчаніе ***М. М. Богословскаго***, реф. зам., что онъ имѣлъ въ виду нѣкоторыя мѣста Псковской Правды при изученіи Пальмквиста, но ему не удалось найти объясненіе статьѣ о „кромскомъ татѣ". ***В. И. Холмогоровъ*** сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній географическаго характера, а ***Ю. В. Арсеньевъ*** о географическихъ картахъ Сибири, въ связи съ извѣстіями Пальмквиста. Предсѣдатель благодарилъ ***Ю. В. Готье*** за сообщеніе.

Рефератъ ***П. П. Голубовскаго***: „Опытъ пріуроченія хронологической даты „Слова о князьяхъ" за позднимъ временемъ былъ отложенъ.

Послѣ перерыва послѣдовало закрытое засѣданіе Коммиссіи, въ которомъ разсмотрѣны были слѣд. дѣла.

1) Докладъ ***В. Н. Рогожина*** о выработанной имъ формѣ описанія дѣлъ Моск. Губ. Арх. Ст. Дѣлъ. Рѣшено просить ***В. Н. Рогожина*** продолжать описаніе архива по принятому имъ плану.

2) Доложенъ къ свѣдѣнію протоколъ объ условіяхъ, на которыхъ переданъ Коммиссіи и Обществу архивъ Поляпскихъ; протоколъ составленъ чл. ком. ***С. П. Алферьевымъ***, принимавшимъ архивъ, и секр. Пензенскаго Статистическаго Комитета ***Поповымъ***, сдававшимъ архивъ.

3) Доложены положенія проекта Д. Я. Самоквасова о реформѣ архивовъ въ Россіи, одобреннаго уже обществомъ.

4) Доложенъ проектъ программы для описанія административныхъ архивовъ. Рѣшено просить Общество о ея напечатаніи.

5) Большинствомъ голосовъ принимаются, на основаніи § 3 Правилъ, въ члены Коммиссіи слѣд. лица, заявленныя въ прошломъ засѣданіи: кн. ***Н. Вл. Голицынъ***, ***Ю. В. Арсеньевъ***, ***М. М. Хвостовъ***, ***Д. В. Ульянинскій***, ***І. М. Сибирцевъ*** и ***С. П. Алферьевъ***.

ПРОТОКОЛЪ 24-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 24 марта 1899 г. при предсѣдателѣ Коммиссіи ***А. И. Кирпичниковѣ*** и въ присутствіи тов. предсѣд. ***В. И. Холмогорова***, секретаря ***М. В. Довнаръ-Запольскаго***, ***В. К. Трутовскаго***, ***Д. И. Иловайскаго***, ***Г. Н. Шмелева***, ***П. И. Иванова***, ***Н. П. Чулкова***, ***В. Н. Рогожина***, ***Н. Я. Совѣтова***, ***И. С. Бѣляева***, ***кн. В. Н. Голицына***, ***Ю. В. Арсеньева***, ***В. О. Эйнгорна***, ***П. П. Никольскаго***, ***Н. А. Рожкова***, ***А. А. Кизеветтера***, ***В. В. Нечаева*** и посѣтителей: ***д-ра Богословскаго***, ***Г. А. Ряжскаго*** и ***Ю. В. Татищева***.

Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Затѣмъ началось чтеніе докладовъ. ***Г. Н. Шмелевъ*** прочелъ рефератъ: „Изъ практики архивныхъ описей". Сначала докладчикъ вкратцѣ указалъ на то, какими должны быть архивныя описи; по его мнѣнію, онѣ должны удовлетворять слѣд. качествамъ: 1) научности, т. е. строгой систематичности и 2) возможной краткости; для облегченія справокъ, къ описямъ нужно прилагать различные указатели: предметные, личные, географическіе и др. Затѣмъ, опираясь на свѣдѣнія, присланныя въ Коммиссію изъ разныхъ архивовъ, референтъ сообщилъ данныя о томъ, какъ ведутся описи въ этихъ архивахъ. Оказывается, что въ нѣкоторыхъ архивахъ совсѣмъ нѣтъ описей, а существуютъ только алфавиты, въ другихъ же—ведутся канцелярскія описи, т. е. описи, мало пригодныя для научныхъ цѣлей. Коснувшись, въ заключеніе, вопроса о причинахъ печальнаго состоянія большинства нашихъ архивовъ, докладчикъ указалъ на 2 такихъ причины: 1) недостаточность средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе архивовъ, и 2) тѣсную связь этихъ послѣднихъ съ канцеляріями. Чтобы улучшить положеніе русскихъ архивовъ, нужно снабдить ихъ болѣе значительными денежными средствами и оторвать отъ канцелярій, т. е. сдѣлать самостоятельными учрежденіями.

Сообщеніе ***Г. Н. Шмелева*** вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній по возбужденному докладчикомъ вопросу. ***В. К. Трутовскій*** указалъ на богатый матеріалъ объ описяхъ, содержащійся въ недавно полученныхъ Обществомъ сообщеніяхъ изъ разныхъ архивовъ. ***П. П. Никольскій*** высказалъ мнѣніе о пользѣ курсовъ по архивовѣдѣнію или отдѣльныхъ чтеній, что могло бы способствовать болѣе правильной постановкѣ дѣла. ***А. И. Кирпичниковъ*** находилъ, что для послѣдней цѣли больше пользы могли бы принести періодическіе съѣзды архивистовъ. ***В. И. Холмогоровъ*** сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о затрудненіяхъ, съ которыми приходится встрѣчаться при составленіи описей, и высказался рѣшительно противъ карточной системы. ***М. В. Довнаръ-Запольскій*** настаивалъ на необходимости группировки, при описаніи документовъ, по содержанію; относительно карточной системы онъ сдѣлалъ нѣсколько указаній на то, какъ и съ ея помощью достигается удобство и полезность описи (напр. въ Варшав. Главномъ Архивѣ). ***В. И. Холмогоровъ*** и ***Н. А. Рожковъ*** оспаривали пользу группировки матерьяла и высказались за удобство хронологическаго расположенія описываемыхъ документовъ. ***Ю. В. Арсеньевъ*** сдѣлалъ замѣчаніе о необходимости установить извѣстныя принципы въ дѣлѣ изданія сырыхъ матерьяловъ. О томъ же говорилъ и ***И. С. Бѣляевъ***. Наконецъ ***В. К. Трутовскій*** предложилъ просить докладчика прочитать свое сообщеніе отъ имени Коммиссіи на Съѣздѣ, на что ***Г. Н. Шмелевъ*** выразилъ свое согласіе.

Затѣмъ было выслушано заявленіе ***Д. И. Иловайскаго***, передавшаго отъ имени г. управляющаго Московской Казенной Палатой ***Урсати*** предложеніе Коммиссіи оказать содѣйствіе Палатѣ при разборкѣ ею дѣлъ своего архива, въ виду предположенія нѣкоторыя изъ нихъ, не имѣющія историческаго

значенія, предать уничтоженію. Постановлено предложеніе *Урсати* принять и просить черезъ *Д. И. Иловайскаго* его болѣе подробно изложить обстоятельства дѣла, а разборку документовъ поручить той подкомиссіи, которая занималась разборкой Московскаго Губернскаго Архива Старыхъ дѣлъ.

Второе сообщеніе было сдѣлано *П. И. Ивановымъ* о рукописи, содержащей въ себѣ лѣтописныя замѣтки, веденныя въ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ.

По поводу послѣдняго реферата сдѣлали замѣчанія по вопросу о хлѣбныхъ цѣнахъ *Н. А. Рожковъ, В. И. Холмогоровъ, М. В. Довнаръ-Запольскій* и *А. И. Кирпичниковъ*.

Въ заключеніе предсѣдатель благодарилъ обоихъ референтовъ за сообщенія.

Затѣмъ *П. П. Никольскій* сдѣлалъ небольшое сообщеніе о задачахъ Тульскаго историческаго товарищества и о недавно вышедшемъ первомъ выпускѣ трудовъ его.

ПРОТОКОЛЪ 25-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 7 апрѣля 1899 г. при предсѣдателѣ *А. И. Кирпичниковѣ*, въ присутствіи тов. предсѣд. *В. И. Холмогорова* и членовъ: *П. И. Иванова, В. Н. Рогожина, Н. А. Рожкова, Д. В. Улянинскаго, Н. П. Чулкова, Г. Н. Шмелева, Д. И. Эварницкаго*, секретаря *М. В. Довнаръ-Запольскаго*, а также *С. Н. Кологривова, Г. Г. Лукьянова, Н. Н. Маркова* и *Успенскаго*.

Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Засѣданіе было посвящено чтенію и обсужденію двухъ докладовъ.

Секретарь прочелъ докладъ *А. Н. Львова* о средствахъ къ сохраненію вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ церковной старины, находящихся въ духовномъ вѣдомствѣ. При этомъ секретарь пояснилъ, что докладъ присланъ въ Коммиссію съ цѣлью выслушать ея мнѣніе по поводу проектируемыхъ въ немъ мѣръ.

Въ обсужденіи доклада принимали участіе *А. И. Кирпичниковъ, В. И. Холмогоровъ, В. Н. Рогожинъ, Г. Н. Шмелевъ, Д. И. Эварницкій* и *М. В. Довнаръ-Запольскій*. Обсужденію подверглась только та часть проекта, которая относилась къ архивамъ. При этомъ было указано на небрежность, съ какою относятся сами представители духовнаго вѣдомства къ памятникамъ старины, на малоуспѣшность дѣятельности большей части нынѣ существующихъ епархіальныхъ комитетовъ, на полную несамостоятельность ихъ по отношенію къ епархіальному начальству и пр. Принимавшіе участіе въ обсужденіи отмѣтили положительныя стороны проекта—стремленіе охранить рукописные памятники старины отъ всякихъ случайностей, привлечь къ разработкѣ ихъ мѣстныя силы, и заинтересовать самое вѣдомство. Но при этомъ высказаны были предположенія, какъ бы проектируемые *А. Н. Львовымъ* комитеты не потеряли своего жизненнаго значенія въ виду ихъ зависимости отъ мѣстнаго епархіальнаго начальства, нѣсколько сложной канцелярской обстановки, которую сообщилъ имъ проектъ, и наконецъ отъ того, что свѣтскій элементъ въ церковныхъ комитетахъ будетъ играть совсѣмъ незначительную роль.

По обсужденіи доклада предсѣдатель предложилъ передать *А. Н. Львову* благодарность Коммиссіи за предложеніе ей на разсмотрѣніе своей записки и сообщить ему высказанныя въ засѣданіи замѣчанія.

Второй докладъ былъ прочитанъ *В. И. Холмогоровымъ*: „Нѣсколько словъ объ отказныхъ книгахъ".

Сообщеніе *В. И. Холмогорова* вызвало нѣсколько дополненій со стороны *П. И. Иванова* и *Н. А. Рожкова*, указавшаго между прочимъ на научную цѣнность сообщенныхъ въ рефератѣ свѣдѣній и замѣчаній,—послѣ чего, по предложенію предсѣдателя, постановлено благодарить референта за интересный докладъ.

ПРОТОКОЛЪ 26-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 15 мая 1899 года, при предсѣдателѣ *А. И. Кирпичниковѣ* и въ присутствіи: *Л. Д. Воронцовой, Ю. В. Готье, П. И. Иванова, С. Н. Кологривова, В. В. Нечаева, В. Н. Рогожина, Д. В. Улянинскаго, Н. П. Чулкова, С. К. Шамбинаго, В. О. Эйнгорна*, секретаря *М. В. Довнаръ-Запольскаго* и шести посѣтителей.

Первая часть засѣданія была посвящена чтенію докладовъ. *В. В. Нечаевъ* прочелъ рефератъ: „Результаты работъ конференціи въ С.-Галле (1898), по вопросу о реставраціи и сохраненіи манускриптовъ". Въ заключеніе своего доклада *В. В. Нечаевъ* выразилъ пожеланіе, чтобы Коммиссія вошла въ сношенія съ постояннымъ Комитетомъ по сохраненію памятниковъ. Предложеніе это было принято, и постановлено просить Общество о томъ, чтобы оно вошло въ постоянныя сношенія съ названнымъ Комитетомъ съ цѣлью полученія отъ него сообщеній о ходѣ его работъ и, если возможно, полученія исполняемыхъ по указанію Комитета и подъ его руководствомъ снимковъ съ поврежденныхъ памятниковъ.

Докладъ *В. В. Нечаева* вызвалъ пренія, во время которыхъ *С. Н. Кологривовъ* сообщ. о способѣ реставраціи документовъ при посредствѣ прозрачной бумаги въ Моск. Отдѣл. Архива Имп. Двора. *А. И. Кирпичниковъ* поставилъ вопросъ о составѣ чернилъ, а относительно сохраненія инкунабулъ указалъ, что ихъ проклеиваютъ орѣховымъ масломъ. *В. В. Нечаевъ* сдѣлалъ нѣсколько разъясненій о составѣ чернилъ XVI—XVII в.в.

Въ заключеніе преній, по предложенію предсѣдателя, постановлено благодарить референта за сообщеніе.

Второй докладъ прочелъ *С. К. Шамбинаго*: „Послѣднія работы польскихъ ученыхъ по изысканію документовъ въ Ватиканскомъ архивѣ". Въ разъясненіе прочтеннаго въ докладѣ замѣчанія, что Иванъ IV въ Ватиканскихъ документахъ называется Basilius, *А. И. Кирпичниковъ* указалъ, что Basilius могло замѣнить собою Iohannes Basilides, или частыя сношенія Василія III съ церковью Лоренской Богоматери могли содѣйствовать перенесенію имени отца на сына, или наконецъ Basilius понятъ какъ титулъ царя (*Βασιλευς*).

По предложенію предсѣдателя, постановлено благодарить референта за сообщеніе.

Затѣмъ секретарь прочелъ два доклада: *Е. Ф. Шмурло*—объ учрежденіи русской исторической Коммиссіи при Ватиканскомъ Архивѣ и г. *Блинова* объ Архангельской гарнизонной школѣ въ нач. XVIII ст.

При этомъ секретарь напомнилъ, что докладъ *Е. Ф. Шмурло* является отвѣтомъ на предложеніе Коммиссіи; когда Коммиссія просила доставить ей докладъ по этому поводу, то имѣлось въ виду предложить его вниманію Съѣзда въ Кіевѣ, съ цѣлью возбудить соотвѣтственное ходатайство. Постановлено благодарить *Е. Ф. Шмурло* и доложить его проектъ на Съѣздѣ.

Затѣмъ Коммиссія приступила къ разсмотрѣнію текущихъ дѣлъ.

1) Доложено сообщеніе Министерства Финансовъ отъ 7 мая 1899 г. за № 1945. О разрѣшеніи членамъ Общества и Коммиссіи ученыхъ занятій въ архивахъ казенныхъ палатъ, выписывать изъ палатъ наиболѣе важные документы съ тою же цѣлью и съ предложеніемъ по вопросу о содѣйствіи Коммиссіи дѣлъ, предполагаемыхъ палатами къ уничтоженію, руководствоваться циркуляромъ Министерства отъ 12 мая 1892 г. Постановлено принести благодарность Министру Финансовъ за разрѣшеніе пользоваться архивами, а относительно послѣдняго пункта просить о разрѣшеніи Коммиссіи просматривать дѣла палатъ тѣхъ губерній, гдѣ нѣтъ архивныхъ Коммиссій.

2) Доложено письмо *Д. И. Довгялло* о согласіи его ѣхать въ г. Лепель для разбора архива мѣстнаго полицейскаго упра-

вленія. Постановлено просить Общество о командированіи его въ Лепель.

3) Письмо завѣдующаго Архангельскими Епарх. древлехранилищами, съ предложеніемъ, согласно просьбы Коммиссіи, выслать приходо-расходныя книги Николо-Корельскаго монастыря. Постановлено благодарить.

4) Постановлено просить членовъ Ком. *В. В. Нечаева* и *С. К. Шамбинаго* составить для доклада отъ имени Коммиссіи рефераты на предстоящій Съѣздъ: перваго—о порядкѣ составленія архивныхъ описей во Франц. департаментскихъ архивахъ и второго—по вопросу о правилахъ объ уничтоженіи архивныхъ дѣлъ, признаваемыхъ не имѣющими историческаго значенія.

5) Секретарь доложилъ о полученныхъ Коммиссіею донесеніяхъ архивовъ,—отвѣтахъ на разосланную программу. Списокъ отвѣтовъ будетъ приложенъ къ протоколамъ.

6) Избраны въ члены Коммиссіи: *В. М. Кашкаровъ*, *С. Д. Яхонтовъ*, *Прокоповичъ*, *С. Н. Кологривовъ*, пр. *Д. В. Цвѣтаевъ*.

7) Доложены письма чл. ком. *Д. В. Уляницскаго*, *Ю. В. Арсеньева*, *кн. Н. В. Голицына*, въ которыхъ они выражаютъ Комм. благодарность за избраніе въ члены.

8) Доложено письмо отъ Историч. Отдѣленія Общества Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія съ просьбою сообщить свѣдѣнія объ архивѣ Полянскихъ. Секретарь заявилъ, что имъ точнѣйшія свѣдѣнія уже сообщены Обществу.

9) Письмо г. *З. Поддьянова* съ изложеніемъ предварительныхъ результатовъ его занятій документами Великоустюжскаго Успенскаго собора. Принято къ свѣдѣнію.

10) Извѣщеніе Московской Духовной Консисторіи о допущеніи къ занятіямъ въ архивѣ Серпуховскаго Владычнаго монастыря.

11) Извѣщеніе предсѣдателя Могилевскаго Окружнаго Суда за № 126, съ препровожденіемъ на просмотръ одного тюка документовъ. Постановлено документы передать *Г. Н. Шмелеву* и *Н. П. Чулкову*.

ПРОТОКОЛЪ 27-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 19 октября 1899 г. при предсѣдателѣ *А. И. Кирпичниковѣ*, тов. пред. *В. И. Холмогоровѣ*, членахъ: *Д. И. Иловайскомъ*, *П. И. Ивановѣ*, *Кологривовѣ*, *В. Н. Рогожинѣ*, *Н. П. Чулковѣ*, *Г. Н. Шмелевѣ*, *Успенскомъ*, постороннихъ г.г. *Дурново*, *Г. Г. Лукьяновѣ*, *В. П. Алексѣевѣ*, *Ю. В. Татищевѣ*, д-рѣ *Богословскомъ* и др. въ числѣ 10 человѣкъ и секретарѣ *М. В. Довнаръ-Запольскомъ*.

Засѣданіе началось чтеніемъ и утвержденіемъ протоколовъ засѣданій 7 апрѣля и 15 мая 1899 г.

Затѣмъ, по предложенію предсѣдателя, постановлено: 1) Избрать проф. *И. Н. Миклашевскаго* въ члены Коммиссіи; 2) просить Общество о командированіи *И. М. Катаева* для занятій въ архивѣ Московской Казенной Палаты.

Остальная часть засѣданія была посвящена чтенію и обсужденію рефератовъ.

Г. Н. Шмелевъ прочелъ докладъ „Объ источникахъ Соборнаго Уложенія 1649 г."

Рефератъ вызвалъ нѣсколько замѣчаній со стороны *Д. И. Иловайскаго*, который прежде всего присоединился къ взгляду референта о томъ, что Уложеніе—памятникъ не національный. Но затѣмъ онъ указалъ, что и Статутъ рѣдко встрѣчался въ Московской Руси XVII в., объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ документъ въ „Актахъ Московскаго государства": правительство Московское, во время войны за Малороссію, обѣщало послѣдней подтвердить права ея; тогда стали въ Москвѣ искать Статутъ и нашли только одинъ экземпляръ его въ Посольскомъ приказѣ.

П. И. Ивановъ сдѣлалъ замѣчаніе о сопоставленіи Уложенія

съ обычнымъ правомъ. Приведя нѣсколько примѣровъ правовыхъ обычаевъ въ Сѣверномъ краѣ XVII в., онъ обратилъ вниманіе на то, что эти правовыя нормы не вошли въ Уложеніе, хотя и господствовали въ эпоху его составленія. Между тѣмъ Уложеніе свободно заимствовало чуждыя греческія законы, игнорируя жизненныя условія. Это происходитъ преимущественно потому, что Уложеніе памятникъ вотчинной Руси и составлено какъ разъ тогда, когда складывалась общинная жизнь. *Д. И. Иловайскій*, подтверждая только что высказанный взглядъ о несоотвѣтствіи Уложенія съ обычнымъ правомъ, указалъ въ видѣ примѣра на то, что законы о наслѣдованіи женщинъ, дѣйствующія и нынѣ, взяты изъ Уложенія, а между тѣмъ они не соотвѣтствуютъ обычаю—правовымъ воззрѣніямъ народа. Въ заключеніе *А. И. Кирпичниковъ* указалъ на значеніе трудовъ Цахаріэ по византійскому праву и о значеніи ихъ при преподаваніи византійскихъ источниковъ Уложенія и Литовскаго Статута, а также, что весьма важно было бы опредѣлить, что въ Уложеніе взято изъ византійскаго права при посредствѣ Статута.

По обсужденіи доклада, по предложенію предсѣдателя, постановлено благодарить референта за интересное сообщеніе.

Вторымъ читалъ свой докладъ *М. В. Довнаръ Запольскій*, объ описаніяхъ литовско-русскихъ староствъ полов. XVI ст., какъ историческихъ источникахъ.

Сообщеніе *Довнаръ-Запольскаго* вызвало замѣчанія и запросы со стороны *Д. И. Иловайскаго*, *В. И. Холмогорова*, *А. И. Кирпичникова*, *Г. Н. Шмелева*, *П. И. Иванова*, *Кологривова* и *Дурново*. Замѣчанія и запросы касались пріемовъ межеванія и опредѣленія границъ литовскими ревизіями XVI в. и сравненія ихъ дѣятельности съ прежнимъ составленіемъ писцовыхъ книгъ.

Въ заключеніе бесѣды, по предложенію предсѣдателя, референту выражена признательность за сообщеніе

ПРОТОКОЛЪ 28-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 2-го ноября 1899 г. при предсѣдателѣ *А. И. Кирпичниковѣ*, тов. предсѣд. *В. И. Холмогоровѣ*, членахъ: *В. П. Алексѣевѣ*, *Ю. В. Арсеньевѣ*, *Д. И. Иловайскомъ*, *П. И. Ивановѣ*, *С. Н. Кологривовѣ*, *П. П. Никольскомъ*, *Прокоповичѣ*, *Н. П. Чулковѣ*, секретарѣ *М. В. Довнаръ-Запольскомъ* и нѣск. посѣтителяхъ.

Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Затѣмъ доложены были текущія дѣла.

1) Доложено о полученіи въ даръ рукописей отъ *Н. Н. Хмелева*—собраніе фамильныхъ документовъ XVIII—XIX в. в. и нѣск. западно русскихъ грамотъ отъ г. *Кожина*. Постановлено жертвователей благодарить.

2) О полученіи для просмотра рукописей изъ Архангельскаго Епархіальнаго древнехранилища и отъ Минской Духовной Консисторіи. По заявленію секретаря, архангельскими рукописями выразили желаніе заняться *В. П. Алексѣевъ*, *П. И. Ивановъ* и *Г. Н. Шмелевъ*, и Минскими—*А. И. Сапуновъ* и *М. В. Довнаръ-Запольскій*.

Всѣ полученныя рукописи постановлено передать г.г. хранителямъ.

3) Доложены слѣд. бумаги: a) отъ Общества Археологіи, исторіи и этногр. при Казанскомъ университетѣ съ предложеніемъ обмѣна изданіями. Рѣшено передать въ Общество. b) отъ *Вл. Вл. Елагина* съ просьбой выслать программы объ архивахъ и „Труды"; рѣшено послать только программы. c) Отъ *З. Поддьянова* — свѣдѣнія о разсмотрѣнныхъ имъ документахъ Успенскаго Собора въ Устюгѣ В.; d) Отъ г-на управляющаго Москов. Казенною Палатою извѣщеніе о допущеніи имъ къ занятіямъ въ архивѣ *И. М. Катаева*. e) Отъ *С. Д. Яхонтова*, *Д. В. Цвѣтаева* и *М. Н. Прокоповича* письма съ благодарностію за избраніе въ члены. f) Доложенъ полученный еще лѣтомъ про

ектъ губернскихъ архивовъ, составленный *А. П. Селивановымъ*, при чемъ секретарь объяснилъ, что почтенный авторъ его прислалъ для разсмотрѣнія въ такое время, когда трудно было собрать засѣданіе. Проектъ не подвергался въ засѣданіи обсужденію, т. к. по мысли автора, сужденіе о немъ имѣло бы значеніе на съѣздѣ. j) Сообщеніе Министерства Финансовъ за № 2184 о разсылкѣ имъ программы для собиранія свѣдѣній объ архивахъ въ казенныя палаты и съ предложеніемъ прислать еще 500 экз. ея для разсылки въ др. архивы. При этомъ секретарь объяснилъ, что по распоряженію г-на предсѣдателя общества, программы уже посланы.

4) По предложенію предсѣдателя, избраны въ члены Коммиссіи: *Е. А. Бурцевъ* (Вологда) за представленную имъ работу (уже вторую) „Описаніе 38 столбцовъ библіотеки Архангельской духовной семинаріи“ и *В. П. Алексѣевъ*, рефератъ котораго назначенъ въ наст. засѣданіи.

5) По предложенію секретаря, постановлено: a) просить Министерство Земледѣлія и Государств. имуществъ о разсылкѣ программъ по управленіямъ Госуд. имуществами и о предоставленіи Коммиссіи такихъ же условій для занятій въ архивахъ вѣдомства Министерства, какія предоставлены Министерствомъ Финансовъ. b) Просить межевой департаментъ Минист. Юстиціи о разсылкѣ программъ по межевымъ канцеляріямъ; c) При этомъ *Ю. В. Арсеньевъ* предложилъ обратиться съ просьбою о снабженіи свѣдѣній объ архивѣ Уфимской Межевой Коммиссіи къ предсѣдателю ея *А. П. Кринари*. d) Просить Ковенскую губернскую чертежную о посылкѣ въ общество для просмотра изъ архива чертежной находящійся тамъ планъ им. Старшимовки и Баярчи 1562 г. e) Секретарь доложилъ о поступленіи изъ мелкихъ провинціальныхъ архивовъ отвѣтовъ на программу; рѣшено списокъ поступившихъ отвѣтовъ приложить къ одному изъ протоколовъ, а разборку ихъ поручить секретарю же. f) При этомъ постановлено просить Общество выразить особенную признательность за доставленіе означенныхъ свѣдѣній гг. губернаторамъ Саратовскому, Владимірскому, Пензенскому и Ковенскому губ. Стат. Комитету, т. к. отвѣты изъ этихъ губерній получены отъ всѣхъ учрежденій. j) Такую же признательность постановлено выразить г. *Писареву* за изготовленіе описанія архивовъ г. Смоленска.

6) Доложено о поступленіи въ библіотеку двухъ книгъ: отъ *Ю. В. Арсеньева* „Тульская Старина“, вып. I и отъ *А. С. Лаппо Данилевскаго*—„Записная книга крѣпостнымъ актамъ XV—XVI ст.“ Постановлено авторовъ благодарить.

Остальная часть засѣданія была посвящена чтенію и обсужденію докладовъ.

П. П. Никольскій прочелъ сообщеніе объ архивѣ Тульскаго Оружейнаго завода. Архивъ завода помѣщается въ двухъ комнатахъ, въ каменномъ зданіи. Всѣхъ дѣлъ $5^1/_2$ тыс. Дѣла относятся какъ къ функціонирующимъ учрежденіямъ завода, такъ и къ прекратившимъ свое существованіе, — съ 1713 г. Кромѣ книгъ имѣется 22 №№ свитковъ XVII в. и 10 грамотъ XVIII в. Затѣмъ референтъ указалъ на общее содержаніе дѣлъ архива, изложилъ порядокъ храненія ихъ, уничтоженія признаваемыхъ ненужными и составленія описей.

По поводу наст. доклада, *Кологривовъ* указалъ на документы архива Импер Двора (въ Москвѣ). Въ дальнѣйшей бесѣдѣ принимали участіе *Ю. В. Арсеньевъ*, *Д. И. Иловайскій*, *В. И. Холмогоровъ*, *М. В. Довнаръ-Запольскій*. Предсѣдатель благодарилъ референта за сообщеніе.

Второй рефератъ прочитанъ былъ *В. П Алексѣевымъ* — о бюджетѣ разряда на 1650 - 1651 гг.. Въ возникшей по поводу его бесѣдѣ *П. И. Ивановъ* сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о цѣнѣ денегъ того времени, *Д. И. Иловайскій*, *В. И. Холмогоровъ* и *Ю. В. Арсеньевъ* о податяхъ, шедшихъ въ разрядъ, а *М. В. Довнаръ-Запольскій* о соотношеніяхъ бюджета этихъ годовъ съ послѣдующими. Предсѣдатель благодарилъ докладчика за интересное сообщеніе.

ПРОТОКОЛЪ 29-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 9-го декабря 1899 г. при предсѣдателѣ *А. И. Кирпичниковѣ*, тов. предсѣд *В. И. Холмогоровѣ*, членахъ Общества и Коммиссіи: *Ю. В. Арсеньевѣ*, *К. М. Быковскомъ*, *Н. О. Бѣляевскомъ*, *М. А. Веневитиновѣ*, *Л. Д. Воронцовой*, *В. П. Вульфіусѣ*, *Ю. В. Готье*, *С. О. Долговѣ*, *П. И. Ивановѣ*, *Д. И. Иловайскомъ*, *С. Н. Кологривовѣ*, *И Н. Миклашевскомъ*, *Л. З. Мсеріанцѣ*, *Г. А. Муркосѣ*, *Н. В. Никитинѣ*, *В. Н. Рогожинѣ*, *С. С. Слуцкомъ*, *В. К. Трутовскомъ*, *Д В. Ульянинскомъ*, *Н. П. Чулковѣ*, *Г. Н. Шмелевѣ*, секретарѣ *М. В. Довнаръ-Запольскомъ* и посѣтителяхъ: *Г. А. Ряжскомъ*, *д-рѣ Богословскомъ*, *Ю. В. Татищевѣ*, *Дурново* и др. въ числѣ 20 человѣкъ.

Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Засѣданіе было посвящено чтенію рефератовъ.

М. А. Веневитиновъ прочелъ докладъ „Рѣдкости Стокгольмской Королевской Библіотеки“. Затѣмъ имъ же прочитанъ присланный въ Коммиссію рефератъ *С. П. Арсеньева* „Очеркъ вестготскихъ законовъ сравнительно съ Русской Правдой“

Рефератъ *М. А. Веневитинова* вызвалъ нѣсколько вопросовъ со стороны *А. И. Кирпичникова*, *Д. И. Кловайскаго* и *Л. З. Мсеріанца*. Предсѣдатель благодарилъ докладчика за интересное сообщеніе.

Затѣмъ *Д. И. Иловайскій* сдѣлалъ предложеніе о собираніи матеріаловъ для словаря юридическихъ древностей.

Предложеніе *Д. И. Иловайскаго* вызвало обмѣнъ мнѣній. *В. И. Холмогоровъ* высказался за необходимость введенія въ словарь историко-экономическихъ терминовъ. *И. Н Миклашевскій* весьма сочувственно отозвался о предложеніи, но указывалъ на нѣкоторыя затрудненія при его выполненіи главнымъ образомъ потому, что въ наукѣ еще остается много неизслѣдованныхъ вопросовъ; словарь по необходимости долженъ былъ бы превратиться въ рядъ монографій. Поэтому, было бы практичнѣе ограничиться такимъ подборомъ матеріала, который состоялъ бы изъ выписокъ изъ источниковъ. На оба замѣчанія послѣдовало разъясненіе докладчика, что онъ не исключаетъ терминовъ ист. — экономическихъ, а въ выполненіи предложилъ бы полную свободу составителямъ. *М В. Довнаръ-Запольскій* и *М. А Веневитиновъ* предлагали предварительно составить списокъ терминовъ, подлежащихъ изученію, для привлеченія болѣе широкаго круга лицъ къ работѣ. *А. И. Кирпичниковъ* и *С. С. Слуцкій* также въ принципѣ сочувственно высказались по данному вопросу. Въ заключеніе бесѣды, предсѣдатель высказалъ отъ имени коммиссіи признательность докладчику за возбужденіе интереснаго вопроса и пожеланіе, чтобы члены Коммиссіи не оставили предложенія безъ исполненія.

Послѣднимъ было выслушано сообщеніе *И. Н. Миклашевскаго* о книгѣ денежныхъ раздачъ 1632 г. служилымъ людямъ, а *С. Н. Кологривовъ* демонстрировалъ нѣсколько любопытныхъ писемъ русскихъ историческихъ дѣятелей XVIII в. (Петра В., Князя-кесаря Ромодановскаго, Бирона, Н. Долгорукой, имп. Павла и др.). Предсѣдатель благодарилъ обоихъ докладчиковъ за сообщенія.

ПРОТОКОЛЪ 30-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 28-го ноября 1899 г. подъ предсѣдательствомъ тов. предсѣд. *В. И. Холмогорова*. въ присутствіи предсѣд. Общ. графини *П. С. Уваровой*, членовъ: *В. П. Алексѣева*, *Ю. В. Арсеньева*, *Л. Д. Воронцовой*, *С. О. Долгова*, *П. И. Иванова*, *С. Н. Кологривова*, *В. В. Нечаева*, *И. Н. Миклашевскаго*, *В. Н. Рогожина*, *Г. А. Ряжскаго*, *Г. Н. Шмелева*, *Н. П. Чулкова*, *В. О. Эйнгорна*, *Успенскаго*, секретаря *М. В. Довнаръ-Запольскаго* и 10 посѣтителяхъ.

Засѣданіе началось чтеніемъ и утвержденіемъ протокола предшествующаго засѣданія. Затѣмъ секретаремъ доложено

было письмо *Е. Бурцева*, съ благодарностію за избраніе въ члены и извѣщеніе Калужской архивной Коммиссіи о присылкѣ ею 2 ном. „Извѣстій“ за 1890 г.

Остальное засѣданіе было посвящено чтенію рефератовъ.

Л. Д. Воронцова прочла доклад „Нѣсколько данныхъ о монастырскомъ бытѣ XVII—XVIII вв.“.

Сообщеніе *Л. Д. Воронцовой* вызвало весьма оживленную бесѣду. *И. Н. Миклашевскій*, отмѣтивъ выдающіяся стороны доклада, предложилъ референткѣ вопросъ о томъ, различаются ли въ монастырскихъ документахъ служки и служебники, и если различаются, то въ чемъ состоитъ ихъ различіе; оба термина встрѣчаются въ писцовыхъ книгахъ по Серпухову, и на основаніи ихъ можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ ихъ значеніи. Кромѣ того *И. Н. Миклашевскій* отмѣтилъ важное значеніе приведенныхъ въ докладѣ фактовъ о податной раскладкѣ. *Л. Д. Воронцова* пояснила, что разсматриваемые ею документы не даютъ основаній для выясненія различія служекъ отъ служебниковъ. *В. О. Эйнгорнъ* сдѣлалъ указаніе на то, что въ монастырск. документахъ — служебники принадлежатъ къ составу духовенства. По тому же вопросу *В. И. Холмогоровъ* пояснилъ, что по его наблюденіямъ—служки относятся къ монастырской братіи, а служебники — крестьяне, пахавшіе монастырскую землю; они близки къ бобылямъ.

Въ заключеніе предсѣдательствующій благодарилъ референтку за важное, интересное сообщеніе.

Второй докладъ былъ прочитанъ *Г. А. Ряжскимъ*, объ архивѣ Суздальскаго Архіерейскаго дома. Въ обсужденіи доклада принимали участіе: *П. И. Ивановъ*, *И. Н. Миклашевскій*, *В. И. Холмогоровъ* и *Г. Н. Шмелевъ*, при чемъ разсматривался преимущественно вопросъ о дѣтяхъ боярскихъ. Въ заключеніе предсѣдательствующій благодарилъ референта за весьма интересное сообщеніе и предложилъ избрать его въ члены Коммиссіи.

Наконецъ, *В. И. Холмогоровъ* сообщилъ нѣсколько соображеній и данныхъ по вопросу о „бродячемъ бобылѣ“; заключеніе, къ которому пришелъ докладчикъ то, что бродячій бобыль не пашенный. Возбужденный *В. И. Холмогоровымъ* вопросъ вызвалъ обмѣнъ мнѣній, въ которомъ принимали участіе *И. Н. Миклашевскій*, гр. *П. С. Уварова*, *П. И. Ивановъ* и *М. В. Довнаръ-Запольскій*.

ПРОТОКОЛЪ 31-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 14-го декабря 1899 г. подъ предсѣдательствомъ *А. И. Кирпичникова*, въ присутствіи тов. предсѣд. *В. И. Холмогорова*, членовъ: *В. П. Алексѣева*, *С. П. Алферьева*, *Д. И. Иловайскаго*, *В. М. Истрина*, *И. Н. Миклашевскаго*, *В. Н. Рогожина*, *М. Н. Прокоповича*, *М. И. Соколова*, *Г. Н. Шмелева*, *А. С. Хаханова*, секретаря *М. В. Довнаръ-Запольскаго* и 3 стороннихъ посѣтителей.

По прочтеніи и утвержденіи протокола предыдущаго засѣданія, по предложенію предсѣдателя докладъ текущихъ дѣлъ былъ отложенъ на конецъ засѣданія. Затѣмъ *П. И. Ивановъ* прочелъ докладъ „Окладная единица по Ковропьскимъ и Сольвычегодскимъ книгамъ“.

Докладъ *П. И. Иванова* вызвалъ продолжительную бесѣду, въ которой принимали участіе *И. Н. Миклашевскій*, *Д. И. Иловайскій*, *Г. Н. Шмелевъ*, *В. И. Холмогоровъ*, *А. И. Кирпичниковъ* и *М. В. Довнаръ-Запольскій*. *И. Н. Миклашевскій* указалъ прежде всего на то, что писцы, являясь въ ту или иную мѣстность, находили здѣсь мѣстныя поземельныя мѣры; весь вопросъ въ томъ, какъ они написали эти мѣры—въ качествѣ окладныхъ единицъ, или только какъ мѣру земли; важно бы также опредѣлить, какъ эти мѣстныя мѣры земли или оклады переводились писцами на окладныя государственныя единицы. Затѣмъ, оппонентъ не соглашался съ выводомъ, приведеннымъ въ докладѣ, о перенесеніи извѣстныхъ мѣстныхъ неокладныхъ сборовъ въ окладъ, находя самый вопросъ недостаточно выясненнымъ. Переходя далѣе къ вопросу о живущей четверти, *И. Н. Миклашевскій* развилъ мысль о связи ея съ организаціей военнослужилаго класса. Замѣчанія остальныхъ членовъ касались большею частію вопроса объ обложеніи бобылей.

Предсѣдатель благодарилъ референта за интересное сообщеніе и предложилъ докладъ *И. С. Бѣляева*, о купеческихъ родословныхъ въ Моск. Арх. Мин. Юст. отложить, за позднимъ временемъ и перейти къ разсмотрѣнію текущихъ дѣлъ.

По предложенію предсѣдателя, въ члены Коммиссіи избранъ свящ. Извѣковъ.

Затѣмъ секретарь доложилъ слѣд. бумаги и письма: 1) Заявленіе *Ю. В. Татищева* о желаніи его отправиться для изученія нѣкоторыхъ историческихъ вопросовъ въ архивахъ г. Чернигова. Постановлено просить Общество о командированіи его для занятій въ названныхъ архивахъ. 2) Краткіе отчеты о командировкахъ *Д. И. Довгялло* для изученія и разборки архива Лепельскаго полицейскаго управленія и *П. П. Богомазова* о поѣздкѣ его для изученія архивовъ Саратовской губ. Такъ какъ оба командированные члена заявили о своемъ желаніи вновь, на слѣдующее лѣто, отправится для дополнительныхъ изысканій въ названные архивы, и кромѣ того *Д. И. Довгялло* обратилъ вниманіе Коммиссіи на богатый архивъ, но неизслѣдованный, въ им. Бѣшенковичахъ (Лепельскаго у.) гр. А. Н. Бутенева-Хрептовича, то постановлено просить Общество о командированіи *П. П. Богомазова* для изученія архивовъ Саратовской губ., а *Д. И. Довгялло*—для разборки архива Лепельскаго у. полицейскаго управленія и архива въ м. Бѣшенковичахъ, предварительно испросивъ на послѣднее согласіе графа Бутенева-Хрептовича. 3) Отношеніе Ковенскаго губернскаго землемѣра съ извѣщеніемъ, что губернаторъ не можетъ разрѣшить высылки въ Москву просимаго Обществомъ плана 1582 г. Постановлено обратиться къ управляющему межевой частью. и) Отношеніе Министерства Финансовъ, въ отвѣтъ на ходатайство Общества о принятіи его археографической коммиссіи министерствомъ въ число учрежденій, въ которыя палаты должны бы обращаться при рѣшеніи вопроса объ уничтоженіи ненужныхъ для дѣлопроизводства дѣлъ, съ обозначеніемъ района, который подлежалъ бы сужденію Коммиссіи; въ своемъ отвѣтѣ министръ финансовъ сообщилъ, что этотъ вопросъ отосланъ имъ на обсужденіе Археологическаго Института, ввиду участія архивныхъ Коммиссій на основаніи циркуляра отъ 2 марта 1892 г. въ разборкѣ дѣлъ казенныхъ палатъ. 5) Письмо *В. М. Кашкарова* съ благодарностью за избраніе въ члены Коммиссіи. 6) Отъ *М. Н. Прокоповича* его соч. „Исторія 2 Драгунскаго С.П.Бургскаго полка“. Постановлено благодарить, а книгу принять въ библіотеку.

ПРОТОКОЛЪ 32-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 19 декабря 1899 г. подъ предсѣдательствомъ *А. И. Кирпичникова*, въ присутствіи предсѣд. Общества граф. *П. С. Уваровой*, тов. предсѣд. Коммиссіи *В. И. Холмогорова*, членовъ: *Ю. В. Арсеньева*, *Н. О. Бѣляевскаго*, *М. А. Веневитинова*, *Ю. В. Готье*, *В. М. Истрина*, *П. И. Иванова*, свящ. *Извѣкова*, *В. В. Нечаева*, *В. Н. Рогожина*, *В. К. Трутовскаго*, *Н. П. Чулкова*, *Г. Н. Шмелева*, *В. О. Эйнгорна*, секретаря *М. В. Довнаръ-Запольскаго* и 15 посѣтителей.

Засѣданіе началось чтеніемъ годичнаго отчета о дѣятельности Коммиссіи.

Затѣмъ слѣдовало чтеніе докладовъ.

Первымъ прочелъ свое сообщеніе *С. О. Долговъ*: „Древнерусскія юридическія пародіи“. Рефератъ *С. О. Долгова* вызвалъ нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній со стороны *А. И. Кирпичникова*. Онъ указалъ на то, что для сравненій съ зап.-европ. пародіями надо направить поиски среди пародій на народ-

ныхъ языкахъ, а не на латинскомъ, какъ это дѣлаетъ докладчикъ. Примѣры такихъ народныхъ пародій можно найти въ Carmina Burana Шмеллера. Аналогичныя пародіи, приведенныя докладчикомъ изъ сатиры Рабле, хотя и интересны, но случайны. Въ частности, для сравнительныхъ поисковъ мотива сказки о Ершѣ слѣдовало бы обратиться къ Reineke Fuchs. Далѣе оппонентъ привелъ нѣсколько данныхъ изъ послѣдней, указалъ на ихъ сходство съ мотивами сказки о Ершѣ, причемъ высказалъ мнѣніе о возможности заимствованія сюжета русской сказки изъ Reineke Fuchs.

Второй докладъ былъ прочитанъ *Ю. В. Арсеньевымъ* о дѣлопроизводствѣ губныхъ старостъ во второй половинѣ XVII в.. Рефератъ *Ю. В. Арсеньева* вызвалъ бесѣду, въ которой принимали участіе *В. О. Эйнгорнъ* и *П. И. Ивановъ*. Первый привелъ, въ дополненіе къ реферату, нѣсколько фактовъ, рисующихъ характеръ столкновеній, происходившихъ между губными старостами и воеводами. *П. И. Ивановъ* подтвердилъ, на основаніи нѣсколькихъ новыхъ данныхъ, выводъ, къ которому отчасти склонялся и референтъ, о томъ, что власти губныхъ старостъ и воеводъ взаимно контролировали другъ друга.

Предсѣдатель благодарилъ обоихъ референтовъ за ихъ сообщенія.

По окончаніи чтенія докладовъ предсѣд. Общества граф. *П. С. Уварова* передала въ Коммиссію присланную въ Общество г. Московскимъ губернаторомъ опись дѣламъ Звенигородскаго Полицейскаго Управленія съ цѣлью опредѣленія по ней дѣлъ, имѣющихъ мѣстное значеніе, и такихъ, которыя такого значенія не имѣютъ и потому могли бы подлежать уничтоженію. Постановлено поручить просмотръ описи съ этою цѣлью *В. И. Холмогорову*, *М. В. Духовскому*, *В. Н. Рогожину*, *В. О. Эйнгорну* и *М. В. Довнаръ-Запольскому*.

Затѣмъ предсѣдатель предложилъ перейти къ выборамъ бюро Коммиссіи на слѣдующее трехлѣтіе. По единогласному рѣшенію присутствовавшихъ постановлено просить остаться прежнее бюро.

ПРОТОКОЛЪ 33-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 4 февраля 1900 г. подъ предсѣдательствомъ тов. предсѣд. Коммиссіи *В. И. Холмогорова*, и въ присутствіи членовъ: *В. П. Алексѣева*, *И. С. Бѣляева*, *Н. О. Бѣлявскаго*, свящ. *Извѣкова*, *г. Кологривова*, *Муркоса*, *В. Прокоповича*, *В. Н. Рогожина*, *Н. А. Рожкова*, *Н. П. Чулкова*, *Г. Н. Шмелева*, *А. И. Успенскаго*, *В. О. Эйнгорна*, секретаря *М. В. Довнаръ-Запольскаго* и стороннихъ посѣтителей *Г. Г. Луньянова*, д-ра *Богословскаго* и др. въ числѣ 8 человѣкъ.

Засѣданіе началось чтеніемъ и утвержденіемъ протоколовъ двухъ предыдущихъ засѣданій.

Затѣмъ началось чтеніе докладовъ.

В. П. Алексѣевъ прочелъ рефератъ о новыхъ документахъ къ исторіи Собора 1648—9 г.г. и составленія Уложенія. По поводу названнаго сообщенія, *В. О. Эйнгорнъ* высказалъ мнѣніе, что открытый *В. П. Алексѣевымъ* документъ свидѣтельствуетъ о снабженіи депутатовъ инструкціями со стороны мѣстнаго населенія. *М. В. Довнаръ-Запольскій*, соглашаясь съ изложеннымъ замѣчаніемъ, обратилъ вниманіе на значеніе приведенныхъ референтомъ новыхъ данныхъ, какъ для исторіи Собора, такъ и для исторіи составленія Уложенія. Само населеніе оказывается сильно заинтересованнымъ результатомъ совѣщаній съ недовольными. Интересенъ также и рѣзкій отзывъ правительства о желаніяхъ мѣстнаго общества. Вообще, дальнѣйшіе поиски въ томъ же направленіи могутъ способствовать измѣненію нашихъ взглядовъ на отношеніе общества къ дѣятельности земскихъ соборовъ.—Въ дальнѣйшей бесѣдѣ по поводу доклада принимали участіе *Г. Н. Шмелевъ* и *В. Н. Кологривовъ*.

Въ заключеніе предсѣдатель благодарилъ референта за интересное сообщеніе.

Вторымъ читалъ докладъ *И. С. Бѣляевъ* о документахъ Моск. архива Министерства Юстиціи въ отношеніи купеческихъ родословныхъ. Референтъ, указавъ въ общихъ чертахъ на положеніе городскихъ классовъ населенія въ Московскій періодъ и въ XVIII в., перешелъ къ детальному обзору тѣхъ документовъ архива, по которымъ должно производить поиски по исторіи русскаго купечества. Въ видѣ иллюстраціи, референтъ привелъ ходъ своихъ работъ по изысканію родословія Чухломскихъ посадскихъ людей—Юдиныхъ. Имѣя указаніе на одного лишь представителя этого рода конца XVIII вѣка, докладчикъ съумѣлъ составить полную родословную Юдиныхъ по писцовымъ, отписнымъ книгамъ, дѣламъ Камеръ-Коллегіи и др., и довелъ ее до 1613 г. При этомъ референтомъ приведены наиболѣе любопытныя біографическія черты представителей рода.

По окончаніи чтенія доклада, *Н. А. Кожинъ* предложилъ референту нѣсколько вопросовъ о томъ, какое онъ придаетъ значеніе архивнымъ актамъ о купеческихъ родословныхъ, и въ частности тѣмъ даннымъ, которыя приведены въ сообщеніи. Референтъ далъ поясненія въ томъ смыслѣ, что подобныя данныя имѣютъ бытовой и частью юридическій интересъ. *В. И. Холмогоровъ* съ своей стороны сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о томъ научномъ интересѣ, какой могли бы представить историческія данныя о крупныхъ купеческихъ фамиліяхъ, если бы прослѣдить исторію ихъ не столько съ бытовой стороны, но какъ исторію торговыхъ фирмъ.

По прочтеніи докладовъ, Коммиссія приступила къ разсмотрѣнію текущихъ дѣлъ.

Секретарь доложилъ: 1) о томъ, что опись дѣламъ Звенигородскаго полицейскаго управленія просмотрѣна избранными для этой цѣли въ прошломъ засѣданіи членами. 2) *В. Н. Рогожинъ* доложилъ о полученіи имъ отъ Коммиссіи по разборкѣ дѣлъ губ. архива описи дѣламъ Бронницкаго у. пол. управл. Постановлено, просить *В. И. Холмогорова* по прежнему руководить просмотромъ и этой описи. 3) Секретарь доложилъ о поступившихъ въ Общество 6 связокъ документовъ, заарестованныхъ судебнымъ слѣдователемъ; дѣла доставлены слѣдователемъ съ предложеніемъ произвести экспертизу, для опредѣленія ихъ научнаго и документальнаго значенія, а также и вопроса о томъ, изъ какого архива эти дѣла могли бы быть похищены. При этомъ секретарь пояснилъ, что по предложенію тов. предсѣдателя въ экспертизѣ принимали участіе члены Коммиссіи *Н. О. Бѣлявскій*, *В. В. Нечаевъ*, *Г. Н. Шмелевъ*, *В. О. Эйнгорнъ*, *Ю. В. Арсеньевъ* и *секретарь*. Ими составленъ и протоколъ осмотра дѣлъ. Доложенный протоколъ былъ обсужденъ и утвержденъ Коммиссіей. 4) Затѣмъ доложены были слѣд. бумаги: a) Отношеніе предсѣдателя Уфимской межевой Коммиссіи отъ 11 дек. 1899 г. за № 1759, съ извѣщеніемъ, что при Коммиссіи особаго архива нѣтъ, а старыя дѣла ея хранятся при Межевой Канцеляріи. b) Отношеніе на имя Общества канцеляріи Мин. Земледѣлія и Госуд. Имуществъ отъ 18 декабря 1899 г. за № 7694 съ извѣщеніемъ, что г. министръ, въ отвѣтъ на просьбу Общества, и имѣя въ виду издать распоряженіе по управленіямъ госуд. имуществами о разрѣшеніи членамъ Общества заниматься въ архивахъ управленій, равно какъ и распоряженіе по Московско-Тверскому управленію госуд. имущ. о присылкѣ ими въ Общество всѣхъ дѣлъ, признанныхъ управленіемъ подлежащими уничтоженію предварительно таковаго, для просмотра. c) Письмо *А. А. Піотровскаго* съ запросомъ о программѣ для описанія архивовъ и объ изданіяхъ Коммиссіи. Постановлено послать требуемыя свѣдѣнія.

ПРОТОКОЛЪ 34-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 13 марта 1900 г. подъ предсѣдательствомъ *А. И. Кирпичникова*, въ присутствіи тов. предсѣд. Ком-

миссіи *В. И. Холмогорова*, членовъ *Ю. В. Арсеньева*, *Н. О. Бѣлявскаго*, *М. А. Веневитинова*, *кн. Н. Вл. Голицына*, *Ю. В. Готье*, *С. О. Долгова*, *Д. И. Иловайскаго*, свящ. *Извѣкова*, *Г. Г. Лукьянова*, *В. В. Нечаева*, *Г. А. Ряжскаго*, *В. Н. Сторожева*, *Ю. В. Татищева*, *Н. П. Чулкова*, *С. К. Шамбинаго*, *В. О. Эйнгорна*, *Д. В. Улянинскаго*, секретаря *М. В. Довнаръ-Запольскаго* и посѣтителей: д-ра *Богословскаго*, *г. Григорьева*, *Н. Н. Маркова* и др. въ числѣ 10 чел.

Засѣданіе началось чтеніемъ и утвержденіемъ протокола предшествующаго засѣданія.

Затѣмъ секретаремъ были сдѣланы слѣд. предложенія: 1) Напомнивъ объ исполнившемся въ день засѣданія тридцатипятилѣтіи учено-литературной дѣятельности извѣстнаго въ наукѣ своими изданіями памятниковъ *П. А. Гильдебрандта* и указавъ вкратцѣ на научныя заслуги юбиляра, секретарь предложилъ послать ему привѣтственную телеграмму. Настоящее предложеніе встрѣтило живое одобреніе Коммиссіи. 2) Секретарь доложилъ о желаніи приватъ-доцента *В. Х. Дена* получить отъ Общества и Коммиссіи командировку для занятій въ архивѣ Московской Казенной Палаты. Рѣшено просить объ этомъ Общество.

Доложены слѣд. бумаги: Отъ Воронежскаго губ. Статистическаго Комитета, г. Калужскаго губернатора, г. управляющаго межевою частью и Новгородскаго Статистическаго Комитета съ извѣщеніемъ о разсылкѣ ими въ архивы программъ по описанію архивовъ, и отъ г. Вологодскаго губернатора—предложеніе выслать еще 120 экземпляровъ программъ съ тою же цѣлью.

Послѣ доклада текущихъ дѣлъ, *С. О. Долговъ* прочелъ сообщеніе о родословномъ сборникѣ Сабуровыхъ, хранящемся въ Моск. Румянц. Музеѣ. Сообщеніе это вызвало нѣсколько замѣчаній со стороны *М. А. Веневитинова*, *Д. И. Иловайскаго*, обратившаго вниманіе на историческое значеніе частныхъ родословныхъ, и *М. В. Довнаръ-Запольскаго*, обратившаго вниманіе на имѣющуюся въ родословцѣ запись о Литовской радѣ: это показываетъ, что и въ XVI в. московское боярство уже присматривалось къ положенію литовскихъ радныхъ пановъ

Въ заключеніе бесѣды предсѣдатель благодарилъ референта за интересное сообщеніе.

Второй докладъ былъ прочитанъ *Г. Г. Лукьяновымъ* объ иноземныхъ инструкторахъ въ русскомъ войскѣ вт. полов. XVII в. По поводу прочитаннаго *М. А. Веневитиновъ* сдѣлалъ запросъ референту о встрѣчающемся въ докладѣ терминѣ „завоеводчикъ", а *Ю. В. Готье* обратилъ вниманіе на то, что упомянутый въ докладѣ полковникъ Ульфъ встрѣчается въ книгахъ позднѣйшаго времени.

Въ заключеніе предсѣдатель благодарилъ референта за сообщеніе и предложилъ его въ члены Коммиссіи, на что послѣдовало согласіе Коммиссіи.

Третій докладъ былъ прочитанъ *Ю. В. Татищевымъ* объ архивахъ г. Чернигова (отчетъ о командировкѣ). По поводу прочитаннаго, *Д. И. Иловайскій* выразилъ пожеланіе, чтобы референтъ продолжилъ свои изысканія въ разсмотрѣнныхъ имъ архивахъ, а также объ изданіи описей ихъ. *С. К. Шамбинаго* выразилъ пожеланіе объ изданіи также и наиболѣе интересныхъ изъ открытыхъ докладчикомъ документовъ. Референтъ, благодаря за указанія, выразилъ намѣреніе дополнить свои изысканія въ Черниговскихъ архивахъ въ теченіе предстоящаго лѣта, если Коммиссія найдетъ возможнымъ вновь командировать его. Предсѣдатель, поблагодаривъ докладчика за сообщеніе, предложилъ избрать его въ члены Коммиссіи и просить Общество о вторичномъ командированіи *Ю. В. Татищева* для занятій въ Черниговскіе архивы. Оба предложенія предсѣдателя были приняты.

Въ заключеніе *Ю. В. Татищевъ* обратилъ вниманіе на слѣд. обстоятельство. Архивъ Черниговскаго дворянскаго депутатскаго собранія былъ приведенъ въ порядокъ при пок. предводителѣ дворянства кн. Долгорукомъ. При разборкѣ дѣлъ, часть ихъ была отложена для опредѣленія тѣхъ изъ нихъ, которыя бы могли подлежать уничтоженію, какъ не представляющія ни научнаго, ни практическаго интереса. Для этой разборки составлена особая Коммиссія при Собраніи. Однако секретарь Собранія выразилъ мнѣніе, что Депутатское Собраніе охотно передало бы опись означенныхъ дѣлъ или частью самыя дѣла въ Археографическую Коммиссію, если бы она выразила готовность ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Ввиду сказаннаго предсѣдатель предложилъ просить Общество войти въ Собраніе съ предложеніемъ о присылкѣ въ Коммиссію описи дѣлъ архива.

При этомъ *Г. А. Ряжскій* внесъ слѣд. предложеніе: во время занятій дѣлами Суздальскаго Покровскаго женскаго монастыря, ему удалось случайно найти въ монастырской ризницѣ два короба документовъ монастыря, относящихся къ XVII в. и касающихся монастырскаго хозяйства. Въ виду глубокаго научнаго интереса, представляемаго этими столбцами, желательно было бы просить епархіальное начальство о высылкѣ ихъ для просмотра въ Коммиссію. Настоящее предложеніе было принято и рѣшено обратиться въ Общество съ просьбою снестись по этому вопросу съ мѣстнымъ епископомъ.

Послѣ небольшого перерыва, засѣданіе возобновилось докладомъ секретаря объ изданіи Трудовъ Коммиссіи. Доводя до свѣдѣнія собранія о томъ, что, по постановленію Общества, Коммиссія можетъ приступить къ печатанію 2-го тома своихъ „Трудовъ", секретарь поставилъ на разрѣшеніе собранія три предложенія: 1) объ исключеніи изъ „Трудовъ" особой рубрики, посвященной критикѣ и библіографіи. При этомъ секретарь пояснилъ, что критическія статьи могли бы найти себѣ мѣсто среди докладовъ, а библіографическія замѣтки являются, по его мнѣнію, излишними въ виду того, что „Труды" не представляютъ собою повременнаго изданія. Противъ этого предложенія возражалъ *Г. А. Ряжскій*, указывавшій на значеніе библіографическихъ свѣдѣній для провинціальныхъ сочленовъ. Въ виду возникшаго по этому поводу разногласія, обсужденіе вопроса, по предложенію предсѣдателя, было отложено до слѣд. засѣданія. 2) О введеніи, согласно предложенію *Д. И. Иловайскаго*, въ каждый выпускъ „Трудовъ" особой рубрики „Матерьяловъ для словаря юридическихъ древностей". По обсужденіи, это предложеніе было принято. 3) О нѣкоторомъ измѣненіи въ порядкѣ подготовительнаго просмотра матеріаловъ, предназначенныхъ для помѣщенія въ „Трудахъ". При этомъ секретарь напомнилъ о порядкѣ разсмотрѣнія матерьяловъ для 1-го тома „Трудовъ": томъ этотъ печатался подъ общимъ наблюденіемъ предсѣдателя Коммиссіи, согласно постановленію Общества. Статьи просматривались предварительно всѣмъ составомъ бюро Коммиссіи при участіи нѣкоторыхъ членовъ, спеціально занимавшихся вопросами, которымъ посвящены статьи. Подготовленный такимъ образомъ матерьялъ для „Трудовъ" представлялся уже на разсмотрѣніе и утвержденіе Редакціоннаго Комитета Общества. Теперь, для подготовительной работы по 2 тому, бюро Коммиссіи предлагаетъ: не найдетъ ли Коммиссія удобнымъ избрать нѣсколькихъ сочленовъ, которые бы, совмѣстно съ бюро, опредѣлили составъ 2-го тома „Трудовъ". При обсужденіи этого предложенія, *М. А. Веневитиновъ* возбудилъ вопросъ о томъ, не будетъ ли избраніе такой редакціи противорѣчить прерогативамъ Редакціоннаго Комитета Общества. На это послѣдовало со стороны секретаря разъясненіе, что какъ бы ни велись редакціонныя работы въ средѣ самой Коммиссіи, онѣ могутъ имѣть, по отношенію къ Редакціонному Комитету Общества, только подготовительное значеніе и санкція ихъ всегда остается за Комитетомъ.

Обсужденіе этого предложенія бюро Коммиссіи окончилось слѣдующимъ постановленіемъ: рѣшено просить предсѣдателя Общества гр. *П. С. Уварову* принять участіе въ редакціонныхъ работахъ бюро Коммиссіи и сверхъ того для той же цѣли

избрать: ***С. О. Долгова*, *П. И. Иванова*, *Г. Н. Шмелева*** и ***Н. П. Чулкова*.** Этому составу редакцій поручить веденіе только одного 2-го тома „Трудовъ“.

Засѣданіе закончилось чтеніемъ ***М. В. Довнаръ-Запольскимъ*** докладовъ: 1) О Ливенскихъ документахъ метрики Литовской и 2) Объ архивѣ Варшавской Казенной Палаты. Предсѣдатель благодарилъ докладчика за сообщеніе.

ПРОТОКОЛЪ 35 го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 27 марта 1900 г, при тов. предсѣдателя Коммиссіи ***В. И. Холмогоровѣ***, въ присутствіи предсѣдателя Общества гр. ***П. С. Уваровой***, членовъ: ***В. П. Алексѣева*, *И. П. Арсеньева*, *С. П. Арсеньева*, *кн. Н. В. Голицына*, *Л. Д. Воронцовой*, *С. К. Богоявленскаго*, *П. И. Иванова***, свящ. ***Извѣкова*, *Д. И. Иловайскаго*, *Л. З. Мсеріанца*, *В. К. Трутовскаго*, *Н. П. Чулкова*, *Г. Н. Шмелева*, *В. О. Эйнгорна***, секретаря ***М. В. Довнаръ-Запольскаго*** и посѣтителей ***кн. Путятина*, *д-ра Богословскаго*** и др. въ числѣ 10 человѣкъ.

Засѣданіе открыто рѣчью В. И. Холмогорова, указавшаго на тяжелую утрату, понесенную Коммиссіей въ лицѣ покойнаго члена ея Н. Н. Харузина. По предложенію предсѣдателя, Коммиссія почтила память покойнаго вставаніемъ.

Все дальнѣйшее засѣданіе было посвящено чтенію докладовъ.

Кн. ***Н. В. Голицынъ*** прочиталъ сообщеніе объ архивѣ Константинопольскаго посольства въ Моск. Гл. Арх. М. И. Д.[1]).

Докладъ вызвалъ нѣсколько запросовъ со стороны ***Д. И. Иловайскаго*. *В. К. Трутовскаго*** и ***В. О. Эйнгорна*.**

Въ заключеніе предсѣдатель благодарилъ референта за сообщеніе.

Второй докладъ былъ прочтенъ ***В. П. Алексѣевымъ***: „Веревныя книги первой четв. XVIII в. какъ матерьялъ для исторіи крестьянскаго хозяйства на Сѣверѣ Россіи“.

Ю. В. Арсеньевъ обратился къ референту за разъясненіями о раскладкѣ тягла по веревнымъ книгамъ. ***С. К. Богоявленскій*** возбудилъ вопросъ о различіи между веревными и разрубными книгами, а также о соотношеніи ихъ къ писцовымъ. Докладчикъ разъяснилъ, что веревныя книги—частнаго происхожденія и не имѣютъ оффиціальнаго значенія. Въ послѣдующей бесѣдѣ ***Ю. В. Арсеньевъ*** пожелалъ узнать мнѣніе докладчика о томъ, на сколько веревныя книги могутъ служить показателемъ общинности землевладѣнія. Докладчикъ пояснилъ, что веревныя книги не содержатъ въ себѣ достовѣрныхъ указаній на общинное владѣніе. ***П. И. Ивановъ*** замѣтилъ, что веревныя книги характеризуютъ исключительно административную общину, а не поземельную.

Въ заключеніе бесѣды предсѣдатель благодарилъ докладчика за сообщеніе и объявилъ, что рефератъ ***П. И. Иванова*** о передѣлахъ у вотчинныхъ крестьянъ на Сѣверѣ в XVII в. отлагается до слѣд. засѣданія.

ПРОТОКОЛЪ 36-го ЗАСѢДАНІЯ

Засѣданіе происходило 13-го апрѣля 1900 г. при предсѣдателѣ ***А. И. Кирпичниковѣ***, въ присутствіи тов. предсѣд. ***В. И. Холмогорова***, членовъ: ***В. П. Алексѣева*, *Ю. В. Готье*, *П. И. Иванова*, *Д. И. Иловайскаго*, *А. С. Лебедева*, *В. О. Ключевскаго*, *В. Н. Рогожина*, *Н. А. Рожкова*, *И. Н. Миклашевскаго*, *С. К. Шамбинаго*, *Г. Н. Шмелева*, *В. О. Эйнгорна***, секретаря ***М. В. Довнаръ-Запольскаго*** и 6 посѣтителей.

---

[1]) Напечатано въ Сборникѣ Моск. Главн. А. М. И. Д.

Засѣданіе, по предложенію предсѣдателя, началось чтеніемъ рефератовъ.

П. И. Ивановъ прочелъ сообщеніе о передѣлахъ у вотчинныхъ крестьянъ на Сѣверѣ въ нач. XVIII в.

По поводу прочтеннаго, ***И. Н. Миклашевскій*** обратился къ референту за разъясненіями о различіи между горной землей и поскотинной, а также по вопросу о взаимоотношеніи, указанномъ референтомъ, между повинностями, лежавшими на землѣ, и лицами, садившимися на ней. ***П. И. Ивановъ*** разъяснилъ, что поскотинная земля—такая, на которой пасся скотъ, хотя тамъ иногда и бывала пашня; на горной же землѣ тоже есть и сѣнокосъ и пашня. Въ поясненіе высказаннаго докладчикомъ взгляда объ отношеніи лица и земли съ ея повинностями, онъ указалъ на такіе факты, когда посадскій, оставаясь въ посадѣ, беретъ и тяглую общинную землю, при чемъ выполняетъ и всѣ общинныя статьи. Къ предшествующему разъясненію прибавилъ нѣсколько указаній изъ западно-русскихъ актовъ ***М. В. Довнаръ-Запольскій***, такъ какъ въ Литовской Руси наблюдается въ древнѣйшее время, тѣсная связь земли съ повинностями.

Д. И. Иловайскій пожелалъ разъясненій со стороны референта по слѣд. вопросамъ—о томъ, не удалось ли ему наблюдать какихъ нибудь различій въ отношеніяхъ вотчинника къ крестьянской общинѣ на земляхъ монастырскихъ, архіерейскихъ и свѣтскихъ помѣщиковъ, о власти приказныхъ старцевъ особенно по отношенію къ передѣламъ и объ отличіи строя артельныхъ союзовъ отъ поземельной общины. ***П. И. Ивановъ*** пояснилъ, что свои наблюденія надъ общиной онъ пока производилъ только на монастырскихъ земляхъ. Относительно приказнаго старца, онъ пояснилъ, что старцы являются передаточной инстанціею между вотчинникомъ и міромъ, притомъ ихъ функціи часто смѣшиваются съ функціями выборныхъ мірскихъ властей. Что касается строя артелей вообще и поземельной общины, то юридическая обосновка того и другого трудно различима.

Затѣмъ за разъясненіями обратился къ референту ***В. О. Ключевскій***. Прежде всего онъ пожелалъ узнать объ источникахъ референта и о соотношеніи, какое докладчикъ дѣлаетъ между данными актовъ и строеніемъ современной общины на Сѣверѣ. На это референтъ пояснилъ, что его источники—писцовыя книги и акты Архангельскаго древнехранилища. Въ основу изученія имъ положены исключительно историческіе матеріалы, и современныя данныя привлечены лишь въ качествѣ пояснительныхъ параллелей. Затѣмъ ***В. О. Ключевскій***, получивъ отъ референта разъясненія относительно значенія дольниковъ и складниковъ, высказалъ слѣд. предположеніе о строѣ и происхожденіи Сѣверной общины. Докладчикъ, по его мнѣнію, не отмѣтилъ перелома, происшедшаго въ поземельныхъ отношеніяхъ Сѣвера. Тамъ не было общины, но распространено было сябринное землевладѣніе. Понятіе о поземельной общинѣ занесено на Сѣверъ изъ центра и при томъ поздно. Сябринное землевладѣніе основано на товариществѣ; въ немъ нѣтъ передѣловъ, но бывалъ раздѣлъ земли. Древнѣйшіе акты, до 1630-хъ г. вообще—не передѣлы, но раздѣлы земель. Отличіе сябриннаго землевладѣнія отъ общиннаго заключается въ томъ, что въ первомъ доли не мѣняются. Между тѣмъ отличительная сторона общиннаго землевладѣнія сводится къ тремъ существеннымъ признакамъ—къ періодичности передѣловъ, компактному раздѣленію земель и луговъ и къ разверсткѣ земель сообразно тягламъ.

По окончаніи бесѣды по поводу реферата предсѣдатель поблагодаривъ референта за сообщеніе предложилъ, за позднимъ временемъ, чтеніе протоколовъ и докладъ ***М. В. Довнаръ-Запольскаго*** о происхожденіи рады Литовско-русскаго государства отложить.

ПРОТОКОЛЪ 37-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 6 мая 1900 г. подъ предсѣдательствомъ *А. И. Кирпичникова*, въ присутствіи тов. предс. *В. И. Холмогорова*, членовъ: *Г. Г. Лукьянова*, *И. Н. Миклашевскаго*, *П. П. Никольскаго*, *Ю. В. Татищева*, *г. Дурново* и секретаря *М. В. Довнаръ-Запольскаго.*

Засѣданіе началось чтеніемъ и утвержденіемъ протоколовъ трехъ предшествующихъ засѣданій.

Затѣмъ разсматривались текущія дѣла: 1) Доложены слѣд. письмо и бумаги: а) Сообщеніе изъ Министерства Финансовъ о томъ, что имъ разосланы программы Коммиссіи по собиранію свѣдѣній объ архивахъ въ акцизныя управленія. б) Сообщеніе глав. управленія неокладныхъ сборовъ съ препровожденіемъ 34 отвѣтовъ объ архивахъ акцизныхъ управленій. Постановлено благодарить. с) Сообщеніе г. Енисейскаго губернатора съ препровожденіемъ отвѣта объ архивахъ. з) Тоже изъ 1-го Департамента Министер. Юстиціи съ присылкою двухъ томовъ сборника циркуляровъ по министерству. е) Сообщеніе Министерства Двора съ приложеніемъ правилъ и законовъ, коими руководствуются архивы Министерства. д) Доложено о полученіи отъ Калужской Архивной Коммиссіи 3-го вып. „Извѣстій" за 1900 г. Всѣ означенныя учрежденія постановлено благодарить за ихъ сообщенія. Сверхъ того, такъ какъ изъ сообщенія Минист. Двора усматривается, что имъ недослано постановленіе Деп. Удѣловъ 1870, касающееся распорядковъ въ архивахъ до 1892 г., то постановлено просить о высылкѣ этого постановленія. і) Сообщеніе г-на Управляющаго Московскою Казенною Палатою о сдѣланномъ распоряженіи допустить къ занятіямъ въ архивѣ Палаты *В. Э. Дена*, командированнаго съ этою цѣлью Коммиссіей. к) Благодарность отъ *П. Л. Гильдебрандта*, за принесенное Коммиссіею поздравленіе по поводу исполнившагося 13 марта тридцатилѣтія его ученой дѣятельности. л) Благодарность *Г. Г. Лукьянова*, за избраніе въ члены Коммиссіи. Доложено о полученіи слѣд. пожертвованій: 7 столбцовъ отъ *Н. С. Курдюкова* и снимка съ грамоты Стефана Баторія къ Новгородцамъ отъ о. Пирлинга. Постановлено благодарить. Затѣмъ состоялись три постановленія: 1) по предложенію *М. В Довнаръ-Запольскаго* рѣшено просить чрезъ Общество Воронежское Губ. Земство и Воронежскую Дирекцію народн. училищъ о высылкѣ нѣкоторыхъ дѣлъ, касающихся народнаго образованія въ нач. XIX в. и хранящихся въ архивахъ названныхъ учрежденій г) по предложенію *Ю. В. Татищева* рѣшено просить, чрезъ Общество, *г. Бакуринскаго* о высылкѣ въ Коммиссію его семейнаго архива для просмотра, и просить Общество выразить благодарность Общества г. Черниговскому губернатору д. ст. с. Андреевскому, архіепископу Антонію, гг. Бакуринскому и Малявко за оказанное ими содѣйствіе во время занятій *Ю. В. Татищева* въ мѣстныхъ архивахъ.

Далѣе читался некрологъ Н. Н. Харузина.

Далѣе Коммиссію обсуждалось переданное Обществомъ предложеніе намѣтить программу изученія Военно-уч. архива Гл. Штаба для командируемаго Обществомъ съ этою цѣлью *И. М. Катаева*. Въ обсужденіи этого вопроса принимали участіе *И. Н. Миклашевскій*, *А. И. Кирпичниковъ*, *В. И. Холмогоровъ* и *М. В Довнаръ-Запольскій.* Обмѣнъ мнѣній по настоящему вопросу выяснилъ слѣд. общія положенія, которыя рѣшено рекомендовать г. Катаеву при его занятіи въ архивѣ: полезно было бы получить краткое общее описаніе рукописей архива, относящихся къ Харьковской и сосѣднимъ губерніямъ; желателенъ былъ бы также обзоръ карты Украинской линіи, сопоставленіе ея съ Бѣлгородской чертой. Если рукописей окажется такъ много что общій ихъ обзоръ оказался бы затруднительнымъ, или если *г. Катаевъ* имѣетъ время, то желательно было бы получить болѣе подробныя свѣдѣнія источниковъ о мѣстностяхъ, расположенныхъ ближе къ Харькову.

Сообщеніе *г. Мальмгрена* о палеографической выставкѣ при Археологическомъ Институтѣ, за позднимъ временемъ, было отложено.

ПРОТОКОЛЪ 38-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 19-го октября 1900 г. при предсѣдателѣ Коммиссіи *А. И. Кирпичниковѣ*, въ присутствіи тов. предсѣд. *В. И. Холмогорова*, членовъ: *П. И. Иванова*, *В И. Кологривова*, *В. Н. Рогожина*, *Г. А. Ряжскаго*, *М. Н. Сперанскаго*, *Ю. В. Татищева*, *С. К. Шамбинаго*, *Г. Н. Шмелева*, *Н. П. Чулкова*, секретаря *М. В. Довнаръ-Запольскаго* и 10 посѣтителей.

Засѣданіе было посвящено памяти *В. Н. Татищева* по случаю исполнившагося полуторастолѣтія со дня его смерти.

По предложенію предсѣдателя засѣданіе открылось чтеніемъ письма *С. С. Слуцкаго*, который, выражая свое сожалѣніе о томъ, что не можетъ быть въ засѣданіи, посвященномъ памяти *Татищева*, передаетъ сердечный привѣтъ Коммиссіи „и съ мыслью этого засѣданія и съ исполненіемъ ея", а вмѣстѣ съ тѣмъ и молодому сочлену *Ю. В. Татищеву*, принимающему участіе въ чествованіи таланта славнаго предка. Затѣмъ предсѣдатель произнесъ рѣчь, посвященную выясненію главнѣйшихъ особенностей въ мировоззрѣніи *В. Н. Татищева* и его общественнаго положенія и какъ сановника.

С. К. Шамбинаго прочелъ докладъ, посвященный обзору литературы о научномъ значеніи *В. Н. Татищева*, а *Ю. В. Татищевъ* сдѣлалъ сообщеніе о вновь открытыхъ имъ данныхъ по извѣстному процессу о злоупотребленіяхъ В. Н. Татищева въ бытность его Оренбургскимъ губернаторомъ. По прочтеніи докладовъ кн. *Н. В. Голицынъ* обратился къ *Ю. В. Татищеву* съ запросомъ, не заключается ли въ Сенатскомъ дѣлѣ о В. Н. Татищевѣ какихъ либо указаній на его отношеніе къ Демидову и Строгоновымъ, потому что въ портфеляхъ Миллера (М. Арх. М. Ин. Д.) есть письмо его съ жалобами на названныхъ лицъ. *Ю. В. Татищевъ* пояснилъ, что у В. Н. Татищева было первое столкновеніе именно съ Демидовымъ въ нач. 1737 г., но что въ дѣлѣ нѣтъ новыхъ указаній сравнительно съ извѣстными уже въ литературѣ. *Ю. В. Арсеньевъ* указалъ на существованіе въ мѣстныхъ Оренбургскихъ архивахъ данныхъ, относящихся къ дѣятельности В. Н. Татищева. *М. В. Довнаръ-Запольскій* задалъ вопросъ о томъ, нѣтъ ли въ отрывкахъ изъ дневника В. Н. Татищева какихъ ниб. указаній на ходъ его литературныхъ работъ, на что получилъ отъ *Ю. В. Татищева* разъясненіе, что дневникъ носитъ полуоффиціальный характеръ и свѣдѣній о научныхъ занятіяхъ не встрѣчается. *А. И. Кирпичниковъ* сдѣлалъ добавленіе къ докладу *С. К. Шамбинаго*, указавъ на книгу Ѳед. Гилярова о лѣтописяхъ, гдѣ онъ даетъ подробный анализъ Іоакимовской лѣтописи. Въ заключеніе предсѣдатель благодарилъ обоихъ референтовъ за ихъ доклады и объявилъ перерывъ засѣданія.

Послѣ перерыва былъ прочтенъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія и разсмотрѣны нѣкоторыя текущія дѣла. Хранители рукописей *Г. Н. Шмелевъ* и *Н. П. Чулковъ* внесли предложеніе о выработкѣ особой инструкціи для занимающихся рукописями. Представленный ими проэктъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, былъ утвержденъ въ слѣд. видѣ:

„1) Къ занятіямъ въ рукописномъ хранилищѣ И. М. А. Общ. допускаются: а) члены Общества и Археографической Коммиссіи, b) также и посторонія лица по усмотрѣнію одного изъ завѣдующихъ хранилищемъ. 2) Выдача документовъ производится: а) въ дни засѣданій Коммиссіи, и еженедѣльно по субботамъ отъ 6 до 7 час. веч.; въ послѣднемъ случаѣ лицо, желающее получить рукописи, должно предварительно письменно извѣстить объ этомъ одного изъ хранителей. 3) Ру-

копись ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выносима изъ помѣщенія Общества. 4) Выдаваемые документы записываются въ особую книгу. 5) Выданныя на руки рукописи хранятся въ особо предназначенномъ шкафу, ключи отъ котораго находятся у завѣдующей канцеляріей Общества".

Затѣмъ доложены слѣд. письма: 1) ***Б. П. Вышковскаго*** (изъ Житоміра) и ***И. А. Сатина*** съ просьбою сообщить свѣдѣнія о томъ, гдѣ хранятся интересующіе ихъ генеалогическіе документы. Поручено секретарю сдѣлать надлежащія указанія. 2) Письмо отъ гр. К. А. Хребтовича-Бутенева на имя предсѣдателя Общества съ извѣщеніемъ о готовности открыть доступъ въ архивъ принадлежащаго графу им. Бѣшенковичъ для командированнаго ***Д. И. Довгялло***. Постановлено благодарить. 3) Отъ о. ***І. Попова*** (изъ Владикавказа) краткое сообщеніе о его работахъ въ архивѣ б. Кизлярскаго коменданта (дѣла 1725—1799 гг.). Рѣшено послать вып. „Трудовъ" и просить о доставленіи болѣе подробныхъ свѣдѣній. 4) Отъ г. ***Поддьякова*** краткое описаніе рукописей Великоустюжскаго Успенскаго собора. Постановлено благодарить, рукопись же передать ***П. И. Иванову*** съ цѣлью опредѣлить наиболѣе интересные изъ описанныхъ документовъ и просить г. ***Поддьякова*** доставить болѣе подробныя о нихъ свѣдѣнія. 5) Письмо на имя предсѣдателя Общества отъ ***В. В. Бѣляева*** (изъ Макарьева—на—Унжѣ) съ сообщеніемъ о томъ плачевномъ состояніи въ которомъ находится архивъ старыхъ дѣлъ Нижегородской Консисторіи, находящійся при Печерскомъ монастырѣ. Рѣшено снестись по этому поводу съ Нижегородской архивной Коммиссіей. ***В. Н. Рогожинъ*** по этому поводу сообщилъ, что сохранность и архива Владимірской Духовной Семинаріи также весьма необезпечена, почему, по его предложенію, рѣшено снестись съ Владимірской уч. арх. Ком. по вопросу о томъ, какія бы можно принять мѣры для сохраненія архива.

ПРОТОКОЛЪ 39-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 16 ноября 1900 г. подъ предсѣдательствомъ ***А. И. Кирпичникова***, въ присутствіи тов. предсѣд. ***В. И. Холмогорова***, членовъ: ***Л. Д. Воронцовой, Ю. В. Готье, В. П. Алексѣева, о. Извѣкова, И. М. Катаева, В. В. Нечаева, В. Н. Рогожина, Г. А. Ряжскаго, П. Д. Уляницкаго, А. И. Успенскаго, Г. Н. Шмелева***, секретаря ***М. В. Довнаръ-Запольскаго*** и 5 посѣтителей.

Засѣданіе началось чтеніемъ и утвержденіемъ протокола предыдущаго засѣданія.

Затѣмъ ***Г. Н. Шмелевъ*** прочелъ докладъ „Къ вопросу о происхожденіи однодворцевъ". Сообщеніе ***Г. Н. Шмелева*** вызвало продолжительный обмѣнъ мнѣній между сочленами. ***Г. А. Ряжскій*** привелъ указанія на то, что нѣкоторые дворянскіе роды вышли изъ однодворцевъ. ***Ю. В. Готье*** замѣтилъ, что для него не ясна постановка въ докладѣ вопроса о томъ, какое положеніе заняли дѣти боярскіе, поверстанные на Южной Украйнѣ до привлеченія туда разныхъ низшихъ элементовъ служилыхъ людей, составившихъ классъ однодворцевъ. При этомъ онъ высказалъ предположеніе, что хронологическимъ моментомъ, съ котораго правительство стало усиленно сзывать на Украйну служилыхъ людей, былъ 1637 г. ***Г. Н. Шмелевъ*** разъяснилъ, что въ моментъ образованія однодворческаго класса не было строгой обособленности между однодворцами и дѣтьми боярскими: есть факты, когда одинъ изъ братьевъ числится въ дѣтяхъ боярскихъ, другой въ однодворцахъ. Однако, съ теченіемъ времени обособленность въ однодворческой средѣ развилась, она существуетъ и въ наст. время. ***В. И. Холмогоровъ*** высказалъ мнѣніе, что сословное обособленіе для однодворцевъ наступило съ момента ревизій; до этого времени терминъ однодворецъ не имѣлъ оффиціальнаго значенія. Въ XVII-же вѣкѣ оффиціальное признаніе на югѣ имѣли только спеціальныя службы. На югѣ не было опредѣленнаго оклада для службы, почему

между служилыми людьми было еще различіе въ экономическомъ положеніи. На югѣ осаживается много бѣглыхъ людей, которые и занимаютъ въ служебной лѣстницѣ низшее положеніе сравнительно съ поверстанными ранѣе здѣсь дѣтьми боярскими Изъ этого сброда образовались и однодворцы. ***Г. Н. Шмелевъ*** ссылками на документы, цитированные въ докладѣ, старался подтвердить оффиціальное значеніе термина однодворецъ, не отрицая сборнаго происхожденія самаго класса однодворцевъ.—Въ дальнѣйшей бесѣдѣ принимали участіе ***А. И. Кирпичниковъ, М. В. Довнаръ-Запольскій*** и ***Г. А. Ряжскій***. Въ заключеніе предсѣдатель благодарилъ референта за докладъ.

Второе сообщеніе было прочитано ***И. М. Катаевымъ*** о топографическомъ описаніи Харьковскаго намѣстничества 1785 г. По поводу наст. доклада ***А. И. Кирпичниковъ*** высказался въ томъ смыслѣ, что представленныя авторомъ доказательства о порядкѣ составленія „Описанія" весьма убѣдительны. ***В. И. Холмогоровъ*** сдѣлалъ нѣск. указаній на сенатскія дѣла Моск. Арх. Мин. Юст. ***В. Н. Рогожинъ*** задалъ вопросъ о планахъ при „Описаніи", а ***М. В. Довнаръ-Запольскій***—о достовѣрности статистическихъ данныхъ описанія.

Въ заключеніе предсѣдатель благодарилъ референта за интересное сообщеніе и предложилъ ***И. М. Катаева*** въ члены Коммиссіи. Постановлено считать ***И. М. Катаева*** избраннымъ въ члены.

Засѣданіе окончилось заявленіемъ секретаря о предложеніи, полученномъ изъ Московской Казенной Палаты, опредѣлить изъ числа намѣченныхъ Палатою около 1000 дѣлъ—тѣ, которыя, по мнѣнію Коммиссіи, подлежали бы уничтоженію или храненію. Рѣшено для разборки дѣлъ избрать особую Коммиссію въ составѣ ***В. И. Холмогорова, Г. Н. Шмелева, Л. Д. Воронцовой, И. М. Катаева, Ю. В. Татищева, В. Н. Рогожина и М. В. Довнаръ-Запольскаго.***

ПРОТОКОЛЪ 40-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 20 ноября 1900 г. при тов. предсѣдателя Коммиссіи ***В. И. Холмогоровѣ***, въ присутствіи предсѣдателя Общества граф. ***П. С. Уваровой***, членовъ ***Ю. В. Готье, Н. О. Бѣляевскаго, Л. Д. Воронцовой, П. И. Иванова, Д. И. Иловайскаго, И. М. Катаева, Г. А. Ряжскаго, В. К. Трутовскаго, Г. Н. Шмелева, Ю. В Татищева***, секретаря ***М. В. Довнаръ-Запольскаго*** и 6 посѣтителей.

Засѣданіе началось чтеніемъ доклада ***П. И. Иванова*** о мірской казнѣ въ XVII—пол. XVIII в.. По поводу этого реферата замѣчанія были сдѣланы ***В. И. Холмогоровымъ, Ю. В. Татищевымъ*** и ***М. В. Довнаръ-Запольскимъ***. По окончаніи обсужденія предсѣдатель принесъ референту глубокую признательность отъ лица Коммиссіи за интересное сообщеніе.

Затѣмъ графиня ***П. С. Уварова*** подѣлилась съ Коммиссіей наблюденіями, вынесенными ею изъ обзора нѣкоторыхъ архивовъ въ Смоленскѣ. Графиней было сказано приблизительно слѣдующее: „Въ сентябрѣ текущаго года, направляясь за границу, я остановилась въ Смоленскѣ для осмотра его древней стѣны и выясненія вопроса о послѣдовательной и систематической ея разборкѣ по распоряженію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. При осмотрѣ стѣны пришлось обходить и башни ея, причемъ оказалось, что нѣкоторыя изъ нихъ заняты архивами. Башня, занятая архивомъ Окружнаго Суда, хорошо возстановлена, имѣетъ крѣпкіе своды, двери и окна, снабжена вентиляціей, имѣетъ полки и пр. Документы расположены въ порядкѣ, перевязаны и снабжены нумерами. Башня не отапливается. При ней живетъ сторожъ. Но все это не охраняетъ собранные въ башнѣ документы отъ уничтоженія, ибо по этому вопросу придерживаются слѣдующаго порядка: по мѣрѣ накопленія дѣлъ, архиваріусомъ дѣлается представленіе въ Министерство Юстиціи, которое отпускаетъ ежегодно извѣстную

сумму денегъ на уничтоженіе дѣлъ, которыя и уничтожаются по усмотрѣнію архиваріуса и безъ всякой помощи болѣе свѣдущихъ лицъ. Дѣла уничтожаются въ большемъ или меньшемъ числѣ, смотря по размѣру отпущенной суммы. Въ текущемъ напр., году, Министерствомъ отпущено только 150 руб. и назначеніе такой суммы послѣдовало уже въ августѣ, когда въ нетопленной башнѣ, послѣ довольно ненастнаго лѣта, работать трудно,- и потому въ этомъ году дѣла не уничтожались.

Но еще въ худшемъ состояніи находится архивъ Губернскаго Правленія, между документами котораго (по заявленію мѣстныхъ знатоковъ) нерѣдко попадаются древнія грамоты, и который вмѣщаетъ въ себѣ бумаги прежнихъ генералъ-губернаторовъ, бумаги Багратіона, разныя реляціи изъ эпохи Отечественной войны, дѣла Патріотическаго Института и пр. Всѣ эти дѣла тлѣютъ и гніютъ въ совершенно сырыхъ и неприспособленныхъ для ихъ храненія башняхъ, безъ свѣта и движенія воздуха. Кромѣ того, находясь въ разныхъ частяхъ города, частью совершенно уединенныхъ и пустынныхъ, подъ призоромъ одного архиваріуса и одного сторожа, дѣла архива расхищаются и выкрадываются черезъ окна, что мы легко провѣрили, вылѣзши черезъ окно Авраміевской башни въ ровъ, окружающій до сихъ поръ часть древней стѣны; черезъ ровъ пролегала протоптанная тропа къ сосѣднему огороду, усѣянная остатками выкраденныхъ бумагъ. Весьма интересно было для меня прослѣдить впечатлѣніе, произведенное открытіемъ тропы на лицъ, меня сопровождавшихъ: всѣ, даже мѣстный полиціймейстеръ, отнеслись къ изумившему меня факту вполнѣ хладнокровно, какъ къ вещи давно извѣстной и помѣшать которой, по ихъ мнѣнію, невозможно.

„Въ виду передаваемыхъ фактовъ невольно представляется нашему обсужденію 3 вопроса: 1) Какимъ образомъ предупредить систематическое уничтоженіе архива Окружнаго Суда? 2) Какія мѣры принять для немедленнаго огражденія отъ расхищенія архива Губернскаго Правленія? и 3) Не просить ли Общество ходатайствовать, чтобы Министерство Внутр. Дѣлъ перенесло архивъ въ принадлежащій ему каменный домъ (на бульварѣ, противъ губернатора) и сдаваемый въ аренду военному вѣдомству подъ складъ аммуниціи"?

Вопросы, предложенные графинею *П. С. Уваровою*, подверглись детальному обсужденію, причемъ Коммиссія пришла къ слѣд. заключенію: а) вопросъ объ архивѣ Окружнаго Суда пока оставить, такъ какъ въ данномъ случаѣ судъ дѣйствуетъ на основаніи особыхъ циркуляровъ и законоположеній; b) относительно архива Губернскаго Правленія просить Общество войти съ ходатайствомъ въ Министерство Внутр. Дѣлъ о немедленномъ огражденіи архива отъ расхищенія и о перенесѣ его въ ближайшемъ будущемъ въ домъ, принадлежащій Министерству.

Затѣмъ гр. *П. С. Уварова* заявила о полученномъ ею письмѣ отъ г. *Фейрайзена*, командированнаго Обществомъ въ архивы Любека и Стокгольма для изученія тамошнихъ документовъ. Г. *Фейрайзенъ* сообщилъ, что онъ не могъ своевременно прислать своего отчета, но имъ въ архивахъ Любека найдено много интересныхъ документовъ по исторіи торговыхъ сношеній Россіи съ Любекомъ; сообщеніе объ этомъ будетъ имъ вскорѣ прислано.

Секретарь заявилъ, что командированные для изученія архивовъ *В. Э. Денъ* (въ архивъ Московской Казенной Палаты) и *П. П. Богомазовъ* (въ Саратовскую губ.) прислали письма съ сообщеніемъ, что возложенныя на нихъ порученія не могли быть ими выполнены: *В. Э. Деномъ* потому, что интересовавшія его ревизскія сказки переданы Палатой въ Губ. архивъ, а *П. П. Богомазовымъ*—потому, что по важнымъ обстоятельствамъ онъ не могъ выѣхать изъ Москвы.

Засѣданіе закончилось докладомъ трехъ небольшихъ сообщеній: *И. М. Катаева* о рукописяхъ Архива Гл. Штаба, относящихся къ Южной Украйнѣ (отчетъ о командировкѣ), *Ю. В. Готье* о доносахъ на писца Никифора Неплюева по поводу неправильнаго составленія имъ писцовыхъ книгъ (1623—1626 г.) и *Ю. В. Татищева*—о прокламаціи Стефана Баторія къ Новгородцамъ, 1581 г., отправленной имъ передъ третьимъ походомъ. Предсѣдатель благодарилъ докладчиковъ за ихъ сообщенія.

Въ заключеніе рѣшено, по просьбѣ *Г. Н. Шмелева*, просить Московскую Казенную Палату о высылкѣ въ Общество находящихся въ Палатѣ дѣлъ объ однодворцахъ, для занятій *Г. Н. Шмелева*.

ПРОТОКОЛЪ 41-го ЗАСѢДАНІЯ.

Засѣданіе происходило 3 февраля 1901 г. при предсѣдателѣ Коммиссіи *А. И. Кирпичниковѣ*, въ присутствіи предсѣдателя Общества гр. *П. С. Уваровой*, тов. предсѣд. Коммиссіи *В. И. Холмогорова*, членовъ *Л. Д. Воронцовой*, *Ю. В. Готье*, *П. И. Иванова*, *о. Извѣкова*, *Д. И. Иловайскаго*, *В. Н. Рогожина*, *Ю. В. Татищева*, *С. К. Шамбинаго*, *Г. Н. Шмелева*, *Н. П. Чулкова*, *В. О. Эйнгорна*, секретаря *М. В. Довнаръ-Запольскаго* и нѣсколькихъ посѣтителей.

По прочтеніи секретаремъ и утвержденіи Коммиссіей протоколовъ двухъ предыдущихъ засѣданій, секретарь прочелъ составленный имъ отчетъ о дѣятельности Коммиссіи за истекшій 1900 г.

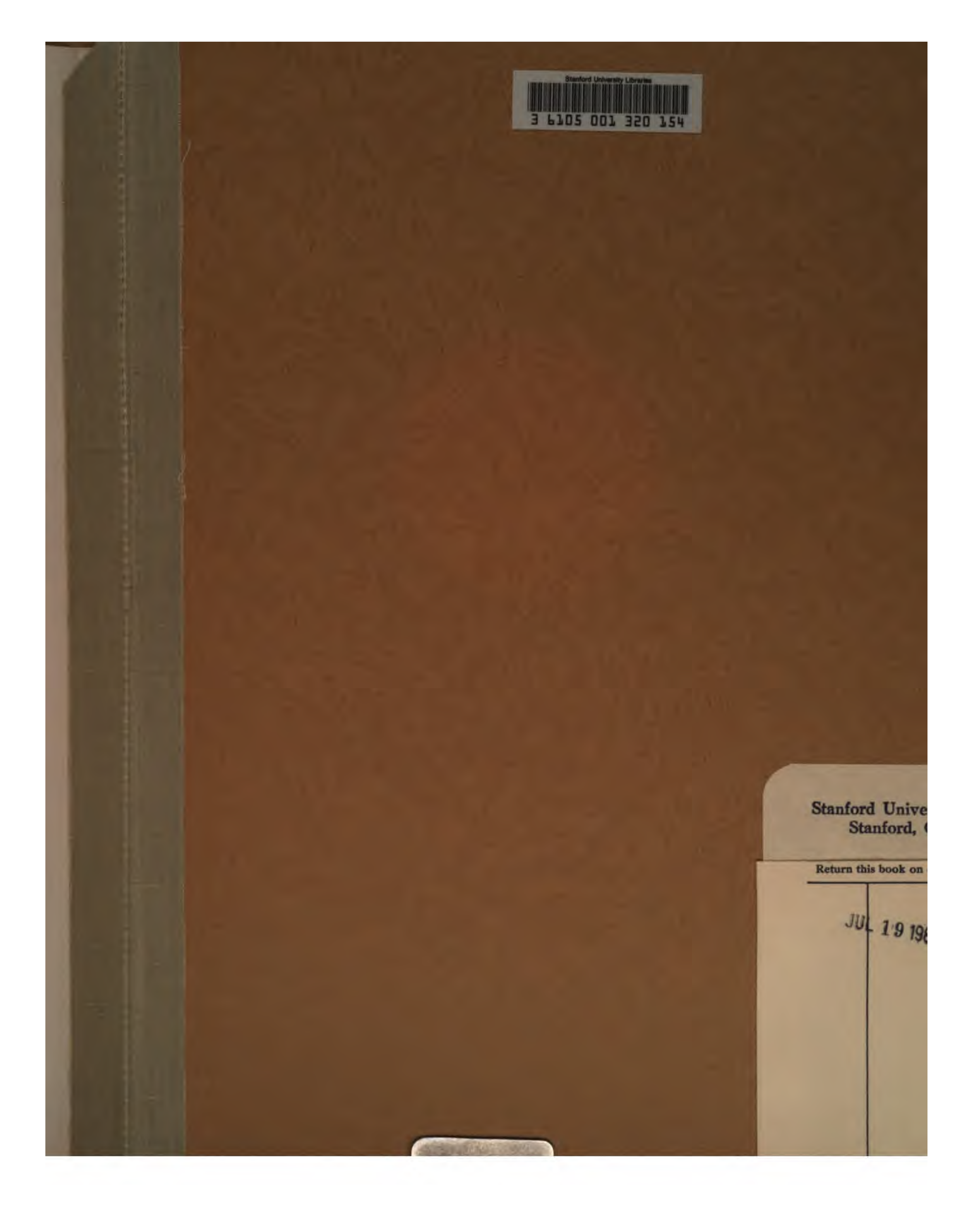
Затѣмъ разсматривались текущія дѣла. Секретаремъ доложенъ отвѣтъ Нижегородской архивной Коммиссіи по поводу предложенія, сдѣланнаго нашею Коммиссіею Нижегородской, о принятіи совмѣстныхъ мѣръ для охраны мѣстнаго Консисторскаго Архива; въ отвѣтѣ сообщается, что Коммиссія ничего не можетъ предпринять въ этомъ отношеніи за отсутствіемъ епископа.

Секретарь доложилъ о желаніи *П. П. Никольскаго* получить командировку для разборки семейнаго архива гр. Соллогубъ, находящагося въ с. Лукинѣ. Рѣшено просить объ этомъ Общество, но предварительно снестись съ гр. Соллогубъ. *Ю. В. Татищевъ* заявилъ, что г. Шиловскій обратился черезъ него съ предложеніемъ выслать въ Коммиссію нѣкоторые принадлежащіе ему документы. Рѣшено просить г. Шиловскаго черезъ *Ю. В. Татищева* о доставленіи документовъ.

Затѣмъ имъ же доложенъ отчетъ *Д. И. Довгялло* о его командировкѣ въ архивъ Лепельскаго у. полицейскаго управленія и въ архивъ гр. Хрептовича - Бутенева, находящійся въ Бѣшенковичахъ. Постановлено благодарить *Д. И. Довгялло* за исполненіе командировки и просить секретаря лично передать благодарность Коммиссіи гр. К. А. Бутеневу-Хрептовичу за оказанное имъ содѣйствіе члену коммиссіи въ изученіи архива въ Бѣшенковичахъ. Просьбу же *Д. И. Довгялло* ходатайствовать передъ графомъ о временномъ переводѣ архива въ Витебскъ или въ Коммиссію для разбора отклонить.

Остальная часть засѣданія состояла въ чтеніи докладовъ, посвященныхъ памяти *М. П. Погодина*. Предсѣдатель *А. И. Кирпичниковъ* сказалъ рѣчь посвященную характеристикѣ личности *Погодина*, и *С. К. Шамбинаго* прочелъ докладъ о работахъ Погодина по изученію лѣтописей.

Въ заключеніе предсѣдатель выразилъ *С. К. Шамбинаго* благодарность отъ имени Коммиссіи за интересное сообщеніе.

Stanford University Libraries
3 6105 001 320 154
Stanford Unive
Stanford,
Return this book on
JUL 19 19

Stanford University Libraries
3 6105 001 320 154
Stanford University L
Stanford, Califor
Return this book on or before
JUL 19 1980

